

NYELVÉSZETI ÉS IRODALMI FOLYÓIRAT
JOURNAL OF LINGUISTICS AND LITERARY SCIENCES
ČASOPIS ZA JEZIKOSLOVJE IN LITERARNE VEDE
REVIJA JEZIČNIH I KNJIŽEVNIH STUDIJA
ЖУРНАЛ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

2011

VIKTOR MOISEENKO
SEPTUAGENARIO

STUDIA
SLAVICA 1-2
SAVARIENSIA

Viktor Moiseyenko

Mojszejenko Professor Úrnak
tisztelettel és barátsággal

70 év a világ történetében nem nagy idő, szinte érzékelhetetlen. Annál jelentősebb időszak a mi életünkben. Az emberi élet, az egy csodálatos adomány, az a mi legnagyobb kincsünk. Semmi más, se pénz, se hírnév – az mind múlandó. Csak az élet nyújtotta tehetséggel jól kell sáfárkodni. Ezt tette Mojszejenko Viktor Jefimovics Tanár Úr, immár Professor Emeritus – így minden szó nagybetűvel.

1941-ben született. Akkoriban orosz földön rossz idők jártak. Családját meggyötörte a személyi kultusz. Kezdetben a műhelyben, az esztergapadnál kapott szűk helyet. De ott is helytállt. Tervezte a jövőt, hiszen tanárnak és kutatónak született. A szlavisztika, a szláv nyelvek iránti elkötelezettsége ott van lelkében.

Egyetemi évei a Néva partjára szólították. Hallgatótársai között kitűnt logikus, tudományos gondolkodásával, filológiai korrektségével, emberi tartásával a nehéz időkben, mély humánumával az élet mindennapjaiban. Mojszejenko Professor Úr akkor sem, most sem ismeri azt a szót, hogy nem. Helyette keresi a megoldást, a jót, a szépet. Ha már kiürül az egész bölcsészkar, ő még mindig dolgozik, ír, alkot és közben állandóan tervez. Ő munkájával alkotott maradandót. Ezért tisztelik vezetői, munkatársai, hallgatói, ismerői és a tudományos közélet.

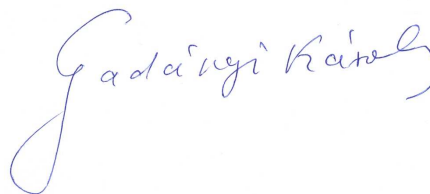
Mojszejenko Viktor a hazai és a nemzetközi szlavisztika elismert személyisége. A vele való szakmai, tudományos kapcsolatomban több mint 30 éves múltra tekint vissza. Szombathelyi professzori tevékenysége nagy lendületet adott a szlavisztikai tudományos munkának. Generációk egész sorát oktatta magas szinten a nyelvészet több területén, hallgatóit bevezette a tudományos kutatás rejtelmeibe. Örült hallgatói, oktatótársai előmenetelének, bánkódott, ha valakit szomorúság ért. Ezért nagy ember ő. Örülök, hogy évtizedeken keresztül dolgozhattam vele, és hogy barátjává fogadott.

Most, 70. születésnapján a Nyugat-magyarországi Egyetem Savaria Egyetemi Központ, a hazai és a nemzetközi szlavisztika képviselőinek nevében szeretettel köszöntöm Öt.

Tisztelt Mojszejenko Viktor Jefimovics Professor Úr! Kívánunk Önnek hosszú alkotó életet családjá és valamennyiünk örömére.

Szombathely, 2011. november 21.

Tisztelettel és barátsággal:

MOISZEJENKO VIKTOR ÍRÁSAINAK
VÁLOGATOTT BIBLIOGRÁFIÁJA

1977

Проблематика вивчення чеських лексичних елементів у літературній мові хорватів періоду національного відродження. Проблеми слов'язнавства, № 15, Львів, 1977, С. 107-115.

1979

К вопросу о чешской заимствованной лексике в журнале „Danica ilirska”. Славянская филология IV, Ленинград, 1979. С.100-110.

1980

Роль чеської мови в становленні і розвитку термінології літературної мови хорватів ХІХ століття. Проблеми слов'язнавства, №21, Львів, 1980. С. 103-110.

1981

Про деякі шляхи та джерела запозичення чеської наукової термінології в літературній мові хорватів. Проблеми слов'язнавства, №23, Львів, 1981.С.115-123

Чешское влияние на формирование словарного состава языка хорватской науки и просвещения. Автореферат кандидатской диссертации. Ленинград, 1981. С. 1-24.

1982

A horvát irodalmi nyelv fejlődését elősegítő néhány extralingvisztikai tényező a nemzeti újjászületés időszakában. Nemzetközi Szlavisztikai Napok I. Szombathely, 1982. С.101-107.

1983

Рідкісні південнослов'янські друковані видання ХV-ХІХ століть у фондах львівських бібліотек. Проблеми слов'язнавства, №27, Львів, 1983. С. 136-139.

Чешское языковое влияние на развитие терминологической лексики литературного языка хорватов в эпоху национального возрождения. Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии. Москва: Наука, 1983. С. 88-101.

1984

Текстуальне вивчення сербської народної мови за книгою Й.Мушкатиновича „Притчі”. Проблеми слов'язнавства, №29, Львів, 1984. С. 109-113.

Особенности формирования украинской научной терминологии. Соотношение интернационального и национального в общественно-полити-

ческой терминологии восточнославянских языков, Львов, 1984. С. 1-218.

1985

Інослов'янські елементи в українській термінології 30-80-х років ХІХ ст. Проблеми слов'янознавства, №31, Львів, 1985. С. 52-57.

Фонетика сербськохорватської мови. Львів, 1985. С. 1-36.

1986

О некоторых новых чертах в лексике и словообразовании современного сербохорватского языка. Славянская филология. Вып. 5. Ленинград, 1986. С. 89-98.

Про співвідношення коротких і повних прикметників у деяких слов'янських мовах. Проблеми слов'янознавства, №33, Львів, 1986. С. 59-67.

Основные черты и особенности процесса заимствования инославянской лексики в словенском языке в эпоху национального возрождения (соавтор К.Гадани). A Berzsenyi Dániel Tanárképző Főiskola Tudományos Közleményei, V. (Molnár K. szerk.). Szombathely, 1986. С. 21-32.

Судьба сокольской спортивной терминологии в славянских языках (2-я пол. ХІХ – нач. ХХ вв.). Nemzetközi Szlavisztikai Napok, II. Szerk.: Gadányi Károly. Szombathely, 1986. С.121-130.

1987

Про диференціацію лексики чеського походження у словацькій літературній мові. Проблеми слов'янознавства, №35, Львів, 1987. С. 71-77.

1988

Типологічні особливості чесько-інослов'янських взаємозв'язків у галузі словникового складу. Проблеми слов'янознавства, №37, Львів, 1988. С. 59-66.

Словенско-чешские лексические связи эпохи национального возрождения. - Slavica Tartuensia, II. Славянские литературные языки и историография славяноведения. Учёные записки Тартуского университета. Вып. 811. Ред. А.Д.Дуличенко. Тарту, 1988. С. 69-79.

О некоторых закономерностях развития словарного состава славянских языков в период их становления (ХІХ век). Развитие восточнославянских языков и общественные процессы. Вестник Львовского университета, вып. 19, серия филологич. Ред. В.Абашина. Львов, 1988. С. 11-18.

Хронологическая характеристика чешско-инославянских связей в области словарного состава. Nemzetközi Szlavisztikai Napok III. Szerk.: Gadányi Károly. Szombathely, 1988. С. 87-97.

1989

- Чеський діакритичний правопис і розвиток слов'янських графічних систем на базі латиниці. Проблеми слов'янознавства, №39, Львів, 1989. С. 87-96.
- Из истории богемизмов *železnice* и *vlak* в некоторых славянских языках. - *Slavia*. Roč. LVIII, č.4. Praha, 1989. С. 290-297.
- Kopitarjeva slovnica in razvoj slavističnega jezikoslovja. *Slavistična revija*, št. I. let. 37. Ljubljana, 1989. С. 117-121.
- «Сербский словарь» Вука Караджича и проблемы формирования языка науки и просвещения у южных славян в XIX веке. *Tudományos Közlemények - Znanstvene publikacije*. Szombathely-Maribor, 1989. С. 31-39.
- Некоторые особенности чешского языкового влияния в верхнелужицком литературном языке (словообразовательный аспект). Формирование и развитие серболужицких литературных языков и диалектов. Москва: Наука, 1989. С. 49-66.
- Чешско-инославянские языковые связи эпохи национального возрождения (30-80-е гг. XIX века). Автореферат докторской диссертации. Ленинград, 1989. С.1-40.
- Визначний доробок у галузі слов'янської лінгвогеографії (рецензія). „Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамат. Вып. 1: Рефл. *ѣ. Белград, 1988.” - *Мовознавство*, №5, Київ, 1989. С. 78-80.

1990

- Znanstveni jezikovni razvoj Južnih Slovanov. *Tudományos Közlemények – Znanstvene publikacije*. Szombathely-Maribor, 1990. С. 31-39.
- Новий навчальний посібник для студентів-філологів - «А.Е.Супрун, Введение в славянскую филологию» (рецензія). *Мовознавство*, №4, Київ, 1990. С. 78-80.
- „Чесько-німецький словник” Й.Юнгмана як важливе джерело збагачення словникового складу слов'янських мов. Проблеми слов'янознавства, №41, Львів, 1990. С. 76-82.
- До характеристики лексики чеського походження у верхньолужицькій літературно-писемній мові. Проблеми слов'янознавства, №41, Львів, 1990. С.151-152.

1991

- К этимологии слав.* *morŭgъ* - *Ricerche slavistiche*. Vol. XXXII, 1991. С. 9-13.
- Вступ до слов'янської філології. Методичний довідник. Львів, Вища школа, 1991, С.1-40.
- Неизвестные страницы западноукраинско-чешских языковых связей. *Slavica Tartuensia III. Slovensko-slovenska i slovensko-ugrofinska poredenja*. Tartu, 1991. С. 63-72.

- К вопросу об исторических ареальных языковых союзах. - *Studio etno-linguistico*. Vol. XVII, Milano, 1991. С. 71-79.
- Австрославянский культурно-исторический ареал как объект исследования. В книге: „Проф. Е.В.Кротевич и современное языкознание”, Львов, 1991. С.119-121.
- Вступ до слов’янської філології. Навчальний посібник. Київ, 1991. С.1-56.
- Австрославянский культурно-исторический субареал как объект социолингвистических исследований. *Nemzetközi Szlavisztikai Napok IV*. Szombathely, 1991. С. 309-313.

1992

- Чешское диакритическое правописание и развитие славянских графических систем на базе латиницы. История и типология славянской письменности. Самара, 1992. С. 36-48.
- До проблеми філологічного опису біблійних текстів. Всеукраїнська наукова конференція присв. І.Огієнку. 26-27 травня 1992. Львів, 1992. С.102-104.
- Проблематика культурно-мовної взаємодії австрійських слов’ян у епоху національного відродження і сучасна славістика (тези допов.). Доповіді Українського комітету славістів на XI Міжнарод. з’їзду славістів у Братиславі, 1992. С. 37-39.
- Українсько-чеські мовні зв’язки в XIX столітті. Записки НТШ. Праці філолог. секції. Львів, 1992. С. 48-56.
- Страницы из истории становления славянской лексикографии в эпоху национального возрождения в XIX веке. *Slavia*, гоґ. LXI, ґ. I, Praha, 1992. С. 63-69.

1994

- Doprinos ґeških doseljenika u formiranju specijalnih leksičkih slojeva hrvatskog jezika u 19. i početkom 20. stoljeća. *Pannonisches Jahrbuch 1993 - Pannonska ljetna knjiga*. Güttenbach - Pinkovac. Literas - Verlag, Wien, 1994. С. 158-170.
- The History of Slavic Literary Language and the Epoch of National Revival: Problems and Perspectives. *Studia Slavica Savariensia I*, 1994. С. 108-123.
- О некоторых проблемах исследования истории славянских литературных языков в эпоху национального возрождения. *Slavica Tarnopolensia*. Вип. 1, Тернопіль, 1994. С. 32-42.
- Методика изучения славянских языков в историческом аспекте. *Nemzetközi Szlavisztikai Napok V*. Szombathely, 27-28. V. 1994. Szerk.: Gadányi Károly. С. 26-32
- Об одной попытке латинизации украинской письменности. *Studia Slavica Savariensia 2*, 1994. С. 99-107.

1995

- Состояние и перспективы славянской исторической лексикологии и лексикографии. Материалы конференции: „Современные проблемы лексикографии”. Алушта, май 1995 г. С. 19-21.
- Особенности адаптации богемизмов в хорватском литературном языке. Prvi hrvatski slavistički kongres. Pula, 19-23 rujna 1995. (Zbornik referata). Zagreb, 1995. С. 21-22.
- Українсько-чеські зв'язки в умовах Австро-Угорської монархії. *Studia Slavica Savariensia* 1-2, 1995. С. 47-56.

1996

- Вклад чешских переселенцев в формирование хорватского языка в XIX и начале XX века (социолингвистический аспект). *Bibliotheca Croatica Hungariae*, knj. 1. Književnost i jezik Hrvata u Mađarskoj. Pečuh, 1996. С. 114-120.
- О семантици pridjeva PLÂV. Međunarodni sastanak slavista „Hrvati i Mađari u svjetlu prožimanja kultura i jezika”. Pečuh, 26-27. travnja 1996. (Zbornik referata).
- О jednom frazeologizmu u hrvatskom i drugim slavenskim jezicima. In: Riječki filološki dani. Međunarodni znanstveni skup Rijeka-Bakar 5-7. prosinca 1996. (Zbornik referata).

1997

- Из истории славянского диакритического правописания. - *Studia Slavica Hung.* 42, Budapest, 1997. С. 89-97.
- Введение в славянскую филологию. Избранная библиография. Verlag Otto Sagner. München, 1997. (соавтор К.Гадани). 330 с.
- Još o češkim leksičkim elementima u hrvatskom književnom jeziku. - In: Prvi hrvatski slavistički kongres. Zbornik radova I. Zagreb, 1997. С. 313-318.

1998

- О цвете и масти в русском языке. - *Studia Slavica Savariensia* 1-2, 1996. Szombathely, 1998. С.122-152.
- Об одном редком типе славянского фразеологизма. // Юбилейный сборник, посвящ. 75-летию проф. П.А.Дмитриева. Санкт-Петербург, 1998. С.191-200.
- Про різні типи слов'янських фразеологізмів. - Науковий збірник присвячений пам'яті професора *Костянтина Трофимовича*. Кн.І, Львів, 1998. С. 17-26.
- Некоторые проблемы номинации цвета и масти животных в русском языке. VI. *Nemzetközi Szlavisztikai Napok Szombathely*, 1998.
- Чешско-инославянские культурно-языковые связи в XIX веке. *Habilitációs értekezés*. Szombathely, 1998.

1999

- Ruski leksik u hrvatskom jeziku. Szombathely, 1999. Monografija. 80 s. (koautor K.Gadányi).
- Ещё об одном редком типе фразеологизмов в славянских языках. – *Ötven-éves a szegedi szlavisztika*. Szeged, 1999. С. 223-240.
- Русские слова в хорватском языке. Опыт лингвострановедческого словаря (соавтор К.Гадани). – *Studia Slavica Savariensia*, 1-2, Szombathely-Zagreb, 1999. С.185-241.

2000

- Из истории становления славянских литературных языков у чехов и других австрийских славян в XIX веке. – *VOX HUMANA Bolla Kálmán professzor hetvenedik születésnapjára*. Budapest, 2000. С. 306-312.
- Австрославянско-русские языковые контакты в XIX и XX веке. — *Wien und St. Petersburg um die Jahrhundertwende(n): kulturelle Interferenzen - «Вена и Санкт-Петербург на рубежах веков: культурные интерференции»*. Herausgeber Alexandr W.Belobratow. – *Jahrbuch der Österreich-Bibliothek in St.Petersburg (1999-2000)*. Bd.4/II. Verlag «Петербург – XXI век». С. 579-588.
- Из истории цвета и масти животных в русском языке. - Слово и цвет в славянских языках. Melbourne: Academia Press, 2000. С.160-186.
- Названия цветов и их оттенков в русском языке. – Слово и цвет в славянских языках. Melbourne: Academia Press, 2000. С. 187-236.
- Principi izrade hrvatsko-ukrajinskog rječnika srednjeg tipa. Znanstveni skup u povodu 50. obljetnice Leksikografskog zavoda. Zagreb, 13-14 listopada 2000. Zagreb (koautorica B. Antonjak). S.19-21.
- Splitter von slawische Gedichte. - *Okruchy poezji słowiańskiej*. Instytut Kaszubski, Gdańsk, 2000 (рус. перевод с хорв. и градишанско-хорв. стихов Augustina Blažovića и Matilde Bölcs)

2001

- «Скрипка» и «водка»: два полонизма в русском языке (историко-этимологический этюд). *Hungaro-Slavica 2001*. Budapest, 2001. С.161-166.

2002

- Об особенностях транскрипции имён собственных в русском и хорватском языках (соавтор К.Гадани). – *Cirill és Metód példáját követve... - Tanulmányok H.Tóth Imre 70. születésnapjára*. Szeged, 2002, С. 145-164.
- Из истории слов *скрипка* и *водка*. – «Русский язык в центре Европы», №5, Banská Bystrica, 2002, С.58-68.
- Цветовая семантика слав. *polъ-. – *Studia Slavica Savariensia 2002*. 1-2. С. 297-311.

Концепты «цвет», «краска», «масть» в славянских языках. – Riječki filološki dani. Zbornik radova 5. Rijeka, 2002.

«О цвете соловья и синяя ли синица». – Nemzetközi Szlavisztikai Napok VII. Szombathely, 2002.

2003

Знаем ли мы русские цветоименования? – Конгресс МАПРЯЛ «Русское слово в мировой культуре» - Концептосфера русского языка: константы и динамика изменений. Санкт-Петербург, 2003. С.132-140 (соавтор Л.Н.Моисеенко).

Некоторые аспекты истории и этимологии русских цветоименований – In honorem Károly Gadányi. Studia Slavica Savariensia 2003, 1-2. С.310-321 (соавт. Л.Н.Моисеенко).

О коричневом цвете в русском и других славянских языках – Международная научная конференция „Исследование славянских языков и литератур в высшей школе: достижения и перспективы”. МГУ, филол. факультет, Москва, 21-22 октября 2003 г. с.143-146.

Ещё раз об истории слова *водка* (этимологический этюд). – Славянский вестник. Вып.1. Изд-во Московск. ун-та, 2003, с.84-95.

2004

Очерки о русских и славянских цветоименованиях. – В кн.: Свет и цвет в славянских языках. Melbourne: Academia Press, 2004. С. 93-150.

О наименовании цвета *golobъ(ь). – Славянский вестник. Вып.2 К 70-летию В.П.Гудкова. Москва: «Макспресс», 2004. с.225-230.

О некоторых частных явлениях семантики наименований цвета (на материале славянских языков). Studia Slavica Savariensia 1-2. Проблемы контрастивной семантики. Szombathely, 2004, с.185-214

О smeđoj boji u hrvatskom jeziku. Književnost i jezik Hrvata u Mađarskoj (Bibliotheca Croatica Hungariae). Pečuh, 2004.

2006

«О Шарике, Жучке, Мурке и сером волке (ономазиологические заметки)». – Studia Slavica Hung. Vol.51, 2006, с.155-168.

2007

Система русских цветоименований в функциональном аспекте (соавтор Л.Н.Моисеенко). Studia Slavica Savariensia, 2007, с.287-308.

К истории слова «куранты» в русском языке - In honorem István Nyomárkay – Studia Slavica Hung. 2007.

Авторство главы «Список наиболее употребительных русских цветоименований с их латинскими соответствиями» в монографии: Károly Gadányi, Сравнительное описание прилагательных цвета в славянских языках. Melbourne: Academia Press, 2007, с.184-217.

«О цвете бобра». – Славянский этимологический сборник. Изд. МГУ. Москва, 2007.

2008

Ещё раз об этимологии наименования цвета *босый/бусов*. – Studia Slavica Hung. 53/2, 2008, с.404-411.

К этимологии некоторых названий цвета. – XIV Меѓународни конгрес. Охрид. Р.Македонија/ 10-16 септември 2008. Сборник на резимеа. I том. Лингвистика. Скопје, 2008, с.247.

2009

О радуге цветной и нецветной – Studia Slavica Savariensia 2008, 1-2. Szombathely, 2009, с.247-264.

«Цветные» названия русских домашних животных. – Международный симпозиум «Славянские языки и культуры в современном мире». Москва. МГУ, 24-26 марта 2009.

Об одном германо-славянском фразеологизме. Научный сборник: «Междунар. научная конференция „Słowo.Tekst.Czas” – «Слово. Текст. Время: Фразеологическая единица в традиционных и новых научных парадигмах». In honorem Prof. Валерий Мокиенко. Szczecin, Polska, 5-6.XI.2009.

Украинизмы в повести Гоголя «Тарас Бульба». – Studia Slavica Savariensia 2009, 1-2

«Синий как пуп» – О семантике выражения. In honorem Janusz Bańczerowski – Studia Slavica Hung. 55 /2 (2010), 389-394.

2010

О составных этнохоронимах Белая Русь, Чёрная Русь, Червоная Русь, Великая Русь, Малая Русь и других. – Studia Slavica Savariensia 2010, 1-2 (соавтор Л.Моисеенко).

2011

К истории наименования цвета **golYbъ(jь)* – Сборник, посвящен на 70-годишен юбилей проф. д-р *Върбан Дилков Вѣтов*. Велико Трново, 2011.

О *smeđoj boji* u hrvatskom i nekim drugim slavenskim jezicima – Globinska moč besede. Red. prof. dr. *Martini Orožen* ob 80-letnici. Ur. Marko Jesenšek. Bielsko-Biała, Budapest, Kansas, Maribor, Praha, 2011. s.506-510 (соавтор К.Гадани).

Nekoliko primjedaba o jezičnospecifičnoj kategorizaciji i
konceptualizaciji stvarnosti

The linguistic image of the world of a given language community reflects all cultural phenomena that are important for that community. Such cultural phenomena are mainly expressed in grammatical structures, word stock and phraseology, semantics, etymology, stylistics, onomastics, and linguistic etiquette. Natural language forms its image of the world according to its own regularities. In the present paper, the author makes certain remarks concerning differences in language-specific categorization and conceptualization, and also the mutual untranslatability of the linguistic and cultural images of the world, that is, the lack of equivalence between those two types of images. To support that issue, the author quotes examples from different languages.

Keywords: linguistic image of the world, language-specific categorization and conceptualization

Prema općem mišljenju, razlike se u jeziku pokazuju prvenstveno u leksiku i u gramatici. Iste stvarne premete jezici označuju različitim riječima, a također se razlikuju gramatičke strukture različitih jezika. U nekim jezicima postoji sustav padeža ili gramatički rod (npr. u hrvatskom, poljskom, u ruskom i u drugim jezicima), koji u engleskom jeziku primjerice nedostaju. U nekim jezicima postoje riječi ili izrazi koji u drugim jezicima nemaju ekvivalenta. Kao što je poznato, ovaj fenomen ima veze i s tzv. specifičnim nacionalnim koloritom, odnosno s jezičnim realijama i konotacijskim sustavom dotičnog jezika. Moglo bi se navesti i veliki broj drugih primjera.

Kada su etnolozi i jezikoslovci počeli proučavati jezike tzv. "primitivnih" naroda i plemena u Africi, Americi, na otocima Tihog oceana i u Australiji, otkrili su da se ovi jezici glede leksika bitno razlikuju od europskih jezika. Uspostavilo se, na primjer, da premda pripadnici plemena Zulu poznaju kravu, u njihovom jeziku ne postoji riječ koja odgovara hrvatskoj riječi *krava*. U ovom jeziku, naime, postoje posebne riječi za kravu bijele, smeđe i drugih boja, ali nema riječi koja se odnosi "na kravu općenito".

U laponskom jeziku postoje posebne riječi za jednu, dvije, tri, četiri, pet, šest i sedam godina stare sobove, ali u tom jeziku ne postoji riječ koja odgovara hrvatskoj riječi "sob". Laponci upotrebljavaju posebne riječi za imenovanje različitih tipova hladnoće, leda i snijega, ali nemaju riječi poput hrvatskih "hladnoća", "led" ili "snijeg". Norvežani uzalud pokušavaju prisiliti Laponce na upotrebu norveškog jezika, taj jezik ne odgovara njihovom načinu života. Laponci kategoriziraju i interpretiraju svijet na drugačiji način.

Postoji više jezika koji predmete kategoriziraju prema njihovu obliku i broje ih različitim glavnim brojevima. Indijanci u Kanadi, primjerice, upotreb-

ljavaju druge glavne brojeve za brojenje sferičnih predmeta, a druge za brojenje duguljastih predmeta. Govornici hopskog jezika, na primjer, kažu: *četiri muškarca, tri kamena, pet stabala* (u hopskom jeziku imenice u ovom slučaju stoje u množini: muškarci, kameni, stabla itd.), ali nikada ne govore *četiri dana, deset koraka, osam udaraca zvona* itd. Kažu međutim *četvrti dan, deseti korak, osmi udarac zvona* itd. U ovom slučaju, dakle, redne brojeve upotrebljavaju pored imenica u jednini. Na prvi pogled je teško prepoznati na čemu se ova razlika temelji, ali ako ove izraze analiziramo malo detaljnije, možemo vidjeti da u tome ipak postoji nekakva logika. Četiri muškarca? Da, jer se oni mogu nizati – jedan, dva, tri, četiri – jedan pored drugog tako da čine jednu grupu, iasto kao i kameni ili stabla. Ali se ovo ne može činiti sa danima, koracima, udarcima zvona itd. U tom slučaju ne radi se o gomili jer dani slijede jedan iza drugoga, i ta pojava traje u vremenu. Hopski jezik dopušta upotrebu izraza poput "*Vidio sam jednog muškarca*" (u hopskom jeziku: muškarce), ali u njemu ne postoji izraz *Proveo sam tamo deset dana* (dane). Hopi Indijanac će u ovom slučaju kazati: "Jedanaestoga dana sam oputovao" itd. Valja dodati da vrijeme za Indijance ne teče iz prošlosti preko sadašnjosti prema budućnosti nego ima kružnu strukturu. Indijanci žive u sadašnjosti, a ne u prošlosti ili u budućnosti. Pelletier (Pelletier 1994: 3-9) ističe da su preci Indijanaca jako dobro poznavali pojmove kao što su dan, mjesec i vrijeme, ali nisu koristili tjedan, sat, minutu ili sekundu jer oni ne "postoje" u prirodi. Kada bijeli Amerikanci koriste izraz "indijansko vrijeme", ne misle ni na sate, ni na minute ili na sekunde, nego na netočnost. Europljani razlikuju prošlost, sadašnjost i budućnost, ali Hopi razlikuju samo tzv. objektivnu i subjektivnu sferu. Objektivna sfera uključuje sve ono što se manifestira, dakle sve ono što je dostupno čulnim organima, odnosno cijelokupni fizički svijet, bez razlikovanja prošlosti i sadašnjosti, ali s isključenjem budućnosti u bilo kakvom smislu. Subjektivna sfera zato sadržava sve ono – i to bez ikakvih razlikovanja – što mi zovemo mentalnim, sve ono što postoji ili se manifestira u umu, ili radije – kako to barem Hopi misle – u "srcu", odnosno u srcu ljudi, životinja, biljaka i predmeta, odnosno u njihovim različitim manifestacijama, u srcu prirode. Prema tome možemo reći da Indijanci i Bijelci žive (ili su živjeli) u različitom prostoru i vremenu.

Već gore navedeni primjeri zorno prikazuju da su razlike među jezicima puno dublje od puke činjenice da se predmeti ili pojave nazivaju drugačije. Kao što je poznato, europski znanstvenici su jako dugo bili uvjereni da je način razmišljanja "primitivnih" naroda usmjeren na konkretno i individualno, te se zbog toga bitno razlikuje od europskog načina razmišljanja. Smatrali su da ukoliko Indijanci u Brazilu upotrebljavaju 30 riječi za različite vrste papagaja, ali nemaju riječ koja označava "papagaja općenito", to znači da oni ne mogu primjetiti sličnosti među različitim vrstama, dakle nisu sposobni za apstraktno razmišljanje. Ovo mišljenje prevladavalo je u XIX. i prvoj polovici XX. stoljeća. Ovo uvjerenje su porekli tek u drugoj polovici prošlog stoljeća kada su bili objelodanjeni rezultati detaljnih istraživanja američkih etnolingvisti o indijan-

skom jeziku. Ispostavilo se da i u indijanskim jezicima postoje riječi koje označavaju apstraktne pojmove. U gore navedenom hopskom jeziku, primjerice, postoji riječ *amasa* 'ytaka koja označava sve one objekte koji lete, npr. kukce, ptice ili zrakoplove. Slična je i riječ *anuk* u sudanskom jeziku koja označava sve one predmete koji su od metala. Kod Azteka u Meksiku hrvatskim riječima *mraz*, *snijeg* i *led* odgovara samo jedna riječ. Postalo je jasno da se ove jezične razlike ne mogu reducirati na opoziciju konkretnost – općenitost jer tu se radi o nečemu sasvim drugom, naime o drugačijoj klasifikaciji (kategorizaciji) i interpretaciji (konceptualizaciji) stvarnosti.

Kao što je poznato, objektivna stvarnost sastoji se od beskonačnog broja neponovljivih predmeta i pojava. Oni predmeti koji imaju nekakvu zajedničku crtu, pripadaju istoj klasi. Jedan predmet može pripadati u više klasa. Jabuku, primjerice, možemo uvrstiti u klasu onih objekata koje karakteriziraju značajke "prirodno", "jestivo", "sočno", "ukusno" itd., upravo kao i krušku, šljivu, naranču itd. Ali, paralelno s time, jabuku možemo uvrstiti i u klasu malenih, sferičnih predmeta, kao što su i lopta, očna jabučica ili pilula. Jabuku, naranču, loptu i pilulu možemo dakle bez problema uvrstiti u istu klasu, upravo onako kao što smo prirodne, sočne i ukusne stvari uvrstili u jednu drugu klasu – u klasu koju nazivamo "voćem". Broj klasa je neograničen, ali svaki jezik ima ograničeni vokabular. Iz toga slijedi da postoje klase koje nemaju posebno ime. Način raspodjele i kategoriziranja stvarnosti ovise o iskustvu, načinu života, sustavu vrijednosti, svjetonazoru, potrebama, kulturne baštine itd. dotične jezične i kulturne zajednice. U jeziku se ustaljuje samo ono što dotična jezična i kulturna zajednica smatra važnim. Ali nemojmo misliti da o takvim razlikama možemo govoriti samo u odnosu europskih i tzv. "primitivnih" ili "egzotičnih" jezika. Prema istraživanjima kontrastivne lingvistike ova pojava javlja se svugdje jer je svaki jezik drukčiji. Leksičke razlike rezultat su različitog kategoriziranja i konceptualiziranja objektivne stvarnosti (Bańcerowski 2001: 45-52). Svi oni koji su već učili strane jezike ili prevodili tekstove sa stranog jezika na svoj materinski jezik dobro poznaju ovaj problem. Učenje stranog jezika dakle zahtijeva upoznavanje slike svijeta koje daje osnovu jezika u kojemu izvorni govornici žive i razmišljaju.

Jezična slika svijeta izražava se ne samo u leksiku, nego i u gramatičkim kategorijama jezika. Njemačka imenica, primjerice, – osim kategorije padeža, broja i roda – ima i kategoriju određenosti i neodređenosti koja se izražava određenim članom *der*, *die*, *das*, odnosno neodređenim članom *ein*, *eine*, *ein*. Ova kategorija inače postoji i u mađarskom jeziku. Ali postoje i takvi jezici (primjerice hrvatski ili poljski) koji ne koriste ovu kategoriju. Njemačkim rečenicama *Der Junge kam in die Schule* i *Ein Junge kam in die Schule* u poljskom jeziku odgovara samo jedna rečenica: *Chłopiec przyszedł do szkoły*. Za razliku od njemačkog, govornici poljskog jezika ove dvije navedene rečenice ne razlikuju jer ova razlika za njih nije relevantna.

Možemo vidjeti da leksik i gramatika različitih jezika odražava različite kategorizacije i konceptualizacije objekata i pojava izvanjezičnog svijeta.

Iz činjenice da se u svakom jeziku ustaljuje različita slika svijeta, slijedi da je u svakom jeziku izražen drugačiji pogled na svijet. Da sam, primjerice, na stol stavio čašu za vodu i čašu za rakiju i pitao govornika poljskog jezika što se nalazi na stolu, on bi odgovorio da vidi dva različitog predmeta: *szklanku* i *kieliszek*. Ali da smo ovo pitanje postavili i jednom govorniku njemačkog jezika, on bi odgovorio: *Ich sehe zwei Glaser*, što znači da vidi dva predmeta koji pripadaju istoj klasi. U njemačkom jeziku, naime, Glas se naziva svaka staklena posuda koja ima širok otvor i služi za pijanje, bez obzira na njihovu užu funkciju. Ali zato poljski jezik uzima u obzir i to koja se vrsta tekućine piju iz te posude; čaj se pije iz *szklanke*, vino iz *kieliszeka*, a pivo iz *kufela* (krigle).

U poljskom i u mađarskom jeziku također možemo naći primjere različitih načina kategorizacije. Za razliku od poljskog jezika, u mađarskom se jeziku ime skupa koji uključuje različite vrste stabala pojavljuje i u imenima komponenata ovoga skupa, upućujući time na višu kategoriju, dakle na genus proximum, npr.: *almafa* (= stablo od jabuke), *körtefa* (= stablo od kruške), *cseresznyefa* (= stablo od trešnje) itd. U poljskom jeziku su međutim *jabłoń* (= stablo od jabuke), *grusza* (= stablo od kruške) *czereśnia* (= cseresznyefa) itd. pripadaju skupu *drzewo* (stablo), ali u njima ne nalazimo ime skupa. Evo jednog drugog primjera: mađarskom leksemu *elnök* (predsjednik) u poljskom jeziku odgovara sedam riječi: *przewodniczący*, *prezes*, *premier*, *prezydent*, *kierownik*, *marszałek* (Sejmu) (= u slučaju poljskog parlamenta), *naczelnik*, a leksemu *nap* (sunce, dan) se može izražavati sa tri leksema: *słońce*, *doła*, *dzień*.

Dijete koji se rodi u određenoj jezičnoj skupini preuzima i onu sliku svijeta koja je plod rada više generacija. Iskustva, vrijednosni sustav, znanje, težnje, vjerovanja, praznovjerja itd. svake generacije ostavljaju svoj trag na jeziku. Dijete "uraste" u jezik svoje okoline koji će postati njegov materinski jezik. U ovom će jeziku živjeti, i u ovom jeziku će dalje razvijati svoj intelektualni i emocionalni život. U ovom jeziku će razmišljati, ovim jezikom će zabilježiti svoja iskustva, i stvoriti i vlastitu viziju svijeta.

Upoznavanjem stranih jezika dobivamo uvid i u novu jezičnu (meta-jezičnu) sliku svijeta. Moramo znati da je jezik i slika svijeta koja se nalazi u njemu izuzetno složena i šarolika tvorevina. U svakom se jeziku odražava poseban pogled na svijet, poseban način kategorizacije i konceptualizacije stvarnosti, posebna kognitivna pojmovna struktura i aksiološki (vrijednosni) sustav koji se razlikuje od onog u materinskom jeziku. Dakle, pri usvajanju svakog novog jezika valja imati u vidu da se iza stranih riječi i gramatike krije slika svijeta one zajednice čiji jezik upravo učimo. Na sloj leksičkog značenja sedimentira se poseban ekspresivni, moralni, estetički, ideološki, pragmatični, jezikoslovni i kulturno-povijesni sadržaj, odnosno nacionalno-kulturna komponenta. Radi se o onom leksiku koji označava pojave specifične za kulturne obrasce, običaje, mentalitet, tradiciju, folklor, vrijednosni sustav, strukturu društvenog i političkog života itd. određene jezične zajednice. Ovamo pripada i tzv. socio-kulturalna idiomatika, primjerice frazeologizmi, poslovice, mitovi, aforizmi,

idiomi, parole, maksime itd. Ali istom tipu leksika pripadaju i ona vlastita ime-
na koja odražavaju povijest i kulturu naroda, te neponovljivost njihovih denota-
ta. Ona nose informacije koji u govorniku danog jezika bude određene asocija-
cije vezane za povijest dotične kulturne zajednice. Čim upoznamo tu sliku svi-
jeta, saznat ćemo kako razmišljaju i na koji način se ponašaju u jezično-komu-
nikacijskom procesu izvorni govornici toga jezika, te ćemo i mi moći koristiti
taj strani jezik baš onako kao i izvorni govornici – dakle, ne samo mehanički
zamjenjivati odgovarajuće riječi nego i uspoređivati dvije različite jezične slike
svijeta.

Literatura

- Bañcerowski J., 2001. A lengyel – magyar kontrasztív szemantika kérdéseihöz. In:
Gecső Tamás (szerk.). *Kontrasztív szemantikai kutatások*. Tinta Könyvkiadó. Bu-
dapest.
- Bañcerowski J., 2008. *A világ nyelvi képe. A világkép mint a valóság metaképe a
nyelvben és a nyelvhasználatban*. Segédkönyvek a Nyelvészet Tanulmányozásához
86. Tinta Könyvkiadó. Budapest.
- Kurcz I., 1987. *Język a reprezentacja świata w umyśle*. Warszawa.
- Maćkowiak J., 1988. Świat widziany poprzez język. *Gdańskie Zeszyty Humanistyczne*.
Rocznik XXVI, Nr. 30: 131-150.
- Peat D., 1992. Dialogues between Indigenous and Western Scientists. Kalamazoo.
Michigan: The Fetzer Institute.
- Peat D., 1993. The Indigenous American – Western Circle. Kalamazoo. Michigan: The
Fetzer Institute.
- Pelletier W., 1994. Indiański czas. (Angolból ford. Marek Maciołek). „Tawacin” 28.
- Stanulewicz Danuta. 2000. Nieprzetłumaczalność światów: indiańskie i europejskie
opisy rzeczywistości. In: *Przekładając nieprzekładalne...* (red.: W. Kubiński, O.
Kubińska, T.Z. Wolański). Wydawnictwa Uniwersytetu Gdańskiego. Gdańsk. 219
– 229.
- Whorf Benjamin Lee. 1956. *Language, Thought, and Reality: Selected Writings of
Benjamin Lee Whorf*. Ed. by J.B. Carroll. Cambridge Massachusetts: The M.I.T.
Press.

Habsburška Monarhija i višejezičnost članova obitelji Zrinskih

This paper analyzes the multilingualism of Zrinski family in the Habsburg Monarchy. During their time, Čakovec was one of the most important political, cultural and economic center of Croatia and there were created various documents that witness a multi-ethnic region in which the letter and the words of multilingualism was an everyday practice. The author brings the analysis of a manuscript written in kajkavian stylized language which is found in the county archive in Pécs.

Keywords: Zrinski family, multilingualism, ethnicity, Čakovec

Oko utemeljenosti naslovljene teme ne bi trebalo biti dvojbe, pa stoga možda niti ispitivati dvo i višejezičnost u slučaju članova obitelji Zrinskih, dodao bih i Frankopana, kada se zna da se radi o vrhunski obrazovanim i uglednim ljudima središnjih hrvatskih velikaških obitelji koje su obilježile više stoljeća hrvatske prošlosti, pogotovo na prijelazu iz srednjega u novi vijek, od početka 15. do sredine i kraja 17. stoljeća. Zar bi se mogle uopće u to vrijeme zamisliti tako visoko rangirane osobe bez poznavanja stranih jezika? Dakako, ne. Dapače, ne samo da su vladali stranim jezicima, već su se njima svakodnevno i služili. No kada bi se, s obzirom na složeni povijesni i kulturološki kontekst te sredinu u kojima su živjeli i djelovali mnogobrojni članovi obitelji Zrinskih, promatrao njihov materinski jezik i nacionalna pripadnost odgovor bi bio, kada su u pitanju Hrvati i Mađari, ne samo različit već nerijetko i oprečan, a što ne bi trebalo protusloviti predodžbi o Zrinskima kao metafori moćne, kulturne i kršćanske Hrvatske. Naime, nema prijepora oko njihova podrijetla, u svim će relevantnim hrvatskim i inozemnim izdanjima, pa i mađarskim pisati kako obitelj Zrinski ima svoj korijen u obitelji knezova Bribirskih, u plemenu Šubića, da su ime dobili po gradu Zrinu koji se nalazi na padinama Zrinske gore te da je Juraj bio prvi knez Zrinski. Umro je 1361. Kasniju je sudbinu Zrinskih, kao što je poznato, dobrim dijelom odredila povijest, odnosno geopolitički položaj Hrvatske, gdje se u nadolazećim stoljećima sudaraju i prožimaju slavenska, germanska, romanska, ugarska, grčka i druge kulture i to u području dodira katoličke, kasnije i protestanske i pravoslavne te orijentalne kulture. To je razdoblje završetka i propasti višestoljetnog Hrvatsko – Ugarskog Kraljevstva i ulaska Hrvatske u veliko srednjoeuropsko Habsburško Carstvo. To je i doba kada su granice Osmanskoga Carstva pomaknute najdalje na zapad. Hrvatska je time postala čuvar kršćanske Europe, a Zrinski i Frankopani junaci i simboli protiv turskog otpora. Ali u to doba dolazi i do snažnog pomicanja nehrvatskih naroda na njezino područje i migracijskih valova hrvatskih etničkih skupina, prvenstveno na sjever. U novonastalim višenacionalnim, višejezičnim područjima ustrojava se na razmjerno duži vremenski period državno-upravni, poli-

tički staleški sustav u kojemu nalaze svoje mjesto na istaknutim političkim, vojnim, crkvenim, kulturnim, umjetničkim, književnim položajima ličnosti pripadnici raznih naroda i jezika kao dio vlasti postojećega sustava. Stoga nacionalni karakter i pripadnost upravnih struktura u sklopu ovako formirane feudalne države nije lako, niti uvijek svrsishodno, odrediti prema kriterijima i mjerilima kasnijih stoljeća. Kako se ovakav povijesno-politički kontekst odražavao na sudbinu i - s obzirom na tretiranu temu - višejezičnost obitelji Zrinskih? Pa evo nekoliko dobro poznatih i nešto manje spominjanih činjenica. Braća Nikola i Petar Zrinski praunuci su hrvatskoga bana i legendarnoga sigetskoga junaka Nikole Zrinskoga, a unuci Jurja Zrinskoga, hrvatskoga plemića koji je stolovao u Čakovcu i gospodario Međimurjem. Grof Juraj Zrinski, sin Jurja i njegove druge žene Sofije Stubenberg, rodio se 1598. u Čakovcu. Oženio je Magdalenu Széchi. Boravio je u Ozlju i Čakovcu. Isprva je pristajao uz protestantizam da bi se poslije, zauzimanjem ugarskoga primasa Pétera Pázmánya, vratio katoličkoj vjeri. Imao je dva sina, Nikolu i Petra. Ostavši rano bez oca, braća pohađaju isusovačke škole u Grazu i Trnavi, književnost i umjetnost upoznali su u Italiji, uz hrvatski znali su i latinski, talijanski, njemački i mađarski, po nekima i turski. U mađarskim će se priručnicima spominjati mađarski na prvom mjestu a tek onda ostali jezici, u hrvatskim će se izvorima, dakako na prvom mjestu isticati hrvatski kao materinski. Braća su poslije povratka iz Italije podijelila imanja. Nikoli pripade Čakovec (s Međimurjem i imanjima u Ugarskoj), Petru Ozalj (s Božjakovinom sve do Novoga). Hrvatski ban Nikola Zrinski tragično pogiba u lovu, a epom o opsadi i padu Sigeta *Adriai Tengernek Syrenaia* (Beč, 1651.) osigurava si ugledno mjesto u povijesti mađarske književnosti.¹

Petar Zrinski uspješno prevodi, prerađuje i pohrvaćuje bratovu *Zrinijadu* i objelodanjuje u Mlecima 1660. pod naslovom *Adrianszkoga mora syrena* s posvećtom *dostojnim, virnim, i vridnim junakom, vse hrvacke i primorske krajine hrabrenim vitezovima*.

Imajući u vidu korespondenciju i druga očitovanja na hrvatskom i mađarskom jeziku braće Zrinskih, dvojezičnost, pa i višejezičnost smatrale su se prirodnim činom ophođenja u njihovim obiteljima. A te su obitelji preko bračnih veza doista bile višenacionalne. Evo nekoliko primjera, uz dosad navedene! Ana

---

¹ Kao zanimljivost valja napomenuti da je sam pjesnik svoje prezime na mađarskom jeziku uvijek potpisivao s kratko (i) u obliku *Zrini*, a koje se u skladu s tadašnjim mađarskim izgovornim pravilima izgovaralo kao *Zrinyi* (*Zrinji*). Današnji, aktualnim mađarskim pravopisom propisani način pisanja njegova prezimena s dugo (í) *Zrínyi* uveo je Ferenc Kazinczy (mađarski Bogoslav Šulek). Inzistiranjem na prihvaćanju inicijative poznatoga mađarskoga jezičnoga purista na dugome í u prezimenu *Zrinskoga* po uzoru na mađarsku tiszahátsku dijalekatsku jezičnu praksu, željelo se - u duhu tadašnjih purifikatorskih težnji - ukazati na pjesnikov mađarski identitet, a ta se onda slovopisna praksa protegnula i na ostale nositelje istoga prezimena.

Katarina Frankopan (Bosiljevo, 1625.–1673.), žena Petra Zrinskoga bila je kćerka Vuka II. Krste Frankopana (1589.–1652.) i njegove (druge) supruge Uršule Inhofer. Iz njegova trećega braka rođen je Katarinin polubrat Fran Krsto Frankopan. Katarina je u očevoj kući u obitelji Frankopan dobila temeljito obrazovanje. Uz hrvatski od majke (Njemice) je naučila njemački, a poslije još mađarski, latinski i talijanski jezik. Katarina Zrinska je u očinskoj kući jednako tako i u domu svoga muža imala na raspolaganju bogatu knjižnicu. U Ozlju je 1660. godine napisala molitvenik *Putni tovaruš*, a zatim ga tiskala u Mlecima i darovala pavlinu Ivanu Belostencu (1594.–1675.). Time je Katarina upisala svoje ime u hrvatsku književnost. Katarina i Petar imali su četvero djece: Ivana IV. Antuna Baltazara (26. 8. 1654. – 11. 11. 1703.), Jelenu (1643. – 18. 2. 1703.), Juditu Petronelu (1652. – 1699.) i Auroru Veroniku (1658. – 19. 1. 1735.).

Ivan Antun grof Zrinski rodio se u Ozlju 1659. Kralj Leopold ga šalje na vojne studije u Prag. Ratovao je u Austriji i Ugarskoj. Bio je zatočen od Bavaraca i Francuza u tvrđavu Schlossberg kod Graza. Umro je 1703. i pokopan u dominikanskoj crkvi u Grazu. Njegovom smrću prestaje loza Zrinskih.

Jelena (u mađarskoj literaturi i povijesti poznata kao Zrínyi Ilona) rođena je 1643. u Ozlju. Godine 1666. udala se za Franju (Ferenca) Rákoczi. Nakon Rákoczijeve smrti udala se za Mirka (Imrea) Thökölyja 1682. Jelena je s vojskom branila Munkács (danas Mukačevo u Ukrajini) do 1688. Od tada Jelenina obitelj živi u Carigradu. Jelena je umrla 1703. i pokopana je u crkvi lazarista u carigradskom predgrađu Galati. Njezin muž Mirko Thököly umro je 1705. i sahranjen u Kassi (danas Košice u Slovačkoj).

Judita Petronela i Aurora Veronika završile su život u samostanima. Judita Petronela bila je opatica Sv. Klare u Zagrebu, a Aurora Veronika opatica uršulinka u Celovcu (Klagenfurtu u Austriji).

Poslije sudbine Petrove obitelji da se nakratko vratimo na Nikolinu. Grof Nikola Zrinski rodio se u Čakovcu 1620. Oženio je Eusebiju, groficu Drašković. Nakon 6 godina braka, u kojem nisu imali djece, supruga mu je umrla te se Nikola 1658. ponovo ženi, ovaj put u Beču s barunicom Sofijom Löbl. U braku sa svojom drugom suprugom imao je rano preminulu kćer i sina Adama koji je kao austrijski časnik umro 1691. kod Slankamena (danas Srbija). Kada govorimo o višejezičnosti Zrinskih, valja spomenuti i grofa Jurja Zrinskoga vojskovođu, sina sigetskoga branitelja Nikole Zrinskog i Katarine Frankopan. Rodio se 1549. u Čakovcu. Oženio je Anu de Arco iz Češke. Đuro je bio pristalica protestantizma. Utemeljio je tiskaru u Nedelišću koju je kasnije preselio u Varaždin. Umro je 1603. u gradu Vépu u Mađarskoj.

Nakon poduzega niza podastrijetih podataka o dvo- i višejezičnosti Zrinskih dobrim dijelom determiniranim i obiteljskim razlozima, skrenuo bih pozornost na dosada neobjavljene i stoga u literaturi nespominjane i nenavodene dokumente pisane na hrvatskom, mađarskom i latinskom jeziku, pohranjene u Županijskom arhivu u Pečuhu, a sa svrhom da se i pomoću njih potvrdi i posvjedoči kako je na djelu funkcionirala dvojezičnost na imanjima Zrinskih. Pri tome bih podsjetio da je obitelj Zrinski od 1546. godine gospodar Međimurja. Dolaskom

Zrinskih u Međimurje, Čakov Turen (Čakovec) postaje vojno, gospodarsko, a onda i političko središte velike zrinske državine, a kako su svi Zrinski, osim Jurja Zrinskog (sina Nikole Sigetskog), bili i hrvatski banovi, Čakovec postaje i vrlo važno vojno i političko središte u kojem su uz službeni latinski hrvatski i mađarski, osim što su bili govoreni, bili i pisani jezici. To potvrđuju i spisi obiteljskih fondova koji se odnose na najraznovrsnije aspekte prošle zbilje, a najčešće su javno–pravnog i privatno–pravnog obilježja, manji dio privatnog obilježja. To su kupoprodaje, popisi i izmjere zemljišta, kuća, prihoda i rashoda, računa, namire, poreznih obveza i utjerivanja dugova podložnika, popisi dobara, njihovi prihodi i nekretnine. U red dokumenata ovakve naravi spadaju i spisi koji se čuvaju u Pečuhu u originalu. Pisani su tintom na papiru na latinskom, mađarskom i dva na hrvatskom jeziku. Osnaženi su pečatom Zrinskih.

Evo kako glasi jedno od dvaju hrvatskih pisama (listina) iz fundusa Županijskoga arhiva u Pečuhu iz 1617. godine (suvremenim slovopisom hrvatskoga jezika te kraćim leksičkim opaskama u zagradi):

Mi Zrinji Miklouš vekovečni Gospodin od Zrinja grof i zalajske šomođe gracskih međ (varmeđa) poglaviti špan (župan) na znanje dajemo vsim kojim se dostoji i pred koterih obraz ili lice dojde ov naš zapečaćeni i otvoreni list. Poklakam (otkako) bi se nam molil naš veran i dobar sluga Dobrai Benedek za neki vinograd Granščaka verha ovde u Međimorju Zalavariensie gracske međe (Zalajske varmeđe) budučega pokojnoga Pucka Marka diaka (pisara), koji vinograd na nas je spal od rečenoga našega sluge Pucka Marka diaka, per defectum seminia (na polovicu), zato mi preštimaŭi (vrednovavši) molbo i verno službo rečenoga našega sluge Dobrai Benedika od nekoliko lit koju je činil pokojnomu zveličenomu i dobroga spomenuća našem gospodinu ocu, kojom i sada nam služi i v napredak se kani i običe službom vernom nadstojati: dadosmo s naše dobre volje iz ljubeznosti imenuvani rečeni vinograd Granščaka verha tri taljo (dio) se vsem što se toga vinograda pristoji, zemljicami, gaj, ophodom stanjem i cimprom (krovište bez crijepa) da je ima ladati se vsem svojim odvetkom (potomstvom) i zboga vekšega svedočtva i jakosti radi dadosmo mu ov naš list naše rukom podpisanjem pod našom Međimorskom pečatjom zapečaćenoga.

Čakturen 22. januarija 1617.

Izvornom grafijom:

(My zrini Miklous vekouechni Gozpodin od zrinia, Groff y zalayzke Somogyke Graczkih megy Poglauity Span Naznanie daiemo wzym koymze doztoy y pred koterih obraz ili licze doide ou nas zapegacheni y ottuoreni lizt. Poklakambize nam molil nas veran y dobar zluga Dobrai Benedek za neki vinograd Granščaka uerha oude w Megimoriu zalauar:Grattcz megye buduchega, pokojnogha Puczka Marka diaka koy vinograd, nanazye zpall od rechenogha Nasega zlude Puczka Marka diaka per defectum seminis. zato my preštimaŭi molibo y verno zluŭbo rechenogha Nasega zlude Dobray Benedika od nykoliko lyt, koyu ye

chinil pokoynomu zuelichenomw y dobrogha zpomenuttya Nasemu Gozpodinu ottezu, koyom y zada nam zluŕy y w napredakze kany y obichye zluŕbom vernom nadztoyaty: Dadozmo znaŕe dobre uolie yz liubeznozty Imenuuani recheni vino-grad Graian[chaka uerha tri tallyo zeuzem ŕtoze toga vinogr: priztoyi, zemliczamy, Gay, obhodom ztaniem y Czyprom daie yma ladaty zeuzem zuoym oduetkom y zbogha uekŕega zuedochtua y Jakozty radi dadozmomu ou nas lizt, nasse ruke podpizaniem, pod Naŕom Megómorzkom pegatiom zapegachenogha. Actum ir datum niura: Csak:rr Januar Anno Dom 1617.

Predočeni tekst iziskuje određena jezična, ali i slovopisna objašnjenja. S pravom se može postaviti, prije svega, pitanje: kojim je to hrvatskim jezikom pisana priložena listina? Kako bismo mogli valjano odgovoriti na postavljeno pitanje nužno je podsjetiti da će se na hrvatskome jezičnom prostoru, u granicama uspostavljenima ishodom Sisačke bitke (22. lipnja 1593.), postupno započeti oblikovati dva književna (pisana) jezika: s kajkavskom osnovicom u habsburškome dijelu hrvatskih zemalja (a to je područje na kojem je nastalo i ovo pismo) i sa štokavskom osnovicom na područjima pod Osmanima i Mletačkom Republikom te u Dubrovačkoj Republici. Mora se također spomenuti da su se hrvatski jezik i književnost dugo morali suočavati s dvama trojstvima: idiomskim (čakavsko-kajkavsko-štokavskim) i grafijskim (ćirilčno-glagoljično-latiničnim). Razlike iz prve skupine nastojali su u 17. stoljeću prevladati pisci ozaljskoga jezično-književnoga kruga oko Petra Zrinskoga i Frana Krste Frankopana.² Dio hrvatskih povjesničara hrvatskoga jezika i dijalekata taj tip jezika s kajkavskom jezičnom osnovicom, kojim je pisana i listina što je objavljujemo u ovome prilogu, naziva hibridnim tipom književnoga jezika koji se, izazvan prvenstveno povijesno-političkim razlozima, počeo razvijati od 16. stoljeća. Riječ je o nastojanju da se stvori jezik u kojemu bi postojali udjeli svih triju hrvatskih narječja. Ta je težnja ustrajavanja na trima narječjima imala i jasan cilj: što bolju razumljivost na što širem prostoru. Dakle, uz prevladavajući jezični tip u tom bi jeziku postojala i ostala dva. Velike seobe 16. stoljeća dovele su oko Ozlja do jezične situacije gdje doista dolazi do interdijalektalnoga stanja. Hibridni tip jezika s kajkavskom osnovicom naročito su njegovali Zrinski i Frankopani. Hibridno su pisali također Ferenac Črnko, Franjo Glavinčić, Juraj Ratkaj Velikotaborski, Matija Magdalenić, Ivan Belostenec, Pavao Ritter Vitezović i drugi.

Belostenec je bio leksikograf hibridne koncepcije književnog jezika, Juraj Križanić gramatičar, Vitezović veliki reformator hrvatskoga latiničkog slovopisa.

„U sretnijem tijeku razvoja u budućnosti bi se prirodno razvio tronarječni hrvatski standard. On bi funkcionirao svagdje u Hrvatskoj, a i svagdje tamo gdje bi vladala zrinsko-frankopanska vlast. Propast urote značila je politički poraz, pa onda i poraz hibridne koncepcije književnog jezika. Da nije bilo

---

² M. Samardžija: Nad stoljećima hrvatskoga jezika. hjp.srce.hr

zloglasnoga mira u Vasváru, do urote ne bi ni došlo; protjerivanje Turaka iz Slavonije i iz Bosne moglo se već tada organizirati. Sasvim je sigurno da bi Zrinski i Frankopani organizirali kulturne i jezične pothvate, ne bi organizirali urotu. Okupili bi u svojim središtima društvo hrvatskih muževa koji bi sigurno ostvarili vrijedna djela, djela koja bi obilježila čitavu hrvatsku budućnost. Time bi mnoga buduća iskušenja bila izbjegnuta, jednako kao što bi drugačije postupanje s Vojnom krajinom također uklonilo mnoge buduće nevolje.”

Ovako vizionira poznati hrvatski jezikoslovac (dijalektolog) Josip Lisac pišući o hibridnoj koncepciji hrvatskoga književnoga jezika³, ali kao što znamo tijekom je povijesti krenuo drugim smjerom. No u prvim desetljećima 17. stoljeća kada se pisalo na hrvatskom jeziku ilustriranoga tipa nije se mogla predvidjeti budućnost koja je uslijedila i određivala hrvatski standardni jezik. U svakom slučaju, gore navedeni originalni dokument što se čuva u Pečuhu a pisan je hibridnim jezičnim tipom s kajkavskom osnovicom, valja pribrojiti povećem nizu stručnoj javnosti dostupnim i poznatim jezičnim spomenicima koji pridonose rasvjetljavanju jezičnih karakteristika hrvatskoga jezika doba Zrinskih i Frankopana, tim prije jer se listine ovakve naravi opravdano uzimaju kao korpus jezične analize budući da one, u odnosu na beletrističke ili liturgijske tekstove, najvjernije zrcale jezično stanje ondašnjih hrvatskih organskih idioma.

Slovopis i pravopis priloženoga teksta listine:

I. Pregled glasovne vrijednosti grafema i njihovih kombinacija:

Grafemi	Glasovi
a span, nasega, Benedika	a špan, našega, Benedika
b buduchega, obraz, slu[bo	b budučega, obraz, službo
cz Graczkih, licze, Puczka, ottzcu, Zemlyczamy, Czymprom	c Grackih, lice Pucka, ocu zemljicami, Cimprom

Bilježenja glasa **c** dosljedno se provodi pomoću grafema **cz**.

ch vekouechni, rechenogha, chinil, zuelichenomw, obichye, zuedochtua	č vekovečni, rečenoga, činil zveličenomu, običje, svedočtva
ty	ć

---

³ Josip Lisac: Petar Zrinski i Fran Krsto Frankopan. O kakvu je jeziku riječ. Vijenac, br. 214.16.03.2002.

zpomenuttya
d
daiemo, obhodom, vinograd
e
megy, nasse, zeuzem
r
uerha

spomenuća
d
dajemo, obhodom, vinograd
e
međ, naše, sevsem
er
verha

Sporno je pitanje transkripcije grafijskoga slijeda **-er** – u položajima u kojima je **i** u kajkavskom narječju moguće ostvarivanje vokalnoga **r**- treba li taj slijed transkribirati kao samoglasničko **r** ili ti grafemi imaju izgovornu vrijednost fonema **e+r**. Inače tako se transkribiraju tekstovi za Povijesni kajkavski rječnik HAZU: *Rječnik hrvatskoga kajkavskog književnog jezika*.

Refleksi jata (ě)

y
od nykoliko lyt
e
vekouechni, veran, oude, zuedochtua
f
Groff
g
gozpodin, zluga, toga
gy
Somogyke, megy
gi
Megimoriu
h
koterih, verha, obhodom
i
Ili, tri, zrini Miklous, Gozpodin,
licze, lizt, vinograd, diaka,
Preštímavŕi, chinil, vekouechni,

i⁴
od nikoliko lit
e
vekovečni, veran, ovde, svedočtva
f
grof
g
Gospodin, sluga, toga
đ
šomodke, međ
đ
Međimorju
h
koterih, verha, obhodom
i
ili, tri, zrinji, Miklouš, Gospodin
lice, list, vinograd, diaka,
preštímavši, činil, vekovečni

---

⁴ **Kajkavska ikavica** (*ikavski kajkavci*): To je dosad najmanje proučeni tip hrvatskih ikavaca, a obuhvaća 1/4 kajkavaca Hrvata koji uz *kaj* izgovaraju ikavski *jat*. Ovima je vrlo slična tzv. *ikavska slovenščina* Slovenskog Primorja i Bele Krajine, a ranije se slično govorilo i u Furlaniji. U Hrvatskoj slično govore kajkavski ikavci sjeverne Istre (Mlun, Slum, Brul itd.), pa u Gorskom kotaru Fužine, Lokve, Ogulin i Hreljin, u Pokuplju Severin, Ribnik, Ozalj i Pribić, u Turopolju Horvati i Zdenčina, u jugozapadnom Zagorju Zaprešić, Brdovec i Marija Gorica uz donji tok rijeke Sutle itd. Kajkavska ikavica se u inozemstvu još govori u selima srednjeg Gradišća i manje na jugozapadu Slovačke gdje su to izbjeglice pred Turcima iz Kostajnice. Slična je kajkavska ikavica na prostoru od Istre do Međimurja bila službeni javni govor hrvatske plemićke elite, uprave i književnosti.

zapegacheni y ottuoreni, recheni,
imenuuani, Graczkih, koterih,

y

groff y, y pred, y z bogha
y Jakozty, yz liubeznozty, My, wzym
Poglauiy, Dobray, liubeznozty
zluŷy, zemliczamy, Czyprom
kany, nadztoyaty, yma, ladaty

j

Jakozty
Isključivo u inicijalnom slogu.

y

Gay, nanazye, koy, koyu ye
koyom, zuoym, zalayzke, pokoynogha
pokoynomu, nadztoyaty, priztoyi

i

daie, daiemo, doide

k

koymze, Marka, ruke

l

licze, Poklakambize, molil

li

uolie, yz liubeznozty, molibo, tallyo

m

my, pokoynomu, koyom

n

Naznanie, kany, veran

ni

zrinia, naznanie, ztaniem, podpisaniem

zapečaćeni i otvoreni, rečeni
imenuvani, Grackih, koterih

i

grof i, i pred, i z bogha
i jakosti, iz ljubeznosti, mi, vsim
poglaviti, Dobrai, ljubeznosti
služi, zemljicami, cimprom
kani, nadstojati, ima, ladati

j

Jakosti

j

gaj, nanasje, koj, koju je
kojom, svojom, zalajske, pokojnoga
pokojnomu, nadstojati, pristoji

j

daje, dajemo, dojde

k

kojimse, Marka, ruke

l

lice, poklakambise, molil

lj

volje, iz ljubeznosti, moljbo, talljo

m

mi, pokojnomu, kojom

n

naznanje, kani, veran

nj

zrinja, naznanje, stanjem,
podpisanjem

Grafemi (**y**) i (**i**) već od prvih početaka kajkavske književnosti i pravnih tekstova pa sve do kraja 18. stoljeća označuju uz glasove (**j**) i (**i**) također i slijed glasova (**ji**). Tako primjere kao (My) zrini, (vekouechni Gozpodin od) zrinia, koymze doztoy, zemliczamy valja čitati, odnosno transkribirati: zrinji, zrinja, kojim se, dostoji, zemljicami, premda u mnogim suvremenim kajkavskim govorima nema fonema **lj** i **nj**.

o
od, poglavity, daiemo
p
pod, pokoynogha, zpall
r
pred, koterih, obraz, dobar
z
Gozpodin, zalayzke, wzym, koymze,

doztoy, Poklakambize, zluga, nanazye

zpall, zluŕbo, zpomenuttya, zada, zluŕy

napredakze, Dadozmo, liubeznozty
toze priztoyí, ztaniem, zuoym
zuedochtua, Jakozty, megimorzkom

o
od, poglaviti, dajemo
p
pod, pokojnoga, spal
r
pred, koterih, obraz, dobar
s
Gospodin, zalajske, vsim,
kojimse
dostoji, poklakambise, sluga,
nanasje
spal, službo, spomenuća, sada,
služi
napredakse, Dadosmo, ljubeznosti
tose pristoji, stanjem, svojim
svedočtva, jakosti, međimorskom

Kao što je razvidno bilježenja glasa (**s**) dosljedno se provodi pomoću grafema (**z**).

s

Somogyke, Span, nas, nasega, nasemu

š

Šomodke, špan, naš, našega,
našemu

Krajnje (**s**) u latinskim ili latiniziranim imenima pisanim originalnom grafijom, dakle s jednim (**s**), izgovaralo se kao (**š**). U kajkavsko je narječje, naime, preuzet mađarski način izgovaranja finalnoga (**s**) u latinskim odnosno latiniziranim imenima na (**us**): Miklous (Miklouš).

ſ
preſtimauſi, znaſe, uekſega, ſtoze

š
preštimavši, snaše, vekšega,
štose

Ako se (ſ) nađe ispred bezvučnih turbulenata (**k**), (**p**), (**t**), (**č**), ono označuje glas (**š**): preſtimauſi (preštimavši), ſtoze (štose), Granſ chiaka (Granščaka).

ſ
zluſbo, zluſy, zluſbom

ž
službo, služi, službom

Latinički grafem (ſ) u starom kajkavskom slovopisu označuje glas (**ž**).

t
toga, ottuoreni, lizt

t
toga, otvoreni, list

u
Miklous, zsluga, Megimoriu, buduchega
Imenuuani, Puczka, koyu, pokoynomu
Zpomenuttya, nasemu, Gozpodinu
Otczu, dadozmomu
w
Zuelichenomw
w
wzym, w Megimoriu, w napredakze
v
vekouechni, verno, vernom, vinograd
u
Poglauity, ou nas, ottuoreni, uerha
oude, zalauar, profstimauji, uolie
zuelichenomw, Imenuuani, zeuzem
zuoym, oduetkom, zuedochtua
z
zrini, naznanie, obraz

u
Miklouš, sluga, Međimorju,
budučega
Imenuvani, Pucka, koju,
pokojnomu
spomenuća, našemu,
Gospodinu
otcu, dadosmomu
u
zveličenomu
v
vsim, v Međimorju, v
napredakse
v
vekovečni, verno, vernom,
vinograd
v
poglaviti, ov naš, otvoreni,
verha
ovde, zalavar, preštimaŕši,
volje
zveličenomu, imenuvani,
sevsem
svojom, odvetkom, svedoćtva
z
zrinji, naznanje, obraz

U tekstu se pomoću geminiranih suglasnika označava kraćina prethodnoga vokala: Groff (grof), Grattz (Grac), otczu (otcu), nasse (naše), ottuoreni (otvoreni), zpall (spal), zpomenuttya (spomenuća), tallyo (taljo).

Za fonem (**g**) u finalnoj poziciji s nastavkom og(a), imamo grafeme (**gh**): zbogha, pokoynogha, rechenogha, dobrogha, zapegachenogha, uz rjeđe oblike bez popratnoga (**h**): buduchega, rechenoga.

Od polovice 16. stoljeća do preporoda nastala su mnoga djela i dokumenti pisani stiliziranim kajkavskim književnim jezikom, latiničkim slovopisom oblikovanim po mađarskom uzoru npr. ch za č, cz za c, gy za đ, ty za ć, ly za lj, ny za nj).

Kajkavci međutim svoju grafiju ne mijenjaju u skladu s promjenama u mađarskoj grafiji, stoga je kajkavski slovopis za čitavoga trajanja kajkavskoga književnoga jezika ostao nepromijenjen.

U skladu s tadašnjim pravopisnim načelima enklitika (**se**) od početka do kraja kajkavske književnosti, u svih pisaca, piše se zajedno s naglašenom riječju, a ista se praksa provodila i u pravnim i drugim neliterarnim tekstovima, pa i u ovome što donosimo: koymze (dostoy), poklakambize, ŕtoze toga, (vinograda), napredakze (kany).

Od tri primjera s enklitikom (**je**) u dva se piše zajedno: nanazye zpall, daie yma, a u jednom odvojeno : koyu ye.

Prijedlozi se pišu odvojeno od imenske riječi na koju se odnose: od zrinia, pred katerih obraz, za neki vinograd, w Megimoriu, w napredakze, od rechenoga, od nykoliko lyt, iz liubeznozty, pod nařom. Iznimke su rijetke: naznanie, zeuzem.

Jezik navedene listine pokazuje da uz preteřito kajkavske fonološke (refleksi jata, sudbina starih nazalnih samoglasnika i poluglasnika, distribucija fonema na početku riječi, itd.), morfološke (padežni nastavci, glagolski oblici) itd.), rječotvorne (prefiksi i sufiksi itd.) te leksičke osobine susrećemo i one iz štokavskoga i čakavskoga narječja.

Zaključak:

Velikaške obitelji Zrinskih od 15 do 17. stoljeća obilježavaju političku, ali i kulturnu povijest tadašnjih hrvatskih prostora. S obzirom na povijesne prilike i odnose u kojima su živjeli i djelovali, a zahvaljujući također bračnim i obiteljskim vezama, višejezičnost je bila svakodnevna praksa usmene i pismene komunikacije u njihovim obiteljima i posjedima na kojima su vladali. Priložena i prvi put objelodanjena kraća listina pisana na hrvatskom jeziku što se čuva u Županijskome arhivu u Pečuhu pokazuje tipične jezične značajke hrvatskoga jezika tzv. ozaljskoga jezičnoga kruga.

Literatura

- Bartolić, Zvonimir: Katarina Zrinski. Zriniana triptih I., II., III., Čakovec-Zagreb, 2005.
- Hadrovics, László: Ungarische Elemente im Serbokroatischen. Akadémiai Kiadó Budapest, 1985.
- Horváth Sándor: Levelek a két Zrínyi Miklóstól. Történelmi Tár. 1907. p. 70
- Zrínyi Miklósnak egy ismeretlen levele. Századok 1876. 255.
- JAZU / HAZU: *Rječnik hrvatskoga kajkavskog književnog jezika (A – P), I – X*. Zavod za hrvatski jezik i jezikoslovlje 2500 str, Zagreb 1984-2005.
- Kapetanović, Amir: Jezične značajke i leksikografska obrada fra Ivanove Filomene iz XVII. stoljeća. *Rasprave Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje*, 29, Zagreb, 2003. 131–156.
- Kapetanović, Amir: Hrvatska srednjovjekovna latinica. *Rasprave Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje*, 31, Zagreb, 2005. 463–471.
- Klanczay, Tibor: Zrínyi Miklós, 1954. Budapest. Akadémiai Kiadó 548.
- Klanczay, Tibor: Az írók nemzeti hovatarozása, In: Hargittay Emil (szerk.): *Bevezetés a régi magyar irodalom filológiájába*, Universitas Könyvkiadó, Budapest. 1997.
- Lisac, Josip: *Hrvatski dijalekti i jezična povijest*. Zagreb: 1996 Matica hrvatska.
- Lončarić, Mijo: Kaj jučer i danas: ogledi o dijalektologiji i hrvatskoj kajkavštini (s kartom narječja i bibliografijom). Čakovec: Zrinski 1990.
- Lončarić, Mijo: *Kajkavsko narječje*. Školska knjiga, Zagreb 1996.
- Lončarić, Mijo: *Kajkaviana & alia*, Ogledi o kajkavskim i drugim hrvatskim govorima. Čakovec, Zagreb: Zrinski, Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, 2005.

- Malić, Dragica: Nedoumice u transkripciji stare hrvatske latinice. *Suvremena lingvistika*, 43–44, 1–2, Zagreb, 1997. 153–168.
- Malić, Dragica: *Na izvorima hrvatskoga jezika*. Zagreb, 2002. Matica hrvatska.
- Maretić, Tomo: *Istorija hrvatskoga pravopisa latinskijem slovima*. Zagreb, 1889. JAZU.
- Moguš, Milan; Josip Vončina. Latinica u Hrvata. *Radovi zavoda za slavensku filologiju*, 11, Zagreb, 1969. 61–81.
- Moguš, Milan: *Fonološki razvoj hrvatskog jezika*. Zagreb, 1971. Matica hrvatska.
- Nagy, Iván: Magyarország családai 12 kötet . Budapest. 434-442
- Nyomárkay, István: Mađarske riječi u hrvatskom prijevodu Verbecijeva Tripartituma *Studia Slavica Savariesia* , Szombathely, 2010. br. 1-2, 351 -357.
- Nyomárkay, István: Kratka povijest hrvatskog i srpskog jezika. Budapest, 2008.
- Povijest obitelji Zrinski. Zbornici i monografije MH.
- Stier Miklós-Vida Sándor: Zrínyi emlékek a Nemzeti Múzeumban. Századok 1964. 3.p. 608-610.
- Šojat, Antun: *Kratki navuk jezičnice horvatske* (Jezik stare kajkavske književnosti). Kaj 1969: 3-4, 5, 7-8, 10, 12; Kaj 1970: 2, 3-4, 10; Kaj 1971: 10, 11. Kajkavsko spravišće, Zagreb 1969-1971.

Slovenski, madžarski in nemški pregovori v protistavi*

The article deals with the relation of equivalence between Slovenian and Hungarian proverbs from the SprichWort database. It mainly focuses on select proverbs from the thematic field of HEALTH. For most proverbs we can say that they are partly equivalent, t.i. they display incongruence in their lexical and morphosyntactical structure.

Keywords: equivalence, proverb, partly equivalent, incongruence, health.

1 Definicija pregovorov

Z diahronega aspekta gledano so se v zgodovini jezikoslovja vrstili številni poskusi definicije pregovorov. MIEDER (1999) pravi, da gre pri tem na eni strani za definicijo pregovorov z vidika bralcev, poslušalcev, uporabnikov itd. oz. kot jih on imenuje »publike«, na drugi strani pa so »znanstveno definicijo«¹ poskušali oblikovati folkloristi oz. jezikoslovci in zlasti paremiologi. Za široko občinstvo oblikovana in v mnogih pomenskih slovarjih pojavljajoča se definicija, po kateri je pregovor – na kratko rečeno – »z modrostjo pretkana poved«, se je izkazala kot presplošna in tako za znanstveno analizo pomanjkljiva. V strokovni literaturi se pojavlja mnenje, da se stavčni frazemi, zlasti pregovori, praviloma interpretirajo kot splošne izjave (pri. BURGER 2003). Za cilje raziskovalnega projekta je potrebno izdelati delovno definicijo, ki vsebuje jasne kriterije za nabor pregovorov.

1.1 Izvor in uporabno področje pregovorov

Po MIEDERJU (RÖHRICH/MIEDER 1977: 26) vprašanje o izvoru večine pregovorov do danes ni zadovoljivo rešeno. Kot čas nastanka pretežnega dela pregovorov se omenja antika, torej samo predliterarno obdobje. Tako je njihovo prvo pojavljanje v antičnih literarnih virih velikokrat citat iz ustnega izročila in tako ne more biti zgled za izvor pregovora. Za veliko pregovorov iz novega veka, ki jih najdemo bodisi pri Erazmu ali izvirajo iz biblije, se izvor lažje dokaže, a se v kasnejših zbirkah pregovorov komaj kje eksplicitno navaja, kot to kažejo številne zbirke pregovorov in slovarjev, ki vsebujejo le malo podatkov o izvoru in prvih pisnih zgledih. Pregovori se mnogo pojmujejo in označujejo kot reki poučnega značaja, ki se predajajo z ljudskim izročilom. Govorci jih na podlagi njihove funkcije skozi čas uporabljajo kot (skoraj) nesporno dokazane resnice. Pregovori temeljijo na splošnih izkušnjah in se zato poudarjajo kot »splošno veljavne modrosti«.

1.2 Oblikovni in vsebinsko-slikovni aspekt pregovorov

Pregovori imajo obliko relativno kratkega, formalno in vsebinsko zaključenega stavka. To jih razlikuje od frazemov, ki se najprej morajo vključiti v stavek, da bi postali trdna izjava in da bi dobili svojo konkretno vsebino (prim. RÖHRICH 2001: 23). Ko so enkrat oblikovani, ostanejo pregovori zaključena celota in načeloma nespremenljivi. Seveda ne moremo pri poskusu razmejitev pregovorov od frazemov mimo dejstva, da obstajajo tudi prehodi med obema oblikama, ki se težko uvrstijo v eno od obeh kategorij. Razen po svoji zunanji obliki se pregovori pogosto prepoznajo tudi po svoji podobski/slikoviti podstavi. Pregovorna podoba je izrazitejša in bolj jedrnata kot obširen opis situacije in iz nje izpeljanega nauka. Čeprav pomembno število pregovorov vsebuje direktno izjavo (Smeh je zdrav), prevladuje bolj tendenca po indirektni, prikriti izjavi (prim. RÖHRICH/MIEDER 1977: 54). Realno območje pregovorov je redkeje dejansko mišljeno, mnogo pogosteje je to preneseni pomen (Ni vse zlato, kar se sveti. – Tu ne gre dobesedno za zlato, ampak na splošno za razmerje med videzom in za njim skritim bistvom.)

1.3 Logično-semantični aspekt pregovorov

Pregovori so priljubljeni in zelo jedrnati reki s poučno tendenco, izrekajo izkušenske povedi, (življenjska) pravila, splošne izjave, nazore, mnenja, sodbe, opozorila ali dobro mišljene nasvete in se uporabljajo za kako konkretno situacijo, s pomočjo katerih se ustrezna situacija razloži, uvrsti ali ovrednoti (BURGER 1973: 54). K temu je treba pripomniti, da se pregovori sicer pojmujejo kot »splošne« izjave in sodbe, niso pa nosilci absolutne in nesporne resnice. Da bi to ilustrirali, bomo navedli primer iz slovenskega pregovornega bogastva. V slovenščini obstajata povsem suvereno dve obliki: *Obleka dela človeka* in *Obleka ne naredi človeka*. Katerega od obeh pregovorov bo govorec izbral, odloča vsakokratni govorni položaj in njegov sporočanje namen. V tem smislu imajo pregovori svojo pragmatično vrednost in posledično izrazito komunikativno funkcijo.

Na podlagi zgoraj navedenih aspektov in pripadajočih razmišljanj o bistvu, obliki in funkciji pregovorov je mogoče oblikovati predhodno delovno definicijo, kot sledi: pregovori so splošno veljavne ljudske modrosti, ki so v prvi vrsti postali priljubljeni preko ljudskega izročila. Mnogi izvirajo iz predliterarnega obdobja, veliko jih je nastalo v srednjem ali celo v novem veku. Za svoj pregovorni, formalni značaj se imajo zahvaliti dejstvu, da pri njihovi rabi komaj kdo še pomisli na njihov izvor. Jezikovno gledano, imajo pregovori obliko relativno kratkega, formalno in vsebinsko zaključenega stavka. Večina pregovorov pogosto oblikuje svoje zakrite, indirektno izjave s pomočjo številnih jezikovnih in poetičnih izraznih sredstev, npr. z metaforami. Logično-semiotično gledano so pregovori poučni izreki, izkušenske povedi, življenjska pravila, mnenja, sodbe, opozorila, nasveti itd., ki se vedno uporabljajo glede na konkretni položaj, v katerem prevzemajo različne funkcije: vzgajanje, opozorilo, vzbujanje pozornosti, nagovarjanje, povzemanje ipd.

2 Pregovori in kultura

Pregovori imajo poleg komunikativne funkcije tudi kumulativno funkcijo, ki se manifestira v zrcaljenju in fiksiranju izkušenj socialne prakse v jeziku (prim. FÖLDES 1996a: 86). Pregovori so prototipični zaklad kulturnega spomina neke jezikovne skupnosti, v njih se ubeseduje kolektivno vedenje in s tem jezikovna podoba sveta na nazoren in poučen način. Tako vsebujejo mnogi pregovori dedicirane kulturnospecifične dogodke. Slikovna podstava izvira praviloma iz neposredne socialne prakse, iz percepcijskega in izkušnjskega območja vsakokratne jezikovne skupnosti. Poleg tega so pregovori verbalne manifestacije kulturemov (OKSAAR 1988: 27), se pravi, veljajo kot izrazno sredstvo, preko katerega se kulturemi konkretno realizirajo. V tem kontekstu so pomembna razmerja med paremiologijo, podobo sveta ter inter- oz. transkulturalnostjo. V skladu s kognitivnim aspektom izraženo: pregovori veljajo za kulturno usidran model pri spoznavnem strukturiranju sveta (LAKOFF-JOHNSON 1980, GRZYBEK 2000). Metafore – ki se kot temeljni koncept pojavljajo tudi pri pregovorih – se namreč lahko eksplicirajo kot kognitivni modeli, ker izhajajo iz določenih idealiziranih kognitivnih konceptov.

Med takimi srednjeevropskimi jeziki kot so nemščina, slovenščina in madžarščina kulturno in deželnspecifične razlike niso tako toge kot na primer med mnogimi zunajevropskimi kulturami. Čeprav v primeru navedenih jezikov – zaradi pripadnosti k istemu kulturnemu krogu in več stoletij trajajočega sobivanja ali soseščine Slovencev in Madžarov z nemško govorečimi sosedi – paremiološki sistemi med seboj niso tipološko neprimerljivi, je mogoče med njimi prepoznati tudi pomembne kulturnospecifične razlike. To so pregovori, katerih logično-tematski model je za različne kulture tipološko izomorfen, toda v konkretni realizaciji vsakokrat izstopajo različne kulturne komponente. Pri teh so hkrati prisotne univerzalne in kulturno specifične značilnosti. Konceptualna podlaga pregovorov različnih jezikov se tipološko prekriva, pri čemer konkretno leksikalno zapolnilo predstavlja nekaj specifičnega (*Wir sitzen alle in einem Boot // Vsi smo v istem čolnu // Mind egy hajóban evezünk 'Vsi veslamo v eni ladji'*). Pri tem opazimo, da med nemškim, slovenskim in madžarskim pregovorom obstajajo mnoge punktualne in konceptualne enakosti in podobnosti. Vplivajoči jezik je bila praviloma nemščina, kajti zaradi politično-gospodarskih vzrokov je imela na slovenskem in madžarskem območju zelo dolgo prestižno funkcijo skoraj na vseh področjih javnega življenja. To je vodilo do intenzivnih procesov sposojanja in kalkiranja. Razlogi in vzroki za relativno mnoga prekrivanja med nemško, slovensko in madžarsko paremiologijo so na prvi pogled zunajjezikovno pogojeni. Socialni, politični in gospodarski stiki sosednjih jezikovnih prostorov so imeli za posledico živahno in intenzivno jezikovno dinamiko. Tako je mogoče relativno visoko stopnjo paremiološke konvergence razložiti na podlagi kontaktne lingvistike. Neposredni stiki med jeziki so vedno tudi kulturni stiki, kulturni prostor teh sosedskih jezikov pa je prav tako skupen. To je na antiki in krščasni tradiciji temelječ srednje-

evropski kulturni prostor, ki je vse tri jezike bistveno oblikoval. S tega vidika nemščina ni bila zgodovinsko gledano samo vplivajoči jezik, praviloma je bila tudi posredniški jezik srednjeevropske kulture. Prekrivanja v treh danih jezikih najdemo pri pregovorih, ki izvirajo iz biblije, mitologije in klasične literature (npr. *Alle Wege führen nach Rom // Vse poti vodijo v Rim // Minden út Rómába vezet. Aller Anfang ist schwer // Vsak začetek je težak // Minden kezdet nehéz.*). Prekrivanja se kažejo tudi pri pregovorih, ki zrcalijo vsakdanje življenjske izkušnje kolektivne narave oz. temeljijo na prekrivnih opažanjih ali izkušnjah, na enakem načinu življenja, na enakih asociacijah ali mišljenju. K tej skupini lahko uvrstimo številne medjezikovne ustreznice, ki so medsebojno neodvisno konstruirane v mnogih genetsko nesorodnih in tipološko različnih jezikih (*Weniger ist mehr // Manj je več // A kevesebb a több. Liebe kann nicht erzwingen. // Ljubezni ni mogoče izsiliti. // A szerelmet nem lehet kikényszeríteni.*). Te paremiološke paralele »temeljijo na univerzalnih zakonitostih človeškega mišljenja, ki za poročstvo emocionalne funkcije jezika uporabljajo iste mehanizme ali omogočajo nastanek podobnih kompleksnih jezikovnih enot«, pravi ČERNYŠEVA (1984: 20).

3 Kontrastivna raziskava pregovorov

Kontrastivna raziskava pregovorov v primeru nesorodnih jezikov, kot so slovenščina, madžarščina in nemščina, lahko pokaže na skupne, identične, podobne oz. različne lastnosti v procesu nastajanja pregovorov, prav tako na univerzalne in skupne poteze jezikovne podobe sveta, ki jih je mogoče zaznati v morfosintaktični in sestavniški strukturi. Ena od potencialnih primerjalnih metod je ideografski opis pregovorov oz. protistava pregovorov na podlagi pomena in strukture. Primerjava dveh ali treh jezikov pomeni tudi primerjavo dveh ali več kultur, to pomeni, da naj bi primerjava osvetlila tudi sociokulturno ozadje in konceptualno podstavo pregovorov kakor tudi idioetnične posebnosti primerjanih jezikov, ki v veliki meri vplivajo na medjezikovno ekvivalenco in kongruenco. Jezikovno specifične razlike lahko razložimo z genetsko in tipološko ne/sorodnostjo stičnih jezikov: slovenski in nemški jezik sta indoevropska fleksijska jezika, madžarski jezik je ugrofinski aglutinativni jezik. Medjezikovna primerjava pregovorov pomeni primerjavo na vsebinski (pomen) in izrazni ravni. Pri tem sta relevantna pojma ekvivalenca in kongruenca. Ekvivalenca (ustreznost) pomeni prekrivanje jezikovnih enot v pomenu, kongruenca pa prekrivanje jezikovnih enot v sestavinah in morfosintaktični strukturi. Z vidika ekvivalence je pomembno izpostaviti tudi konceptualno podstavo (sliko) pregovorov, ki je v mnogih primerih konceptualna (kognitivna) metafora. Po kognitivistih (LAKOFF in JOHNSON 1980, 1981) je naš konceptualni sistem, znotraj katerega mislimo in delamo, v svojem bistvu metaforičen. Te ugotovitve so relevantne tudi z vidika pojmovanja pregovorov kot jezikovnih izrazov za konceptualne metafore: z metaforami namreč razumemo eno izkušnjsko področje s pomočjo nekega drugega izkušnjskega področja. Mnogi za nas pomembni koncepti so abstraktni ali niso v naši izkušnji dovolj jasno razmejeni

(npr. čustva), zato jih dojemamo s pomočjo drugih konceptov (npr. predmetov). Dejstvo, da se konceptualna metafora le delno realizira in da je realiziran del koncencionaliziran, torej je za dani jezik obvezen, omogoča, da kontrastivno jezikoslovje odkrije prav ta del in tako ugotovi tudi razlike med jeziki. Po tipologiji medjezikovne ekvivalence (FÖLDES 2000: 13) je mogoče razlikovati naslednje tipe ekvivalenc: paremiološka popolna in delna ekvivalenca, ničta ekvivalenca, kvazi ekvivalenca in funkcionalna semantična ekvivalenca. O popolni strukturalni in semantični ekvivalenci govorimo tedaj, če se pregovori prekrivajo v pomenskem in strukturalnem modelu, to pomeni, da imajo enak denotativni in konotativni pomen, enako emocionalno-eskpresivno vrednost, za njih je značilna popolna kongruenca sestavin in enaka podoba oz. konceptualna metafora kot podstava. Vzroki za popolno prekrivanje so: skupen socialnozdovinski razvoj, enake etično-moralne vrednote, neposredni prevzem pregovorov iz drugega jezika, tretji jezik kot skupen izvor prevzemanja (kulturne prvine iz biblije, antike in svetovne literature), npr. *Der Weg zur Hölle ist mit guten Vorsätzen geflastert. // Pot v pekel je tlakovana z dobrimi nameni. // A pokolhoz vezető út is jó szándékkal van kikövezve.*

Za velik del primerjanih pregovorov velja delna ekvivalenca, tj. ob identičnem/podobnem semantičnem in sintaktičnem modelu prihaja do zamenjave sestavin, pogosto do različnega podobnega ozadja oz. imajo samo podobno podobsko podstavo, pri tem ne gre samo za delno, ampak tudi za popolno različno strukturo sestavin, ki pa pripadajo istemu pojmovnemu polju. S tem so povezane hkrati semantične, funkcionalne in strukturalne modifikacije. Pri tem je mogoče razlikovati več podskupin: leksikalna variabilnost oz. strukturalna sinonimija, ideografska sinonimija, hiper-hiponimija in stilistična sinonimija. Za večino v protistavo zajetih pregovorov je značilna medjezikovna delna ekvivalenca, ki je pogojena z leksikalno variabilnostjo: pri enakem sintaktičnem modelu in enakem celovitem pomenu se pojavijo delne divergence pri sestavinah, tj. leksikalne razlike oz. nepopolno prekrivanje v sestavinah, npr. morfološke modifikacije: v nemščini množina, v slovenskem in madžarskem jeziku ednina (*Ausnahmen bestätigen die Regel. // Izjema potrjuje pravilo. // A kivétel erősíti a szabályt*); v nemščini in slovenščini množina, v madžarščini ednina (*Die Augen sind die Spiegel der Seele. – Oči so ogledalo duše. – A szem a lélek tükré.*); različni leksemi (*Jabolko ne pade daleč od drevesa. – Az alma nem esik messze a fájától. – Der Apfel fällt nicht weit vom Stamm. Gut Ding braucht Weile. – Vse potrebuje svoj čas. – A jó munkához idő kell* 'Za dobro delo rabimo čas'). V primerjanih jeziki se pojavi drugačna slika kot konceptualna podstava, npr. v nemščini in slovenščini se pomen 'v manj uspeha obetajoči situaciji se moramo zadovoljiti tudi z manj zahtevnim' izrazi z naslednjim pregovorom: *In der Not frisst der Teufel Fliege. // V sili hudič še muhe žre*; v madžarščini gre za akceptiranje slabše variante, če boljše ni na razpolago: *Ha ló nincs, jó a szamár is* 'Če konja ni, je dober tudi osel'.

Ničta ekvivalenca pomeni, da medjezikovna ustreznica izhodiščnojezikovnega pregovora ni pregovor, temveč parafraza, pri tem pa se izgubi pragmatični po-

men. Pojem kvaziekvivalence pomeni tako medjezikovno ustreznico pregovora, kjer pregovor kaže bolj ali manj formalno kongruenco, toda njegov pomen je delno različen (*Vorbeugung ist besser als heilen. // Bolje preprečiti kot zdraviti. // Jobb félni, mint megijedni.*). Funkcionalna semantična ekvivalenca (interlingvalna sinonimija, prim. FÖLDES 2000: 14) označuje tisti tip ekvivalence, pri katerem se logično-semantična oblika pregovorov prekriva, različna pa je konceptualna podstava (npr. *Jeder Topf findet sein Deckel. // Vsak lonec najde svoj pokrov. // Minden zsák megtalálja a foltját 'Vsaka vreča najde svojo zaplato'*).

4. Kontrastivna analiza pregovorov v pomenskem področju ZDRAVJE

Izhodišče protistave je semantična ekvivalenca primerjanih pregovorov, ki jih razkrivajo semantične parafraze v primerjanih jezikih, ta velja kot »tercium comparationis« tudi za ugotavljanje medjezikovnih pomenskih prekrivanj, podobnosti in razlik. V danem primeru temelji kontrastivna analiza na metodi ideografskega opisa pregovorov, tj. na primerjavi pomena in strukture pregovorov, kar pomeni, da so pregovori uvrščeni v različna pomenska področja (npr. skupne lastnosti, zdravje, sreča ipd.). Vzporedno z razvrščanjem v tematske skupine poteka tudi primerjava strukturnosemantičnega modeliranja, kar predpostavlja obstoj načelne modelnosti frazeologije na podlagi oblike in pomena ter omogoča tudi ugotavljanje različnih vrst prekrivanj na ravni pomenske ekvivalence in formalne kongruence.

Kontrastivna analiza pregovorov iz pomenskega področja Zdravje se dokumentira s korpusom iz treh primerjanih jezikov, zlasti iz slovenskega in madžarskega jezika. Analiza se opira na podatke, ki so zajeti v podatkovni banki projekta SprichWort (<http://www.sprichwort-plattform.org/sp/Sprichwort-Plattform>). Gre za šest izbranih pregovorov iz navedene tematske skupine (nemški pregovori služijo kot izhodišče za primerjavo ustreznice v slovenskem in madžarskem jeziku), pri čemer so vsi primeri zgoraj navedenih ekvivalentnih tipov prisotni.

4.1 Popolna ekvivalenca: semantična, strukturna in leksikalna ustreznost v treh jezikih, identična podobska podstava ter opis pomena kot tertium comparationis: 'humor ali smeh o določenih stvareh lahko pomaga pri obvladovanju težkih situacij oz. da se boljše počutimo': *Lachen ist die beste Medizin. // Smeh je najboljšo zdravilo. // A nevetés a legjobb orvosság*; opis pomena kot tertium comparationis 'določena zadržanost glede na količino stvari ali dejanj pogosto vodi do boljše kvalitete': *Weniger ist mehr. // Manj je več. // A kevesebb több*. Pri tem gre za inkoharentno konceptualno metaforo v LAKOFFOVEM smislu MANJ JE VEČ kot temeljno podstavo pregovora.

4.2 Delna ekvivalenca: identična semantična ustreznost v protistavljenih jezikih, razlike v sestavinah, v morfosintaktični strukturi in konceptualni podstavi:

4.2.1 Drugačen sintaktični model: glede na izhodiščni jezikovni pregovor gre za drugačen, eliptični sintaktični model v slovenščini in madžarščini, namreč za

model brez eksplicitnega predikata in nedoločnega člena, v slovenščini tudi za obrnjeni besedni red. Opis pomena 'dobro telesno stanje je pogoj za mentalno storilnost ali duhovno moč': *In einem gesunder Körper wohnt ein gesunder Geist.* // *Zdrav duh v zdravem telesu.* // *Ép testben ép lélek.*

4.2.2 Drug model podobe v madžarskem jeziku, ki ni neposredno povezan z zdravjem: *Vorbeugen ist besser als heilen.* // *Bolje je preprečiti kot zdraviti.* // *Jobb félni, mint megijedni* 'Bolje bati se, kot prestrašiti se'.

4.2.3 Drugačen sestav sestavin v obeh primerjanih jezikih:

Allzu viel ist ungesund. // *Preveč še s kruhom ni dobro.* // *Jóból is megárt a sok* 'Tudi iz dobrega je preveč škodljivo'.

4.2.4 V madžarščini ni ustreznice, v tem primeru gre za ničto ekvivalenco, v slovenščini se pojavlja druga sestavina „pol“, ki pomensko polje omeji; opis pomena 'smeh omogoča, da se tudi v težki situaciji dobro počutimo': *Lachen ist gesund.* // *Smeh je pol zdravja.* //

5 Zaključek

Glede na dejstvo, da so pregovori toliko stari kot človek in njegove misli in da so verjetno prisotni v vseh jezikih in kulturah sveta, je mogoče trditi, da je pregovorni način izražanja imanentna človeška potreba. Slovenska in madžarska paremiologija imata zaradi medsebojnih zgodovinskih in arealnih vplivov mnogo stične točke. Neposredni zemljepisni, kulturni, politični in gospodarski stiki slovenskega in madžarskega kulturnega prostora s sosednjim nemškimi prostorom so skozi stoletja vplivali na medjezikovne vplive. V tej povezavi je nemškemu jeziku stoletja pripadala prestižna funkcija. Medjezikovno vplivanje, prevzemanje in kalkiranje pregovorov, predvsem v smeri iz nemškega v slovenski in madžarski jezik, je zato jezikovnostično pogojeno. Stopnja konvergence med obravnavanimi pregovori je precej visoka tudi na osnovi skupnega jezika posredovalca, nemščine, zato je bila nemščina izbrana kot tretji jezik v primerjavi. Kulturna dediščina kot tudi tradicija antike in krščanstva, ki je vsem jezikom v evropskem kulturnem prostoru tako rekoč skupna, so zanesljivo vplivale na prevzemanje; v slovenščino in madžarščino so prišle te dobrine preko posredovanja nemščine. Visoko stopnjo konvergence kažejo prav tisti pregovori, ki označujejo kulturnospecifične vizije in interpretacije sveta: pregovori biblijskega, mitološkega in klasično literarnega izvora, nadalje pregovori, ki se nanašajo na človekove izkušnje in na vsakdanje življenje. Pregovori se pogosto prekrivajo v semantičnem pogledu, kažejo pa močnejše ali šibkejše odklone v morfosintaktični oblikovni strukturi. Prekrivanje pregovorov v pomenu in strukturi je mogoče razložiti tudi s procesom frazeologizacije in konceptualizacije. Razlike na strukturalni ravni so jezikovnosistemsko pogojene, ker so primerjani jeziki različnega genetskega izvora in različne tipološke pripadnosti.

Visoko stopnjo konvergence kaže tista skupina pregovorov, ki izraža moralne nauke. Visoka stopnja prekrivnosti je tudi pri pregovorih, ki temeljijo na enaki ali podobni konceptualni strukturi pri poimenovanju podobe sveta in interpre-

taciji človeške dejavnosti in lastnosti ter so povezani z enakimi ali podobnimi človeškimi izkušnjami. Izhajamo iz domneve, da paremiologija zrcali percepcijo in izkušnje sveta kot tudi zgodovino naroda, zato jo je mogoče pojmovati tudi kot jezik kulture. To je tudi v skladu s temeljnimi premisami kognitivnega pojmovanja jezika.

Literatura

- BERNJAK, Elizabeta (2004): Frazemi s sestavino drevo v slovenskem, madžarskem in nemškem jeziku. In Jesenšek, Marko (ur.): *Knjižno in narečno besedoslovje slovenskega jezika*, (Zora, 32). Maribor: Slavistično društvo. 173-193.
- BURGER, Harald (2003): *Phraseologie. Eine Einführung am Beispiel des Deutschen*. Berlin.
- ČERNYŠEVA, Irina I. (1984): Aktuelle Probleme der deutschen Phraseologie. *Deutsch als Fremdsprache*, Heft I. 17-22.
- FABČIČ, Melanija (2007): Interkulturelle Aspekte der phraseologischen Äquivalenzbeziehungen im EPHRAS-Korpus. In Jesenšek, Vida (ur.), Fabčič, Melanija (ur.): *Phraseologie kontrastiv und didaktisch: neue Ansätze in der Fremdsprachvermittlung*, (Zora, 47). Maribor: Slavistično društvo, Filozofska fakulteta. 271-287.
- FÖLDES Csaba (1990): Zur Äquivalenz ungarischer und deutscher Phraseologismen. *Finnisch-ugrische Forschungen XL*. 169-187.
- FÖLDES Csaba (1996): *Deutsche Phraseologie kontrastiv: Intra- und interlinguale Zugänge*. Heidelberg: Julius Groos Verlag (= Deutsch im Kontrast; Band 159).
- FORGÁCS Tamás (2007): *Bevezetés a frazeológiába. A szólas- és közmondáskutatás alapjai*. Budapest: Tinta Könyvkiadó.
- <http://www.sprichwort-plattform.org/sp/Sprichwort-Plattform.htm>
- JESENŠEK, Vida (2004): Äquivalenz in der mehrsprachigen Phraseographie. *Europhras 2004*. Basel.
- LAKOFF, George, JOHNSON, Mark (1980): *Metaphors We Live By*. Chicago, London.
- LAKOFF, George, JOHNSON, Mark (1981): Conceptual Metaphor in Everyday Language. *Philosophical Perspectives on Metaphor*. Minneapolis. 286-325.
- MIEDER, Wolfgang (1999): Popular Views of the Proverb. In De Proverbio online. Na internetu: <http://www.deproverbio.com/DPjournal/DP.5.2.99/VIEWS.htm>.
- MIEDER, Wolfgang (2003): »Die großen Fische fressen die kleinen.« *Ein Sprichwort über die menschliche Natur in Literatur, Medien und Karikaturen*. Wien.
- RÖHRICH, Lutz/MIEDER, Wolfgang (1977): *Sprichwort*. Stuttgart.

Neke osobine akcentuacije u međimurskom dijalektu

Specific accentuation in which there is no opposition by the quantity and the modulation is one of the most important features that make the dialect of Međimurje special in relation to other Kajkavian dialects. In addition to this, most distinguishing property of the Međimurje accentuation, this paper discusses its other features such as distribution, transfer of stress on prepositions, distinctive and stylistic value of the stress and the alternation of principal vowels as the basic means of expression of morphological categories.

Keywords: Kajkavian dialect, dialect of region of Međimurje, accentuation, opposition by quantity and modulation, alternation of principal vowels as a means of expression of morphological categories

1. Rasprostiranje međimurskog dijalekta

Međimurskim se dijalektom govori u Međimurju, nekim mjestima uz Muru u Republici Mađarskoj (Fičehaz, Kerestur, Mlinarci, Petriba, Pustara, Serdahelja i Sumarton). Prekomursko je područje u 12. st., zajedno s dijelom današnjega slovenskoga Prekomurja, potpadalo kao dio Bekšinskoga arhidakonata (*Bexin*), uz Međimurje, pod Zagrebačku biskupiju. Na početku je 15. st. bilo u čitavom Prekomurju 30 župa, a 1776. to je područje odvojeno od Zagrebačke biskupije. Broj župa smanjio se za turskih ratova i za turske vladavine u tom kraju. Teško je utvrditi jesu li današnji kajkavci potomci domicilnog stanovništva iz predturskoga razdoblja ili su kasnije naseljeni iz Međimurja. U toj dvojbi ne pomažu ni povijesne ni lingvističke metode. Iako u dosadašnjim istraživanjima nisu formalno uvrštavani u međimurski dijalekt, postoje opravdani razlozi da se u njega uvrste i gradišćanskohrvatski govori Umoka i Vedešina u zapadnoj Mađarskoj, južno od Niuzaljskoga jezera, te govor Legrada (mjesto u Podravini na ušću Mure u Dravu). Većina Hrvata iz Umoka i Vedešina¹ podrijetlom je iz srednje Slavonije, ali njihova kajkavština samo djelomično nastavlja predmigracijsko stanje u srednjoj Slavoniji, gdje su se vjerojatno nalazili kajkavsko-štokavski govori. No treba računati i s vrlo značajnim međimurskim utjecajem. U 16. stoljeću val migracije išao je preko Međimurja, gdje je između Legrada i Donje Dubrave bio uređen prijelaz preko Drave (BLAŽEKA 2009 b). Slavoncima su se u migracijama mogli pridružiti Međimurci, odnosno kajkavci uz Muru u Mađarskoj. Neki su se Slavonci mogli u 16. st. zadržati u Međimurju, a u 17. stoljeću, kada je nakon zrinško-frankopanske bune 1671. godine Međimurje opustošeno, novi je val Međimuraca, među kojima je moglo biti i

---

¹ O jezičnim osobinama govora Umoka i Vedešina više u HOUTZAGERS 1999.

potomaka Slavonaca koji su u 16. stoljeću ostali u Međimurju, mogao zapljusnuti zapadnu Mađarsku. Najvažnija "međimurska" osobina u tim govorima je gubitak opreke po kvantiteti i modulaciji, ali i samoglasnički inventar te realizacija samoglasnika u nenaglašenom položaju.

Legrad se 1710. meandriranjem nakon poplave našao na desnoj, podravskoj obali Drave, ali je administrativno pripadao Međimurju do tridesetih godina 20. st. Iako je poprimio neke osobine susjednih govora koprivničko-ludbreške aree, može ga se svrstati u donjodubravsku skupinu međimurskog dijalekta.

2. Nepostojanje opreke po modulaciji i kvantiteti

Na području cijeloga dijalekta nema parova riječi gdje bi kvantiteta bila fonološki relevantna. Svaki se naglašeni samoglasnik u nekoj toničkoj riječi može sasvim proizvoljno izgovoriti i dugo i kratko. To znači da je "fonološki relevantno samo mjesto siline, a modulacija, dizanje i spuštanje tona, te kvantiteta, duljina ili kraćina sloga, odnosno samoglasnika, nemaju značaja na razini fonema i riječi. Te vrednote imaju ulogu na razini rečenice, tj. njima se ostvaruje rečenična intonacija"². Duljinom ili kraćinom naglašenoga samoglasnika može se izraziti osjećaj ili stav govornika: ironija, srdžba, ljutnja, nestrpljivost, čuđenje, suosjećanje, pomirljivost, ravnodušnost, neodlučnost, negativni ili pozitivni odnos prema nečemu i slično. Konkretno značenje ovisi o situaciji, modulaciji i glasnoći izgovorenih riječi. Npr. u pitanju "*K'aj je?*" dulji izgovor naglašenog samoglasnika može izražavati ironiju, srdžbu, ljutnju, nestrpljivost, čuđenje, suosjećanje i sl. (konkretno značenje ovisi o situaciji, modulaciji i glasnoći izgovorenih riječi), ali nikako ne može izražavati neutralnost govornika spram osobe kojoj je to pitanje upućeno, dok je kratki izgovor naglašenog samoglasnika uglavnom neutralan. Na mogućnost postojanja takve akcentuacije upozorio je Pavle Ivić koji je 1961. sa svojih kratkih istraživanja dao osnovne podatke o vokalizmu i akcentuaciji Male Subotice, istočno od Čakovca, gdje je našao stanje kakvo do tada nije bilo poznato u kajkavskom narječju, a to je ukinuće opreka po kvantiteti, a ne samo po modulaciji.³ Isto je stanje našao i u govoru mjesta Mlinarci (pomurski Hrvati)⁴.

² LONČARIĆ 1990.a, 190.

³ "Govor Male Subotice istočno od Čakovca pripada zoni s *o* kao refleksom nazala *pi* vokalnog */*. Tu je nestalo fonološkog kvantiteta i rezultata skraćivanja dugih *u* i *ū*, promene *e*: (od jata i poluglasa) *>ue*, *o*:*> ūo*, *a*:*> ō*, *ä* *> e* i duženja kratkih *ä* i *a*. Van akcenta *o*, nazal *pi* vokalno */* izjednačeni su s *ū*, a jat i poluglas imaju ekavski refleks. Ovim procesima prethodilo je uklanjanje kratkog akcenta s ultime bez mijenjanja kvantiteta penultime. Intonacije nema."

	i	y		i	ū
akc.	ie	yo	+ neakc.	T	a
	e	o			
	T	ō			
	ä	a			

IVIĆ 1961, 405.

Ukidanje opreke po kvantiteti imalo je dalekosežne posljedice na samoglasnički sustav. Prozodijska obilježja očituju se u kvaliteti samoglasnika pa je opreka po kvantiteti prefonologizirana u kvalitetu samoglasnika. Zbog toga su pod naglaskom dobiveni samoglasnički sustavi od 10 do 13 članova (*a, i, u, ʒ, III, e, ė, o, m, ǫ, m, P, ɔ*).

Budući da je mjesto siline jedino fonološki relevantno, intenzitet ostvaraja siline na naglašenom slogu znatno je jači nego u onim govorima koji imaju opreke po kvantiteti i modulaciji⁵. Posljedica je toga slabljenje samoglasnika koji nisu naglašeni (labavost izgovora, gubljenje i neke neutralizacije: *o, m* i *u = ū; e* i *ė = e, i* i *III = y*).

U podjeli kajkavskoga narječja s obzirom na akcentuaciju, Lončarić spominje 5 skupina tipova prozodijskih sustava. U skupinu E u kojoj je fonološki relevantno samo mjesto naglasaka ubraja samo međimurske govore (Lončarić 1996, 63.), no sasvim sigurno u tu skupinu možemo ubrojiti i većinu ludbreških govora prema rijeci Dravi (Hrženica, Sv. Đurđ, Sv. Petar, Kelemen)⁶, a također i neke govore istočno od Varaždina. U navedenim ludbreškim mjestima također nisam našao nijedan par riječi gdje bi kvantiteta bila fonološki relevantna, a i samoglasnički inventar gotovo je identičan s onim u najvećem dijelu međimurskoga dijalekta (Blažeka 2000.a, 35-36.). U tom pravcu ide i Lončarićev sud o akcentuaciji ludbreškoga i varaždinskoga kraja: "Noviji razvoj ide u smjeru stanja koje danas nalazimo u Međimurju, tj. prema ukidanju svih prozodijskih opreka osim mjesta siline. U određenom se smislu može reći da to vrijedi za kajkavštinu uopće, odnosno za njezin najveći dio. Pojavu je uočio već Ivšić, koji ju protumačio na razini realizacije. U literaturi se to njegovo zapažanje samo ponavlja kao općenita karakteristika realiziranja kajkavske prozodije... Za Varaždin je spomenuto da ima tip 1,5 'barem u osnovi'. Naime, tamo je, a u manjoj mjeri i u drugim mjestima, uočena tendencija razvoja prema stanju kakvo imamo u Međimurju, barem u istočnom, Donjem, i u nekim mjestima na njegovu ostalu području (ako ne u cijelom), tj. tendencija ukidanja opreka po tonu, pa čak i po kvantiteti" (Lončarić 1989, 122-123.). U daljnim istraživanjima trebalo bi točno odrediti gdje je granica područja s takvim prozodijskim obilježjima.

Tema bi posebnog rada trebali biti odnosi između akcentuacije u međimurskom dijalektu s jedne strane, i novoštokavske, općekajkavske, praslavenske i slovenske akcentuacije s druge strane. Postoji dosta primjera gdje bi se

---

⁴ Zanimljive su Ivićeve usporedbe toga govora s poljskim jezikom i buzetskim govorom. Glavna bi im poveznica prema Iviću bila gubitak opreke po kvantiteti. (IVIĆ 1963, 241-243)

⁵ Jak ostvaraj siline na naglašenom slogu nevično uho može i najsrdačniji razgovor asociirati na svađu.

⁶ Dr. Stjepko Težak mi je predložio da te govore nazovem podravskomeđimurskim govorima.

analogijom prema nekom od tih sustava očekivao samoglasnik koji odgovara refleksu odgovarajućega dugoga vokala, a u govoru nalazimo samoglasnik koji odgovara refleksu odgovarajućega kratkoga vokala i obratno; dosta je primjera gdje bi se očekivao samoglasnik koji odgovara refleksu odgovarajućega kratkoga vokala, a u govoru nalazimo samoglasnik koji odgovara refleksu odgovarajućega dugoga vokala. Npr., prema pravilu 'ō <āočekivali bismo da je u svim govorima *m'ōlī*. No tako je potvrđeno samo u donjodubravskoj skupini, a u svim je ostalim istraženim govorima *m'alī*. Prema pravilima 'III < II i 'K < Φočekivali bismo *v'Kžbatī* i *d'IIIlītī* "dijeliti", a nalazimo *v'IIIžbatī* i *d'Klītī*. Takvih je iznimki dosta kod svih vokala i za sada ne mogu otkriti zakonitosti. Sve to valja imati u vidu kad se govori o dijakroniji samoglasnika u međimurskom dijalektu.⁷

3. Razlikovna vrijednost mjesta naglasaka

Mjesto naglasaka u pojedinom obliku riječi često ima razlikovnu funkciju, tj. njime se ostvaruju različite riječi i njihovi oblici. To pokazuju sljedeći primjeri iz Preloga: *G'ospa* Blažena Djevica Marija (*V'Klka G'ospa*) / *gūsp'ō* – "gospođa" (pejorativno – neutralno će se najčešće upotrijebiti imenica *g'ospūša*), *Cig'ōn* – "Rom" / *c'igan* – "karakterna osobina", *G'ospūdīn* "Bog" (u izrazu *G'ospūdīn B'mk n'ej mī pūm'ore!*) / *gūspūd'in* "svećenik", *Sv'eta M'arija* (top.) / *Mar'ija* Blažena Djevica Marija (*N'ej se ž'ēnītī ze Sv'ete M'arije*. "Nemoj se ženiti djevojkom iz Svete Marije." / *Drž'iš se k'aj drv'ena Mar'ija*. "Držiš se ukočeno.").

Značenjska se razlika u Kotoribi i Donjoj Dubravi postiže mjestom naglasaka u pridjevu *g'otūvū* / *gūt'mvū*. Oblik s naglaskom na prvom slogu upotrebljava se u izričaju *G'otūvū je!*, a s naglaskom na drugom slogu kao atribut: *gūt'mvī :'ovek*, *gūt'mvū j'Klū*, *gūt'mva pl'ō:a*, *gūt'mvī p'Knezī*.

4. Distribucija naglasaka

Naglašen može biti svaki slog bez obzira na položaj u riječi: *pr'inūtī* "gurnuti", *dūb'ivatī*, *kūlūm'ija* "trag od traktora, kola ili prikolice", *xrm'ōk* "budala", *gūr'i* (prez. 3. l. jd. od *gūr'Ktī* "gorjeti").

U načelu tonička riječ ima samo jedan naglasak. Neke dulje riječi imaju uz osnovni naglasak još jedan naglasak, manjega intenziteta. Zbog duljine riječ se u izgovoru dijeli na dvije izgovorne cjeline, dio s glavnim naglaskom i

⁷ Ivšić napominje kako se neke akcenatske promjene mogu valjano shvatiti "...samo onda ako im se postavi prava starija osnova, i to ne samo u pojedinim riječi nego i u pojedinim gramatičkim kategorijama. Tako na pr. akcenat kao *mlâtila* prema pl. *mła2tile* u IV2 (na pr. u Lupoglavu) postaje od starijega *mła2tila* - *mła.ti v̄le* (tako je u I. i III. grupi), a akcenat *mła2tila* - *mła2tile* u IV4 (na pr. u Đurđicu kod Ivanjske) postaje od starijega *mła-ti v̄la* - *mła.ti v̄le* bez drugdje raširene karakteristične razlike u ptc. f. u sg. i pl." IVŠIĆ 1936, 75-76.

dio koji dobiva sporedni naglasak. Do toga dolazi u sljedećim primjerima (sporedni je naglasak podcrtan):

a) neke dulje složenice, posebice one njemačkoga podrijetla, uglavnom se izgovaraju s dvama naglascima, npr. *x'ozentr'IIIger* "naramenica", *kl'Žcīnpr'ot* "biskupski kruh", *r'ajsn'Žjdlīn* "vrsta široke pribadače", *štr'ufp'antlīn* "podvezica", *mat'uļm'ašlīn* "leptir-mašna", *pr'IIIkf:'era* "prekjučer", *st'ōrij'apa* "djed", *st'ōram'ama* "baka", *zdr'avūm'arija* (*Ka d'mjdeš za zdr'avūm'arije d'imū!*)

b) u superlativima gdje su uglavnom naglašeni i prefiks i osnovni dio riječi, npr. *n'ajv'ekši*, *n'ajj'akši*, *n'ajd'okši*

c) u nekim pojedinačnim prilozima (bez obzira je li riječ o neutralnom ili stilski obilježenom kontekstu): 1. prilog *n'īgd'ōr* "nikada": *N'īgd'ōr n'aš t'i z'avršīl šk'mle*. "Nikada nećeš završiti školu."

2. Prilog *t'ik'mnc'e* "odmah iza" izgovara se isključivo s naglašavanjem svakoga pojedinog sloga (kao da je riječ o 3 zasebne riječi): *T'ik'mnc'e je k'opal z n'amī*. "Kopao je odmah iza nas." Želi se naglasiti da je dijete ravnopravno kopalo s odraslima.

5. Atoničke riječi

Atoničke riječi, odnosno oblici riječi, mogu biti ili samo proklitike ili proklitike i enklitike, što je općekajkavska osobina. Samo proklitike jesu atonički veznici i prijedlozi, npr. *n'urek i K'atīca* "vrsta kokoši patuljasta rasta", *V šk'mlī je n'III n'ikaj zn'al*. "U školi nije ništa znao.", *Ka d'mjdeš!* "Da si došao!" Enklitike i proklitike mogu biti neki oblici glagola i zamjenica: a) kraći oblici nesvršenoga prezenta pomoćnoga glagola *b'itī*: *sam / sem...sū* b) svršeni prezent pomoćnoga glagola *b'itī*: *būdem / būm... būdejū / būdū* c) aorist pomoćnoga glagola *b'itī* koji služi za tvorbu kondicionala i isti je u svim licima: *bī* d) enklitike osobnih zamjenica u dativu: *mī* (1.1.jd.), *tī* (2.1.jd.), *mū* (3.1.jd., m.r. i s.r.), *jūj / jī* (3.1.jd., ž.r.), *īm* (3.1.mn.) e) enklitike osobnih zamjenica u akuzativu *me* (1.1.jd.), *te* (2.1.jd.), *ga* (3.1.jd.m.r. i s.r.), *jū* (3.1.jd. ž.r.), *ix / je* (3.1.mn. - 'm je n'emre v'idetī. "On je ne može vidjeti.") f) enklitika povratne zamjenice u dativu: *sī* g) enklitika povratne zamjenice u akuzativu: *se*. Svi navedeni oblici mogu biti i enklitike i proklitike, npr. *D'ōm mū j'ō j'Žstī*. i *Mū j'ō d'ōm j'Žstī*. "Dat ću mu ja jesti." *'Onī sū tī t'm napr'ajlī*. / *Sū tī t'm 'onī napr'ajlī*. "Oni su ti to napravili."

U prijedložnim sintagmama s klitičkim oblicima osobnih zamjenica i povratne zamjenice naglasak je uvijek na prijedlogu, npr. *v'u se* "u sebe", *p'm nī* "po njih".

6. Prenošnje naglaska na prijedloge

Ako nije riječ o svezama prijedloga s enklitikama i nekim osobnim zamjenicama, prenošenje naglaska na prijedloge vrlo je rijetko. Riječ je uglavnom o leksikaliziranim primjerima, tj. o određenim riječima i određenim sintaktičkim vezama. Prenošnje naglaska na prijedloge može biti:

1. fakultativno (takvi su oblici stilski mnogo jače obilježeni od onih gdje naglasci nisu preneseni, tj. prenošenje naglaska ovisi o željenoj afektaciji koju govornik želi postići)

a) u svezama prijedloga i zamjenica (koje nisu enklitike), npr. *Z'ō nū / Za n'm b'i n'iš:ī n'ej št'Žl'itj*. "Nju nitko ne bi htio oženiti."; *'Od n'ega / jd n'ega n'ikva x'asen*. "Od njega nikakva korist."; *M'islj s'am n'a sebe / na s'ebe; N'a n'em / Na n'emū c'IIIa x'iža stūj'i*.

b) u nekim svezama prijedloga i imenica u akuzativu pri izricanju kretanja, npr. *'Idem n'a vrat*. (osnova se proširila sa samoglasnikom *a*) / *'Idem na v'rt*. (ali samo *M'ama je na v'rtū*.); *'Idemū n'a pūle / na p'oļe*. (ali samo *Kūr'uza je ūst'ōla na p'oļū*.); *J'ō sam te n'esla n'a krst / na k'rst*. "Ja sam te nosila na krštenje."; *V sūb'otū p'emū n'a gūstj / na g'ostj*. "U subotu ćemo ići na svatove."

2. stalno (prenošenje naglaska događa se bez obzira na željene stilske učinke):

a) u spojevima prijedloga s pokaznim zamjenicama, npr. *p'm vū* "po ovo", *n'ō vū* "na ovo"

b) u negacijama glagola kao što su *n'emrem* "ne mogu", *n'a būdem* "ne ću", *n'ejdem* "ne idem", *n'e smem* "ne smijem" (prenošenje naglaska događa se u svim licima)

c) s enklitikama, npr. *Z'ō te smū se spūm'inalj*. "Razgovarali smo o tebi."; *D'Žknj n'Žkaj n'ō se*. "Stavi nešto na sebe."

7. Stilistička vrijednost naglaska

U nekim se afektivnijim iskazima mjesto naglaska može razlikovati od uobičajenog: u jednim se primjerima pomiče prema kraju (ako je osnovni naglasak na početnim slogovima riječi), a u drugim prema početku (ako je osnovni naglasak na završnim slogovima riječi). I kod najpouzdanijih ispitanika možemo čuti naglaske i na jednom i na drugom mjestu, što znači da nije riječ o utjecaju standardnog jezika (posebice bismo na takav utjecaj mogli posumnjati kod primjera gdje je naglasak premješten na početne slogove riječi).

M'mram zakl'atj dv'ō p'iceke. M'Žlj būmū p'unū l'udj na str'oškū. "Moram zaklati dva pileta. Morat ćemo puno ljudi nahraniti." (neut.)⁸ // *N'a būdū m'enj t'ak d'ogū na strūšk'u!* "Neće tako dugo biti na mojem trošku!" (af. –ljutnja)

S'ōmū me str'ōx 'itj pū n'o:ī. "Strah me samu ići po noći." (neut.) // *Sam'm me t'iral zd'igatj t'eške vr'e:e*. "Tjerao me da sama dižem teške vreće." (af. –ljutnja, žalost)

Betežn'ikū je t'eškū kūp'atj. "Bolesniku je teško kopati." (neut.) // *M'mraš d'obrū k'opatj kūr'uzū ka n'aš p'ml pūs'IIIkel v'un!* "Moraš pažljivo kopati kukuruz kako ne bi pola posjekao." (af. – ozbiljno upozorenje)

V t'III s'eļj sū būgat'Žšj n'Žk pr'i nas. "U tom su selu bogatiji od nas." (neut.) // *T'III vr'ōgj sū būg'atešj nek s'i m'i sk'up*. "Ti su vragovi bogatiji nego svi mi skupa." (af. – zavist)

⁸ neut. = neutralan iskaz af. = afektivan iskaz

'm je v'ʒlkɨ g'ospūn. (neut.) // *J'ɛ je 'm pr'ɔvɨ gūsp'on!* (af. – ironija)

Zbirne imenice na *-je* kategorija je u kojoj se često javlja stilistička vrijednost naglaska. One vrlo često imaju pejorativno značenje (najčešće se radi o predmetima neuredno nabacanim na jednu hrpu, npr. *xla:'mvje*, *cɨpel'mvje*, *glaz'mvje*, *flaš'mvje*). Naglaskom na zadnjem slogu pejorativno značenje se može dodatno i pojačati: *D'ej t'm xla:ūvj'e pūspr'aj!* "Pospremi te hlače!"; *P'azi k'mt se p'ɛlaš! S'ɛ je glazūvj'e pū p'mtū!* "Pazi kuda se voziš! Mnogo je staklovine na cesti."; *D'ej t'm flašūvj'e znax'i:ɨ fkr'ej!* "Pobacaj te boce!"

Budući da ovakvih primjera ima mnogo, moglo bi se na neki način govoriti o slobodnom mjestu naglaska u nekim kategorijama.

8. Alternacije osnovnih samoglasnika kao sredstvo izražavanja morfoloških kategorija⁹

Budući da je u svim istraženim međimurskim govorima izgubljena opreka po kvantiteti i modulaciji, uz nastavke i mjesto naglaska i alternacije osnovnih samoglasnika vrlo su značajno sredstvo izricanja različitih morfoloških kategorija u kojima je u starijem stanju bila kvantitativna razlika. Posebice je tako u govorima koji imaju monoftonški samoglasnički sustav. Oni vokali koji su se diftongirali u *'A* i *'P* (u većini govora VRS i SMS te Sivici) uglavnom ne sudjeluju u izražavanju morfoloških kategorija (osim ako pomicanjem naglaska postanu nenaglašeni, ali to ne ubrajam u alternaciju ove vrste). Diftonzi *'m* i *'ð* iz diftonških samoglasničkih sustava stoje u korelaciji s *'o* i *'i* u izražavanju morfoloških kategorija. Te se alternacije događaju u sljedećim kategorijama:

---

⁹ O tom načinu izražavanja morfoloških kategorija u govoru Prelogu opširnije je pisao Blažeka u BLAŽEKA 2006.

IMENICE

L jd. m.r. prema svim ostalim padežima: jd. N *šp'ajs* "smočnica", *gr'op*, *r'eť* "red" – L *v šp'ōjzū*, *na gr'mbū*, *v r'edū*

G mn. ž.r. (E) i s.r. koji završava na -Γ prema svim ostalim padežima: jd. N *kr'ava*, *s'elū* – mn. G *kr'ōf*, *s'el*

N i L jd. prema svim ostalim padežima: jd. N *m'mst* G *m'osta* D *m'ostū* A *m'osta* – *m'mst* L *m'mstū* I *m'ostūm* mn. N *m'ostj*

N i A jd. ž.r. (I) prema svim ostalim padežima: jd. NA *k'mst* – G *k'ostj* D *k'ostj* L *k'ostj* I *kūstj'm* mn. N *k'ostj*

mn. s.r. prema jd.: jd. N *l'Žtū* G *l'Žta* D *l'Žtū* A *l'Žtū* L *v l'Žtj* I *z l'Žtūm* – mn. N *l'IIIta* G *l'III* D *l'IIIjma* A *l'IIIta* L *v l'IIIjma* I *z l'IIIjma*

GLAGOLI

prezent prema inf., m.r. i s.r. jd. gl.p.r. te mn. gl.p.r.: inf. *kr'astj*, *j'Žstj*, *xmr'IIIj* "umrijeti" – prez. *kr'ōdem*, *j'III*, *xm'Žrjem*

imperativ prema inf., m.r. i s.r. jd. gl.p.r. te mn. gl.p.r.: inf. *kr'astj*, *plat'itj* – imp. *kr'ōdj*, *pl'ōtj*

ž.r. jd. gl.p.r. prema inf., m.r. i s.r. jd. gl.p.r. te mn. gl.p.r.: inf. *kr'astj*, *j'Žstj* – gl.p.r. jd. *kr'al*, *kr'ōla*, *kr'alū*, *j'Žl*, *j'IIIa*, *j'Žlū*

m.r. jd. gl.p.r. i ž.r. jd. prema inf., imp. i s.r. jd. gl.p.r.: inf. *dn'eťj* – gl.p.r. m.r. *dn'esel*, *dn'esla*, *dn'eťlū*

gl.p.r. prema inf. i imp.: inf. *d'atj* – imp. *d'eť* – gl.p.r. jd. *d'ōl*, *d'ōla*, *d'ōlū* mn. *d'ōlj*, *d'ōle*, *d'ōla*

gl.p.t. prema inf., m.r. i s.r. jd. gl.p.r. te mn. gl.p.r.: inf. *fkr'astj* – gl.p.t. *fkr'ōdjen*

sup. prema inf., imp. i mn. gl.p.r.: inf. *s'Ž:j* "sjeći" – sup. *s'III:*

PRIDJEVI

pozitiv prema komparativu: *st'ōrj* – *st'areťj*, *l'IIIj* – *l'Žneťj*, *n'mrj* – *n'oreťj*

određeni oblik prema neodređenom obliku: *gl'ōtkj* – *gl'adek*, *būg'ōtj* – *b'ogat*

ZAMJENICE

N i A jd. m.r. prema svim ostalim padežima: jd. NA *m'mj* – G *m'ojega* D *m'ojemū* L *m'ojemū* I *m'ojjm* mn. N *m'ojj*

PRILOZI

prilog kretanja prema prilogu mjesta: *t'õ – t'am* ('Idi t' õ. T'am tì b'm b'olje.),
napr'III – n'õpri(k)

BROJEVI

N i A ž.r. prema ostalim padežima: NA *dv'III* – G *dv'Žjũ* D *dv'Žma* L
dv'Žma

Zaključak: Gubitak opreke po kvantiteti i modulaciji rezultiralo je mnogim specifičnim osobinama u međimurskom dijalektu od kojih se ističu sljedeće: a) prefonologizacija opreke po kvantiteti u kvalitetu samoglasnika zbog čega su pod naglaskom dobiveni vrlo veliki samoglasnički sustavi od 10 do 13 članova b) slabljenje samoglasnika koji nisu naglašeni zbog znatno jačeg intenziteta ostvaraja siline na naglašenom slogu nego u onim govorima koji imaju opreke po kvantiteti i modulaciji c) izražavanje morfoloških kategorija alternacijama osnovnih samoglasnika.

Literatura

- BLAŽEKA 2005. = Đ. Blažeka: Odnos govora pomurskih Hrvata prema međimurskom dijalektu, *Zbornik radova znanstvenoga skupa s međunarodnim djelovanjem (Budimpešta 6.-7. studeni 2003.)*, Budimpešta 2005., str. 143-152.
- BLAŽEKA 2006. = Đ. Blažeka: Izražavanje morfoloških kategorija alternacijama samoglasnika u govoru Preloga (pregled po vrstama alternacija). *Studia Slavica Saviariensia 1-2 (VIII. Nemzetközi Szlavisztikai Napok 2006. május 26-27.)* (Journal of linguistics and literary sciences), Szombathely, str. 51-62.
- BLAŽEKA 2008. a. = Đ. Blažeka: *Međimurski dijalekt (Hrvatski kajkavski govori Međimurja)*, Matica hrvatska, Čakovec
- BLAŽEKA 2008. b. = Đ. Blažeka: *Međimurski interdijalekt; Rasprave Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje*, Knjiga 33, Zagreb, str. 1-18
- BLAŽEKA 2008. c. = Đ. Blažeka: *Međimurski dijalekt*, Hrvatski dijalektološki zbornik, knjiga 14., Hrvatska akademija znanosti i umjetnosti, Zagreb, str. 261-292.
- BLAŽEKA 2009. a = Đ. Blažeka: Adaptacije germanizama u međimurskom dijalektu, *Studia Slavica Hung., Academiae scientiarum Hungaricae*; editor-in-chief István Nyomárkay; 54/1 (2009) 47-76 Budapest, str. 39-76.
- BLAŽEKA 2009. b = Đ. Blažeka: Utjecaj štokavskih doseljenika na istočni dio međimurskoga dijalekta, *Hrvatski dijalektološki zbornik, knjiga 15.*, HAZU, Zagreb 2009. str. 155 -166.
- BLAŽEKA - RÁCZ 2010. : Đuro Blažeka – Erika Rác *Koncepcija rječnika pomurskih Hrvata Kaj 1-2 / 2010.*, Zagreb, str. 105-118.
- BLAŽEKA-NYOMÁRKAY-RÁCZ 2009. b = Đuro Blažeka – István Nyomárkay – Erika Rác: *Mura menti horvát tájszótár – Rječnik pomurskih Hrvata*. Tinta Könyvkiadó, Budapest
- HOUTZAGERS 1999. = Peter Houtzagers, *The Kajkavian Dialect of Hidegség and Fertohomok*, Amsterdam/Atlanta

- IVIĆ 1963. = Pavle Ivić, *Paralele poljskom «pochylenie» na srpskohrvatskom terenu*. Studia linguistica in honorem Thaddaei Lehr-Splawinski; Państwowe wydawnictwo naukowe, Drukarnia Uniwersytetu Jagiellońskiego, str. 227-243.
- IVŠIĆ 1936. = Stjepan Ivšić, *Jezik Hrvata kajkavaca*. Ljetopis JAZU XLVIII, Zagreb - u ovom radu korišten je pretisak koji je 1996. objavila Matica hrvatska u Zaprešiću
- LONČARIĆ 1996. = M. Lončarić, *Kajkavsko narječje*. Školska knjiga, Zagreb
- LONČARIĆ 1989. = M. Lončarić: *Istraživanje govora u ludbreškom kraju*. Rasprave Zavoda za hrvatski jezik XV., Zagreb, str. 121-128.

Сертификационное тестирование в курсовом обучении русскому языку как иностранному вне языковой среды

The article by I. Boytsov «The international certificate exams of Russian as a Foreign Language in the structure of Language courses outside verbal environment» is dedicated to the practice of conducting Test of Russian as a Foreign Language (TORFL) sessions in Hungary (hosted by Russian Centre of Science and Culture, Budapest). The typical errors of Hungarian-speaking test-takers are analyzed in that article. The authors suggest the main didactics steps that may be undertaken during the pre-test activity.

Keywords: certificate exams of Russian, Foreign Language, Language courses, Test of Russian, typical errors of Hungarian-speaking test-takers

Теоретическая разработка многоуровневой Российской системы тестирования по русскому языку как иностранному (**ТРКИ**) началась в 1992 году в рамках министерской программы «Университеты России». Авторами-разработчиками данной системы являются Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Российский университет дружбы народов, Санкт-Петербургский государственный университет. Внедрение в практику преподавания русского языка как иностранного (**РКИ**) **сертификационного тестирования** позволяло определять степень сформированности коммуникативной компетенции по русскому языку иностранных граждан независимо от места их обучения, содействовало унификации требований к содержанию обучения в различных российских образовательных центрах, создавало предпосылки для интеграции российского образования в европейское образовательное пространство.

Создание Российской системы тестирования явилось закономерным этапом развития отечественной лингводидактики. Разработчики данной системы опирались на ту богатую теоретическую и научно-методическую базу, которая была создана российской теорией и практикой преподавания РКИ за последние 50 лет, а также на международный опыт в области тестирования и обучения иностранным языкам. К 1998 году была разработана, апробирована и описана шестиуровневая система тестов общего владения русским языком как иностранным, были изданы и внедрены соответствующие **Образовательные стандарты** [Образовательные стандарты..., 1998, с. 127-130; Балыхина Т.М., Клобукова Л.П., Степаненко В.А., 2007; Бойцов И.А., Нестерова Т.Е., Юрков Е.Е., 1998 и др.].

Сегодня лингвисты и преподаватели иностранных языков, а также все изучающие иностранный язык (в том числе и за пределами России), ориентируются на единые цели обучения и критерии оценки, разработанные совместными усилиями специалистов по разным языкам в рамках проектов Совета Европы «**Общеввропейские компетенции владения иностранным языком**» и «**Общеввропейский языковой портфель**».

Об актуальности разработки проблем сертификационного тестирования по РКИ свидетельствует и тот факт, что данное направление было выделено в качестве приоритетного в деятельности МАПРЯЛ и РОПРЯЛ. С 1997 года данная система тестирования представлена в АЛТЕ (Ассоциации лингвистических тестов Европы). Система уровней владения русским языком как иностранным была признана полностью соответствующей *европейской системе представления уровней владения иностранными языками*.

В настоящее время единая система уровней владения русским языком (**ТРКИ / TORFL**) представлена шестью уровнями, соотносимыми с Европейской шкалой владения иностранными языками - **CEF** [Общеввропейские компетенции владения иностранными языками, 2003]. Единство системы основывается на:

единстве содержания:

единой системе уровней владения русским языком как иностранным, на которую следует ориентироваться при разработке тестовых материалов;

едиными принципами описания целей и содержания каждого уровня;

едиными принципами минимизации целей и содержания обучения для уровневых требований;

единстве контроля:

едиными принципами определения формата сертификационного тестового экзамена каждого уровня;

унифицированной моделью типовых тестов;

единой процедурой проведения сертификационного тестового экзамена;

унифицированным подходом к оценке (на основе единых параметров и критериев оценки).

В настоящее время Министерство образования и науки Российской Федерации утвердило Требования [Требования к проведению государственного тестирования по русскому языку как иностранному, 2008, с. 4-10] к проведению государственного тестирования по русскому языку как иностранному, которые определяют уровневый подход к обучению русскому языку. В соответствии с данными Требованиями разрабатывается новое поколение учебно-методических материалов и соответствующих инструкций по проведению тестирования.

В последние годы лингвометодическое тестирование стало активно внедряться и в подготовку слушателей курсов русского языка Представительств РОССОТРУДНИЧЕСТВА - Российских центров науки и культуры (далее – РЦНК) в самых разных странах мира. В 2008 - 2010 гг. на курсах русского языка РЦНК в Будапеште (Венгрия) успешно были проведены 6 подобных сертификационных сессий, в которых приняло участие более 160 слушателей курсов. Предшествовала этому большая подготовительная работа, связанная как с информационной деятельностью РЦНК по популяризации сертификационных международных экзаменов, так и с достаточно глубокой перестройкой содержательной составляющей всего традиционного курсового процесса преподавания русского языка.

После известных общественно-политических событий в странах Центральной Европы на рубеже 90-х гг. XX века, как известно, интерес к русскому языку в Венгрии заметно ослабел, из венгерской лингвистики ушли многие видные русисты. Лучшая часть русистов была вынуждена переквалифицироваться и начать преподавание в самых различных аудиториях иных более востребованных сегодня в Европе языков (английского, немецкого и др.). В результате этого произошло резкое снижение мотивации изучения русского языка всеми категориями венгерских учащихся, падение профессионально-методической грамотности большинства преподавателей-словесников, многие из которых, сохраняя минимальную нагрузку по русскому языку в отдельных гимназиях и вузах (2-4 часа в неделю), десятилетиями не выезжали в Россию, имели скромное представление о происходящих в российской методической науке изменениях (в т.ч. и о «тестологии» как новой научной дисциплине), слабо владели знаниями о важнейших реалиях динамично обновляемой страны. Общение преподавателя РКИ и учащихся как основа лично-ориентированного курсового обучения русскому языку частично перестало выполнять свои основополагающие функции.

В середине 2000-х гг. ситуация в этой области начала меняться. С 2006 г. ежегодный прирост количества слушателей на курсах русского языка при РЦНК стал составлять более 100-150 человек в год. Так, за последние 5 лет количество слушателей курсов увеличилось более чем в 3,5 - 4 раза и составляет в настоящее время около 1000 человек в год, что отражает стремление все большего количества венгерских граждан освоить язык крупнейшей страны-соседа в прикладных целях, познакомиться с ее историей, традициями и культурой.

На курсах стало уделяться значительно большее внимание современным технологиям в обучении РКИ в рамках курсового обучения (вне языковой среды). Была пересмотрена **структура образовательной модели** самого курсового обучения русскому языку иностранных учащихся, уточнены ее цели, содержание и задачи, подчеркнута роль

родного языка (агглютинативного типа) учащихся в курсовом обучении русскому языку и национально-обусловленные барьеры межличностного общения преподавателя со слушателями.

При кардинальном изменении мотивации изучения русского языка как иностранного, когда в глубокое прошлое ушло идеологическое обоснование необходимости распространения русского языка в мире, на первый план вышли чисто прагматические потребности учащихся: 1. Русский язык – язык страны-партнера в политике и экономике; 2. Русский язык – язык информации; 3. Русский язык – терминологический *донор*; 4. Русский язык – язык образования; 5. Русский язык – язык мировой культуры; 6. Русский язык – межнациональное средство общения; 7. Русский язык – язык, способствующий развитию туризма и предпринимательства и под. [об этом подробнее см. В.М.Белюсов, 2010, с. 12].

Особое внимание уделяется реальной лингвокультурологической составляющей процесса обучения русскому языку. Методистами курсов были определены и описаны роль и влияние языковой (венгерской) среды на процесс освоения русского языка с учётом факторов культурной дистанции и национально-обусловленные барьеры межличностного общения. Были выявлены основные особенности и специфика внеаудиторной учебной деятельности на курсах в рамках культурной диверсификация в личностно-ориентированном обучении РКИ. Было отмечено, что специфика курсового обучения в отличие от стандартного вузовского образования иностранцев в России (в языковой среде) в качестве основной задачи не ставит *формирование личности учащегося* в заданных параметрах, а значительно большее внимание – и в этом его специфика – уделяет удовлетворению сугубо личностных, индивидуальных потребностей слушателей.

Учебно-методическую деятельность преподавателей русского языка было рекомендовано осуществлять в прямом соответствии с общепринятыми и изданными в России Программой, Стандартом, Лексическим минимумом и завершающим тестом данного уровня общего владения русским языком как иностранным. Знакомство всех преподавателей курсов (для многих первое) с базовыми тестологическими категориями, необходимость составления учебных планов на семестр, а также неременный контроль процесса обучения и знаний учащихся способствовали как самой возможности введения Международного тестирования по русскому языку (I – IV уровни общего владения) слушателей курсов с последующей выдачей Сертификатов международного образца, так и большей предсказуемости конечных результатов в области изучения русского языка слушателями всех учебных групп.

При формировании стратегии преподавания русского языка в венгерских вузах активно учитываются и обсуждаемые сегодня в России

материалы лингводидактического описания русского языка как иностранного в рамках уровня коммуникативной компетенции. При этом применительно к университетскому обучению выделяются в первую очередь следующие положения:

1. объективно и системно представить модель речевого поведения венгерского учащегося (студента) на определенном уровне владения РКИ, обязательно соотносимом с общеевропейской (международной) шкалой;

2. обеспечить стандартизацию (единообразное представление) целей овладения венгром РКИ в условиях вариативности и многообразия форм изучения языка;

3. использовать в учебном процессе последние достижения российской лингводидактики, а также учебников, учебных пособий и под., изданных в последние годы. Уделять внимание дистанционному обучению и работе с компьютерными программами по русскому языку как иностранному;

4. стараться унифицировать систему определения уровня коммуникативной компетенции тестируемых венгерских учащихся.

Совокупность указанных критериев позволяет в настоящее время планомерно и профессионально грамотно готовить венгерских учащихся к сертификационным экзаменам – важной промежуточной стадии контроля уровня коммуникативно-речевой компетенции, а разработка новых учебных материалов, посвященных подготовке учащихся к проведению тестового контроля, становится одной из важнейших составляющих успешного прохождения самого сертификационного экзамена. Актуальность избранной тематики подтверждается и поступательно-динамичным развитием в России государственной системы тестирования иностранных граждан по русскому языку – TORFL, которая заслуженно пользуется авторитетом и за рубежом, в том числе и в странах Центральной Европы.

В октябре 2008 г. в рамках проведения «Недели русского языка и российского образования» в РЦНК в г. Будапеште была проведена первая (пробная) сертификационная сессия на получение диплома по русскому языку повседневного общения международного образца, удовлетворяющего всем необходимым требованиям, предъявляемым к документам подобного рода в странах ЕС. В сессии приняли участие 30 человек. Позже, в течение 2009 – 2010 гг. было проведено еще 5 сертификационных сессий, общее количество принявших участие в которых составило 160 человек. Сертификационные экзамены проводились в соответствии с выделенными и описанными в российской тестологии сертификационными уровнями.

Следует отметить неоднородность контингента, проходившего тестирование. Среди кандидатов были носители венгерского языка, изучающие русский язык в Венгрии (ТРКИ-I, ТРКИ-II), носители венгерского языка, проходившие стажировку в России или имеющие опыт

деловых контактов с Россией (ТРКИ-II, ТРКИ-III), а также жители стран бывшего СНГ венгерской национальности, в настоящее время обучающиеся или проживающие на территории Венгрии (ТРКИ-III, ТРКИ-IV).

Анализ результатов шести экзаменационных сессий, которые были проведены в Будапеште, показывает, что при прохождении тестирования на уровне ТРКИ-I [Приложение, слайд 2] самые низкие результаты, при достаточно высоком среднем балле, кандидаты получают по субтесту «Письмо» (слайд 2). На наш взгляд, это может быть связано, с одной стороны, с недостаточным вниманием к жанрам письменной речи, актуальным для повседневного общения (бытовая и социально-культурная сферы), а с другой стороны - с несформированностью лингвистической компетенции на данном уровне. При оценивании результатов мы исходим из значимости ошибки для успешности коммуникации. При подсчете результатов в продуктивных видах речевой деятельности на данном уровне референт оперирует, в основном, тремя типами ошибок:

- **Коммуникативно значимые ошибки (-2):** ошибки, приводящие к коммуникативному сбою, т.е., ошибки, приводящие к изменению / искажению намерений говорящего.

- **Потенциально коммуникативно значимые ошибки (-1):** ошибки, не ведущие к коммуникативному сбою, но способные вызвать этот сбой в достаточно схожих коммуникативных ситуациях.

- **Коммуникативно незначимые ошибки (- 0,5):** ошибки – смысловозначительные по своему характеру, но не ведущие к коммуникативному сбою, т.е. не вызывающие какого-либо искажения / изменения намерений говорящего.

При прохождении тестирования на уровне ТРКИ-II [слайд 3] наиболее сложным для кандидатов оказался субтест по «Лексике. Грамматике», в особенности блоки заданий, связанные с проверкой умения употреблять объектные распространители при глаголах и кратких прилагательных, лексической семантикой и текстуально и жанрово обусловленным (дискурсивным) употреблением грамматических и лексических единиц.

Анализ результатов тестирования на уровне ТРКИ-III [слайд 4] показал заметное отставание результатов по рецептивным видам речевой деятельности - «Чтению» и «Аудированию» от результатов по другим видам речевой деятельности.

При выполнении субтеста «Чтение» наиболее сложными для кандидатов оказались задания (1–10) Части 1. Первая часть ставит целью проверить уровень распознавания логического содержания текста. Задача усложняется тем, что кандидату предлагается сопоставить содержание прочитанного текста с другим, своего рода конспектом первого, включающим, однако, некоторые высказывания, содержащие

информацию, отсутствующую в исходном тексте, от которой следует отказаться. В этой части кандидатам предлагаются вопросы, направленные на понимание дискуссии (круглого стола), выступления участников касаются одной и той же темы, однако эта тема освещается с разных сторон, что усложняет структуру самого текста и его понимание читающим. Для идентификации содержания исходного текста и предложенных тезисов необходимо сосредоточить внимание на главной информации-мысли каждого из выступающих. Задача выделения главной информации остаётся доминирующей, однако эта информация должна быть извлечена из содержания целого текста участника дискуссии [Рогова К.А., 2009, с. 234]. Традиционно определенные сложности для кандидатов представляет понимание художественного текста Часть 4 (задания 21-25). При прохождении III сертификационного уровня тестируемым предлагается текст из русской классической литературы (XIX века), не имеющей такого глубокого подтекста и интертекстуального наполнения, как литература XX века. В этом задании осуществляется проверка уровня сформированности умений, обеспечивающих понимание текста. В методической литературе выделяется две группы умений: А) «связанных с пониманием языкового материала текста (умения перцептивной переработки информации: они направлены на переработку воспринимаемой информации на языковом уровне и обеспечивают в конечном счёте точность понимания языковой стороны текста» и непосредственно выраженного им содержания; Б) обеспечивающих понимание смысла текста, умения смысловой обработки текста [Валгина Н.С., 2004, с. 230]. При выполнении субтеста «Аудирование» на III сертификационном уровне наиболее сложным для тестируемых являются следующие аспекты:

на уровне детального понимания: понимание семантики отдельных фрагментов текста и ключевых единиц, определяющих особенности развития основного и сопутствующего тематического содержания, выраженных в аудиотексте, в основном, имплицитно;

на уровне критического понимания: тестируемые демонстрируют недостаточное понимание стандартных способов импликации смыслов, связанных с реализацией замысла говорящего и имеющих соответствующее синтаксическое и интонационное оформление, что ведет к непониманию коммуникативной значимости высказывания.

Таким образом, при подготовке тестируемых к прохождению экзамена III сертификационного уровня особое внимание следует обратить на аспекты работы, связанные с формированием дискурсивной и лингвистической компетенций. Обращение к тексту как дискурсу позволяет сформировать не только составляющие дискурсивной компетенции, но и особое внимание уделить «правилам формирования речевых значений языковых единиц, которые проявляют себя в композиционных компонентах текста, а также к способам актуализации

значения этих единиц, что ведёт к пониманию формирования смысла, к переходу от уровня содержания текста к уровню его смысла» [Рогова К.А., 2009, с. 58].

На уровне ТРКИ-IV [слайд 5] кандидаты получили сравнительно низкие баллы по субтесту «Чтение» и субтесту «Лексика. Грамматика». При выполнении «Чтения» самым сложным оказались задания к тексту, представляющему собой фрагмент из произведения художественной литературы XX века (Часть 4). Эта часть предлагает для анализа художественный тест достаточно сложной структуры. На этом сертификационном уровне представлен текст, содержащий несколько сюжетных линий на базе введения нескольких сюжетных временных планов, включения персонажей вызывающих у героя разные реакции, текст с интертекстуальной переключкой, введением некоторых символических компонентов. Понимание подобных текстов требует от кандидата умений перехода от понимания содержания к смыслу текста, включения смысла текста в русскую литературную традицию. В субтесте «Лексика. Грамматика» наибольшую сложность вызвали задания, основанные на выражение экспрессивно-модальных значений: имплицитных средств выражения согласия, несогласия, отказа, отрицания; способов авторизации высказывания, а также имплицитной семантики нестандартных, фразеологизированных конструкций. При подготовке к субтесту «Лексика. Грамматика» особое внимание следует уделять формированию у учащихся понимания **прагматической функции грамматического значения.**

Безусловно, работа по анализу результатов тестирования должна быть продолжена, ошибки нуждаются в более четком анализе и классификации. Но уже сейчас авторы готовы поделиться некоторыми наблюдениями, которые, возможно будут полезными в учебном процессе или при создании учебных пособий, ориентированных на венгерскую аудиторию. Нам представляется целесообразным обучение жанрам речи, используемых в ситуациях повседневного общения, а также создание системы грамматических упражнений, основанных на преодолении интерферирующего влияния венгерского языка, в частности, системы заданий на овладение системы глагольного управления. На высоких уровнях (ТРКИ-III, ТРКИ-IV) актуальным остается понимание **имплицитных форм выражения содержания.**

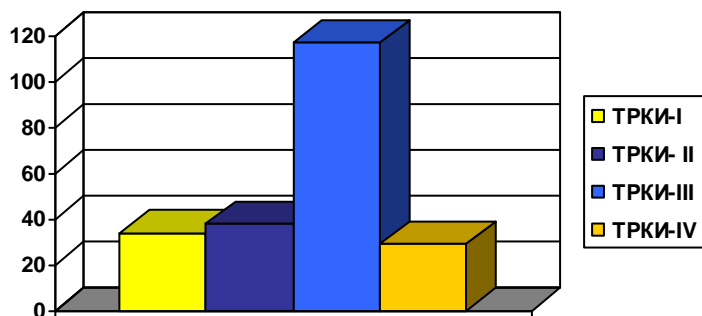
В заключение хотелось бы высказать предложение о создании национально-ориентированных тестов по РКИ для венгерской аудитории, которые можно было бы использовать в качестве тренировочных / подготовительных перед прохождением тестирования по системе ТРКИ.

Литература

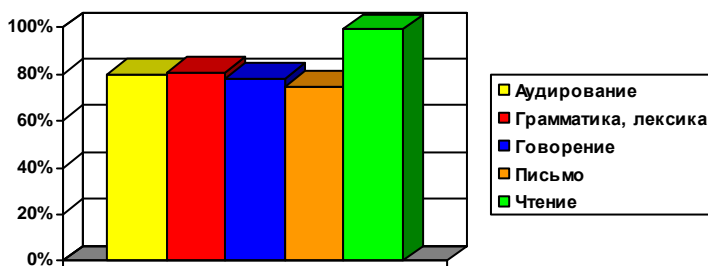
- Андрюшина Н.П., Клобукова Л.П., Норейко Л.Н. *Сертификат МГУ им. М.В.Ломоносова в России и за рубежом*, [в:] С. *Русский язык за рубежом*, 2007, № 2. С. 84-94.
- Валгина Н.С. *Теория текста*. М., Изд-во «Наука», 2004.
- Балыхина Т.М., Клобукова Л.П., Корчагина Е.Л., Румянцева Н.М., Юрков Е.Е. *Российская система тестирования по РКИ: современное состояние и перспективы развития* [в:] С. *Русское слово в мировой культуре: Материалы X Конгресса МАПРЯЛ*, Изд-во «МИРС», 2003. С.127-140
- Балыхина Т.М., Клобукова Л.П., Степаненко В.А., Юрков Е.Е. *Российская система лингводидактического тестирования (ТРКИ)*. [в:] С. XI Конгресс МАПРЯЛ. Пленарные доклады. Изд-во «МИРС», 2007, с. 49-53
- Белоусов В.Н. *Русский язык в языковом и культурном пространстве СНГ и дальнего зарубежья*, [в:] *Русский язык и культура в пространстве Русского мира: Мат. II Конгресса Российского общества преподавателей русского языка и литературы*. Санкт-Петербург, 26 – 28 октября 2010 г.- В двух частях. – Т.1. – СПб. , Изд-во «МИРС», 2010. С.13 -23.
- Бойцов И.А., Нестерова Т.Е., Юрков Е.Е. *Контроль аудитивных умений в рамках сертификационного тестирования* [в:] С. «Преподаватель», №4(6), 1998.
- Требования к проведению государственного тестирования по русскому языку как иностранному, Изд-во « МИРС», 2008, № 3, с. 4-10.
- Рогова К.А. *Субтест «Чтение» III сертификационный уровень*, [в:] С. Методические совещания-семинары по изучению и преподаванию русского языка как иностранного. Сборник научно-методических материалов, май-июнь 2009 г. – СПб., Изд-во «МИРС», 2009. С. 234-255.
- Рогова К.А. *Чтение: обучение и контроль*, [в:] С. Язык, литература, ментальность: разнообразие культурных практик. Материалы II Международной научной конференции. Курск, 14–16 мая 2009 г. Курск, 2009. С.58-61.
- Common European Framework of Reference for Languages: learning, teaching, assessment (CEFR), 2001. *Общеввропейские компетенции владения иностранными языками: Изучение, обучение, оценка*. Страсбург. Департамент по языковой политике. – Москва, Изд-во МГЛУ, 2003.

ПРИЛОЖЕНИЕ СЛАЙДЫ (графики)

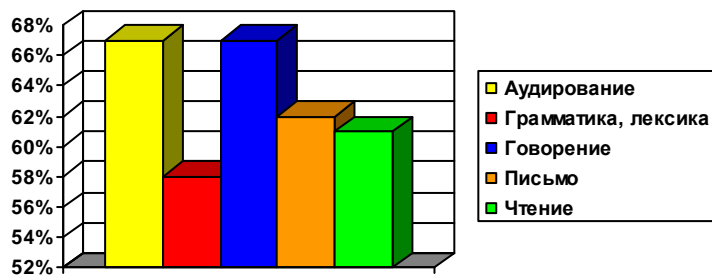
Количество кандидатов (слайд 1)

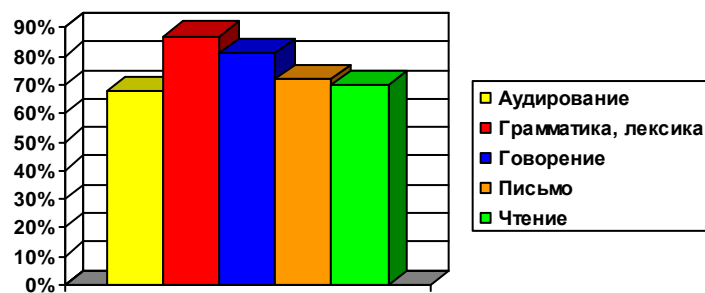
Результаты по видам речевой деятельности (ТРКИ-I) (Слайд 2)

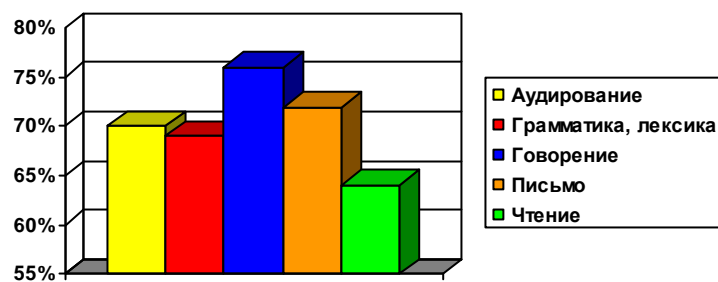
Результаты по видам речевой деятельности (ТРКИ-II) (Слайд 3)

Результаты по видам речевой деятельности (ТРКИ-III) (Слайд 4)

Результаты по видам речевой деятельности (ТРКИ-IV) (Слайд 5)

Tvorbeni potencial afiksoidne zloženke v slovenščini

The article deals with the frequency of compounds containing the borrowed suffixoid *-mat*. Based on the data from the Slovene reference corpus Fida PLUS, the characteristics of such compounds with regard to their formation and constituents are analyzed in order to show if they are completely borrowed or if they are hybrid formations. From word-formational and pragmatic perspective this type of compounds can be further categorized into three groups: internationalisms, i.e. formations with established use in other Slavic or non-Slavic languages; low-frequency formations, i.e. potential words in transition to becoming fully established in technical or general use; and ad-hoc formations, i.e. formations used expressively and created only for occasional use.

Keywords: word-formation, compounds, the suffixoid *-mat*

1 Uvod

1.0 Prispevek se osredinja na zloženke s prevzetim sufiksoidom *-mat*. Glede na gradivo slovenskega referenčnega korpusa Fida PLUS so pogoste in hkrati z vidika sestavinskih značilnosti in okoliščin rabe tudi heterogene.

Razpravljanje o tvorbeni produktivnosti sufiksoida *-mat* je v prvi vrsti povezano z vprašanjem prevzetih prvin in statusom sufiksoidov v besedotvornem sistemu slovenskega jezika. Prevzemanje kot jezikovno stalnico je mogoče umestiti tudi v kontekst novih družbenih, političnih in kulturnih dogajanj, ki jih pokriva termin globalizacija, s katero se ukvarjajo ne samo ekonomisti, sociologi, politologi, antropologi, ekologi, ampak tudi lingvisti. Prav zato slednji, zavedajoč se neprestanih jezikovnih sprememb, opazujejo mnogotere oblike jezikovne globalizacije (Kryzan-Stanojević 2009) in posledično ugotavljajo inovacije v slovanskih jezikih (Kryzan-Stanojević 2011).

1.1 Pri tem večina slovanskih lingvistov (Ohnheiser 2003, Waszakowa 2005, Koriakowcewa 2009) ugotavlja, da gre za splošni proces internacionalizacije leksike v vseh slovanskih jezikih, ki se kaže v prilagajanju in vključevanju internacionalizmov v osnovni nacionalni leksikalni sestav ter v oblikovanju novih besednih družin, v aktivizaciji mednarodnih afiksov pri tvorjenju besed, v spreminjanju nekaterih zaimkov v prefiksoide, v razraščanju novih zloženek ter vznikanju novih besedotvornih vzorcev in struktur, ki se pojavljajo v različnih zvrsteh jezika.

1.2 Pomembna je opredelitev pojma internacionalizma kot interlingvalne jezikovne enote, ki jo je mogoče identificirati in raziskovati le s pomočjo primerjave več jezikov. Kot ugotavlja Kristina Waszakowa (Waszakowa 2005: 25-35), je od dvajsetih let 20. stoletja, ko je opozoril na mednarodne elemente v evropskih jezikih A. Meillet, o internacionalizmi razpravljalo veliko lingvistov. Iz njihovih opredelitev sledi, da so to prvine mednarodne leksike, katerih

večina izvira iz grških ali latinskih korenov, področno pa nastopajo v politiki, filozofiji, kulturi, znanosti, tehniki, ekonomiji, športu ... in jih je mogoče srečati najmanj v treh jezikih evropskega kulturnega kroga. Avtorica je spoznalo razširila z dejstvom, da se internacionalizmi ne morejo omejevati zgolj na izraze grško-rimskega izvora, ampak jih je treba širiti tudi na izraze iz drugih jezikov, npr. ruskega (*perestrojka*), češkega (*robot*), angleškega (*bestseller*), francoskega (*bonton*), nemškega (*gastarbeiter*), arabskega (*džihat*) idr. Internacionalizem – v slovenistični tradiciji imenovan tudi prevzeta beseda, ki se glede na stopnjo prilagoditve loči na tujko in izposojenko (Toporišič 2000: 131) – je v najširšem smislu lahko izraz (*teater*); morfem (*anti-*) ali besedna zveza (*first lady*). V slovanskih jezikih so bili internacionalizmi sprva posredovani prek nemščine in francoščine, v novejšem času pa je zlasti za terminološko leksiko (znanost, tehnika, tehnologija) posrednik angleščina.

1.3 Kot je bilo že omenjeno, so pojavi internacionalizacije v slovanskih in tudi drugih jezikih pogojeni s procesom globalizacije. To pa pomeni, da besedotvorni inventar določenega jezika tvorijo ne samo domače, ampak tudi prevzete prvine. Waszakova (Waszakowa 2005: 56-57) ugotavlja, da se v večini besedotvornih raziskav slovanskih jezikov prepoznavno pojavlja tip različno poimenovanih afiksoidnih zloženek. Glede na položaj v prvem delu tvorjenke so imenovani morfemi prefiksoidi (npr. *agro-*, *bio-*, *kiber-*, *disko-* *eko-* ...), če je pa taka sestavina v drugem delu (*-bus*, *-fil*, *-man*, *-mat*, *-log*, *-logija*, *-fob*...) pa sufiksoidi. Ista avtorica navaja podobno interpretacijo takih zloženek tudi v drugih, zlasti angleškem jeziku, saj navaja termina suffix-like compounds in prefix-like compounds (Algeo 1991; po Waszakowa 2005: 57).

Dodati je treba, da afiksoid, pa naj si gre za pre- ali sufiksoid, ni prvina, ki bi nastajala zgolj s procesom prevzemanja, ampak tak status lahko dobijo tudi domače sestavine, ki so prvotno funkcionirale kot podstavne besede v zloženkah, a je pri pogostejši tovrstni tvorbi njihov pomen oslabel in so postale tvorbeno sredstvo. Status afiksoidov imajo tako v slovaščini (Furdik 2004: 46) zlasti *-vod* (*vodovod*, *plinovod*), *-mer* (*plinomer*, *vodomer*), *-pis* (*dobropis*), *-slovje* (*jezikoslovje*) oz. tudi *malo-* (*malolastniški*, *malolitraženi*), *vele-* (*velebanka*). Zelo podobno je stanje v slovenščini, npr. eksplicitno nakazano za *-slovje* (Toporišič 1981: 114).

2 Tvorjenke s sufiksoidom *-mat*

2.0 Razpoložljivo gradivo zloženek z *-mat* iz referenčnega korpusa Fida PLUS je obdelano s pomočjo večfunkcijskega orodja Sketch Engine (v nadaljevanju SkE). To nudi klasične funkcije za iskanje konkordanc (iskanje po lemi, besednih oblikah, frazah, iskanje z jezikom CQL) in standardne načine prikaza, razvrščanja, filtriranja ter shranjevanja konkordanc. Za raziskavo je bistvena korpusna funkcija, s katero je mogoče izdelati seznam besed, ki zbere in frekvenčno uredi vse besedne oblike oz. leme v korpusu. Iz tako pridobljenega seznama so bile izločene enote, pri katerih je šlo zgolj za tipkarsko napako ali pa so bila lastna imena, ki so kazala naključno izrazno homonimijo, nastalo s

krnjenjem in sklapljanjem sestavin, npr. *Energomat* 'montažno podjetje, ki se ukvarja z materialom za energetiko'.

2.1 Kvantitativni podatki, izhajajoči iz števila pojavitev različnic s sestavino *-mat*, so naslednji: *avtomat* (7138), *bankomat* (3324), *tempomat* (608), *parkomat* (427), *kondomat* (286), *igloamat* (201), *infomat* (193), *ledomat* (108), *rolomat* (41), *kavomat* (38), *kartomat* (37), *zdravkomat* (31), *videomat* (28), *knjigomat* (27), *promilomat* (24), *hidromat* (23), *tankomat* (20), *avtobankomat* (17), *polavtomat* (16), *šankomat*, *aeromat*, *alkomat* (13), *promillomat* (11), *fotoavtomat* (10), *konvektomat* (8), *kruhomat*, *problemat*, *euromat* (7), *cambiomat*, *spletomat*, *testomat*, *multimat*, *bonomat*, *vodomat* (5), *superavtomat* (4), *nivomat*, *halomat*, *natakomat*, *picomat*, *kinoavtomat*, *turbomat*, *webomat* (3), *liftomat*, *Jodlavitomat*, *labelomat*, *Plastomat*, *čevljomat*, *štumfomat*, *fenomat*, *evromat*, *porkomat*, *klonomat* (2), *automat*, *cashomat*, *šalomat*, *čokomat*, *žarkomat*, *baromat*, *laudromat*, *parfumomat*, *puromat*, *sladomat*, *mobikartomat*, *kavoavtomat*, *borzomat*, *babymat*, *filmomat*, *senzomat*, *otrokomat*, *autobankomat*, *aqvamat*, *pijačomat* (1).

2.2 Besedotvornovrstno so tvorjenke z *-mat* samostalniške podredne zloženke. Tvorbena analogija izvira iz vzorca *avtomat*, kar je prevzeto prek nem. *Automat* in lat. *automatus*, iz gr. *automatos*, ki je zloženska iz gr. *autos* 'sam' in trpnega deležnika glagola *memona* 'mislim, spominjam se', s prvotnim pomenom *kdor sam misli (Snoj 2003: 26). Korpusno gradivo prinaša tipološko dve skupini takih tvorjenk. Peščico primerov predstavljajo zgledi, ki imajo v drugem delu leksem *-avtomat* (*polavtomat*, *fotoavtomat*, *jodlavitomat*, *kavoavtomat*, *kinoavtomat*, *superavtomat*), *-bankomat* (*avtobankomat*), *-kartomat* (*mobikartomat*). Pri njih bodisi gre za skladiškovno podstavo, ustrezno medpovonskim podrednim zloženkam (npr. *kav-o-avtomat* < *avtomat za kavo*) ali celo sestavljenkam (*super-avtomat* < *največji, najboljši avtomat*).

Drugo, večjo skupino pa tvorijo zloženke, v katerih nastopa v drugem delu zloženek sufiksoid *-mat*. Slovenistično jezikoslovje tovrstne zloženke izloča iz sistema slovenskih tvorjenk, saj jim ni mogoče določiti skladiškovne podstave. Obravnava jih kot zloženke s prevzetimi sestavinami, katerih prvi korenski morfem (*agrotehnika* < *tehnika za kmetijstvo*), drugi (*kostumografija* < *veda o kostumih*) ali celo oba (*aerodrom* < *cesta za letala*) nima istokorenskega besednega ustreznika v slovenščini (Vidovič Muha 1988: 161–163). Tako zloženke s sestavino *-mat* sodijo v skupino takih, ki imajo prevzet drugi, jedrni del zloženek, lahko pa tudi prvega (*multimat*).

2.3 S stališča sestavinske strukture imajo tvorjenke z *-mat* v prvem delu prevzeto ali pa domačo sestavino. Prevzete sestavine v prvem delu so lahko tudi citatne (*auto-*, *cash-*, *cambio-*, *laundr-*, *web-*, *baby-*, *aqva-*). Predvidevamo lahko, da so take tvorjenke v celoti prevzete iz tujega jezika. Sicer pa v prvem delu prevladujejo t. i. vezani internacionalni prefiksoidi (*alko-*, *avto-*, *aero-*, *bio-*, *evro-*, *foto-*, *info-*, *hidro-*, *moto-*, *multi-*, *tempo-*, *tehno-*, *turbo-*, *video-*).

Prav tako se v prvem delu tovrstnih zloženek lahko pojavlja zelo širok nabor ustaljenih leksemov slovenščine. Zanje je tipično, da se s sestavino *-mat* družijo z

medponskim morfemom *-o-*, tako da se jim odvzame le končnica (*bank-* < *banka*, *bon-*, *borz-*, *bar-*, *čevlj-*, *fen-*, *film-*, *led-*, *igl-*, *kav-*, *kart-*, *klon-*, *knjig-*, *konvent-*, *kruh-*, *label-*, *otrok-*, *parfum-*, *pic-*, *pijač-*, *problem-*, *promil-*, *sam-*, *splet-*, *šank-*, *šal-*, *štumpf-*, *tank-*, *test-*, *vod-*, *pur-*, *žark-*) ali je medpona homonimna z izglasjem leksema (*hal-* < *halo*, *rol-* < *rolo*, *niv-* < *nivo*, *zdravk-* < *zdravko*). Nekateri leksemi pred medpono doživijo tudi večje krajšanje kot zgolj odvzem končnice (*čok-* < *čokolada*: *kond-* < *kondom*, *park-* < *parkiranje*, *natak-* < *natakanje*, *plast-* < *plastika*, *konvekt-* < *konvekcija*, *slad-* < *sladoled*, *senz-*, < *senzor*, *simpt-* < *simptom*).

3 Besedilna pojavnost tvorjenk s sufiksoidom *-mat*

3.0 Iz kvantitativnih podatkov je mogoče razbrati pogostnost in v tem smislu tudi izpeljati interpretacijo o ustaljenosti tovrstnih zložen. Visoko pojavnost imajo tvorjenke, ki se pojavljajo v publicistiki ali pa strokovno specializiranih revijah in imajo pomen 'naprava, ki je povezana s samodejnim izdajanjem/ustvarjanjem predmetov (*kavomat*, *ledomat*) ali elektronskih storitev (*bankomat*, *infomat*).

3.1 Tvorjenke z nižjo pojavnostjo so lahko izrazi, ki sicer izkoriščajo ustaljeni tvorbeni vzorec *X- + -mat*, vendar še zmeraj nastopajo kot potencialne besede. Na to pogosto kaže raba iz korpusnih podatkov, npr. *zdravkomat* (Dnevnik): Računalnik, *ljubiteljsko imenovan "zdravkomat"*, bo v prihodnje Slovincem verjetno potrjeval zdravstvene kartice; *porkomat* (Kmetovalec): Z napravo s *komercialnim nazivom porkomat* (krmljenje na poziv) imenujemo računalniško suho krmljenje plemenskih svinj v skupinskih čakališčih.

3.2 Povsem drugačne so priložnostnice s pojavnostjo 2 ali 1, ki so nastale zgolj kot rezultat vzporednega, ekspresivnega, za enkratno rabo ustvarjenega poimenovanja, kot zgovorno kažeta naslednja zgleda, npr. *otrokomat* (Nedeljski dnevnik): /.../ da preneha obstajati le "*kot otrokomat*", uvoženi strojček za slovensko otročad; *klonomat* (Delo): Beseda *knjigomat*, kakor so po(ne)srečeno prevedli avtomatsko izposojajo knjig (prvo tovrstno napravo na naših tleh so včeraj slovesno predstavili v Centralni tehnični knjižnici v Ljubljani), nenaključno močno spominja na *bankomat*. Zaporedju obeh avtomatov bo verjetno sledil še kak »mat«. Po prebiranju novic o kloniranih prašičih ponujamo tvorcem besednih novotarij brezplačno v premislek ime *klonomat*. Morda bo uporaben tudi za kloniranje knjigarjev in njihovih skovank.

4 Sklep

Raziskava medponskoobrazilnih samostalniških zložen s sufiksoidom *-mat* na razpoložljivem gradivu korpusa FidaPLUS je tudi v slovenščini pokazala visoko produktivnost prevzetega tvorbenega vzorca. Dotok tovrstnih tvorjenk je omogočen tako z neposrednim prevzemanjem (*babymat*, *cashomat*) kot z zapolnjevanjem tvorbenega vzorca z domačimi leksemi v prvem delu (*knjigomat*, *iglomat*).

Pogostnost tovrstnih tvorjenk in njihova pojavnost v besedilnih virih s stališča okoliščin rabe nedvoumno kažeta na tri skupine tvorjenk. Prvo tvorijo internacionalizmi, ustaljeni tudi v drugih (ne)slovanskih jezikih (npr. *bankomat*, *tempomat*, *infomat*), drugo nizkofrekventne tvorjenke, ki si kot potencialne besede šele utirajo pot v strokovni ali širši rabi (npr. *picomat*, *porkomat*), tretjo pa priložnostne tvorjenke z ekspresivnim nabojem, ustvarjene zgolj za enkratno priložnost (npr. *štumfomat*, *žarkomat*).

Splošna težnja internacionalizacije v leksiki sodobnih nacionalnih jezikov se tako odraža z vedno večjo presečno množico skupnih leksemov, hkrati pa z vse večjo družljivost prevezetega in domačega, kar vodi v hibridizacijo tvorjene leksike.

Literatura

- Juraj FURDÍK, 2004: *Slovenská slovotvorba: teória, opis, cvičenia*, ur. Martin Ološtiak, Prešov: Náuka.
- Elena KORIAKOWCEWA (ur.), 2009: *Przejawy internacjonalizacji w językach słowiańskich*, Siedlce: Wydawnictwo Akademii Podlaskiej.
- Barbara KRIŽAN-STANOJEVIĆ (ur.), 2009: *Lice i naličje jezične globalizacije*, Zagreb: Biblioteka Srednje Europe.
- Barbara KRIŽAN-STANOJEVIĆ (ur.), 2011: *Inovacije u slavenskim jezicima*, Zagreb: Biblioteka Srednje Europe.
- Ingeborg OHNHEISER (ur.), 2003: *Komparacja współczesnych języków słowiańskich, 1 Słowotwórstwo/Nominacja*, Opole: Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej i Opolskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk.
- Marko SNOJ, 2003: *Slovenski etimološki slovar*, Ljubljana: Modrijan.
- Irena STRAMLJIČ BREZNIK, 2009: Hibridizacija novejših slovenskih tvorjenk, v: *Przejawy internacjonalizacji w językach słowiańskich*, ur. Elena Koriakowcewa, Siedlce: Wydawnictwo Akademii Podlaskiej, 165–178.
- Ada VIDOVIČ-MUHA, 1988: *Slovensko skladenjsko besedotvorje ob primerih zloženek*, Ljubljana: Znanstveni inštitut Filozofske fakultete – Partizanska knjiga.
- Krystyna WASZAKOWA, 2005: *Przejawy internacjonalizacji w słowotwórstwie współczesnej polszczyzny*, Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego.
- Jože TOPORIŠIČ, 2000: *Slovenska slovnica, Četrta, prenovljena in razširjena izdaja*, Maribor.
- Jože TOPORIŠIČ, 1981: *Slovenski knjižni jezik 2*, Maribor: Založba Obzorja.

Vloga živali v slovenski zgodnji ekspresionistični kratki prozi

Man's ethical slips and the dark layers of instinct are in expressionism expressed as a particularly visual art frequently verbalized by means of animal images and metaphors. In the animalized image, man, who based on evolutionary theories considered himself the peak of creation, experiences the decay of moral and ethical values, he becomes even more violent than animals and is in the phase of transforming into a beast. Animalization spreads also to the landscape which in such images and metaphors seems alienated. In the framework of metaphorical visions of the end of the world and of the apocalyptic dimensions of the war deaths, animals from biblical sources, too, play a special role. In the analyzed short prose one finds apocalyptic monsters, pigs, and most expressly apocalyptic horses.

Keywords: expressionism, short prose, animals

Človek – krona stvarstva ali žival?

Številni naslovi ekspresionističnih literarnih del, antologij in programov postavljajo v ospredje človeka in človeštvo, poudarjajo bratstvo in prijateljstvo (Kurt Pinthus, *Menscheitsdämmerung*, Franz Werfel, *Der Weltfreund*, Karl Kraus, *Die letzten Tage der Menschheit*, Leonhard Frank, *Der Mensch ist gut*, Ivan Cankar, *Pobratimi*, Marija Kmet, *Človek*, Miran Jarc, *Človek in noč*, O, *človek*, Alojzij Remec, *Človek* idr.). Ekspresionizem je zato v primerjavi z avantgardnimi umetnostmi še zmeraj predvsem antropocentrična umetnost (Anz 2002: 65). S poglobljeno etičnostjo je cilj ne le na novo umetnost, temveč skozi njo tudi na novega, etično prenovljenega človeka, ki pa je zmeraj ubeseden le kot želja ali vizija neke daljne prihodnosti. Toda tako v srednjeevropski kakor v slovenski zgodnji ekspresionistični kratki prozi, zamejeni z letnicama 1914 in 1923 (Čeh Steger 2010), se nemalokrat srečujemo s človekom, ki je krvoločnejši od živali. Vsekakor je tudi naš ekspresionistični subjekt na podlagi izkušenj, slutenj in vizij o propadu družbe in človeka ponovno stavil na človeka in klical po duhovno in etično prerojenem novem človeku. O tem pričajo že Cankarjeve *Podobe iz sanj*, v katerih je na številnih mestih s svetopi-semskimi metaforami in simboliko iz teme porajajoče se svetlobe izpovedano upanje v odrešitev človeka in človeštva skozi trpljenje in smrt, obenem pa z enako močjo razkrita zlo, ki se je naselilo v človeka. Človekov vrhovni položaj na lestvici živih bitij se je močno zamajal. V črtici *Maj* je Cankar ubesedel na primer človekovo objestno obnašanje do šibkejših, z vidika evolucijske teorije podrejenih živih bitij. Vsak človekov korak v naravi, zapiše Cankar, je spomin na smrt. Črtica izzveni v spoznanje, da je žival boljša od človeka. Žival ubija iz lakote, človek iz hudobije: »Bojim se kragulja, ali bolj se bojim človeka! /.../ Kragulj je lačen, človek pa je hudoben« (Cankar 1975: 31). Podobne misli si je v vojni dnevnik zapisal tudi Andrej Čebokli (1999: 91):

Človek je hujši nego žival. Žival, kadar je sita, molči in ne želi več. Ali človeku se zbudi šele tedaj poželenje ubijati in moriti, kadar gospoduje tisočim, kadar ginevajo pod njegovim jarmom milijoni. O kako sladek je človeku umor!

V primerjavi z vizijo o novem človeku je dejanski ekspresionistični subjekt notranje močno razklan, odtujen sebi, družbi in naravi. Za takšna stanja obsoja družbo, krivi pa tudi moderno civilizacijo oziroma tehniko, industrializacijo in urbanizacijo. Človek v oblasti temnih in nagonских sil postaja zlobnejši od živali, zato se je hierarhično razmerje med njim in živaljo v tej literaturi kdaj tudi povsem obrnilo. Pri Cankarju in Dorniku žival prevzame celo vlogo etičnega sodnika, obsoja nesmiselnost vojne in zastavlja pripovedovalcu neprijetna vprašanja.¹ Domače in udomačene živali človeku odpovejo pokorščino, se spreminjajo v grozljive sanjske podobe, na primer psica se povzpne na spečega človeka, pritiska na njegove prsi in usmerja oster pogled vanj (Cankar, *Leda*), v groteskni viziji konj zasleduje človeka in neizprosno upira vanj svoje oči (Dornik, *Konji*). O človekovi moralni izmaličenosti in uničevalni sli so pisali predvsem Ivan Cankar, Ivan Dornik, France Bevk, Narte Velikonja, Milan Fabjančič in Andrej Čebokli.

Svetopisemske živalske predloge

Posebno mesto zavzemajo v ekspresionistični literaturi živali iz svetopisemskih predlog oziroma njihovih slikarskih upodobitev, zlasti iz *Apokalipse*. Apokaliptične podobe in živali se pojavljajo pri Ivanu Cankarju, Ivanu Dorniku, Cirilu Vidmarju, Milanu Fabjančiču in Andreju Čebokliju. Pisatelji so jih seveda preoblikovali in prenesli v nove kontekste, zlasti v sklop vizij in sanjskih podob o apokaliptičnih razsežnostih vojne smrti. V obravnavani kratki prozi se zapisujejo pošasti, tudi svinje, najopazneje pa apokaliptični konji.

Ivan Cankar je simbolno podobo skozi svet dirjajočih apokaliptičnih jezdecev zapisal večkrat, že leta 1911 je z njo zaključil novelo *Dana*. Svetopisemsko predlogo je tukaj prenesel v nov tematski kontekst, ji v celoti odvzel apokaliptične razsežnosti in preoblikoval v vizijo vesoljne moči in poguma, saj je zapisana kot kontrast bivanjsko labilne glavne literarne osebe Štefana Bratine. Toda že v črtici *Pogled iz škatlice*, ki je izšla 1. avgusta 1914, torej dva dni potem, ko je Avstro-Ogrska napovedala vojno Srbiji, je Cankar s simbolno vizijo apokaliptičnih jezdecev napovedal grozote prve svetovne vojne in zahteval slovo od esteticističnega individualizma v umetnosti kakor tudi umetnikov protivojni angažma (»Na tleh! Pod konjskimi kopiti! Pod železnimi kolesi! Tako gredo narodi svojo pot. Še malo poglej, še malo pomisli! Ni treba še, artist, da bi se zaklenil v svojo škatlico!« (Cankar 1975: 285)). Spremembo stilne paradigme, nujno slovo od simbolistične filozofije hrepenenja in impresionističnega esteticizma, je leta 1915 v metabesedilni črtici *Odprto okno* s podobo breztelesnega apokaliptičnega jezdeca dovolj odločno zapisal tudi

---

¹ Prim. Cankarjevi črtici *Leda* ter *Sraka in lastavice* in Dornikovo črtico *Konji*.

France Bevk.² Kot alegorični simbol vojne smrti je v slovenskem literarnem spominu zagotovo najbolj uskladiščena Cankarjeva podoba stotnika, okostnjaka v črnem plašču na konju, iz črtice *Gospod stotnik*. Podobo apokaliptičnega jezdeca v okviru vojne teme je pisatelj nato ponovno ubesedil v vojni črtici *Senca*, tukaj na podlagi intermedialne navezave na sliko Arnolda Böcklina (*Vojna*), ki se motivno naslanja na svetopisemsko predlogo štirih apokaliptičnih jezdecev, zmaguje pa konj, na katerem sedi smrt v temnem oblačilu in z lovorovim vencem na lobanji. Človek je v črtici *Senca* spričo vladajočega vojnega jezdeca le še prestrašena, blede senca («Vedel je, da jezdi preko vesoljne zemlje Böcklinov strašni jezdec, nasilna smrt. Vedel je, da se pod svetopisemskega konja kopiti rušijo in porajajo svetovi, da nosi ogenj v svoji grivi, kugo v svoji sapi» (Cankar 1975: 49)). Svetopisemska podoba vojnega jezdeca je pri Cankarju preoblikovana tako, da so v njej združene podobe vseh treh uničevalnih apokaliptičnih konjev, rdečega, črnega in mrtvaško blede barve, alegorični simboli vojne, lakote in smrti ali kuge. Kot primerjalni člen za iznakaženost v vojni oslepelega vojaka se Böcklinov apokaliptični jezdec pojavi tudi v Dornikovi črtici *Brez oči*. V Čeboklijevi pesmi v prozi (*Rdeči jezdec*) so apokaliptični konji intenzivna in dinamična vizualna metafora za sončni zahod s simbolnimi pomeni za nasilno zaustavljeno hrepenenje vojaka po materi in domovini. Apokaliptične vojne vizije in alegorične podobe je zapisoval tudi Fabjančič in jih oprl na svetopisemsko predlogo o zmagujoči vlačugi Babilonki, sedeči na ogromni zveri. To predlogo je v kratki pripovedi *Prolog tragediji v »Novi svet«* precej preoblikoval in alegorično podobo Nenasitnosti, kakor je poimenoval svojo ostudno pošast, ki ji je dodal tudi vojaške attribute (železni nohti), postavil med vojne armade, ogenj in grmenje granat.

Od frazeoloških do individualiziranih živalskih podob

V ekspresionistični literaturi imajo živali pozitivno in negativno vlogo (Anz 2002: 93). Prva se največkrat razbira v okviru vitalističnih predstav prvotne, svobodne in avtentične oblike bivanja z naravo. Ker je ekspresionistični subjekt to povezanost z naravo v celoti izgubil, so ekspresionisti eno od možnosti za duhovno preroditev človeka videli v tem, da človek zapusti moderno civilizacijo in se vrne k preprostim oblikam v naravi, celo k prastvarstvu. Družbeno odtujen človek večkrat išče le še stik z zapuščenimi in pohabljenimi živalmi (Dornik, *Pogovor s psom, Konji*). Živalska zgodba čestokrat postane tudi parabola za človekovo bivanjsko izločenost (Bevk, *Črni piščanec*). O človekovi povezanosti z naravo govorijo tudi nekatere živalske metafore in primere za ponazarjanje človeka, ki so v obravnavani kratki prozi večkrat posnete še iz literarne tradicije. Primerjalni členi in nosilci teh metafor so ptice, lastovice, vrani, pes, opica, volk, svinja idr. Tovrstne podobe lahko temeljijo celo na utrjenih

---

² »Gorje mu, kdor bi se objemal s tistimi, ki capljajo, se bratil z onimi, ki gredo, in ne dirjal poleg velikega, breztelesnega jezdeca, kateri ima sam nesmrtnost in življenje v očeh – čas« (Bevk 1923: 96).

frazeoloških pomenih, ki jih je človek pripisal živalim na podlagi njihovih značilnosti ali z vidika svojega vzvišenega položaja. Ekspresionisti uporabljajo frazeološke živalske podobe v glavnem za animalizacijo in ponazarjanje človekovih negativnih značajskih lastnosti. Po svoje preseneča, da je tradicionalne in frazeološke živalske podobe v veliki meri zapisoval tudi avantgardist Anton Podbevšek, vendar je potrebno dodati, da imajo v njegovih »kompozicijah« te metafore pogosto ironično funkcijo in modalno slovnično obliko, obenem pa stopajo v očitne kontraste z metaforami novih izhodiščnih območij (tehnika, industrija, vojaštvo, vulkani itd.), se kopičijo v verige metafor itd. Podbevšek je seveda zapisoval tudi povsem inventivne živalske metafore. Tako je na primer frazeološki »kači klopotači« (*Plesalec v ječi*) v *Himni o carju mavričnih kač* dodal precej simbolno podobo mavričnih kač:

Tedaj sem se pogledal in z grozo v lesketajočih se kameleonskih očeh sem videl, da so me držale objetega številne mavrične kače – toda jaz sem se dvigal še hitreje, kakor na glavo postavljen zračni vrtinec, njih v čudnem ognju svetlikajoče se meduzje glave z baziliskovimi očmi so se odmikale od mene in predirale s svojimi pogledi kakor meči moje vedno nemirno srce /.../ in že sem jih videl, ko so se s svojimi deltastimi zobmi zasekale v moja prsa, ki so se mi zazdela kakor nezaklenjen tabernakel, lomile in zastruplejvale hostije v mojem ciboriju (Podbevšek 1991: 18).

Podbevškove mavrične kače simbolizirajo stvarnost, ki ogroža umetnika. Ta se pred njo umika in osvaja prostor »med peklom in nebesom«, pri čemer pa Podbevškova metafora carja za umetnika kot duhovnega izbranca vendarle ne more zakriti literarne tradicije oziroma Župančičevega carja višin iz pesmi *Umetnik in ženska*.

Estetika grdega, animalizacija in živalske podobe

V ekspresionistični literaturi se je človekov vrhovni položaj na lestvici živih bitij zelo zamajal. Človek je pogosto primerjan ali identificiran z živaljo v smislu izgubljanja človečnosti. Animalizacijske podobe, izhajajoče iz konceptualne metafore ČLOVEK JE ŽIVAL, spreminjajo človeka v žival, zver, brezimno množico ali v zgolj nagonsko bitje, ponazarjajo njegovo razčlovečenje, razpad moralnih in etičnih vrednot. Metaforični nosilci in primerjalni členi za človeka so lahko abstraktne in konkretno poimenovane zveri (zver, pošast, hijena, volk, lev, tiger). Med obravnavanimi pisatelji so tovrstne podobe pisali Anton Podbevšek, France Bevk, Joža Cvelbar, Ciril Vidmar idr. Animalizacija je izrazita tudi pri Čebokliju in je zajela celo komaj rojenega otroka (»Njegovo telo bo komaj živali podobno – človeku pa nič«, *Otrok gladu*). Milan Fabjančič je podobno kot pred njim že Cankar v ciklu živalskih pripovedi *Iz tujega življenja* kritičen do človekovega nasilnega ravnanja z živalmi, na kar opozarja na primer prvi del pripovedi *Ječe*, v kateri pijanec do smrti pretepe kobilico in se nato celo krohota. Z živalskimi motivi, paraboličnimi zgodbami in živalsko metaforiko je Fabjančič pisal o razčlovečenju človeka v vojni. Animalizacija je zajela tudi duševne procese in pokrajino, na oboje se v metaforah in primerah

preslikujejo posamezne živalske lastnosti (barva, način delovanja, gibanja, oglašanja, oblika idr.). Animalizirana in personificirana pokrajina deluje v ekspresionistični literaturi tuje, grozljivo in poudarja odtujenost človeka v njej. V ekspresionistično literaturo so po načelu egalitarizma (Žmegač 2002: 18) vstopala vsa področja življenja, kot nasprotje estetskimi stilom moderne in za njihovo razgradnjo pa se je še posebej v zgodnjem ekspresionizmu uveljavila radikalna estetika grdega, v okviru katere je nastajala tudi grda in groteskna živalska metaforika. Ekspresionisti so za ubeseditev kaotičnih občutij, tesnobnih stanj, grozljivih slutenj, bojazni, halucinacij in moralnega razkroja pogosto posegali po gnus zbujujočih pritlehnih živalih in metaforičnih izhodiščih umazanije, razkroja, gnilobe, bolezni itd. Grde živali so se kot podobe umestile celo v teoretske razprave o ekspresionizmu.³ Črvi, deževniki, mrčes, kače, podgane, miši in druga golazen ponazarjajo v ekspresionistični literaturi v obliki motivov in vizualno izrazitih metafor groteskno odtujeno, skrivnostno in neprijetno okolje ali kaotičnost človekove duševnosti, prestrašenost, grozo, halucinacije, nemoč, zlobo, nasilje, razpadanje telesa itd. V ekspresionizmu sestavljajo mrhovinarji, golazen in mrčes skupaj s smradom, umazanijo, grdoto in boleznijo kompleks podob, s katerimi poteka tematizacija propadanja oziroma razkrajanja sveta in človeka. Podgane, črvi, muhe, mrčes, v širšem pomenu tudi črne živali kot oznanjevalke smrti so katalizatorji razdiralnih procesov oziroma umetnikovih občutij o trhlen in propadajočem svetu (Cosentino 1972: 38). Podgane lahko gnezdiijo v razpadajočem truplu mlade utopljenke (Heym, *Ophelia*), pogosto pa so zašle celo v naslove ekspresionističnih besedil (Georg Trakl, *Die Ratten*, Gerhard Hauptmann, *Die Ratten*, Slavko Grum, *Podgane*). V Grumovi črtici *Podgane* simbolizirajo te živali skrajno odtujenost epskega subjekta, njegov strah pred smrtjo ter popoln eksistencialni in psihični razkroj, prosto se mu sprehajajo po sobi, on jih sliši, voha in v groteskni podobi mu celo objedajo glavo (»Tu ležim z nažrto lobanjo in si ne upam potipati, da ne bi bilo treba zakričati«, Grum 1976: 87)). Podobno, vendar ne tako intenzivno lahko učinkujejo v ekspresionizmu tudi miši in črvi. Kot metaforo razkroja je črva v slovenski literaturi najbrž najizraziteje ubesedil Alojz Gradnik (*Črv*). Cankar je za človekov moralni razkroj uporabljal groteskne podobe umazanije, črne krvi in gnusnih pljunkov v odprtih srcih ljudi (*Ranjenci*), črve pa je zapisal v povezavi z razpadajočimi kostmi pobitih ljudi v *Kostanju posebne sorte*. V Cankarjevi črtici *Maj* se kot sanjska podoba groteskno razraščata tudi »črni mravljinec« in »debeli čmrlj«, oba sta za las ušla človeku, hudobnemu ubijalcu, v temnih sanjah se vračata in oglašata kot etična vest, lazita po njegovem trebuhu in mu stiskata prsi.

---

³ Alfred Döblin je denimo zatrjeval, da mora biti dober roman sestavljen iz zaporedja manjših, relativno samostojnih pripovednih enot, ki jih je mogoče brati tudi samostojno. To je ponazoril s podobo na deset kosov razrezanega deževnika, ki se samostojno premikajo (Anz 2002: 183).

Med pomembne ekspresionistične simbole in podobe razkroja, demoničnih sil ter smrti se vpisujejo tudi črne ptice (Cosentino 1972: 55–66). Za tvorbo tovrstnih simbolnih pomenov so odločilnega pomena črna perje, zadrževanje v bližini človeka, kljuvanje trupel, prehranjevanje z mrhovino, način oglašanja. Vrane, kavke, krokarji so kot prastare podobe strahu in zla povezane tudi z vraževerjem in folklorno mitologijo, zlasti krokarju pripisuje mitologija vlogo demonične, smrti pripadajoče živali. V Cankarjevih *Podobah iz sanj* se sova in vrane pojavljajo s simbolnimi pomeni neprijetnega oglašanja in plahutanja kril. V parabolični črtici *Sraka in lastovica* je pisatelj izpovedal ogorčenje nad vojno tako, da je sraki odvzel folklorne simbolne pomene. Njegova sraka je vsa pohabljena in prestrašena. Sredi vojne je spričo množične smrti izgubila smisel za humor, a tudi lastovice kot parabola za umiranje slovenskih vojakov na frontah zaman iščejo svoj dom. Čeboklijeve vrane se kot znanilke smrti oglašajo z razglašnim kriki, njegovi mrtvi žerjavi pa so učinkovita vizualna metafora za neuresničene erotične želje vojakov na fronti: Ognjeni žrjavi so leteli z vso srčno silo skozi večer ... Samo s perutmi so se včasih odpočili. Ali še pred ranim jutrom so se ujeli v električne zanke in storili kratko smrt: brez kaplje prelite krvi visijo v železnem trnju žičnih ovir, ki črno cvetijo po granitnih gorah (Čebokli 1999: 251).

Viri in literatura

- Thomas Anz, 2002: *Literatur des Expressionismus*. Stuttgart, Weimar: J. B. Metzler.
- France Bevk, 1922: *Faraon*. Trst: Naša založba.
- Ivan Cankar, 1975: *Zbrano delo. Triindvajseta knjiga*. Ljubljana: DZS.
- Christine Cosentino, 1972: *Tierbilder in der Lyrik des Expressionismus*. Bonn: Bouvier Verlag Herbert Grundmann.
- Andrej Čebokli, 1999: *Andrej Čebokli: Pesnik in pisatelj iz Kreda*. Ur. Rozina Švent. Avtor dodatnega besedila Zora Tavčar. Gorica: Goriška Mohorjeva družba.
- Jožica Čeh Steger, 2010: *Ekspresionistična stilna paradigma v kratki pripovedni prozi 1914–1923*. Maribor: Mednarodna založba oddelka za slovanske jezike in književnosti (Zora, 69).
- Ivan Dornik, 1930: *Brez oči. Novele*. Celje: Brata Rode&Martinčič.
- Milan Fabjančič, 1921. Prolog tragediji »V novi svet«. *Ljubljanski zvon* 41/11. 675–682.
- Slavko Grum, 1976: *Zbrano delo. Prva knjiga*. Ur. Lado Kralj. Ljubljana: DZS.
- Anton Podbevšek, 1991: *Človek z bombami*. Novo mesto: Dolenjska založba.
- Viktor Žmegač, 2002: *Evropski kontekst ekspresionizma. Ekspresionizam u hrvatskoj književnosti i umjetnosti*. Ur. Cvjetko Milanja idr. Zagreb: Altagama. 11–21.

Сопоставительная семиотика культуры в преподавании
русского языка как иностранного
(Дед Мороз)

Contrastive cultural semiotics takes an important place in teaching foreign languages. Teaching languages has a mediator role in getting to know different cultures and to their conscious and adequate use. For this reason it is worth to familiarise ourselves with the current system of cultural semiotics - especially in relation to holidays and festivities- to be able to give through answers to our students during learning a foreign language.

Santa Claus and Christmas holiday were the most common European holidays of the winter season in the olden days and they are still very important in the modern city folklore. They have their well-known attributes and positive feelings for both the younger and older generations. This festive season can be properly described by the tools of semiotics and in this instance we focus especially on Santa Claus.

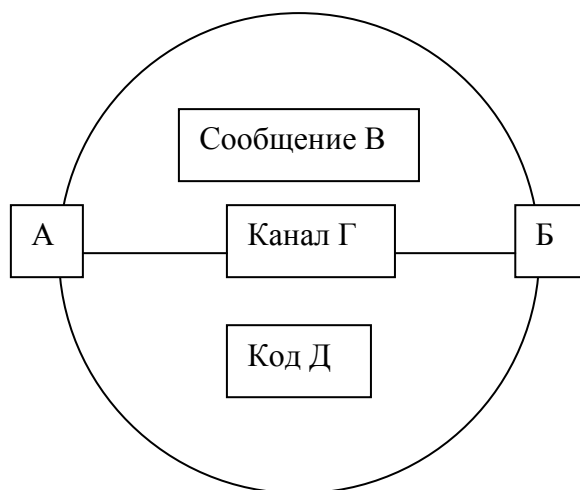
Keywords: cultural semiotics, ethno-semiotics, semantics, pragmatics, syntax, cognitive frame

1. Семиотика – наука о знаках

Одна из нерешенных проблем, на которую указывает В. А. Звегинцев, – это связь лингвистики с семиотикой. Возможно, неплодотворность семиотической метафоры в лингвистике объясняется тем, что семиотический знак со свойственной ему семантической пустотой и конвенциональностью приписываемого ему содержания был механически приравнен к языковому знаку. Этим можно объяснить и жизненность унилатеральной концепции языкового знака в лингвистике, под которым понималась несемантизированная форма слова, а приписываемое ей содержание отождествлялось с мыслительным понятием. Время показало несостоятельность данной концепции. Коммуникация при помощи языка немислима без знаний о мире. Язык должен анализироваться не на фоне человека, а через призму человеческого сознания и межчеловеческих отношений, т. е. как *антропологическое* явление в плане отношений между сознанием и действительностью, и как *этнологическое* явление в плане отношений индивидуального сознания к другому индивидуальному сознанию и к коллективному (общему) сознанию (ср. Звегинцев 1996). В этом плане семиотика получает важную роль в процессе исследования.

Семиотика – наука о знаках. В основе семиотики лежит понятие знака. Другое ключевое понятие семиотики – знаковый процесс, или семиозис. Семиозис определяется как некая ситуация, включающая определенный набор компонентов. В основе семиозиса лежит намерение

лица А передать лицу Б сообщение В. Лицо А называется отправителем сообщения, лицо Б – его получателем, или адресатом. Отправитель выбирает среду Г (или канал связи), по которой будет передаваться сообщение, и код Д. Код Д, в частности, задает соответствие означаемых и означающих, т.е. задает набор знаков. Код должен быть выбран таким образом, чтобы с помощью соответствующих означающих можно было составить требуемое сообщение. Должны также подходить друг к другу среда и означающие кода. Код должен быть известен получателю, а среда и означающие должны быть доступны его восприятию. Таким образом, воспринимая означающие, посланные отправителем, получатель с помощью кода переводит их в означаемые и тем самым принимает сообщение:

В отношении Деда Мороза все эти компоненты адекватно существуют во всех культурных сферах Восточной, Западной и Средней Европы.

Семиотика разделяется на три основные области: синтактику (или синтаксис), семантику и прагматику. Синтактика изучает отношения между знаками и их составляющими (речь идет в первую очередь об означающих). Семантика изучает отношение между означающим и означаемым. Прагматика изучает отношение между знаком и его пользователями. Морфология изучает выразительные средства семиотического явления¹.

К семиотическому анализу текстов в самом широком смысле слова относятся, например, исследования основного мифа (Вяч. Вс.

¹ <http://www.krugosvet.ru/node/39067>

Иванов, В.Н. Топоров), фольклорных и авторских текстов (М.И. Лекомцева, Т.М. Николаева, Т.В. Цивьян и др.). Другое направление, связанное с этим понятием, представлено в работах М.Ю. Лотмана. В этом случае речь идет о тексте культуры, а само понятие культуры становится центральным, фактически вытесняя понятие языка. Культура понимается как знаковая система, по существу являющаяся посредником между человеком и окружающим миром. Она выполняет функцию отбора и структурирования информации о внешнем мире. Соответственно, различные культуры могут по-разному производить такой отбор и структурирование (ср. Степанов 1971, 1983, 1985, Иванов 1976, Лотман, 1994, Крейдлин, Кронгауз 1997) .

2. Семантика, прагматика, синтаксис праздничного круга «Дед Мороз».

Обычай в центре Деда Мороза рассматриваются в плане семантики как отмечающее зимнего солнцестояния, ожидание света, праздника радости. Прагматика описывает, как проходит этот праздник в разных странах Европы. Синтаксис раскрывает отношения между знаками (Дед мороз, Снегурочка, крапусы, олени, Рождество, Ёлка, Новый Год и т. д.). Морфология подробно описывает формальные компоненты: как выглядит Дед Мороз и другие фигуры и реквизиты мероприятий. Пожалуй, самым простым является описание морфем (ср. Ортутаи 1980, Ч. Йонаш 2005).

2.1. Морфология семиотического знака – Традиционный облик Деда Мороза

Микулаш в Венрии кладёт подарки – конфеты, шоколады, шоколадные фигуры Микулаша в красные прозрачные мешки – в ботинки на подоконнике. Часто кладёт также туда и прут. Если лично навещает детей в детских садах или школах, то подарки раздают кроме него и помощники «крапусы» – красивые девушки в маске чёртиков.

Образ северорусского Деда Мороза имеет глубочайшие исторические и этнографические корни. Он приходит в Новый Год. Преобразом его является общеиндоевропейский бог неба и космического закона Варун, олицетворением которого было ночное звездное небо.

Единственно верный традиционный образ Деда Мороза определить нелегко. Для этого сначала придется ответить на вопрос, что именно считать традицией этого образа: исторические зарисовки, исследования эпоса или же образ, сформированный современными художниками и кинематографистами?

По мнению одного из исследователей образа Деда Мороза – кандидата исторических наук, искусствоведа и этнолога Светланы Васильевны Жарниковой, – традиционный облик Деда Мороза, согласно древнейшей мифологии и символики цвета, предполагает:

Борода и волосы – густые, седые, серебристые. Эти детали облика, кроме своего «физиологического», возрастного смысла (старец – значит седой) несут ещё и огромный символичный характер, обозначая могущество, счастье, благополучие и богатство. Как ни странно, но именно волосы – единственная деталь облика, не претерпевшая за тысячелетия никаких значительных изменений.

Рубашка и брюки – белые, льняные, украшены белым геометрическим орнаментом (символ чистоты). К сожалению, эта деталь практически потерялась в современном представлении о костюме. Исполнители роли Деда Мороза и костюмеры предпочитают закрыть шею исполнителя белым шарфом, что вполне допустимо.

Шуба – длинная, по щиколотку или по голень, обязательно красная, расшитая серебром (восьмиконечные звёзды, гуськи, кресты и другой традиционный орнамент), отороченная лебединым пухом.

Шапка – красная, расшита серебром и жемчугом. Оторочка (залом) лебединым пухом или белым мехом, с треугольным вырезом, выполненным на лицевой части (стилизованное рога). Форма шапки – полуовал, поскольку, исторически, круглая форма шапки традиционна для русских царей: достаточно вспомнить головной убор Ивана Грозного.

Трёхпалые перчатки или варежки – белые, расшитые серебром, символизируют чистоту и святость всего, что **Дед Мороз** даёт из своих рук. Трёхпалость варежек здесь – символ принадлежности к высшему божественному началу ещё с неолита.

Пояс – белый с красным орнаментом, символ связи предков и потомков. В наши дни сохранился как элемент костюма, полностью утратив символичный смысл и соответствующую цветовую гамму.

Обувь – серебряные или красные, шитые серебром сапоги с приподнятым носком. Каблук скошен, небольших размеров или полностью отсутствует. В морозный день **Дед Мороз** надевает белые, шитые серебром валенки. Белый цвет и серебро – символы луны, святости, севера, воды и чистоты.

Посох – хрустальный или серебрянный «под хрусталь». Ручка витая, также серебристо-белой цветовой гаммы. Посох завершает лунница – стилизованное изображение месяца, или голова быка – символ власти, плодородия и счастья.

Снегурочка – уникальная спутница только Деда Мороза. Ни один из его младших или зарубежных собратьев не имеет такого милого сопровождения. Образ Снегурочки – символ застывших вод. Это девушка, одетая в белую одежду, с головным убором в виде восьмилучевого венца, шитого серебром и жемчугом².

---

² <http://www.severgrad.com/dedmoroz.html>

2.2. Семантика знака – Что означает праздник Деда Мороза

Традиция и культ венгерского Микулаша происходит от культа Святого Николая, епископа города Мира (Муга). По традиции епископ Николай в третьем веке, гуляя по городу, услышал, что в одном доме бедные девушки разговаривают о том, что они ради семьи должны стать девушками лёгкого поведения. Епископ Николай решил помочь им, но из-за скромности он хотел это сделать тайно. Ночью он поставил мешки с золотом в окно бедного человека, и это он повторял три года подряд. Отец в третий год тайно наблюдал, кто дарит деньги семье, и хотел поблагодарить епископа Николая, но тот отказался от благодарности, и сказал, что благодарность относится только к Богу. Легенда Святого Николая и праздник его имени 6-го декабря распространился в XIX веке в такой форме, что Микулаш оставляет подарки в вычищенных ботиночках. Эти мешочки Микулаша из красной прозрачной бумаги полны конфет, сладостей и южных фруктов. Микулаш символизирует добро, а крампусы (*krampusz*) представляют собой «плохое». Микулаш раздаёт подарки в маленьких мешках, а крампусы «дарят» маленький позолоченный прут или розгу шалунам непослушным детям³.

С Микулашем можно встретиться и лично. Его одежда традиционно выглядит как у Деда Мороза в России, но провожают его крампусы, а не Снегурочка.

Венгерский Микулаш славянского происхождения перешёл из чешского или словацкого языка в венгерский язык. Однако чёртики-крампусы, провожающие Микулаша, происходят из австрийской традиции. Немецкое слово *Krampus* (от старого немецкого слова *Krampen*) означает «коготь».

На немецкоязычных территориях Микулашу соответствует Николаус (*Nikolaus*). Зато в этих странах во время Рождества вместо младенца Иисуса (*Jézuska, Christkind*) подарки дарит Рождественский Человек (*Weihnachtsmann*). Он не смешивается с фигурой Николауса, потому что приходит 24-ого декабря.

В англоговорящих странах (особенно в США) Святой Николай (*Santa Claus*) во время Рождества раздаёт подарки. В некоторых странах Средней Европы название Микулаша совпадает, хотя прибавляется то слово «святой» (*Santa*), то «отец» (*Father*), то дед (*Moş*). В России Рождество отмечается 7 января.

Название Микулаша в разных странах:

- *США и Канада*: Святой Николай – *Santa Claus*;
- *Англия*: Отец Рождества – *Father Christmas*;
- *Польша*: Миколай – *Mikołaj*;
- *Венгрия, Чехия, Словакия*: Микулаш – *Mikulás*;

---

³ http://hvg.hu/Tudomany/20101206_mikulas_telapo_memento_1950_1949

- *Германия*: Николаус – *Nikolaus*, Рождественский Человек – *Weihnachtsmann*;
- *Россия*: Дед Мороз;
- *Румыния*: Дед Николай – *Moş Nicolae*.

Английское название дословно соответствует немецкому слову «рождественский человек» (*Weihnachtsmann*), но английские дети подарки получают от *Санта Клауса* не накануне Рождества, 24-го декабря, а на следующий день утром. По британским традициям Санта Клаус спускается через трубу каминов, и подарки кладёт в большие длинные шерстяные носки, которые висят на камине.⁴

2.3. Синтаксис знака – Хронологический план праздников в декабре

В плане синтаксиса семиотики суммируем, кто и когда приходит с подарками:

Кто?	Микулаш <i>Mikulás /</i> <i>Mikołaj /</i> <i>Nikolaus /</i> <i>Moş Nicolae</i>	Маленький Иисус <i>Jézuska /</i> <i>Christkind</i>	С. Клаус / Отец Рождества <i>Santa Claus / Father Christmas / Weihnachtsmann</i>	Дед Мороз
Где, куда?	в Венгрии в ботинки на подоконнике	в Венгрии, в Германии под украшенную ёлку	в Англии в носки на камине	В России под украшенную ёлку
Когда?	6 декабря	24 декабря	25 декабря	31 декабря

⁴ <http://www.learnenglish.de/culture/christmas.htm>

<http://www-weihnachten.de/weihnachtsgeschichten/nikolausgeschichte.htm>;

<http://rusfolclor.ru/dedmorozisneg.html>

Русский Дед Мороз

приходит в Новый год
носит меховую шапку
у него нет очков
он ходит с посохом
провождает Снегурочка

Носит длинную шубу или пальто
носит тонкий пояс
борода длинная
подарки в мешке

подарки ставит под украшенную ёлку

Он приезжает на тройке

у него стройная фигура
одежда обычно красного или голубого,
иногда белого цвета с вышивками

Английский Санта Клаус

приходит в первый день
Рождества
носит шапку с помпоном
у него иногда есть очки
у него иногда есть посох
провожают гномы (на немецкой
и венгерской территории
«крампусы»)

носит короткое пальто
носит ремень, широкий пояс
Борода короткая
подарки в пуктоне (в заплечном
коробе), его угощение в Англии
– печенье и молоко

спускается через трубу и ставит
подарки в носки
он приезжает на санях
с оленями

у него полная фигура
простая одежда красного цвета
с белым мехом

Венгерский Микулаш по внешности занимает место между русским Дедом Морозом и западным Санта Клаусом. Одежда и подарки имеют семиотическое значение. Они выражают разные добрые пожелания:

красная одежда – символ радости и бодрости, шоколад и конфеты символы сладкой жизни, яблоки, апельсины – символы плодотворной жизни, орешки – символ богатства, денег. Эта символика сохранилась так же в рамках других фольклорных праздников весны и лета. Но в конце года ожидание света, длинных солнечных дней, пожалуй, самое важное и яркое среди всех. Поэтому все студенты, изучающие русский язык, чувствуют себя «компетентными» в вопросе праздников Деда Мороза, Микулаша, Санта Клауса в разных странах, хотя из-за глобализации детали праздника уже часто переходят из одной культуры в другую.

Венгерский Микулаш

приходит 6 декабря
носит шапку с помпоном
у него иногда нет очков
он ходит с посохом
провожают его «крампусы»
носит длинный плащ или мантию
не носит пояс
борода длинная
подарки в пугтоне
подарки и розгу ставит через окно в ботинки
приезжает на санях с оленями или пешком
у него стройная или полная фигура
одежда красного цвета с белым мехом

3. Выводы

В преподавании иностранного языка важное место занимает контрастивная семиотика культур. Самое общее место европейской культуры в традиционном и современном городском фольклоре – круг праздников зимнего солнцестояния в декабре – Дед Мороз и Рождество. В Средней Европе – в венгерских, в Восточной Европе – в русских и в западноевропейских традициях он чётко может быть описан средствами семиотики.

Литература

- Звегинцев В. А. 1996. *Мысли о лингвистика*. Москва: Флинта
- Иванов Вяч.Вс. 1976. *Очерки по истории семиотики в СССР*. Москва: Наука.
- Крейдлин Г.Е., Кронгауз М.А. 1997. *Семиотика, или азбука общения*. Москва: Флинта
- Лотман, Ю.М. 1994. *Беседы о русской культуре*. СПб.: Искусство.
- Ортугаи 1980. *Magyar néprajzi lexikon III. [Венгерская фольклорная энциклопедия](K-Né)*. (Főszerk. Ortutay Gyula. Budapest: Akadémiai. – Гл. ред. Ортугаи. Будапешт Изд. Академии): 618–619.
- Семиотика*. 1983. (Под ред. Ю.С.Степанова). Москва: Наука
- Степанов Ю.С. 1971. *Семиотика*. Москва: Изд. АН СССР.
- Степанов Ю.С. 1985. *В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства*. Москва: Наука.
- Ч. Йонаш Э. Cs. Jónás E. 2005. *Ismerkedjünk a szemiotikával! [Знакомимся с семиотикой!]* Nyíregyháza, Krúdy Könyvkiadó, – Ньиредьхаза: Круди.

Славянский мир в ассоциативном тезаурусе русских

The author of the paper analyses a fragment of the linguistic picture of the world usually referred to as the "Slavic world". On the basis of the Russian Dictionary of Associations («Русский ассоциативный словарь») the author analyses commonplace beliefs, ethno-cultural stereotypes that come to light in the associative field of the ethnonyms. The conclusion is that in the verbalization of the conceptual area "Slavic world" the nominations in connection with the language are the most important. The author also shows the dynamics of the analysed fragment of the vocabulary.

Keywords: picture of the world, ethnonyms, associative field

Представления о других народах издавна рассматривались как важная часть национальной картины мира. В последние годы этот аспект концептосферы все больше привлекает внимание исследователей. Значимым фрагментом языковой картины мира (ЯКМ) носителя русского языка является то, что можно условно обозначить как «славянский мир». Это вербализованные представления русских о славянских народах. Доступ к этому фрагменту ЯКМ дает, в частности, «Русский ассоциативный словарь», уникальный лингвистический источник, позволяющий исследователю постичь своеобразие ассоциативно-вербальной сети носителя языка, как в целом, так и на отдельных ее участках. Материалы «Русского ассоциативного словаря» (кн. 1 – 6, 1994 – 1998; второе издание в двух томах 2002; далее РАС) создают достоверный лексический портрет современной языковой личности, дают возможность «установить, как репрезентирован мир в сознании человека и какие форматы / структуры знания можно выделить в представлении опыта взаимодействия человека со средой» (Кубрякова 2006: 27), определить знания, мнения, оценки, стоящие за языковыми единицами. Этнонимы формируют своеобразный аналог ментальной карты мира, специфичной у разных народов.

В центре обыденных представлений о славянском мире, отраженных в «Русском ассоциативном словаре» (далее РАС), лежат этнонимы *славянин (славянский), русский, украинец (украинский), белорус (белорусский), болгарин (болгарский)*. Именно эти слова являются номинантами наиболее разветвленных (в исследуемом фрагменте лексикона) ассоциативных полей в РАС. Номинанты концептов *поляк (польский), чех (чешский)*, связаны с незначительным количеством ассоциаций, носящих бытовой характер (ср.: *чехословацкий – хрусталь, польская – мода*). Слова *серб* и *хорват* и в прямом, и в обратном томах

РАС вообще отсутствуют (представлены лишь ассоциативные пары *югославская – мебель, Югославия – здраво, югославский – бразильский*).

Многочисленные лингвистические и психолингвистические исследования свидетельствуют, что этнонимы обладают богатым семантическим потенциалом. Как правило, значительное место в их семантике занимают коннотативные семы. На формирование коннотаций оказывает влияние исторический, религиозный, политический, психологический или иной культурный контекст. Состав ассоциативных полей как в прямом, так и в обратном словарях, позволяет выявить основные составляющие концептуального пространства «славянский мир» в языковом сознании русских, его доминантные характеристики, определить наиболее значимые направления ассоциирования. Совокупность ассоциаций, как наиболее частотных, так и единичных, формирующих значительную часть ассоциативных полей, отражает стереотипизированные представления русских о славянах (Сандомирская 2001).

Приведем для сравнения три ассоциативных поля со стимулами *русский, украинский и болгарский*:

Русский: язык 29; человек 16; мужик 6; еврей 4; Иван 3; Ваня, дурак, дух, характер, эмигрант 2; бизнес, большой, Ванька, вера, ветер, друг, ужас, квас, композитор, конь, красивый, красная рубашка, лен, лес, мало, мешочник, Москва, народ, национальность, немец, нерусский, образ мыслей, орел, остров, паспорт, поэт, птица-тройка, ресторан, розовый, свой, сильный, советский, совок, стиль, театр, турецкий, уважение, узкий, умный, французский, шовинизм 1.

Украинский: язык 42; борщ 14; хлеб 5; казак 4; белорусский, сало, хохол 3; акцент веселенький, гимн, двор, горилка, Дом Селенга, колорит, Крым, купон, национальность, обычай, орден, пельмени, посол, рус, русский, стиль, Тарас Бульба, товар, узорчатый, украинский соус, флаг, фронт, хор, хохлы, хохляцкий, шаровары, чуб, ящик 1.

Болгарский: язык 33; перец 32, кетчуп 3; вино, писатель, словарь, сыр, чай 2; Болгария, босоножки, Глобус, город, Дунай, Киркоров, коньяк, кризис, курорт, мальчик, народность, огурец, огурцы и помидоры, помидор, румынский, смутьян, сок, соус, страна, томат, фрукт, фрукты, человек 1.

Приведенные ассоциативные поля строятся, как представляется, по фреймовому принципу. Фреймы «являются единицами, организованными «вокруг» некоторого концепта. В противоположность простому набору ассоциаций эти единицы содержат основную, типичную и потенциально возможную информацию, которая ассоциирована с тем или иным концептом. Кроме того, не исключено, что фреймы имеют более или менее конвенциональную природу и потому могут определять

и описывать, что в данном обществе является «характерным» или «типичным» (Дейк 1989: 16)

Обращает на себя внимание то, что в каждом из приведенных ассоциативных полей безусловно доминантное положение занимает ассоциация *язык*, являющаяся определяющей для идентификации соответствующего фрагмента концептуального пространства. Отметим также значимость «лингвистической составляющей» в совокупном концептуальном пространстве «славянский мир»: *речь, слово, акцент, говор, словарь, алфавит, азбука, букварь, глагол, мат*.

Интересно, что если в ассоциативных полях *украинский, болгарский* значительное место занимает конкретно-предметная лексика (в ассоциативном поле болгарский она доминирует), то при разработке концепта «русский» в РАС ведущее место занимают аксиологические характеристики, национально-культурные стереотипы и символы (*дух, характер, вера, образ мыслей, уважение, красивый, друг, лень, орел, красная рубаха*). Отметим, что традиционные составляющие поля «русский» особенно выразительно представлены в обратном словаре. Слова *русский, русская, русские, Русь* являются реакцией на следующие стимулы: *держава, отчизна, патриотизм, старина, икона, тройка, деревня, природа, фольклор, пейзаж, красавица, богатырь, великан, воин, песня, балет, сарафан, береза, баня, сани, печь*.

Значительной частью концептуального пространства «славянский мир» являются обобщенные представления о традициях, обычаях, элементах национальной одежды и облике славянина (*пляски, хор, песня, романс, баян, марш, гопак, кадрили, полька, хоровод; сарафан, шаровары, кепка, рубаха, рушник, коса, чуб*). «...Релевантными в качестве собственных этнокультурных особенностей признаются прежде всего социально-бытовые и культурные реалии, отсутствующие в других культурах» (Жданова 2006:116).

Существенными координатами в ассоциативном пространстве «славянский мир», естественно, являются координаты географические, определяющие и положение славянских стран, и географические объекты, являющиеся национальными символами; эти координаты представлены и словами, указывающими на природные особенности: *Москва* (русский), *тайга, поле, равнина, возвышенность, зима, метелица* (русская), *Великий Новгород, Новгород* (Русь), *курорт* (болгарский), *Минск* (Беларусь), *болото* (Белоруссия), *Крым* (украинский), *Одесса* (хохол), *Днепр, чернозем* (Украина, украинский), *степь* (украинская), *Прага* (чех, чехи).

Значительной в совокупном представлении славянского мира является «гастрономическая составляющая». Здесь и названия традиционных блюд и напитков, ставшие символами того или иного народа (*квас, водка, блины, щи, горчица, салат* в ассоциативном поле *русский*; *сало, борщ, горилка* – в поле *украинский*; *бульбаши* – в поле *белорусский*), и основные предметы международной торговли (*перец,*

кетчуп, коньяк, помидоры, огурцы, соус, сок, фрукты – в поле болгарский; пиво – чешское).

Нельзя не отметить в описываемом фрагменте ассоциативного тезауруса «следы культуры в языке» (Бурвикова, Костомаров 2006), представленные разного типа прецедентными феноменами или, в терминологии Н.Д. Бурвиковой и В.Г. Костомарова, логоэпистемами. Логоэпистемы – это «разноуровневые лингвострановедчески ценные единицы (слова-понятия, пословицы, поговорки, присловья, крылатые слова, фразеологизмы, афоризмы, «говорящие» имена и названия, строчки из песен и стихотворений, из произведений художественной литературы, штампы, являющиеся стандартным типом языковой реакции носителя языка на внешние стимулы)», требующие осмысления на уровне языка и на уровне культуры (Бурвикова, Костомаров 2006: 8). Ср. ассоциативные связи: *славянка – молдованка; хохол – А.Находко (Мать), Суворов; украинский – Тарас Бульба; русский – птица-тройка; русская – правда; русский – Гоголь, Достоевский, гений, Мономах, золотые руки, характер, лес; белорусский – вокзал; Беларусь – Песняры* и т.п. Каждая из приведенных реакций связана или с классическими прецедентными феноменами, или с массовой культурой своего времени. Нужно отметить, что некоторые реакции, бывшие актуальными для конца 80-х годов XX века, могут не распознаваться современной языковой личностью (так, перестал быть объектом обязательного школьного изучения роман М.Горького «Мать» – ср.: *хохол – А. Находко (Мать)*; лишь специалисты-литературоведы вспоминают роман Л.Леонова «*Русский лес*»).

Языковая картина мира фиксирует изменения, происходящие в концептуальной картине мира как каждого индивида, так и всех его носителей (Левицкий 2006: 6). Массовый ассоциативный эксперимент, на основе которого создан «Русский ассоциативный словарь», проводился в конце 80-х – начале 90-х гг. XX века, в период бурных социальных перемен, которые пережили все славянские народы, а особенно, естественно, русские, украинцы и белорусы. Эти перемены отразились в ассоциативном тезаурусе. Так, наряду с устойчивыми историческими ассоциациями (*Великая отечественная война, фронт, партизан, казак, шашка*), достаточно частотной стала связь слов *украинский, Украина* и *голод*, что, безусловно, явилось результатом активного обсуждения в перестроечной прессе ранее замалчиваемой темы. А.П.Бабушкин справедливо отмечает изменчивость социальных стереотипов, которые корректируются с течением времени (Бабушкин 1996).

Для отражения динамических процессов в исследуемом концептуальном пространстве показательно ассоциативное поле с заголовочным словом-стимулом *Беларусь*:

Беларусь: республика 22; трактор 15; страна, Украина 9; заграница 6; государство 3; Русь, СНГ 2; беднота, белая, Бендеры, бульбаши, вино, вокзал, география, государства, далеко, завод, МАЗ,

зайчик, зубр, карта, край. красивая, магнитофон, Малая земля, Минск, моя, не по-русски, нравится, отделилась, Песняры, пляски, река, страна народов, суверенная, трикотаж, фартук, фильм, хохлы, чья-то родина 1.

Появление в 1992 г. нового славянского государства и соответствующей номинации *Беларусь* на карте Европы стимулировало новые реакции (*страна, государство, отделилась, суверенная, СНГ, заграница, не по-русски*). Слово же *Белоруссия* явилось традиционной реакцией на стимулы *болото, война, гопак, дерево, партизан, ровно* (см. обратный словарь РАС). Примечательно, что стимул *Беларусь* в начале 90-х годов XX века вызывал не этнокультурные, а, прежде всего, социально-политические и «производственные» реакции (*Минск, завод, МАЗ, трактор, магнитофон, трикотаж*). Известно, что название денежной единицы является достаточно распространенным ассоциатом на название государства. В этом отношении ассоциация *зайчик* (временное название денежной единицы Беларуси) является хронологически отмеченной и понятной лишь в определенном социокультурном контексте.

Как уже отмечалось, в семантике этнонимов существенное место принадлежит оценочным компонентам. Для того чтобы максимально полно выявить оценочную составляющую некоторых концептов, в отдельных случаях в РАС в качестве слов-стимулов предложены коннотативно отмеченные лексические единицы, которые должны вызвать соответствующие экспрессивные реакции. В исследуемом фрагменте ассоциативного тезауруса представляет интерес ассоциативное поле со стимулом *хохол*, который, наряду с нейтральными (*украинец, Украина, национальность, человек*), вызвал большое число оценочных реакций (*хитрый, крутой, неотесанный, противный, деловой, дурак, жадность, лжет, любит сало, любящий сало, новый хохол и др.*).

В целом же, «славянский мир» (*славяне – братья, славянское – братство*) в ассоциативных полях основных номинантов противопоставляется чужому, представленному словами *нерусский, немец, немецкий, голландский, татарин, еврей, японский, американский, французский, турецкий*.

Своеобразное соотношение индивидуального и типичного ярко проявляется в ассоциативном поле со словом-стимулом *славянка*:

Славянка: девушка 12, песня 8; женщина, русская 7; молдаванка 6; прощание 4; прощается 3; белокурая, вино, гостиница, девчонка, красивая, марш, национальность, стройная 2; американка, бар, белизна, белый, вальс, варшавянка, водка, выручалка, гимн, дворянка, девочка, духовой оркестр. звучит, землячка, истина, красавица, мурманчанка, наряд, нация, поезд, поет, полячка, радио Министерства обороны, река, родич, русская девушка, русский, Русь, славянин, смуглянка, спорт чего-то, танец, Украина, хуторянка, это я, яблоко 1.

Анализ этого поля показывает, что наряду с типичными ассоциациями, репрезентирующими «славянский мир» (*девушка, женщина, русская, национальность, нация, русский, русская девушка, Русь, славянин, полячка, Украина*), в нем представлено много ассоциаций, связанных с логоэпистемой «Прощание славянки» (*прощание, прощается, варшавянка, звучит, духовой оркестр, марш, вальс* и т.п.), а также сугубо индивидуальных ассоциаций (*поезд, яблоко, бар, мурманчанка, хуторянка, гостиница* и др.).

В заключение отметим, что материалы «Русского ассоциативного словаря» позволяют выявить достаточно четкие и повторяющиеся во многих ассоциативных полях прямого и обратного словарей координаты концептуального пространства «славянский мир» (язык, географическое положение, обычаи и традиции, история и культура, еда и одежда). Безусловными центрами этого концептуального пространства в языковом сознании русских являются этнонимы *русский, украинец* и *белорус*, номинирующие ближайшие к русским восточнославянские народы.

Литература

- Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж, 1996.
- Бурвикова Н.Д., Костомаров В.Г. Жизнь в мимолетных мелочах. – СПб., 2006.
- Дейк ван Т.А. Фреймы знаний и понимание речевых актов // Язык. Познание. Коммуникация. – М., 1989.
- Жданова В. Русская культурно-языковая модель пространства и особенности индивидуальной ориентации в ней // Русские и «русскость»: Лингво-культурологические этюды. – М., 2006.
- Кубрякова Е.С. Что может дать когнитивная лингвистика исследованию сознания и разума человека // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сборник материалов. – Тамбов, 2006.
- Левицкий А.Э. Предпосылки функциональной переориентации языковых единиц // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сборник материалов. – Тамбов, 2006.
- Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Ю.Н.Караулов, Г.А.Черкасова, Н.В.Уфимцева, Ю.А.Сорокин, Е.Ф.Тарасов. – М., 2002.
- Русский ассоциативный словарь. Кн. 1 – 6. Ассоциативный тезаурус современного русского языка / Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Н.В.Уфимцева, Г. А. Черкасова. – М., 1994 – 1998.
- Сандомирская И. Книга о Родине. Опыт анализа дискурсивных практик. Wiener Slavistischer Almanach. Sonderband 50. – Wien, 2001.

К вопросу о роли переводных текстов в литературе Древней Руси

Having researched the history of studying of translated Byzantium literature in Soviet literary studies, the Author has singled out current problems of methodological nature, which need its special solution. The main conclusion states that translated literature has played the key part in formation of ancient Russian literature. Translated literature was in its nature deeply religious and was mainly connected to the Holy Scripture, and this predetermined the characteristics of genuine ancient Russian texts.

Keywords: Ancient Russian literature, translated literature, transplantations, Christianity, Holy Scripture

Особенности рождения, формирования, развития древнерусской словесности связаны с историческим фактом крещения Руси от Византии, - это факт общеизвестный, то «общее место», которое неизбежно нужно проговаривать как исходный посыл для дальнейших рассуждений. Принятие христианства из Византии предопределило историческую судьбу России и русской культуры. Д.С. Лихачев в свое время высказался вполне определенно по этому поводу: «Византийское христианство не просто «повлияло» на религиозную жизнь русских — оно было перенесено на Русь. Оно не изменило, не преобразовало язычества — оно его заменило и, в конечном счете, уничтожило как институт». (Лихачев: 20). И, говоря о влиянии византийской литературы, он далее замечает: «Византийская литература не могла повлиять на русскую литературу, так как последней попросту не было. Был фольклор, была высокая культура устной ораторской речи, но письменных произведений до появления у нас переводных произведений вообще не было. Влияние начинается позднее, когда перенос уже совершился и когда литература уже существовала, развивалась» (Лихачев: 20)

Таким образом, фактически русская словесность начинается появлением переводной литературы, о чем написано во всех учебных пособиях и всех исследованиях, посвященных начальному периоду литературы Древней Руси. Важно подчеркнуть, что переводная литература не является чем-то внешним по отношению к собственно русской книжности, и не считается просто заимствованной и «влияющей» на складывающуюся русскую словесность. Еще известный медиевист В.М. Истрин в своем дореволюционном издании писал: «Всякий исследователь славяно-русского памятника начинает с его оригинала, обыкновенно греческого, и это служит и должно служить исходным пунктом для исследования. История переводного памятника начинается с

его перевода, и задачей является лишь определить тот вид оригинала, с которого перевод сделан» и при этом «почти нет случая, чтобы какой-нибудь славяно-русский памятник буквально совпадал с каким-либо одним греческим списком...» (Истрин: 67). А в 1934 году В.Н. Перетц заметил, что «“заимствованное” – в процессе литературного развития разделяет судьбу оригинального...» (Перетц: 330).

Следующий этап осмысления роли переводной литературы связан с именем Д.С. Лихачева. Известна его теория трансплантации литературы, когда она, «пересаженная» в новую почву, становится ей сродной, фактически, ее собственностью: «Перенос литературного произведения в средние века был связан с продолжением его литературной истории, с появлением новых редакций, иногда с приспособлением его к местным, национальным условиям. Византийское произведение в результате этого оказывалось в известной мере произведением местной, национальной литературы» (Лихачев: 21). Правда, здесь же ученый делает уточнение о том, что «не все переводные произведения изменялись в равной степени. Не менялись или менялись сравнительно незначительно сочинения церковно-канонические, богослужебные, освященные строго установленными и устойчивыми формами церковной жизни» (Лихачев: 21). Далее он выделяет еще один разряд переводных текстов, «связь которых с византийским оригиналом постоянно осознавалась и текст которых поэтому изменялся на славянской почве не только под воздействием местных условий, но и в результате новых обращений переписчиков к византийскому оригиналу», примером чего он приводит Житие Алексея человека Божия, исследованное В.П. Адриановой-Перетц (Лихачев: 22).

Теория трансплантации и сегодня является ведущей в определении роли и места переводной литературы в составе древнерусской книжности. Но при этом, конечно, эта теория как таковая требует своего развития в связи с открытием новых текстов и одновременно в связи с малой изученностью известных, как и сама переводная литература нуждается в изучении и в текстологическом, и содержательном. Для этого появились новые возможности, так как с 1990-х годов произошли существенные изменения в русской медиевистике, освобождающейся от насильственной идеологизации литературоведения, характерной для советского времени. Прежде всего это касается проблем методологии исследований, связанных с религиозной спецификой изучаемых произведений. Насколько сложно было обращаться к религиозному аспекту средневековых текстов, особенно переводных – Священного Писания, богослужебных текстов, святоотеческой литературы, и др. – видно по научному творчеству известного медиевиста В.П. Адриановой-Перетц. Именно она первой сделала объектом изучения «учительную» литературу, в которую входят из византийской переводной литературы поучения святых отцов,

различного рода «слова», и «Измарагд», составленный уже древнерусскими книжниками. Она попыталась показать духовное содержание этой литературы, обратившись к проблеме «внутреннего человека», чтобы хоть как-то деполитизировать подходы к изучению средневекового текста, и чтобы приоткрыть то огромное мировоззренческое, содержательное значение, которое имела и имеет переводная византийская литература для русской культуры в целом. (Адрианова-Перетц, 1953, 1971)

В последние два десятилетия ситуация стала меняться. Появились монографии, исследования, посвященные фундаментальным проблемам изучения древней литературы, и, прежде всего, самой методологии научного исследования средневековой литературы. Ученые-медиевисты стремятся, не потеряв то ценное, что было наработано советскими учеными в 20 веке, найти методологические подходы, адекватные объекту изучения - религиозной в своей основе культуре средних веков. Активно включается в сферу исследования литература догматического, богослужебного, вероучительного характера как в качестве объекта исследования, так и в качестве методологического инструментария. Появились новые серийные издания, объединяющие вокруг себя коллектив авторов, исследующих литературу Древней Руси и ищущих новые методологические основания. В течение двух десятилетий выходит сборник, включающий в себя монографии и научные статьи, под общим названием «Герменевтика древнерусской литературы». Главной задачей издания является толкование, интерпретация текста, открытия его смысла. Вторым изданием, выполняющим объединяющую роль, стал журнал «Древняя Русь», который выходит уже более 10-ти лет и выражает самые последние тенденции в области изучения русского средневековья.

В методологическом плане обращают на себя внимание работы современного ученого-медиевиста А.Н. Ужанкова, который подошел с мировоззренческо-ценностных позиций, обосновал теорию литературных формаций и стадийного развития древнерусской словесности, положив в основание смену типа писательского мышления. Он предложил помимо используемых историко-культурных, стилевых, жанровых подходов изучения текста, включить еще его изучение на ином, «номометическом», уровне: «На высшем – номометическом – уровне формулируется общий закон развития того или иного явления» (Ужанков: 25).

Что же можно добавить к высказанным Дмитрием Сергеевичем идеям в условиях нового понимания средневековой литературы, на предложенном «номометическом» уровне?

На наш взгляд, идея трансплантации не случайно возникла у Д.С. Лихачева, и свидетельствует она о глубоком понимании совершенно особой роли переводных текстов, большая часть из которых носила церковный характер и предназначение. Ведь речь здесь идет о текстах,

относящихся к Священному Преданию. И они выполняли прежде всего литургическую, богослужебную функцию, либо дидактически-просвещающую, воспитательную, скажем точнее – преображающую, т.е. включали человека (при условии наличия у него веры, конечно) в особое пространство – сферу действия благодати. Не будем забывать о главной цели древнерусского книжника, которая является главной жизненной целью любого христианина: спасения души в вечности, достижения Царствия Небесного. Поэтому эти тексты, переведенные на церковнославянский язык, воспринимались именно как Предание, причем Священное. Они-то, составлявшие большую часть всех текстов на Руси до XV века, и создавали, порождали тот духовный и ценностный контекст, который затем стал источником и собственно-русских текстов. Именно поэтому произошла не просто «пересадка», или «перенос» (термины Д.С. Лихачева), а непосредственное, буквальное восприятие тех смыслов и ценностей, которые несли эти тексты, причем не как некоего внешнего знания, а вполне реальной жизни, передаваемой посредством особого слова-Логоса. Это и воспринималось - на уровне не ума, а сердца - как Священное Предание, которое есть действие Святого Духа, совершающееся посредством слова-символа (или синергийного слова) - в Богослужении ли, в чтении Священного Писания, в молитве к святому, чье житие читалось, или слушалось. Эти тексты для древнерусского человека заключали в себе возможность обретения благодатных даров и вхождения в сакральное – божественное пространство. Может быть, это имел в виду Д.С. Лихачев, когда развивал свою мысль о трансплантации не только текстов, но и «целых пластов культуры» из Византии на Русь: «Перенос этот был, однако, весьма своеобразен. Он не был механическим, и им не заканчивалась жизнь явления. На новой почве перенесенное явление продолжало жить, развиваться, приобретало местные черты: начиналось действие фактора свободы и «благодати» (в том смысле, который придавал ей Иларион)»? (Лихачев : 21)

Стоит обратить внимание на состав переводных текстов и последовательность их появления. Первыми переводились книги церковно-канонические: Священное Писание, богослужебные тексты, которые обеспечивали, прежде всего, практику религиозной жизни новокрещенного народа. В.В. Кусков, очерчивая периоды развития древнерусской литературы, отмечает, что в самом ее начале – с конца X по первую половину XI века «преобладающее место ... занимали, по-видимому, книги религиозно-нравственного содержания: Евангелия, Апостол, Служебные Минеи, Синаксари. В этот период был осуществлен перевод греческих хроник, на основе которых был составлен «Хронограф по великому изложению». А с середины XI в. по первую треть XII в «переводная литература ... широко представлена философско-дидактическими и нравственно-дидактическими сборниками, патериками, историческими хрониками, апокрифическими произведениями». В

следующее столетие со второй трети XII в. до середины XIII в. «состав переводной литературы пополняется творениями Ефрема и Исаака Сириных, Иоанна Дамаскина. Формируется четый сборник «Горжественник» и «Измарагд». (В.В. Кусков: 17).

Итак, переводная литература - это важнейший пласт словесности, имеющей для литературы Древней Руси каноническое значение, без которого древнерусская литература просто не существует ни на каком этапе своего развития. В.В. Кусков, говоря о «неслучайности» того, что «...древнейшими, дошедшими до нас памятниками древнерусской письменности стали Остромирово (1056—57 г.) и Архангельское (1092 г.) евангелия и разъясняющие (их) смысл ... статьи философско-дидактического Изборника великого князя Святослава 1073 г.», делает следующий важный вывод: «Первоосновой христианской философской мысли явились евангелия и апостольские послания. Они включали в свой состав жизнеописание земной жизни Богочеловека Иисуса Христа, изложение и разъяснение его вероучения, описание его страстей и самовольной смерти, его чудесного воскресения и вознесения на небеса» (Кусков:18).

Священное Писание, богослужебные тексты, творения святых отцов, также переводимых на славянский язык, воспринимались древнерусскими писателями как откровение об Истине, как образец, с которым нужно все сверять, как канон. Еще раз обратимся к последнему прижизненному – за год до смерти – изданию известного учебного пособия В.В. Кускова, которое включает новые и весьма характерные дополнения, касающиеся евангельских оснований древнерусской литературы, ее религиозной философии. О Евангелии он говорит как о «вечной книге», «книге жизни», «с постепенным проникновением в «таинственную глубину» которой «был связан процесс развития древнерусской литературы». В.В. Кусков говорит об обращенности философской мысли Древней Руси на «богопознание на постижение тайн божественной премудрости, созданного Богом мира, премудрости Божественного слова, определению места человека — венца Божьего творения — в системе мироздания». И далее автор учебника обращается к самым основам вероучения: учению о Боге - святой Троице, причем раскрывая три ипостаси Единого Бога; излагает учение о человеке как образе и подобии Божию, его бессмертной душе и свободной воле, о его «внутреннем составе», о его сотворении, грехопадении, смерти и необходимости спасения; (т.е. излагает основные положения православной антропологии). Далее – об искупительной жертве Христа, о природе добра и зла, об участии человека в этой борьбе со злом как с грехом. И приходит к главному Образу, на который взирали творцы древнерусских произведений: «Христианство значительно приблизило Бога к Человеку. Оно создало яркий образ Богочеловека Иисуса Христа, соединившего в себе две природы Божескую и Человеческую. <...>

Тексты священного писания и святоотеческая литература в лице Богочеловека Иисуса Христа создали идеал человечества «вековечный», по словам Ф. М. Достоевского. Христос своим новым вероучением указывал путь нравственного совершенствования человеку, путь уподобления Спасителю, путь преодоления низменных страстей, путь просветления <...>. (Кусков: 18)

Таким образом, потребности сегодняшнего времени обращают русских ученых-медиевистов к новым методам исследования средневековых произведений, которые при этом находятся в русле традиции сравнительно-исторического метода, идущего от Веселовского. Выдающийся ученый XIX века так обозначил задачу, стоящую перед историком литературы: «Задача исторической поэтики, как она мне представляется, — определить роль и границы предания в процессе личного творчества». (Веселовский: 300).

А поскольку в формировании древнерусской литературы определяющую роль сыграла переводная литература, которая носила глубоко церковный характер и относилась прежде всего к Священному Преданию, то не вызывает сомнений, что вне этого контекста Священного Предания и, конечно, Священного Писания, невозможно что-либо понять в содержании и форме переводных, но ставших органично русскими, произведений.

Литература

- Адрианова-Перетц В. П. К вопросу об изображении «внутреннего» человека в русской литературе XI—XIV веков // Вопросы изучения русской литературы XI—XX веков. М.;Л., Наука, 1953.
- Адрианова-Перетц В. П. Человек в учительной литературе Древней Руси //ТОДРЛ.Т.27.Л., Наука, 1971.
- Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М., Высшая школа, 1989.
- Истрин В.М. Рецензия на книгу С. Вилинского. Житие Василия Нового. Ж. М. Н. Пр., 1914 г., № 6.
- Кусков В.В. История древнерусской литературы. Москва, «Высшая школа», 2003.
- Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X-XVII веков. Эпохи и стили. Л., Наука, 1973.
- Перетц В.Н. К вопросу о сравнительном методе в литературоведении. ТОДРЛ, Т.1, АН СССР, Л., Наука, 1934.
- Ужанков А.Н. Историческая поэтика древнерусской словесности. Генезис литературных формаций. М., Издательство Литературного института им. А.М. Горького, 2011.

A «szem» fogalmának nyelvi képe a lengyel és a magyar frazeológiai kapcsolatokban és közmondásokban

Every language in the world is characterised by such collocations, phraseological units, metaphors and symbols that are in connection with humans and animals and that include the name of a part of the body of a human and an animal.

The article presents different aspects of the concept of *eye* in the Polish and Hungarian linguistic image in the language of present-day users, phraseological units, metaphors. The analysis shows that the cognitive basis of this concept is made up of several profiles, categories, conceptualizations and differs markedly from dictionary definitions.

Keywords: linguistic image of the concept *eye*, cognitive analysis, profiles, conceptualizations

1. Bevezetés

Jelen vizsgálatomnak az a célja, hogy rekonstruáljam a *szem* szó által jelölt fogalom kognitív tartományának tartalmát, valamint belső taxonómiáját, amely a lengyel és a magyar frazeológiai kapcsolatokban és közmondásokban szerepel, illetve a mai lengyel és magyar nyelvhasználókban rögzült képen található.

Az elemzésben felhasználtam a lengyel és a magyar frazeológiai és értelmező szótárakat, a lengyel és a magyar közmondások és szólások gyűjteményeit, valamint a közbeszédben elhangzott nyelvi példákat.

A lengyel értelmező szótárak (SSJP, DSJP) a következő profilokról tesznek említést a *szemre* vonatkozóan: 1. A látás szerve; 2. Nézés; 3. Tekintet; 4. Valamilyen gömbölyű tárgy, például kő a gyűrűben; 4. Mérőeszköz; 5. Hurrok; 6. Egy hazardjáték neve. A MÉKSz. definíciója szerint a *szem* 1. A látás érzékszerve; 2. Nézés, tekintet; 3. Látás, látóképesség; 4. Kifejezésekben érzés, érzelem, magatartás jelképeként; 5. Kifejezésekben a szégyenérzet, szemérem jelképeként; 6. Némely gazdasági növény, különösen a gabonafélék és a hüvelyesek magja; 7. Fürtös gyümölcs egy-egy bogyója; 8. Apró (gömbölyded) tárgyak közül egy-egy darab, illetve egyforma elemi részekből álló tárgynak egy-egy eleme; 9. Kötésnek, horgolásnak a fonal egyszeri hurkolásával készült eleme [...]

A szótári definíciók alapján egyértelmű, hogy a *szem* lengy. oko, többes számban *szemek* lengy. oczy az egyik legfontosabb testrész és érzékszerv. A szemnek köszönhető az, hogy látunk és értünk, például: *világosan látom = jasno widzę* 'értem', *nem látom vminek az értelmét = nie widzę sensu; nie widzę powodu* {nem látom vminek az okát}; *feketén látom = czarno widzę; nézzük ezt más szemszögből = spójrzmy na to z innego punktu widzenia*. „A látásnak az értéssel, tudással való kapcsolata egyértelmű. Ha az adott személy

nem látja, vagy a látását valami megnehezíti, akkor nem ismeri a dolgok valódi állását” (Bańcerowski 2008: 157). Erre szolgálnak például a következő kifejezések: *világos ügy = jasna sprawa; világosan látom = jasno widzę.*

A szem az emberi, illetve állati test legfelső részén, a fejen helyezkedik el. A szemben tükröződik minden olyan folyamat, amely a lélekben, szívben, gondolatokban, vagyis az emberben zajlik. A szemben gyakran látjuk a személy érzelmi és pszichikai állapotát, ami sokszor lehetővé teszi, hogy megértsük a viselkedését, és ha szükség van rá, segítséget nyújtsunk neki, például: *a szem a lélek tükre = oczy zwierciadłem duszy stb.*

Mivel a szem az egyik legérzékenyebb és legfontosabb szerv, amely a fő testrészen (a fejen) helyezkedik el, nagyon könnyen megsérülhet. Talán innen erednek olyan kifejezések, mint például: lengy. *wiatr bije, wieje w oczy* {szél belefúj a szemébe; szemébe vág a szél}; *port, homokot hint vkinek a szemébe = nasypać komu piasku w oczy; kikaparja vkinek a szemét = wydlubać oczy stb.*

2. A szem fogalom elemzése

A szem lexéma frazeológiai kapcsolatokban és közmondásokban elsősorban mint **TARTÁLY (TÁROLO)** metafora konceptualizálódik. A **TARTÁLY**nak ’mozgó’ bemenete van. Ez a közös pont a következő kifejezésekben: *nyitott szemmel jár = mieć otwarte oczy, otworzyć oczy* ’felfogja a szituációt’, *nyisd ki a szemed! = otwórz oczy!* ’felébred, elcsodálkozik’, *vkinek felnyitja a szemét = otworzyć komuś oczy* ’valamit megértet valakivel’, *lehunyja a szemét = zamknąć oczy* ’meghal’, *szemet huny valami felett = przymykać oczy na coś* ’nem veszi észre’, magy. *kinyitja a szemét; tágra nyitja a szemét; nyitva tartja a szemét; félig nyitja csak ki a szemét; nagyra nyitotta a szemét = oczy szeroko otwarte; csukott szemek; félig becsukta egyik szemét; behunyta egyik szemét = przymrużyć oko; nyitva tartja a szemét és a fülét = mieć uszy i oczy otwarte stb.*

A szembe bármi/bárki is bekerülhet, illetve benézhet. Például: *füstöt fúj valaki szemébe = puścić komu dym w oczy; magy. szemében a csillagok; egymás szemében; szemébe ötlük; bemászik valakinek a szemébe; a szemébe áll valakinek; vmi szembetűnő = coś rzuca się w oczy; feltűnt nekem, hogy... = rzuciło mi się w oczy, że...; port, homokot hint a szemébe = nasypać piasku w oczy; belesüt a nap a szemébe = słońce świeci prosto w oczy; valakit szembe köpni; szemébe mondani az igazat; valakinek a szemébe vágja az igazságot = mówić prawdę prosto w oczy; megakad a szeme rajta = wpaść komu w oko* ’tetszik vmi/vki vkinek’, lengy. *leżć, włązić, pchać się w oczy = szem előtt van* ’mutogatja magát valakinek, rámenős’, *szemébe nevet = śmiać się prosto w oczy; mélyen vkinek a szemébe néz = patrzeć głęboko w oczy; szeme tele lett könnyekkel = oczy pełne łez; valakit szembe dicsérni; könnybe lábad a szeme = łzy cisnęły się do oczu; könnyek szöknek a szemébe = łzy napływają do oczu, vér tódul a szemébe = napływa do oczu krew* ’érzelmi állapot kifejezése’; *kopog a szeme az éhségtől = głód zagląda w oczy* ’nagyon éhes’ stb.

A **TARTÁLY**nak 'mozgó' kimenete is van. Az alábbiak példázzák e jellegzetességet: *félelem, harag, gyűlölet, kíváncsiság néz, árad a szemből = strach, złość, nienawiść, ciekawość, z oczu patrzy, tryska*. A **TARTÁLY** be- és kimenetét nemcsak kinyitni lehet, de véglegesen bezárni is, pl.: *zamknąć oczy na wieki = örökre behunyja szemeit stb., zaślepić komuś oczy = elhomályosítja a szemét 'hazudik valakinek, becsap vkit (ködösít)'*.

A **TARTÁLY** belsejében különböző folyamatok zajlanak, mint például: *kettős látása van = dwoić się, troić się w oczach 'látászavar', nő a szemében = w oczach rośnie; lengy. oczy wilgotnieją {nedvesedik a szeme} 'sírhatnékja van, rájön a sírás', nagyot nő vkinek a szemében = urosnąć, zyskać w czyich oczach 'jobban tisztel, értékel vkit', elsötétedik a világ = komuś ciemnieje w oczach, robi się czarno w oczach 'látászavar pl.: fáradtságtól, betegségtől', szemében csillog, ragyog az öröm, boldogság = z oczu tryska, promieniuje radość, szczęście {az öröm, boldogság sugárzik a szeméből}; łza kręci się w oku = forog a szemben a könny stb.*

Olyan folyamatok is idetartoznak, amelyeket **atmoszferikus robbanáshoz** lehet hasonlítani, például: *vkinek a szeme villámokat szór = oczy ciskają pioruny, rzucają błyski; lengy. błyskawice strzelają, miotają komu z oczu {villámokat szór vkinek a szeme} 'vki dühöng, mérges'*.

A szem **ENERGIA** és **PUSZTÍTÓ ERŐ** metafora olyan kifejezéseket motivál, mint például: lengy. *patrzeć przygniatającym wzrokiem* {valakire nehezedő szemmel néz}, *megsemmisít vkit a tekintetével = miażdżyć, niszczyć kogoś wzrokiem; a szemével, tekintettel ölni képes/tud = zabijać oczyma, wzrokiem; szemmel ver = rzucać urok (oczyma, spojrzeniem, wzrokiem) stb.*

A **TARTÁLY** belseje különböző szubsztanciákkal és tárgyakkal (nedvességgel, könnyekkel, homokkal) lehet töltve. Például: *könnyes szemek = zwilgotniale oczy; könnyekkel tele a szeme = oczy pełne łez; más szemében meglátja a szálkát, a magáéban a gerendát sem = w cudzym oku źdźbło, a w swoim belki nie widzi; widzieć źdźbło w oku bliźniego, a nie widzieć belki w swoim oku; magy. száłka a szemében = być komuś solą w oku {sónak lenni vkinek a szemében}*. A szem mint **TARTÁLY** olyan folyadékkal vagy vízzel van megtöltve, amelyben elsüllyedni lehet: *elmerül vkinek a tekintetében = topić oczy w czyich oczach 'intenzíven néz'*.

A **TARTÁLY**nak különböző mérete, formája és súlya van. Például: *kicsi szeme van = mieć małe oczy 'fáradtság', nagy szeme van = duże oczy, nagy szemeket mereszt = robić wielkie oczy 'meglepődik', a szeme szögéből néz vmit = patrzeć kątem oka; kidülledt, kimeresztett szemek = wylupiaсте, wypukłe, wybatuszzone, wytrzeszczone oczy; nehéz a szeme = ciężkie oczy 'álmos, fáradt'; elnehezültek a szempillái 'álmos, fáradt'*.

A **TARTÁLY**nak hőmérséklete van. Például: *jeges tekintet = lodowate spojrzenie (oczy); hideg tekintet = zimne spojrzenie (oczy) meleg tekintet = ciepłe spojrzenie (oczy) stb.* A hő bizonyos fizikai folyamatokat indukál: *csillog a szeme = świecą się oczy, błyszczą oczy 'boldogság, öröm', szikrázó szemek = roziskrzzone oczy 'düh', foszforizują oczy = foszforizáló szem stb.*

A szem olyan **TARTÁLYKÉNT** is értelmeződik, amelynek különböző színe is lehet, például: *barna szemek = brązowe oczy; kék szemek = niebieskie oczy; fekete szemek = czarne oczy; zöld szemek = zielone oczy stb.* A nyelvhasználók felhasználják az emberi szem színének meghatározására a növényi, állati, ásványi anyagok, drágakövek és élelmiszerek neveit is, például: *gesztenye színű = kasztanowe; ibolyás szemek = fiołkowe oczy; őzszemek = sarnie oczy* ‘nagy, barna szemek’, *nyusziszemek = królicze oczy* ‘piros, például fáradtságtól’, *fekete, mint a szén = czarne jak węgiel* ‘nagyon sötét’, *szmaragdowe oczy* {smaragdszemek}, *csokoládébarna = czekoladowe stb.*

Érdeemes megfigyelni, hogy a **TARTÁLYT** úgy képzeljük el, mintha üvegből lenne. Például: *üveges szemek, üveges tekintet = mieć szklane oczy, spojrzenie* ‘betegnek kinézni, betegesen csillogó szemek’. A szem törékeny anyagból készült: lengy. *oko sobie złamiesz* {eltöröd a szemed} ‘kukkolóról’. A szem **ragadós** lehet, például: *leragad a szeme, elnehezültek a szempillái = oczy mi się kleją* ‘fáradt, álmos’.

A szem olyan **TARTÁLYKÉNT** is konceptualizálódik, amelynek felületén különféle cselekvések történnek. Például: lengy. *mieć coś/kogoś na oku* {vki, vmi van a szemén} = *rajta tartja a szemét, szemére vet = wziąć na oko* ‘hibáztat, okol’, *łuska, zasłona spada z oczu* {pikkely, függöny leesik a szeméről} = *lehullott a hályog a szeméről* ‘vki felnyitja a szemét, kezd orientálódni az adott szituációban’ stb.

A szem olyan **TARTÁLY** is, amely egy mély, nedves gödörben (ún. szemgödörben) van elhelyezve. Például: *mélyen ülő szemek = głęboko osadzone oczy nie płacze*, lengy. *tylko ma oczy w mokrym miejscu* {nem sír, csak a szeme van nedves helyen} stb.

A szemmel mint egy gödörben, illetve pályán **MOZGATHATÓ TARTÁLYAL** bizonyos **cselekvéseket** lehet végrehajtani. Például: *kiesik a szeme a helyéről = oczy wychodzą komuś z orbit* ‘rémült vagy kíváncsi’, *forgatja a szemeit = przewracać oczyma, wywracać oczyma* ‘emóciókat fejez ki’ stb. A szem nem csak mozgatható, hanem **megfogható** tárgy, például: *hová tetted a szemed?; hol volt a szemed? = gdzie miateś/miałaś oczy?* ‘valamit kihagy, valamit nem vesz észre, hibát követ el’, lengy. *nie wiedzieć gdzie schować oczy* {nem tudja hova elrejtteni a szemét}, *rápiliant vkire/vamire = rzucić okiem; megakad a szeme vkin/vmin = zawiesić oko, zatrzymać oko na kim/czym* ‘vki vagy vmi felhívja a figyelmét’.

Mivel a szem mozgatható, különböző helyeken található, például: *hátul is van szeme = mieć oczy z tyłu głowy* ‘mindent lát’, stb.

Néha a szókapcsolatok alapján könnyen belátható, hogy egyes esetekben a mozgás, illetve a **TARTÁLYNAK** új elhelyezkedése erő segítségével történt. Például *kiszúrja a szemét = wykuć oczy; kikaparja vkinek a szemét = wydrapać oczy stb.*

Érdekes, hogy a szem **STATIKUS TARTÁLYKÉNT** is megfigyelhető, pl.: *nem veszi le róla a szemét = nie spuszczać/tracić oka z kogo; szemét rászegezi*

valamire = utkwić w kimś, w czymś oczy; lengy. postawić oczy w słup = üresen bámul stb.

A szem mint **ÉRZELMEK TARTÁLYA** elsősorban olyan kifejezésekben fordul elő, mint például: *vidámság, szerelem, nyugalom, aggodalom, kínlódás, fájdalom, kíváncsiság, harag, düh, örület van a szemekben = mieć radość, miłość, spokój, niepokój, cierpienie, ból, ciekawość, złość, obłąd, szaleństwo w oczach.*

Több nyelvi példában a szem mint az **ÉRZELMEK TÜKRE** (Bańczerowski 2008: 178) értelmeződik, például: *a szem a lélek tükre = oczy zwierciadłem duszy; lát vmit a szemében = widzieć co po/w oczach; tükröződik a szemében = odbijać się w oczach, odzwierciedlać się w oczach; hogy nem süil ki a szem = jak ci nie wstyd prosto w oczy patrzeć {nem szégyel egyenesen a szemébe nézni} ‘hazudozó vagy csaló emberre’.*

A szem mint **CSERETÁRGY** metafora olyan kifejezések alapja, mint például *szép szeméért = za piękne oczy* és bibliai eredetű *szemet szeméért, fogat fogéért = oko za oko, ząb za ząb stb.*

A szem **ÉRTÉKES TÁRGYKÉNT** is konceptualizálódik. Erre olyan kifejezések utalnak mint: *úgy vigyáz rá, mint a szemé fényére = pilnować, strzec kogo, czego jak oczka, źrenicy; a szemé fénye vkinek = być czymś oczkiem w głowie, miłować kogo jak źrenicę oka stb.* ‘nagyon szeret’.

Most tekintsük át azt a részt, amely a szem mint **MÉRŐESZKÖZ** konceptualizációt tartalmazza. A mérték doménben a szem annak ellenére, hogy viszonylag kis méretű, olyan léptéket jelent, amely nemcsak kis távolságra, hanem nagy **távolságra** is érvényes, például: *távollátó = dalekowzroczne; ameddig a szem ellát = gdzie okiem zajrzysz; jak daleko okiem sięgnąć, dojrzyć; jak oko sięga; gdzie okiem sięgnąć* ‘nagyon messze, amilyen távolra ellát’, *rövidlátó = krótkowzroczny* ‘nem gondolkodik előre’ vagy ‘problémája van a látásával’ stb.

A távolságon kívül a szem segítségével az **idő** is megállapítható. Például: *egy szempillantás alatt = na mrugnienie, na mrugnięcie oka (oczu); w mrugnienie oka; w mgnieniu oka* ‘nagyon gyorsan, pillanatokon belül’. A szem **minősítés** jelzésére is szolgál, pl.: *méregetik egymást = mierzyć się spojrzeniami* ‘alaposan, szigorúan néz, osztályoz vkit/vmit’, *első látásra = na pierwszy rzut oka, na oko stb.*

Egyes példákban a szem mint **ÉLES ESZKÖZ** is konceptualizálódik, pl.: *szűrósan néz = przeszyć, prześwidrować, przewiercić oczyma; lengy. oczy jak noże {szemek, mint a kés} = úgy áll a szemé, mint a vasvilla* ‘vkit (dühből) alaposan megnéz, szemmel megvizsgál’, *szemezni vkivel = strzyc oczyma* ‘szemmel flörtöl’ stb.

A szem az állandósult kifejezésekben olyan **KOMMUNIKÁCIÓS ESZKÖZKÉNT** szerepel, amely segít a nonverbális kommunikációban. Például: *rákacsint vkire = puścić do kogoś oczko; forgatja a szemét = przewracać oczami* ‘kimutatja a csalódottságát’, *beszédes a szemé = mówić, porozumiewać się*

oczami; oczy mówią 'kifejez vmit', beszédes a tekintete = porozumiewawcze spojrzenie; vkire pislog = dawać oko na kogo stb.

Néhány kifejezés arra utal, hogy a szem a **TŰZ FORRÁSAKÉNT** rögzült a nyelvben, pl.: *tűzes a tekintete = oczy płoną, ogniste spojrzenie; szikrákat szór-nak a szemei = zaiskrzyły się oczy 'a szerelem, boldogság, vágy, harag kimuta-tása' stb.*

Egyes kifejezésekben a szem mint **SZÖVEG/KÖNYV** fedezhető fel, amelyből különböző információk olvashatók ki. Íme a példák: *kiolvas vkinek a szeméből vmit = wyczytać coś w oczach 'vkinek a tekintetéből következtet vmire', olvas a szemeiben = czytać w oczach stb.*

A lengyel nyelvben a szem mint **KÉP** metafora is konceptualizálódik, pl.: *coś się maluje w czyich oczach* {vmi kirajzolódik vkinek a szemeiben}.

Szép számban találunk olyan frazeológiai kapcsolatokat, metaforákat és szimbólumokat, amelyekben az emberi szemeket hasonlítjuk össze az állati szemekkel, illetve az állatok viselkedésével. „Ezek a kifejezések amellet, hogy jellemzik az adott állatot vagy annak viselkedését, magukba foglalják az emberrel, az ember létezésének és mindennapi cselekvéseinek módjával kapcsolatos különböző megítélések hangulati elemeit is” (Dziewońska-Kiss 2010: 69). Így a szem lehet például: *őzszemek = sarnie oczy 'félénk, ijedős tekintet', macskaszemek = kocie oczy; bociszemek, borjúszemek = cielęce oczy; 'szemek szelíd, álmos tekintettel', olyan a szeme, mint a sasnak; sasszemű = orle oczy; bámul, mint borjú az új kapura = patrzy jak wół na malowane wrota stb.*

A szem az állatokhoz hasonló módon **cselekedni** tud (*majd felfalja a szemével, tekintetével = pożerać, chłonać kogo, co okiem (oczami), wzrokiem 'vkire csodálattal néz, vkit kíván'*) és **viselkedni** (*vad szemek = dzikie oczy*), azért időnként **szelídíteni** kell (*hózzászoktatni a szemeket vmihez = oswajac oczy z czym*) vagy **etetni** (*legelteti a szemét = paść oczy czym, widokiem czego albo czym*). A fenti példák arra utalnak, hogy a szem **ÁLLATKÉNT** is konceptualizálható.

A szem mint **ÉLŐLÉNY** metafora olyan kifejezéseket motivál, mint például: lengy. *bląkają się oczy* {tévelyegnek a szemei}; *blądzić oczyma* {tévelyeg a szemeivel}, *oczy łowią* {a szemek vadásznak}, *oczy chwytają* {a szemekkel fog}, *oczy wędrują* {a szemek vándorolnak}, *goni oko za kim, za czym* {a szemek futnak vki/vmi után}, *felfalja a szemeivel = zjadać, jeść, połykać oczami 'vkire/vmire csodálattal néz, vkit/vmit kíván'*, magy. *szemmel kerget, üldöz vagy hajszol valamit, megfog, elkap valamit a szemével stb.*

A világ nyelvi képében a szem olyan **EMBERKÉNT** is értelmeződik, aki egyrészt beszél, pl.: *beszél a szeme = oczy mówią stb.*, másrészt akinek tanúszerpe van, pl.: *saját szemeivel lát = widzieć na własne oczy; amit nem lát a szem, az nem fáj a szívnek = czego oczy nie widzą tego sercu nie żal; nem hisz a saját szemének = nie wierzyć oczom; nie dowierzać własnym oczom 'meglepődött a helyzettől'.*

A szem mint **AXIOLÓGIAI KATEGÓRIA pozitív és negatív** minősítésű lehet. A pozitív minősítés olyan kifejezésekben érvényesül, mint például: *szí-*

ves, kegyes, kedves, hajlandó, jóindulatú, jóakarátú, enyhe, ábrándos, vidám, jó, okos, derűs szemmel néz = patrzeć łaskawym, miłym, przychylnym, życzliwym, łagodnym, marzycielskim, skupionym, wesołym, dobrym, mądrym, pogodnym, radosnym okiem; jóság tükröződik a szemeiben = dobrze mu z oczy patrzy; ma tyle dobroci w oczach. A negatív minősítés esetében olyan kifejezéseket érdemes felsorolni, mint például: kedvetlen, féltékeny, rossz, mohó, vad, szomorú, ferde, szétszórt, gyanakvó, hiányoló, kritikus, téves, semleges, fúró, ördögi, áruló szemmel néz = patrzeć niechętnym, niemiłym, zazdrosnym, złym, chytrym, dzikim, ponurym, kosym, krzywym roztargnionym, przebiegłym, przenikliwym, przepaścistym, podejrzliwym, złym, tęsknym, wylekłym, krytycznym, błędnym, łakomym, zachłannym, natrętnym, niechętnym, obojętnym, świdrującym, diabelskim, zdrażliwym okiem.

A szem mint **AXIOLÓGIAI KATEGÓRIA** olyan tulajdonsággal is rendelkezik, amely az ember képességeit értékeli. Például: lengyel. *fachowe oko, profesjonalne oko* {professzionális szem} 'tapasztalt', *csukott szemmel is megcsinálja = robić coś z zamkniętymi* 'hibátlanul', *bekötött szemmel is odatalál = trafić z zawiązanymi oczami, trafi z zamkniętymi oczami* {behunyt, csukott szemmel is odatalál} 'vhova jól ismeri az utat, a járást', *oko niedoświadczone* {tapasztalatlan szem} 'vkirol, akinek kevés élettapasztalata van', *hátul is van szeme = ma oczy z tyłu głowy* 'jó megfigyelő', *van szeme valamihez* 'ért hozzá'.

3. Összegzés

A szem lexémát tartalmazó frazeologizmusok, közmondások és a mai lengyel és magyar nyelvhasználokban rögzült kifejezések roppant széles, gazdag és színes képet mutatnak a szem fogalomról. Mivel a szem mint látószerv igen jelentős szerepet tölt be az emberi életben, a szem fogalom a lengyel és magyar nyelvben nagyon gyakori, ezért több aspektusból is megfigyelhető. A fent említett anyag elemzése azt mutatja, hogy a szem nagy hangsúlyt kap a **TARTÁLY** és **TÁRGY** metaforában. Ezen kívül a lengyel és a magyar nyelvű példák azt jelzik, hogy a szem többféle eszközként (**MÉRŐESZKÖZ, ÉLES ESZKÖZ, KOMMUNIKÁCIÓS ESZKÖZ**) is rögzült a nyelvben. Néhány példa arra is utal, hogy a szem metaforikus kifejezéseinek forrástartománya a **TŰZ FORRÁSA**, a **SZÖVEG/KÖNYV**, és a lengyelben **KÉP**. Az összegyűjtött kifejezések között olyanok is szerepelnek, amelyekben a szem mint **ÉLŐLÉNY (EMBER vagy ÁLLAT)** metafora konceptualizálható. **AXIOLÓGIAI KATEGÓRIÁBAN** a szem elsősorban a legfontosabb értéként konceptualizálódik. A nyelvi példákban olyan kifejezéseket is találunk, amelyekben a szem lexéma pozitív vagy pedig negatív minősítést tartalmaz. A nyelvi anyag gazdagsága, sokszínűsége, változatossága azt mutatja, hogy a szem nyelvi képe jelentősen eltér a szótári definíciótól és a világ tudományos képétől.

Felhasznált irodalom

- Bañcerowski, Janusz 2010: A nyelv szerepe az emberi valóság megalkotásában. In: *Magyar Nyelv* 2010, 2. szám, 129-143.
- Bañcerowski, Janusz 2008: *A világ nyelvi képe. A világkép mint a valóság metaképe a nyelvben és nyelvhasználatban*. Budapest: Tinta Könyvkiadó.
- Bartmiński, Jerzy 2006: *Językowe podstawy obrazu świata*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej.
- Bartmiński, Jerzy (szerk.) 2001: *Współczesny język polski*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej.
- Dziewońska-Kiss, Dorota 2010: Állatnevek és állati testrészek a lengyel és a magyar nyelvi minősítésben. In: Bárdosi Vilmos (szerk.): *Világkép a nyelvben és a nyelvhasználatban*. Budapest: Tinta Könyvkiadó.
- Dziewońska-Kiss, Dorota 2011: *A szem fogalmának nyelvi képe a lengyel frazeológiai kapcsolatokban és közmondásokban*. <http://www.filologia.hu/tanulmanyok/>
- Filar, Dorota 2000: Językowy obraz świata a obraz świata w tekście poetyckim. In: *Język a kultura*. T.13. Wrocław, 2000: <http://www.lingwistyka.uni.wroc.pl/jk/>
- Hadrovics, László 1995: *Magyar frazeológia. Történeti áttekintés*. Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Jędrzejko, Ewa 2001: Człowiek miarą wszech rzeczy. Antroponcentryzm i historyczno-kulturowe aspekty staropolskiej frazeologii somatycznej. In: *Prace filologiczne* T. XLVI. Warszawa: Instytut Języka Polskiego UW.
- Kövecses Zoltán 2005: *A metafora. Gyakorlati bevezetés a kognitív metaforaelméletbe*. Budapest: Typotex Kiadó.
- Krawczyk, Anna 1991: Ciało człowieka w świetle frazeologii gwarowej. In: *Język a kultura*. T. 1 <http://www.lingwistyka.uni.wroc.pl/jk/>
- Maćkiewicz, Jolanta 2002: „Krajobraz twarzy” czyli: jak opisujemy twarz i jej części. In: *Prace filologiczne* T. XLVII. Warszawa: Instytut Języka Polskiego UW.
- Maćkiewicz, Jolanta 2001: Twarz i maska. Potoczne wyobrażenia na temat szczerości i obfudy. In: *Prace filologiczne* T. XLVI. Warszawa: Instytut Języka Polskiego UW.
- Маслова, В. А. 2007: *Лингвокультурология*. Москва: Издательский центр «Академия»
- Pajdzińska, Anna 2006: *Studia frazeologiczne*. Łask: Oficyna Wydawnicza Leksem.
- Tyrpa, Anna 2005: *Frazeologia somatyczna. Związki frazeologiczne o znaczeniach motywowanych cechami części ciała w gwarach polskich*. Łask: Oficyna Wydawnicza Leksem.
- Sułkowska, Monika 2006: Międzyjęzykowa ekwiwalencja frazeologizmów na przykładzie związków somatycznych w języku polskim, francuskim i włoskim. In: *Poradnik językowy* 2006. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego.
- Tokarski, Ryszard 2001: Słownictwo jako interpretacja świata. In: Bartmiński, J. (szerk.): *Współczesny język polski*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie – Skłodowskiej.
- Wysoczański, Włodzimierz 2006: *Językowy obraz świata w porównaniach zleksykalizowanych na materiale wybranych języków*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego.

Források

- Bárdosi, Vilmos 2003: *Magyar szólástár. Szólások, helyzetmondatok, közmondások értelmező és fogalomköri szótára*. Budapest: Tinta Könyvkiadó.
- Bąba Stanisław, Liberek Jarosław 2002: *Słownik frazeologiczny współczesnej polszczyzny*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Długosz-Kurczabowa, Krystyna 2009: *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Doroszewski, Witold (szerk.) 1963: *Słownik języka polskiego*. (= DSJP) Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Dubisz Stanisław, Sobol Elżbieta (szerk.) 2005: *Wielki słownik frazeologiczny*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Forgács Tamás 2004: *Magyar szólások és közmondások szótára. Mai nyelvünk állandósult szókapcsolatai példákkal szemléltetve*. Budapest: Tinta Könyvkiadó.
- Krzyżanowski, Julian (szerk.) 1972: *Nowa księga przysłów i wyrażen przysłowiowych polskich*. Warszawa: PIW.
- Magyar értelmező kéziszótár 2002 (=MÉKESz.): Budapest: Akadémiai Kiadó.
- O. Nagy, Gábor 1966: *Magyar szólások és közmondások*. Budapest: Gondolat Kiadó.
- O. Nagy, Gábor 1979: *Mi fán terem. Magyar szólásmondások eredete*. Budapest: Gondolat Kiadó.
- Skorupka, Stanisław 1977: *Słownik frazeologiczny języka polskiego*. Warszawa: Wiedza Powszechna.
- Szemerényi Ágnes 2009: *Szólások és közmondások*. Budapest: Osiris Kiadó.
- Szymczak, Mieczysław 1988: *Słownik języka polskiego*. (= SSJP) Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.

Rövidítések:

{ } = szó szerinti fordítás

(=) = ekvivalens

lengy. = lengyel

magy. = magyar

pl.: = például

t. sz. = többes szám

vki = valaki

vmi = valami

Слово как единица в преподавании иностранного языка

In the process of learning a foreign language linguistic units act in development. But traditional linguistics is synchronistic – static. It can not help students in learning language. The other linguistics is needed – dynamic. The attempt to form some principles of this linguistics is made in the article.

Keywords: speech subject, speech act, speech object, word, form, meaning, quality, quantity.

При изучении языка его единицы предстают в развитии, например: слово > высказывание > речь. Но традиционная лингвистика – статическая, синхроническая, и когда к ней обращаются преподаватели, чтобы обобщить (например, в своих «Методиках») наблюдения о том, как при овладении языком у учащихся образуется, развивается язык, то получается, что учащиеся сначала осваивают только фонетику, затем у них образуется грамматика, наконец овладевают они и лексикой (именно такие разделы и в такой именно последовательности присутствуют в «Методиках»). Сами методисты эту ненормальность часто замечают и с сожалением отмечают ее в своих «Методиках», например: «Очевидна поэтому искусственность описания в книге отдельных сторон языка и его использования (например, аудирования и устной речи, фонетики, лексики и грамматики), неразрывно связанных в естественном общении» (Костомаров, Митрофанова 1988: 6). Но дело в том, что другой лингвистической методологии у преподавателей нет. Динамическая лингвистика, с использованием принципа историзма, отсутствует. И преподавателям при обучении языку некуда обратиться. Но надо заметить, что сами преподаватели высказывают очень много замечаний, утверждений, формулировок, отвечающих принципу историзма, и не только высказывают, но и преподают в соответствии с этим принципом (их заставляет необходимость, ведь надо учить детей языку). Ниже на этом материале предпринимается попытка сформулировать некоторые понятия (применительно только к слову), относящиеся к области динамической лингвистики.

1. Объект: слово (материальная сущность). (Логический тезис).

Объект означает, что слово, вообще язык, по отношению к говорящему субъекту является заранее заданным, предшествует субъекту речи (если не иметь в виду случай происхождения языка). Если описывать использование языка субъектом, то надо начинать с языка, как с объекта

(логический тезис), не вовлекая пока в описание субъекта речи (логический антитезис), а затем – описывается неразрывно вместе с языком. Традиционная лингвистика описывает язык вообще без субъекта речи, в связи с чем постановка вопроса о том, что язык – это объект, теряет в традиционной лингвистике принципиальный смысл.

Слово – это единица общения, как и высказывание и речь (слово > высказывание > речь). Слово больше сориентировано на объективную действительность (*Вот книга*), а речь – больше на субъекта речи; высказывание же является «настоящим» высказыванием: в нем есть то, о чем говорится, и то, что говорится (*Книга – на столе*). В лингвистике слово, так же как и высказывание и речь, получило много дефиниций. Но эти три понятия трудно определить, так как они понятны каждому говорящему; эти понятия следует поэтому принимать без определений – как исходные понятия.

Материя слова – это 1) его звучание, которое воспринимается органами слуха; это 2) его написание, которое воспринимается зрением. Чтобы создать звуковое слово, надо 3) артикулировать слово органами во рту (языком и др.); чтобы написать слово, надо 4) двигать рукой. Как известно, практика преподавания иностранного языка начинается с преподавания слова как материальной сущности: «...слухо-произносительные навыки...лежат в основе формирования всех видов речевой деятельности» (Дергачева и др. 1989: 37). Сама материальная часть слова тоже преподается в последовательности – в соответствии с тем, как проявляется материя слова: «Ясно, что обучать надо и произношению, и слуховому восприятию. Но с чего начинать?.. Начинать надо с мускульного (артикуляционного) чувства...» (Щукин и др. 1990: 52).

2. Субъект речи – речевое действие: слово (материя) > предмет > слово (содержание). (Логический антитезис).

На 2-ом этапе становления слова как единицы – появляется **субъект речи**, который вступает в соотношение с объектом речи – со словом. Субъект речи – это человек (говорящий, слушающий, в том числе и учащийся), который воздействует на объект речи. Применительно к слову это воздействие называется: **речевое действие** (ср. если объектом является высказывание, то воздействие субъекта на высказывание – это речевой акт, а если объектом является речь, то субъект воздействует на нее посредством речевой деятельности). Именно речевое действие на слово и составляет субъект речи. Субъект речи – это, конечно, человек, у которого есть голова, глаза, руки, ноги и т.д., однако все это не существенно для субъекта речи. Субъект речи – это, повторяем, только его воздействие на объект речи, в данном случае – на слово. Термин «речевое действие» на слово употребляется обычно в психолингвистике.

Применительно к преподаванию иностранного языка см. о этом у А.А. Леонтьева в: Девятайкина и др. 1984: 8-12.

Речевое действие субъекта речи на слово как на объект речи происходит в определенных условиях общения. Главным из этих условий является объективная действительность, о которой сообщается субъектом с использованием объекта речи – слова. Применительно к слову эта объективная действительность есть **предмет**. Посредством речевого действия субъект устанавливает отношение «слово – предмет». На материальном слове при посредстве предмета появляется слово-содержание. Например, учащийся совершает действие с незнакомым ему словом (он знает, как слово звучит, но не знает его содержания): с помощью предмета он узнает о содержании данного слова. В практике преподавания иностранного языка это процедура называется **семантизацией** слова: «Семантизацией называется процесс и результат сообщения необходимых сведений о содержательной стороне языковой единицы...» (Щукин 1990: 62). И далее: «Основными приемами семантизации (направленной на раскрытие значения слова) являются: 1) использование наглядности, 2) использование описания» (там же: 65). В 1-ом случае преподаватель произносит слово и, беря со своего стола один из заранее приготовленных предметов, показывает его учащимся, например: *карандаш* – показывает карандаш. Во 2-ом случае преподаватель переводит незнакомое учащимся слово на родной язык учащегося (словом, называющим предмет) либо объясняет содержание русского слова посредством русского же слова (называющего признак этого предмета), например: *карандаш* – это чем *рисовать*. Если в отношении учащегося это направление речевого действия называется семантизацией слова (от слова-материи к предмету, составляющему содержание слова), то для преподавателя, если бы он сначала показал предмет, а потом его назвал бы, называется **номинацией** предмета: от предмета, составляющего содержание слова, к материи слова. Семантизация, таким образом, соответствует восприятию слова: представляет собой самый первый акт слушания (первоначальное слушание). Номинация – это первоначальное говорение. Вследствие первичного характера восприятия и говорения, эти разнонаправленные речевые действия еще не составляют коммуникации (общения), которая впервые появится на следующем, 3-ем этапе становления слова. На 1-ом и 2-ом этапах слово только готовится к тому, чтобы на 3-ем этапе стать средством общения – быть языковым знаком.

3. Субъект речи – речевое действие: предмет > слово (значение > форма). (Логический синтез).

На 3-ем этапе происходит **синтез** слова как материальной сущности (1-ый этап) и слова как идеальной сущности (2-ой этап).

Образуется «настоящее», качественно новое слово. Материальное слово становится **формой** в новом слове, а идеальное – **значением** нового, того же самого слова. Слово становится двусторонним языковым знаком – объектом речи, используемым субъектом в качестве средства сообщения другому субъекту о предмете речи. Одно и то же слово становится способным выполнять сразу две функции – семантизацию: «слово (форма > значение)» и номинацию: «слово (значение > форма)». Семантизация становится слушанием (у одного субъекта), а номинация – говорением (у другого субъекта). При слушании субъект речи ориентирован от слова к предмету речи: «слово (форма > значение) > предмет», а при говорении – от предмета речи к слову: «предмет > слово (значение > форма)», при этом слово своим значением всегда сориентировано на предмет.

Кроме названных двух видов речевого действия субъекта со словом-объектом, есть еще два вида, производных от первых двух, а именно: письмо и чтение. Письмо, как и говорение, осуществляется в направлении от субъекта: «предмет > слово (значение > форма)»; чтение, как и слушание, - в обратном направлении: «слово > (форма > значение) предмет». И здесь слово ориентируется своим значением на предмет.

Какой из этих двух видов речевого действия субъекта со словом-объектом, говорение или слушание (письмо или чтение), является исходным (может быть, даже главным), а какое – производным (второстепенным)? С какого вида речевого действия надо, в частности, начинать преподавание языка?

Если обратиться к практике преподавания иностранных языков, то – в ней используются разные последовательности. Например, в учебнике по методике Дергачева 1989 предлагается следующая последовательность: аудирование > говорение (чтение > письмо). Объясняется это так: «Чтобы усвоить новую лексику учащийся должен: 1) услышать новое слово..., 2) понять значение этого слова, увидев предмет или рисунок...» (там же, с. 86). Иначе говоря, на 1-ом этапе учащийся усваивает слово-материю, на 2-ом – слово-содержание. Значит, на 3-ем этапе, когда появилось слово, представляющее собой единство материи и содержания: слово (форма – значение), - это единство надо изучать сначала в направлении «слово (форма > значение)», соответствующем слушанию, а затем – в направлении «слово (значение > форма)», соответствующем говорению. Другой учебник по методике предлагает обучать учащихся, начиная с говорения, переходя после этого к аудированию (говорение > слушание). Объясняется эта последовательность следующим образом: «Высшей целью урока является естественный целенаправленный обмен сообщениями» (Костомаров, Митрофанова 1988:101), т.е. говорение является более важным видом речевого действия со словом, следовательно, говорению надо отдавать предпочтение, с него надо и начинать. Однако в случае «письма - чтения» более важным оказывается у тех же авторов чтение: «Чтение

присутствует уже на первых занятиях языком и постоянно сопровождает его изучение» (там же: 129), т.е. чтение надо ставить на первое место: оно обуславливает письмо.

Полагаем, что когда слово представляет собой единство формы и значения (3-ий этап), когда у слова известны и форма, и значение (когда учащийся знает целостное слово), можно обучать учащихся всем видам речевого действия, начиная как со слушания, так и с говорения. Возможно, что надо отдавать предпочтение тому, чтобы начинать с говорения, так как сначала надо что-то сказать, чтобы это услышать. Именно так, применительно к говорению, и записан выше заголовок к данному разделу нашей статьи: «Субъект – речевое действие: предмет > слово > (значение > форма)». Применительно к слушанию заголовок надо было бы записать так: «Субъект – речевое действие: слово > (форма > значение) > предмет».

Заметим, что в практике преподавания иностранных языков говорение, слушание, письмо, чтение - всегда называется: «виды речевой деятельностью». Получается, что субъект речи всегда воздействует на объект речи под названием «речь». Но объектом речи может быть и высказывание - в таком случае будут «виды речевых актов». В нашем же случае объектом речи является «слово», поэтому мы и употребляем: «виды речевого действия».

4. Субъект речи – речевое действие: много предметов > много слов (значений > форм) > предложение. (Переход качества в количество).

Сформировавшееся на 3-ем этапе **качество** слова, представляющее собой единство формы и значения, - позволяет субъекту речи использовать слово как средство общения, как двусторонний знак.

На 4-ом этапе субъект речи производит другое действие: он соединяет слова друг с другом – создает **количество** слов. Качество этого количества зависит от качества слов, вошедших в это количество. Каково качество слов, таково и качество составившегося из этих слов количества. Именно в этом состоит **переход** качества в количество. Одни качества слов – от их материальной формы (звуковой, графической и др.), другие – от значения слов (предмет, признак, действие и др.). В одно количество слов объединяются слова тождественного качества. Если слова – разного качества, то – получаются разные количества. Если использовать слова сразу нескольких качеств (одни - тождественные, другие – различные), то образуются одновременно тождественные (в отношении одних качеств) и различные (в отношении других качеств) количества. Качества слов можно упорядочиваются – соответственно упорядочиваются и количества.

В лингвистике описываются количества слов самого различного качества – какие только придут в голову. В практике преподавания языка приходится формулировать только такие количества слов, которые способствуют овладению языком. Например, самое первое количество слов, которое формулируется в практике преподавания, называется: «лексический минимум». Это такое количество слов, в которое входят слова с качеством «частотность» (каждое из слов этого количества употребляется в языке очень часто), см. об этом: Колесникова 1977: 24).

После того, как сформулирован лексический минимум, внутри этого количества формулируются количества типа «Семья», «Школа», «Магазин» и др., называемые в практике преподавания тематическими классами. «Тематико-понятийные классы являются базой, на которой строится работа по лексике» (Половникова 1988: 12).

После тематико-понятийных классов самыми крупными количествами в практике преподавания иностранного языка оказываются количества, состоящие из слов с качеством «предмет», «признак», «действие» и др., маркированные грамматическими формами. «Самые многочисленные группы слов - это части речи: имена существительные, имена прилагательные, глаголы, числительные, местоимения и т.д.» (Девятайкина и др. 1984: 75). Названные количества уже непосредственно образованы из слов, качество которых состоит в способности образовать такое количество, внутри которого слова сочетаются друг с другом, как в речи. Например, если брать слова из количества «сущ.» (*книга, карта,...*) и соединять их со словами из количества «глагол.» (*лежит, висит,...*), будет получаться количество, которое употребляется в речи (*Книга лежит*). Наиболее обычным количеством слов, внутри которого слова сочетаются как в речи, является **предложение**. В языке вырабатывается специальная грамматическая маркировка для слов, участвующих в количестве под названием предложения. Эта маркировка именуется «грамматической схемой» предложения, а в практике преподавания обычно называется «речевым образцом». Учащийся берет этот речевой образец, наполняет его соответствующей лексикой и получает предложение. Или наоборот: берет необходимую лексику и маркирует ее под речевой образец – и тоже получает предложение. «Эффективность использования речевых образцов в обучении русскому языку общепризнанна» (Костомаров, Митрофанова 1988: 34)

Но в практике преподавания для образования количества слов под названием предложения требуются более частные количества, чем «сущ.», «прил.», «глагол.» и т.п., требуются более конкретные соотношения этих количеств, чем их представляет обычная грамматическая схема предложения. Желательно также, чтобы и эти частные количества и их конкретные соотношения имели грамматическую маркировку, чтобы можно было точно распознавать и создавать предложения. Но такие конкретные количества в лингвистике еще не описаны. Поэтому

преподавателям иностранного языка приходится самим искать и формулировать эти конкретные речевые образцы применительно к различным тематическим количествам слов и, сообщая эти образцы учащимся, обучать их строить и распознавать предложения. В книге Костомаров, Митрофанова 1988: 65-80 предлагается несколько путей поиска таких речевых образцов: 1) предметный путь, помогающий конкретизировать такое количество слов, как «сущ.», 2) глагольный путь конкретизации количества слов «глагол.», 3) ситуативный путь (речевые образцы утверждения-отрицания и др.). В учебных пособиях: Федосов 2003, 2009, кажется, впервые предлагается последовательная система речевых образцов с их лексическим наполнением применительно к заданным темам.

Итак, на 4-ом этапе развития слова субъект речи, с использованием своих речевых действий, не говорит, не слушает (не занят коммуникацией), - он создает **систему** слов, язык слов, с его основной единицей (языковой, а не речевой) – предложением. В заголовке к данному разделу система записана применительно к говорению: субъект, создавая систему, начинает свои речевые действия с множества предметов речи и затем, оперируя множеством слов, заканчивает предложением. С ориентацией на восприятие (слушание) речи система создается в другой последовательности: «Субъект – много речевых действий: предложение > много слов > (форм > значений)», т.е. субъект начинает с предложения и, оперируя множеством слов, создает предложение в условиях множества предметов речи. В целом система языка - одна, но применительно к говорению и слушанию она существует в двух вариантах.

Выше утверждалось, что субъект речи – **создает** систему (используя ее в коммуникации). Но, может быть, он **открывает** систему? Этот вопрос иногда задают преподаватели иностранного языка, которые, не располагая помощью со стороны лингвистики, «изобретают» (как они сами выражаются) различные свои способы систематизации лексики, чтобы учащиеся могли строить из слов предложения. Но преподаватели все-таки склоняются к тому, что система в лексике – открывается, а не создается. «...свойство системности является исконно присущим лексике, а не привносимым в нее исследователем. Возможность различных классификаций лексики, т.е. построение различных «систем», не противоречит такому пониманию, а лишь свидетельствует о сложности самой системы, ее внутренней диалектичности» (Слесарева 1980: 13). Таким образом, впечатление о том, что система в лексике создается, а не открывается, объясняется тем, что лексики – большое количество, что у слов – много качеств, с учетом которых внутри общего количества лексики образуется еще большее количество конкретных количеств. Можно по-разному систематизировать эти количества слов. С помощью многих из полученных систем можно строить одни и те же предложения,

а разные предложения можно строить с помощью одной и той же системы.

5. Субъект речи – речевой акт: ситуация > предложение > высказывание. (Переход количества в качество).

На 5-ом этапе субъект речи снова создает и воспринимает речь – говорит и слушает (занимается коммуникацией), но имеет дело уже с новой речевой единицей – с **высказыванием**, в которую переходит старая речевая единица – слово в своем количестве в виде предложения. **Переход** количества в качество происходит потому, что субъект речи вместо многих речевых действий употребляет единый **речевой акт**, в результате чего много предметов речи становятся одной целостной **ситуацией**.

В лингвистике и практике преподавания иностранных языков терминология «высказывание», «речевой акт», «ситуация» употребляются примерно в том же значении, о котором сказано выше, но не всегда точно. Например, «высказывание» часто отождествляется с «предложением», о «ситуации» будто бы сообщает не только «высказывание», но и «речь»; «речевой акт» – это не воздействие субъекта на высказывание (субъект как понятие традиционно отсутствует), а нечто в виде некоего «речевого произведения», см. об этом разнообразии: Лингвистический энциклопедический словарь 1990, Словарь лингвистических терминов 1999. Поскольку в практике преподавания языков субъект речи постоянно присутствует – это учащийся, постольку практика преподавания языков ближе оказывается к правильному пониманию вышеназванных понятий и отношений между ними: «Субъект речи – речевой акт: ситуация > предложение > высказывание». Например, учащийся видит на столе у преподавателя упорядоченные предметы – ситуацию предметов; построив из соответствующих слов, называющих предметы, их количество – предложение, учащийся подает это предложение единым речевым актом как высказывание: *На столе – карандаш на книге.*

Из всех понятий (речевой акт, ситуация, высказывание) в практике преподавания языков в центре внимания оказывается ситуация:). Именно ситуация обуславливает переход слов в их количестве (предложение) в высказывание: «Ситуация есть фрагмент объективной действительности, отражаемый субъектом... Мотивировкой высказывания как акта речевого поведения является ситуация» (Сахарова 1991: 181).

Разумеется, чтобы речевая единица – высказывание - получилась правильной, учащийся должен правильно, в соответствии с системой языка, подготовить для высказывания языковую единицу – предложение. В практике преподавания, в связи с этим, используют два вида упражнений: 1) языковые упражнения: учащийся тренируется в построении предложений заданного типа; 2) речевые упражнения: из подготовленных предложений учащийся создает соответствующие высказывания (Половникова 1988: 105 – 107). В целом задача состоит в том, чтобы переход количества слов (предложения) в новое качество - в

высказывание – происходил у учащихся автоматически. Главное, что должно быть в центре внимания у учащихся при создании ими высказываний, - это ситуация, о которой они сообщают в своем высказывании, а также другие высказывания, предшествующие и последующие.

В заглавии к данному разделу показано расположение понятий, которое имеет место при порождении высказывания: субъект начинает с ситуации, в соответствии с которой упорядочиваются слова в их количестве – в предложении, после чего одним речевым актом подает это количество слов как целостное высказывание. При восприятии высказывания – понятия упорядочиваются обратным образом: «Субъект – речевой акт: высказывание > предложение > ситуация», т.е. субъект в речевом акте воспринимает высказывание и, распознав в нем известную ему организацию количества слов - предложение, воспроизводит ситуацию, о которой ему сообщают.

Литература

- Девятайкина В.С. и др. Пособие по методике преподавания русского языка как иностранного для студентов-нефилологов. – Москва: Рус. яз., 1984.
- Дергачева Г.И. и др. Методика преподавания русского языка на начальном этапе. – Москва: Рус. яз., 1089.
- Колесникова А.Ф. Проблемы обучения русской лексике. – Москва: Рус. яз., 1977.
- Костомаров В.Г., Митрофанова О.Д. Методическое руководство для преподавателей русского языка иностранцам. 4-е изд. – Москва: Рус. яз., 1988.
- Лингвистический энциклопедический словарь. Гл. ред. В.Н. Ярцева. – Москва: Наука, 1990.
- Половникова В.И. Лексический аспект в преподавании русского языка как иностранного на продвинутом этапе. 2-ое изд., перераб. и доп. – Москва: Рус. яз., 1988.
- Сахарова Т.Е. Проблема ситуации при обучении диалогической речи. В сб.: Общая методика обучения иностранным языкам. Сост. А.А. Леонтьев. – Москва: Рус. яз., 1991.
- Слесарева И.П. Проблемы описания и преподавания русской лексики. – Москва, 1980.
- Словарь методических терминов (теория и практика преподавания языков). Сост. Азимов Э.Г., Щукин, А.Н. - С.-Петербург, 1999.
- Федосов В.А. Старые русские города. История и архитектура X-XV11 веков. Учебное пособие по русской лингвокультурологии. – Nyíregyháza, 2003.
- Федосов В.А. Женщина и мужчина в русской и венгерской живописи. Практикум по лексике русского языка на тему «Человек, его внешность...» для венгерских студентов. – Nyíregyháza, 2009.

Щукин А.Н. и др. Методика преподавания русского языка как иностранного для зарубежных филологов-русистов (включенное обучение). – Москва: Рус. яз., 1990.

Син-ани-ма – личность и письменные документы
*Видимое и тайное лицо Андрея Тарковского в отражении периода съемок
"Андрея Рублева"*

Andrey Tarkovsky, one of the most well-known Russian film directors' second film "Andrey Rublev", which was made in 1963-1968 is particularly interesting. At that time the director was under the pressure of the studio staff MOSFILM that spiritually "damaged" him. In our paper we made a graphological investigation to show if this pressure exerted influence over the director psychologically.

Keywords: Tarkovsky, film, Andrey Rublev, culture

Андрей Тарковский относится к трудно объяснимым кинорежиссерам мира. Многие и не раз старались объяснить его творческий гений, делая попытки проникнуть в подсознание режиссера, и как нам кажется - без конкретных результатов. Причина этой неудачи кроется в своеобразном творческом подходе автора, в его неповторимо сложном кинематографическом языке.

Тарковский относится к тем одаренным художникам мира, которые способны открывающуюся для них идею трансцендентального мира, показать на экране. Его сложный кинематографический язык вызвал у одних специалистов уважение, а у других полное непонимание, с точки зрения интерпретации.

Мы не оцениваем художественные достоинства фильма Андрея Тарковского „Андрей Рублев”, а только хотим показать, как связан фильм, проблемы его создания с биографией Тарковского. Как процесс создания фильма повлиял на характер режиссера, на его судьбу как художника и человека.

В данной работе мы стараемся проанализировать тяжелый в жизни режиссера период во время создания „Андрея Рублева”, используя архивные материалы - подлинные документы, хранящиеся в архиве киностудии Мосфильм. Это долгий - почти десятилетний - период создания „Андрея Рублева”, непрерывные гонения в эти годы оставили ли след на личности режиссера? И эти - прежде всего негативные - впечатления повлияли ли на более поздние произведения режиссера?

В ходе работы мы столкнулись двумя проблемами. Первая состоит в том, что все эти документы находятся в беспорядке. Этот недостаток каталогизации, требовал применить новый метод в авторизации документов.

Этот смешанный набор документов в архиве систематизировали следующим образом: из некоторых документов, относящихся к фильму –

постановления, письма, заявления, резюме, рецензия – составили семь досье. В одном досье хранилось более 100 документов. На внешней обложке досье были указаны год написания и содержание. На практике это и датировка были единственными признаками при отождествлении документов. Некоторые из них были даже без входящих номеров. Для преодоления таких недостатков, мы ввели новый метод при отождествлении документов, они определялись с помощью их места по страницам в акте, и после знака "*" был написан год их регистрации.

Второй основной проблемой являлся тот факт, что среди многочисленных документов мало таких, которые являлись бы рукописями Андрея Тарковского. Ситуация осложнялась и тем, что в архиве воспрещалось ксерокопирование досье, таким образом в ходе работы нам пришлось пользоваться цифровым фотоаппаратом.

В конечном счете, мы нашли восемь документов, содержащих подпись режиссера. Они следующие:

1. Письмо¹ Глебу Дмитриевичу Харламову, директору Первого Творческого Объединения, в котором Андрей Тарковский и сценарист фильма Андрей Кончаловский сообщали о продлении срока сдачи сценария до начала декабря 1962 года, так как они приглашены на кинофестивали в Венецию и Сан-Франциско.
2. Письмо² Тарковского М.И. Воробьеву, в котором по постановлению Художественного Совета творческого объединения, сообщает главе планового отдела МОСФИЛЬМА о соблюдении 5000 метрового объема и 1.000.000 рублевой суммы.
3. Письменное заявление³ Андрея Тарковского П.М. Данилянцу, директору Шестого Творческого Объединения МОСФИЛЬМА в 1964-ом году.
4. Письмо⁴ О.Х. Караеву заместителю генерального директора с подписями Андрея Тарковского и директора картины Т.Г. Огородниковой, в котором просят дать примеры для работы в фильме.
5. Письмо⁵ режиссера к Е.П. Рудкину, директору Свердловского Драматического Театра, в котором он "просит" утвердить на съемочный период актера Андрея Солоницына, исполняющего главную роль в фильме.

---

¹ <1969/100/6-83#1962.11.19.>

² <2770/135/6-86#1964.02.>

³ <1969/100/6-4#1964.04.>

⁴ <2770/135/6121#1965.02.19.>

⁵ <1972/100/6-105#1965.03.19.>

6. Письмо⁶, адресованное специалистам Шестого Творческого Объединения А.А. Алову, В.Н. Наумову и директору объединения П.М. Данилянцу, в котором режиссер уведомляет их о том, что из-за неблагоприятных погодных условий некоторые сцены снимаются в киностудии, а не на натуре.
7. Письмо⁷ главному директору МОСФИЛЬМА В.Н. Сурину и директору Шестого Творческого Объединения П.М. Данилянцу, в котором сообщается о выполненных "поправках" Тарковским в 36 пунктах.
8. Записка⁸, написанная рукой В.Н. Сурина, в приложении которой было отправлено ему другое письмо - адресованное А.В. Романову от 7 февраля 1971 года.

В начале нашей работы нам потребовалось изучить и проанализировать ситуацию, сложившуюся во время съемочного периода фильма „Андрей Рублев”. Мы обратили внимание на тот факт, что фильм, по нашему мнению оформлялся мучительно долго для режиссера - 10 лет: первоначальная идея фильма появилась в первой половине 1961 года, и работы над фильмом были закончены 24 апреля 1971 года, когда фильм вышел на экраны в СССР.

Для того, чтобы обеспечить эффективный контроль над фильмами и "быстро" оценивать их, в составе киностудии Мосфильм были организованы так называемые "творческие объединения" со своим художественным советом. Эта организация не отождествляется полностью с понятием "съемочной группы" в сегодняшнем смысле этого слова, хотя некоторые члены съемочной группы были включены в его состав, в него даже вошли деятели киноискусства, сотрудники киностудии Мосфильм, специалисты, директора и.т.д. Таким образом, одно объединение руководило работой многочисленных съемочных групп. На практике на этом уровне решались "судьбы" кинофильмов, оценка объединения была обязательна для режиссера.

По нашему мнению некоторые "предложения к поправке", были далеки от корректных советов в адрес улучшения фильма. Однако мы не считаем, что все предложения наносили фильму только урон, но по многочисленным предложениям и советам Тарковскому пришлось много раз перерабатывать произведение, и в конечном счете весь бесконечный поток переработок серьезно повлиял на настроение режиссера, и следы этого "процесса" видны и в более поздних фильмах режиссера.

---

⁶ <1971/100/6-92#1965.09.25.>

⁷ <1973/100/6-23#1966.11.>

⁸ <1973/100/6-1#1967.02.07.>

В "предыстории" „Андрея Рублева” можно проследить четыре этапа:

- с 1961 по 4 марта 1963.: Тарковский приступает к работе под эгидой Первого Творческого Объединения
- с 4 марта 1963 до января 1966 года: режиссер переходит в состав Шестого Творческого Объединения, начало работы над фильмом
- с января 1966 до июля 1966 года: этот этап включает в себя период "развала" до конца работ над фильмом
- с июля 1966 по 24 апреля 1971 года: это заключительный этап работы и появление фильма на экранах в СССР

Для нас самыми интересными являются события 1966 года, так как шедшие до тех пор прежде всего на заднем плане нападения и на фильм и на самого Тарковского, уже были выдвинуты открыто на первый план. Мы не стараемся полностью перечислить все "недостатки" фильма высказанные сотрудниками киностудии Мосфильм и членами КПСС, только рассмотрим самые интересные: фильм достаточно длинный и значительно превышает бюджет (Война и мир Бондарчука который снимался в то время, стоил почти в 100 раз больше „Рублева”), актеры и некоторые сцены местами очень натуралистичны (голые люди, погибшие в огне животные), русские войска очень злые, много образов и сцен не полностью доработаны, много в фильме сцен, показывающих Церковь или церковных деятелей (в фильме о монахе). Вот все эти отдельно, самостоятельно или вместе - в течение четырех лет работы - нападки на режиссера со всех сторон.

В результате Тарковский "сдался". Но это понимается не только как согласие с поправками. Свидетельством этому служит протокол заседания объединения в отсутствие Тарковского от 31 мая 1967 года. Ситуация стала ужасной, плод пятилетней работы не был одобрен официально, и одна рецензия - автор неизвестен - даже негативно относясь к фильму. Члены художественного совета с непониманием отнеслись к отсутствию режиссера на заседании, некоторые из них упрекали самого Тарковского в его поведении:

„В.Н.СУРИН

<...>

По этому поводу нужно было бы поговорить, высказать нашу точку зрения. Картина эта не только Тарковского и, вернее, не столько Тарковского, сколько студии Мосфильм. Нам нужно иметь какое-то коллективное мнение по этому поводу - что нам дальше делать.

<...>

В.Н.СУРИН

<...>

И та, и другая картины получили первую категорию. Хочу еще дополнить, что по "Андрею Рублеву" в мае говорил т.Романов, что желая посоветоваться, что делать с этой картиной, он пригласил М.И.Ромма, С.А.Герасимова и др. и через эту группу товарищей хотел воздействовать на Тарковского, чтобы исправить картину чтобы она не лежала на полке. Встреча с Тарковским не состоялась.

<...>

В.Н.СУРИН

<...>

А голоса при определении качества разделились следующим образом: по "Рублеву" - за первую категорию 17 человек, за вторую - один человек. Здесь речь идет уже не только о картине, а о коллективе, о ситуации, сложившейся вокруг Мосфильма с одной стороны и, с другой меня очень волнует поведение Тарковского, потому что он становится в тройную оппозицию, не считается ни с чем, отмалчивается, уходит довольно демонстративно, не проявляя никакого внимания к тому, что говорится и к тому вниманию, которое проявляется к нему. Я этого понять не могу.

В.Н.СУРИН

<...>

Вы не ответили на главный вопрос: о поведении Тарковского, о роли коллектива, где ему все давалось, а он ушел в опричнину и плюет на все. Почему он не считается с коллективом где он трудится, где заботятся о нем, беспокоятся - как же так? И хотя он талантливый художник и интересный, и самобытный, то тогда надо ему свою студию открыть, закрыться в ней и делать все, что захочет, независимо от окружающей обстановки. Вот о чем идет речь.

М.М. РОММ

<...>

И другое дело - этот документ, который зачитали. Он производит убийственное впечатление, потому что он говорит о том, что безнадежны попытки спасти картину. В документе констатируется общая идейная порочность картины, историческая порочность картины, и не верная идея, по-моему, это самое главное, что художник становится в этой картине над обществом и как бы транспонируется в нынешнее время.

Этой идеи совсем нет в "Андрее Рублеве". Я говорил с авторами сценария Тарковским и Кончаловским - в чем будет основа фильма? Им в голову не приходило так трактовать Рублева и так трактовать роль

искусства. Это не верно кем-то сформулировано в припадке раздражения.

Поэтому надо сказать А.В.Романову, что по таким тезисам исправлять картину невозможно.

<...>

К этому нужно прибавить, что я знаю Тарковского много лет, знаю его с момента приемных экзаменов. Это человек нервный, уже при поступлении во ВГИК он был, в какой-то мере травмирован и уделялось много внимания тому, чтобы успокоить его. Он очень ранимый, очень творческий человек. Если он услышал эту сводку требований, я понимаю, что он заболел, понимаю, что его не могут найти, потому что это для художника убийственное заявление, что все, что он в это дело вложил, это все не то и не так. За столько лет работы, - это длится с 1961 года, огромный кусок жизни.

<...>

Поэтому, я думаю, следует проявить терпение, дождаться умного человека С.А. Герасимова и встретиться с Тарковским для этого разговора. На него потрачено уже столько времени и денег, что нужно еще немного терпения.”⁹

После систематического обзора протокола заседания, мы видим интересную картину событий. Тщательно проанализировав документ, мы считаем, что в этот критический момент - несмотря на то, что они упрекали Тарковского - сотрудники объединения стали на сторону режиссера. Это „отравленное” по содержанию заключение, о котором идет речь на заседании, не сохранился в архиве. Поэтому мы лишь можем предполагать личность автора. Члены объединения вместо того, чтобы напасть поддерживали произведение. Слова Ромма даже выражали искреннее сочувствие режиссеру, и в итоге открывается истинная душевная картина Тарковского-художника.

Мы познакомились с сложившейся ситуацией в процессе работы над фильмом, теперь можем приступить к следующему этапу нашей работы: по рукописным документам хранившимся в архиве киностудии Мосфильм, возможно ли доказать „срыв” в сознании и в душе Тарковского? Независимо от нас специалист по рукописным текстам – графолог - исследовала автографы режиссера. В ходе этой работы документы были разделены на две части: в состав первой группы вошли рукописи, которые писались до "кризиса" 1966 года, вторую группу составили те, которые появились после этого в 1967 году. Причиной

---

⁹ <1945/99/6>

нашего выбора служил тот научный факт, что к появлению в рукописи психических изменений понадобился целый год.

В конечном счете, мы сопоставили душевное состояние Тарковского до и после кризиса по письменным источникам. Таким образом, станут сопоставимыми изменения психического состояния режиссера. Характеристика психики Тарковского по графологическим исследованиям до упомянутого переворота:

По документам мы видим человека, который не отделяет свою личную жизнь от своей работы: он готов на бой, способен спровоцировать споры и ситуации с конфликтами, но параллельно с этими строго целеустремителен. Сложившиеся человеческие контакты определяются для него по исканию безопасности, жадной признания, любви и похвалы. Хотя они неясны, старается вступить в контакт с другими людьми.

Он не уверен в будущем, характеризуется "трепетом боязни". Хотя к внешнему миру относится самоуверенно, борется с проблемами приспособления, поведение у него тревожное и нерасчетливое. Его художественная натура питается признанием и характеризуется жадной самолюбия. Он является "чувственным лицом", в самоутверждении стеснителен. Перед внешним миром решителен и самоуверен. В деловой среде выделяет себя, а в частной жизни это не является для него важным. На заднем плане самоутверждения, подчеркивая официальность, по всей вероятности, стоит неудача в частной жизни. Свои предполагаемые или существующие недостатки старается не демонстрировать перед другими, в своих контактах с внешним миром хочет производить впечатление эффективного человека, доминировать, а в действительности он более скромное лицо, которое не знает, как относиться к окружающему миру. Он борется с проблемами самооценки, непосредственно стараясь установить контакт с окружающими. Свои истинные чувства старается утаить перед людьми. В душе он хочет покинуть реальность буден из-за его неисполненных желаний. Он серьезно мотивирован на успех, полон амбиций лидерства. Отвечает за свои дела, одарен сознанием долга и это в его душе сочетается с честностью. Он претендует на самовыражение. Систематизированный человек с ясным мышлением, и это сочетается с шаблонностью. В работе действует спонтанно, легко поддается влиянию, не боится новых решений. Только с трудом подходит вплотную к решению вопроса, форму часто считает важнее содержания, так как не может объективно относиться к вопросам - его решения характеризуются своеобразной субъективностью. Он неуравновешен из-за эмоционального напряжения. Нецеремонное его поведение иногда сочетается с навязчивостью.

После того, как мы познакомились с главными свойствами личности Андрея Тарковского графологом, посмотрим как характеризуется его творческий процесс:

По почерку он является одаренным человеком, у которого проявляется чувство к эстетике, поиск оригинальных способов решения. Часто углубляется в изучение разных ситуаций, а новое воспринимается им с трудом. Отсутствие чувства порядка иногда мешает ему во время работы. Он нуждается в новых заданиях, в конце работы остается много энергии. В своей работе старается найти однозначный, общедоступный подход. Он только с трудом может сосредоточиться на "мелочах жизни", его внимание переключается с одного на другое в ходе работы. Старается изжить конвенции и быть оригинальным. Жаждет задач, полон энергии, настоящий идеалист. Но параллельно с этим, он только с трудом принимает критику в связи с его личностью. В действительности с самим собой он более критичен, чем это показывает окружающему миру. Его эстетическое чувство, чувство формы сочетаются с отвлеченным мышлением. Теоретические свои знания он способен превратить в практические навыки, ими пользуется в повседневных ситуациях, и может передавать их другим лицам. Он является приспособляющимся, интуитивный, спонтанный человек. Легко раздражимый, но часто сдерживается, иногда его мышление проникает в трансцендентальные сферы. В новых ситуациях быстро впитывает информацию, всегда находит выход. В начале старается распределить энергию, создает резерв. А в ходе работы все реже и реже контролирует свои действия. Работает активно, динамично, без труда, а в самом процессе нерасчетлив. Сразу динамично реагирует на возникающиеся новые ситуации, постоянно стараясь корректировать процесс. Но эта динамика иногда прерывается, сменяясь остановкой, из-за накопленного в душе негатива. Он с трудом борется с монотонностью, нуждается в новых проблемах. Общественная роль и достижение успеха на месте работы очень важны для него, он амбициозен. Хотя материальное благополучие мотивируют его, не они являются главными аргументами перед новой работой. Его характеризуют внезапные действия, сразу принимает решение. По его мнению, работа, выполненная им, слаба для него, он на больше способен, нуждается в желании успеха, старается исчерпать свои возможности. Но при выполнении его выдержка уже отсутствует. Его работа со стороны материальных благ и сроков характеризуется трудностями в области планировки и организации. Иногда его планы не соответствуют реальности, и из-за этого его результативность становится непостоянной. В работе оригинален, стремится к своеобразным решениям, новые предложения во время работы воспринимаются им с трудом. Важно, что он характеризуется эффективной работой и проблемы решает стандартно.

Рассмотрев это исходное положение, нам не бесполезно познакомиться с изменениями, которые произошли в ходе работы над фильмом „Андрей Рублев” в душе и в личности режиссера. Наше исследование опирается на рукописи 1967 года, так как разные нападки на фильм и на самого Тарковского в предыдущих 1965 и 1966 годах уже так глубоко „встроились” в его личность, что последствия этого в 1967-ом году уже однозначно отражаются в рукописях:

Нам кажется, что по рукописям мы видим лицо более решительное, контролируемое и динамичное, которое способно сознательно сдерживать себя, обладает самодисциплиной. Он целеустремлён, стал более осторожным, жестким и решительным. Характеризуется проблемами самовыражения, долго работает над своими планами. Только с трудом начнет новую работу, пространно ищет новые способы осуществления. Он полон амбиций, честолюбия его стремление выдвинуть себя более характерно, он человек - работающий для себя. Он является менее скромным, самого себя выдвигает вперед, сдержанно ведя себя дисциплирован. Строго держит дистанцию с людьми, иногда разрывает существующие человеческие контакты, отделяется от прошлого. В его личности признается строгое стремление выделиться из существующей жизненной ситуации. В ходе работы оказывается более дисциплинованным, обдумывая сложившуюся ситуацию. Иногда выдвигается на первый план его интерес к трансцендентальности. Боится новых заданий, новой работы. Его мышление стало более эгоистичным. Для него очень важны формальность, конвенции - и это из-за боязни. Местами старается победить низкую самооценку, жаждет независимости. Он чувствует, что его дарование выше его возможностей. Для него является проблемой чувство собственного достоинства, сознание отодвигается на задний план, характерно недовольство жизненными возможностями. С окружающим миром держит дистанцию, иногда борется с проблемой отторжения.

Что мы видим? Андрей Тарковский по исследованию специалиста нам кажется таким человеком, который живет ради своей работы, не отделяя ее от собственной жизни. Он все свое время тратил на работу над фильмом. В начале работы над сценарием „Андрея Рублева”, его считали молокососом, ведь сделал только один полнометражный фильм несмотря на международный успех Иванова детства. Об этом свидетельствует часть протокола заседания 1962 года в киностудии Мосфильм, где Тарковский вместе с Кончаловским показал первоначальный план будущего „Андрея Рублева”:

„В.Ф. КАРЕНИН

Мы сейчас беседуем с режиссерами, чтобы выяснить их перспективные планы, и затем составить перспективный план объединения. Тарковский и Кончаловский принесли четыре заявки, среди них "Андрей Рублев" - самая готовая, самая продуманная, Эта тема наиболее далекая по времени действия, но наиболее созвучная современности. Речь должна идти не о биографии художника Андрея Рублева, а о взаимоотношениях художника и народа, о возрождении Руси, о русском характере, Заявка мне представляется интересной, я - за нее.

Сейчас Тарковский закончил большую работу. Мы должны были бы подумать о современной теме для него, но сейчас пока что ее нет. Будет целесообразно, если мы начнем работу над темой о Рублеве, но будем искать современную тему, которая заинтересует Тарковского. Если такая тема появится прежде, чем начнется работа по фильму "Андрей Рублев", мы заставляем за собой право переориентировать молодого режиссера на работу над современной тематикой. Сейчас самое правильное - проголосовать за эту работу.

<...>

В. КАТИНОВ:

Мне было бы приятней, если бы Тарковский увлекся современной темой. Это вина Карена. Надо думать о сценариях более современных. И о современной теме для Тарковского надо думать сейчас, так как есть Министерство, Главное управление, которые могут не согласиться с нашим решением делать картину на такую тему, как Андрей Рублев. Надо быть готовыми иметь что-то в запасе. Хотя я за писательский кинематограф, но я считав, что тема обманчива и представленное либретто достаточно серьезное задание для доверия Тарковскому и Кончаловскому.”¹⁰

Конечно, сам Тарковский как начинающий режиссер чувствителен, желает признания и успеха, но готов на сражение, на бой. Но это сочетается с низкой самооценкой. Кроме этого, он владеет своими чертами характера: его поведение капризное, боится будущего и неопределенно относится ко внешнему миру. Международный успех Иванова детства нельзя назвать только "счастьем начинающих", в нем - согласно мнению критиков - уже видны специфические „Тарковские решения”: отход от конвенций, стремление к оригинальности.

Все эти черты характера оказались очень важными позже в художественной жизни, но уже на этом начальном этапе видны те "зачатки" его личности, которые „вырастут” лишь в ходе работы над

---

¹⁰ <1969/100/6-94#1962.01.23>

„Андреем Рублевым”: хотя он в принципе владеет систематизированным мышлением, но легко поддается влиянию. Для его личности характерно отсутствие чувства порядка. Он считает внешнее оформление фильма важнее содержания.

Для преодоления этого недостатка в один ключевой момент работы над фильмом была приглашена и назначена на пост редактора фильма Т.Г. Огородникова, которая старалась привести в порядок разбросанные под руководством Тарковского организационные и административные проблемы съемочной группы. Подтверждением этому служит документ 1964 года, в котором сообщается о назначении Огородниковой:

„В соответствии с решениями Сценарно-редакционной коллегии Главка и письмом Госкомитета т. Баскакова В.Е. ВБ-5/487 от 24 апреля 1964 г. фильм "НАЧАЛА И ПУТИ" /"АНДРЕЙ РУБЛЕВ"/ включен в план киностудии "Мосфильм" и может быть запущен в режиссерскую разработку.

Принимая во внимание особую постановочную сложность этого фильма, шестое творческое объединение считает необходимым и просит Вас, в целях тщательной подготовки к съемкам, установить срок разработки сценария начиная с 5.У.с.г. - 3 месяца, а длительность подготовительного периода - 6 месяцев.

Приступая к подготовке технико-экономических показателей по фильму "Андрей Рублёв" для приказа о запуске сценария в режиссерскую разработку, объединение просит дать согласие назначить Директором фильма тов. ОГОРОДНИКОВУ Т.Г." ¹¹

Мы не говорили о самой важной черте характера личности Тарковского в связи с бесконечными спорами между членами объединения. Это та серьезная критика своей работы, которую от других он уже не принимает. Все это сочеталось с чувством недоуовтлелворенности и желанием ухода от повседневных проблем.

Посмотрев графологическое исследование, нам кажется однозначным: проблемы фильма создали кризисную ситуацию: в 1967 году мы видим уже более решительного, более контролируемого человека. Перед нами стоит человек, который из-за негативных переживаний способен сдерживать себя. Но противоречивость ситуации заключается в том, что все это было следствием многочисленных требований со стороны руководителей объединения. Он делает все это вследствие боязни. Огромной ценою заплатил за это режиссер, он становился замкнутым человеком, который прекращает свои человеческие связи. Хотя его работа стала более систематизированной, он неохотно начинает новую работу,

---

¹¹ <1970/100/6-129#1964.04.28>

боится новых проблем. Несмотря на это, в душе он сохранил амбициозность и это вместе с чувством отторжения, только более остро подсказало ему необходимость эмиграции.

Нашел свое подтверждение в рукописях и тот факт, что Тарковский в ходе работы обратился к религии. Доказательством этого ярко служат в более поздних его фильмах проблемы веры и бесконечные поиски правильного духовного пути. Заклучая наше размышление, приводим цитату из дневника Тарковского. Он написал эти строки 10 февраля 1979 года:

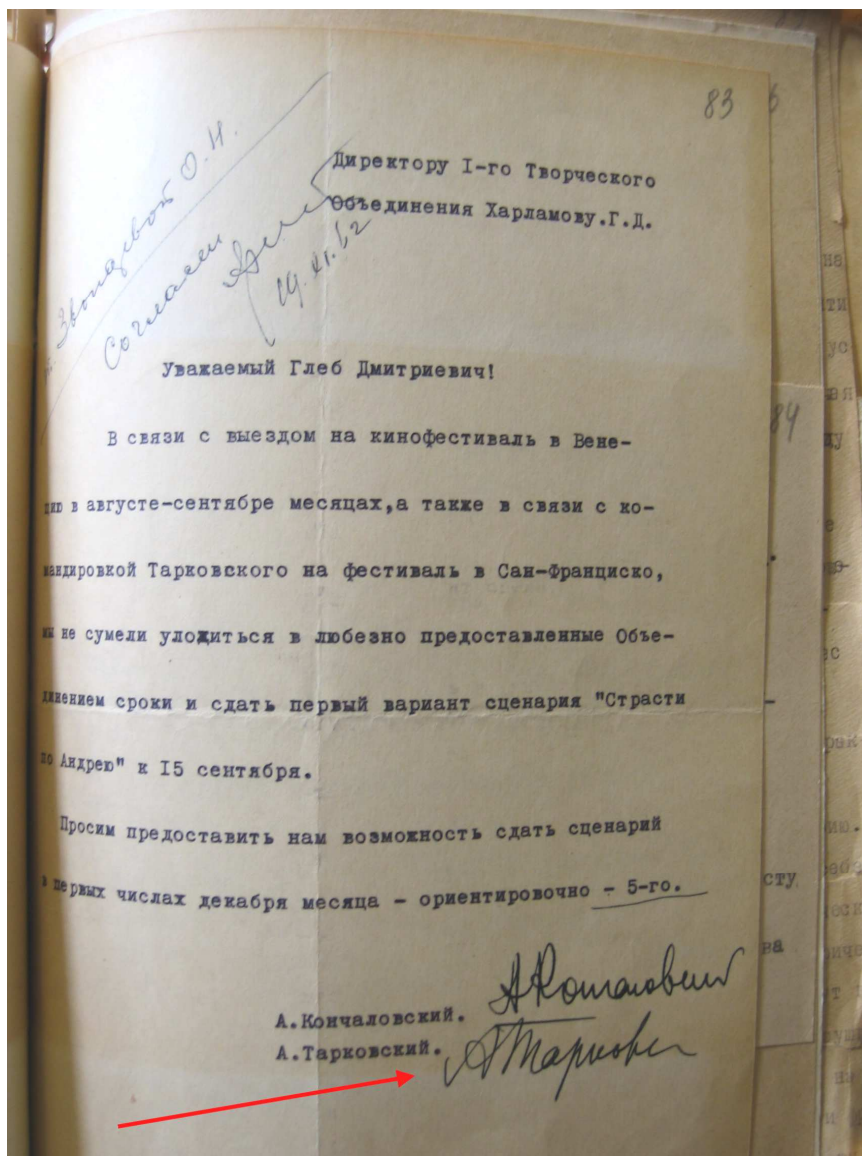
*„Боже! Чувствую приближение Твое. Чувствую руку Твою на затылке моем. Потому что хочу видеть Твой мир, каким Ты его создал, и Людей Твоих, какими Ты стараешься сделать их. Люблю Тебя, Господи, и ничего не хочу от Тебя больше. Принимаю все Твое, и только тяжесть злости моей, грехов моих, темнота низменной души моей не дают мне быть достойным рабом Твоим, Господи! Помоги, Господи, и прости!”*¹²

Окончив нашу работу, на заданные нами вопросы мы можем ответить следующее: графологически доказывается и утверждается, что нападки на самого Тарковского и его фильм в ходе работы над „Андреем Рублевым” способствовали сосредоточить внимание режиссера на поиски духовного правильного пути и религиозным проблемам (Сталкер), на проблему земного одиночества (Солярис) и на работу вне границ СССР (Ностальгия, Жертвоприношение). По нашему мнению, все эти события во многом привели к тому, что режиссер, который в своем юношестве издевался над Богом, после „Рублева” обратился к проблемам вероучения и трансцендентального.

---

¹² Тарковский А.: Мартиролог. Международный Институт имени Андрея Тарковского, 2008. 196. р.

Приложение

<1969/100/6-83#1962.11.19.>

НАЧАЛЬНИКУ ПЛАНОВОГО ОТДЕЛА КИНОСТУДИИ
" М О С Ф И Л Ь М "

тов. ВОРОБЬЕВОЙ М.И.

Направляем Вам на осмечивание режиссерский сценарий "АНДРЕЙ
РУБЛЕВ", утвержденный художественным советом творческого объеди-
нения писателей и киноработников 25 августа 1964 г. в объеме -
5000 п.м.

Учитывая необходимость сокращения ранее установленного ли-
мита на картину съемочная группа вынуждена пойти на сокращение
объема работ по такому трудному и дорогостоящему объекту, как
"КУЛИКОВСКАЯ БИТВА" / 200.000 руб./, который будет сниматься на
базе объекта " НАШЕСТВИЕ ТАТАР НА ВЛАДИМИР" и решаться отраженно
только на крупных планах с минимальными затратами.

Принимая во внимание финансовое положение на сегодняшний день
съемочная группа в процессе работы над постановочным сценарием бу-
дет находить пути к более экономным творческим решениям, упрощая
некоторые эпизоды фильма, чтобы уложиться смету во вновь установленный
лимит 1.000.000 рублей.

РЕЖИССЕР-ПОСТАНОВЩИК - *А. Тарковский* / А. ТАРКОВСКИЙ /
КИНОКАРТИНЫ "АНДРЕЙ РУБЛЕВ"

ОПЕРАТОР - *В. Юсов* / В. ЮСОВ /

РЕЖИССЕР - *И. Петров* / И. ПЕТРОВ /

ДИРЕКТОР КИНОКАРТИНЫ - *Т. Огородникова* / Т. ОГОРОДНИКОВА /

И. 642.

<2770/135/6-86#1964.02.>

Директору VI творческого
объединения К/о Мосфильм
г. м. Дамаскянцу П.М.

Заявление

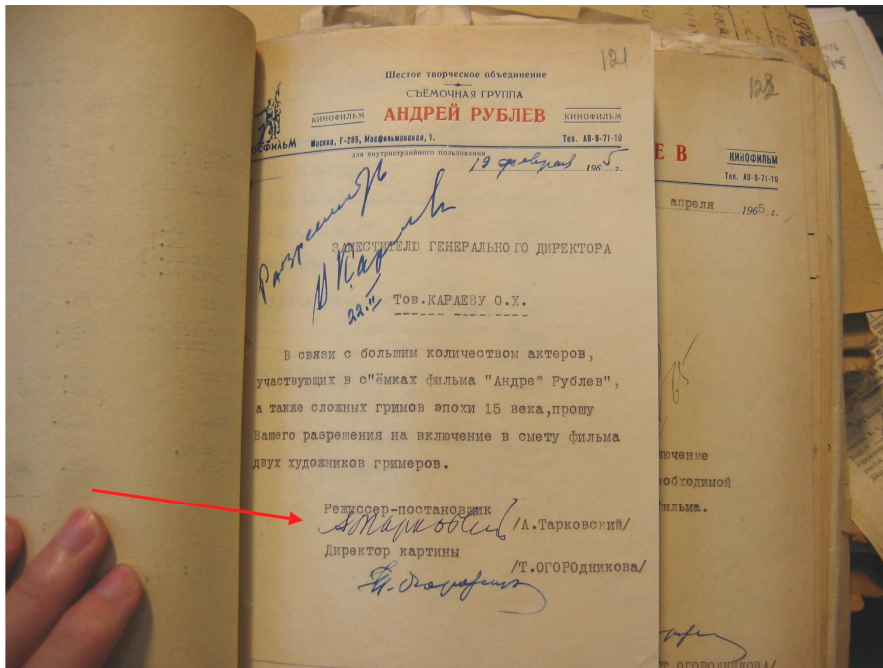
просим Вас в связи с тем,
что сценарий "Андрей Рублев"
требовал напряженной
работы над историко-архитектур-
ной и искусствоведческой
стороной этого замысла,

в результате 3-х вариантов
(2 1/2 года работы) вылился
двухсерийный,

перезаключенный с Вами
договор с увеличением суммы
заключенного его на имена
двух авторов сценария
Марковского и Кончаловского.
1964
А. Марковский

<1969/100/6-4#1964.04.>

<2770/135/6121#1965.02.19.>

19 марта

5

ДИРЕКТОРУ СВЕРДЛОВСКОГО ДРАМАТИЧЕСКОГО
Т Е А Т Р А

тов. РАДУКВИЧУ Е.П.

УВАЖАЕМЫЙ ВЛАДИМИР ПАВЛОВИЧ!

Творческое объединение писателей и киноработников киностудии "Союздетфильм" приступает к съемкам нового художественного широкоэкранного двухсерийного фильма " Андрей Рублев " в постановке режиссера А.Тарковского.

Съемочная группа провела очень большую работу по подбору актеров. Единственной кандидатурой на главную роль Андрея Рублева оказался актер Вашего театра г. СОЛОНИЦЫН А.А.

Учитывая значение и необходимость такого фильма, как "Андрей Рублев", а также то обстоятельство, что актер Солоницын занят во многих эпизодах картины, убедительно просим Вас разрешить актеру Вашего театра г. Солоницыну А.А. принять участие в съемках фильма, предоставляя ему творческий отпуск с 1-го апреля 1965 г. по 1 апреля 1966г.

С уважением -

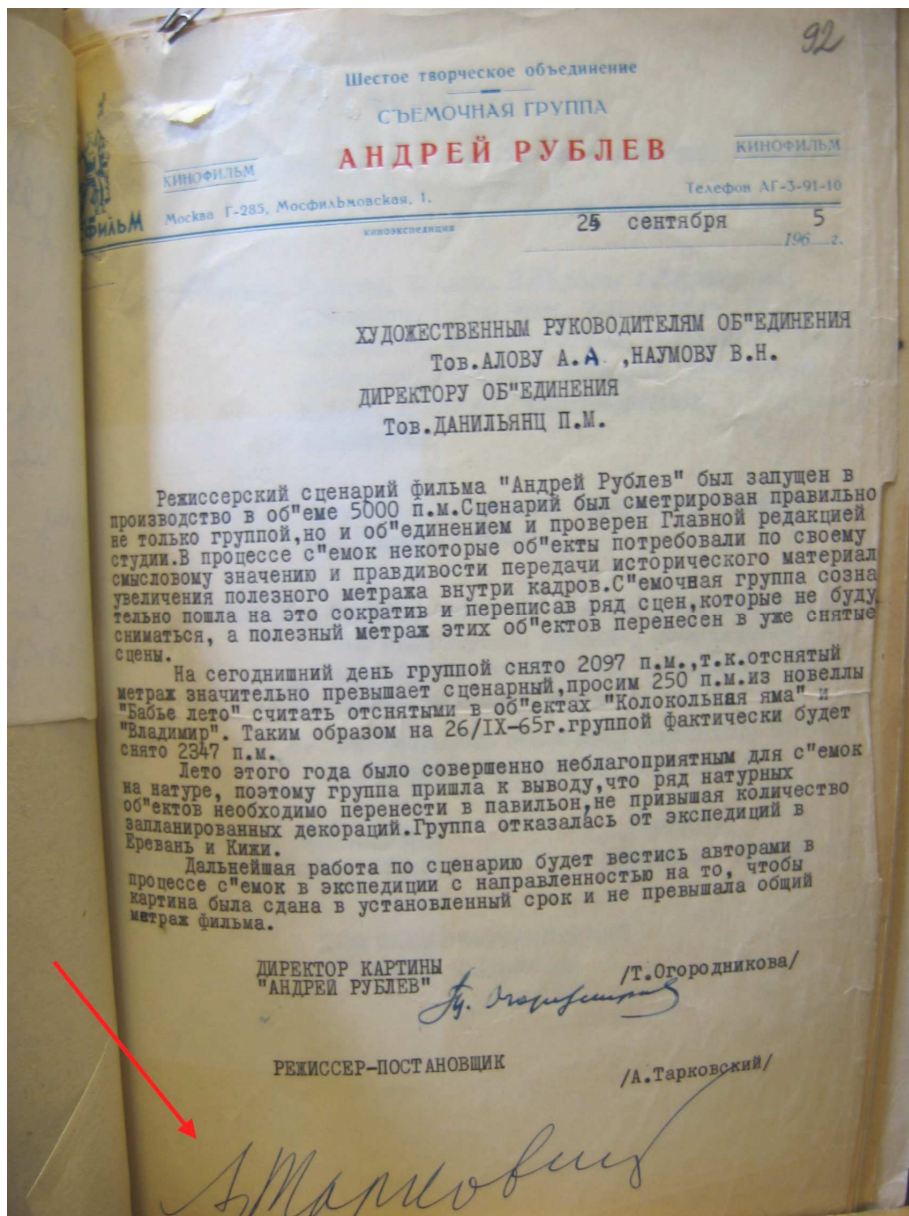
Б. ГРИБАНОВ

и.о. Директора Творческого Объединения
писателей и киноработников

А. ТАРКОВСКИЙ
Режиссер-постановщик картины "Андрей
Рублев".

Марко Белли

<1972/100/6-105#1965.03.19.>

<1971/100/6-92#1965.09.25.>

- ским соборе.
- 25. Эта сцена переозвучена с целью сокращения текста и его уточнения.
- 26. В новелле МОЛЧАНИЕ / вместо бывшего названия ЛЮБОВЬ / сокращены некоторые планы за счет другого построения всей новеллы.
- 27. Сокращена драва собак.
- 28. Выброшен просяк татар, увозящих дурочку.
- 29. В новелле КОЛОКОЛ сокращена сцена вторичного появления скomorоха в фильме / танец у костра/.
- 30. Выброшен так называемый "сон" Бориски.
- 31. Сокращена сцена "объявка формы колокола."
- 32. Перемонтирована пауза перед ударом колокола.
- 33. Выброшены ненужные, утяжеляющие картину, куски хоровой музыки.
- 34. Выброшен из I-й серии кусок воспоминания Андрея, связанного с дождем и эпизодом о скomorохе.
- 35. В наивствии сокращены планы князя, лобующегося сожженным лабиринтом.
- 36. Сокращены кадры татарчѐнка во время удара колокола.

Также уточнены монтажные склейки по всей картине, что тоже явилось определенными сокращениями.

В результате, если первый вариант фильма был 5.642 метра и шел 3 часа 27 минут, то сейчас он составляет 5.250 метров и занимает 3 часа 13 минут.

Второй вариант сокращен на 390 метров, или 14 минут. Закончив эти сокращения и редактирование фильма, мы считаем, что группа к перезаписи готова и что дальнейшие сокращения ничем не ухудшения качества картине не дадут.

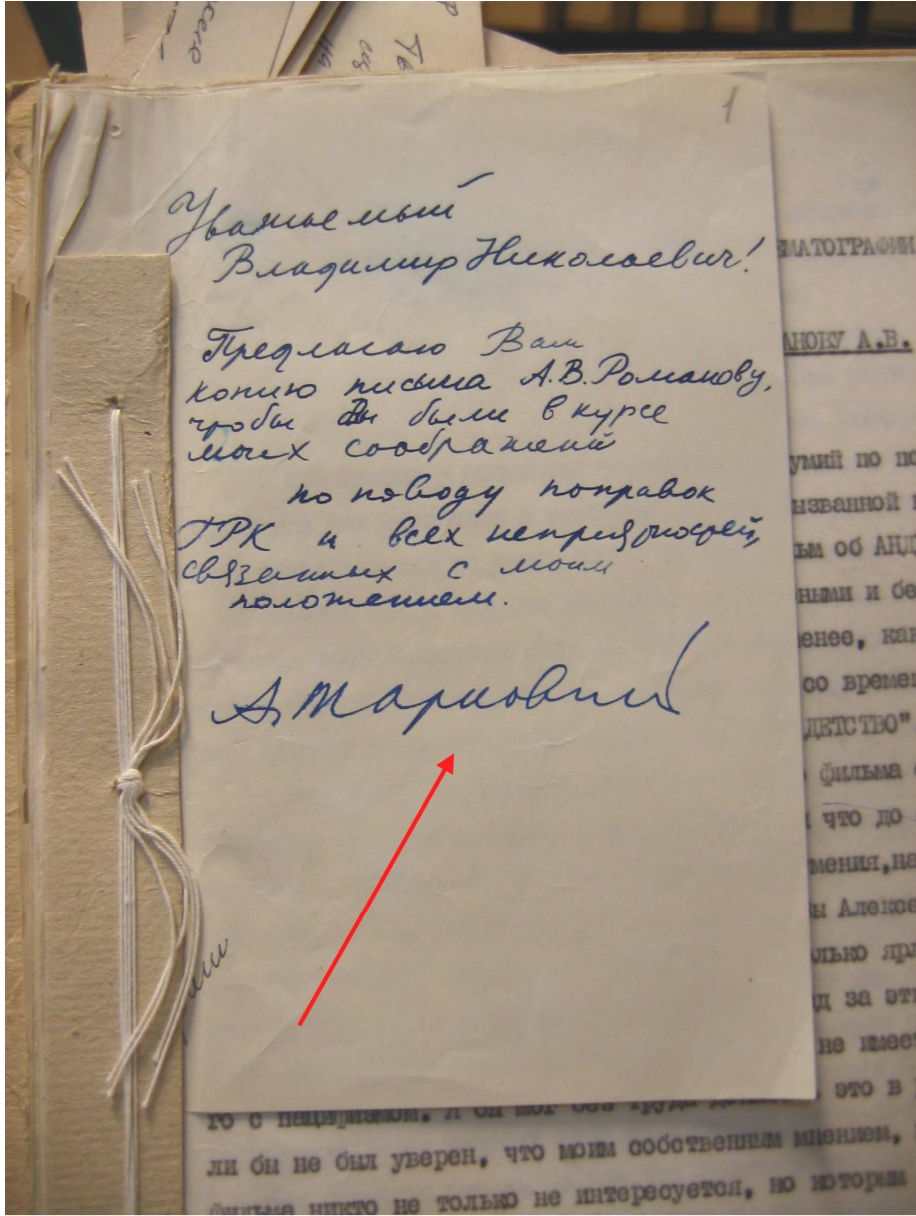
Точнее, творческая часть группы не имеет возможности вести работу по сокращениям с уверенностью в том, что в процессе ее конструкции и построения отдельных эпизодов начнет противоречить замыслу фильма, достаточно хорошо принятого на комиссии по определенным категориям.

РЕЗЮМЕ - *А. Тардовский*
А. ТАРДОВСКИЙ .

ноября 1966 г.

<1973/100/6-23#1966.11.>

<1973/100/6-1#1967.02.07.>

Земная и небесная любовь: Венера и Мадонна
О метафизике любви в лирике Пушкина

For Pushkin beauty is both a living woman and an abstract goddess, who is able to convey a higher conception of sexuality and love. With one eye he is looking at Venus, with the other at Virgin Mary. Their sight enchants the eyes and the soul, respectively. Sensual love wakes his desire for heavenly love, but one single occasion is not enough for evoking it. However, since the image of heavenly love lives in the poet's soul, he still manages to recall it: passionate love (*amour passion*) is unnoticeably transformed into sacred love (*amor sanctus*).

The poet-demiurge longs to regain his lost immortality and resemblance to God in the act creation. This is why he chooses Logos instead of Eros, or the Muse, the Beautiful Woman (Dante), the ideal of Eternal Femininity (*das Ewig Weibliche* – Goethe), Madonna (Pushkin), Sophia (Solovyov) instead of the „woman of heart”.

Keywords: heavenly and earthly love, Pushkin's metaphysics of love

«Эросом мы называем желание и поиск полноты.»
(Платон: *Пир*)

Что же является совершенным и что ущербным? Для Пушкина совершенным было только такое художественное творение, которое отвечало бы требованиям универсальной актуальности и значимости, которое являлось бы свободным от партикулярной замкнутости и исключительности. И пусть идет речь хотя бы о каком-то из любовных стихотворений, Пушкин все же так генерализирует (обобщает) тему, что партикулярность при этом не теряется. Парадоксально, но факт: Пушкин становится универсальным, оставаясь при этом – более того, делая себя – наиболее партикулярным.

Пушкина часто называют «певцом женских ножек», что совсем неуместно, поскольку он никогда не воспевал красоту конкретной женщины, как то делали Дельвиг, Давыдов или Языков, а представлял нам женщину, видимую им в идеале, которым она хочет и не может стать. Пушкин привлекал внимание не только к женскому телу, но и платоническому женскому идеалу, не связанному с чувственностью; к нежной *аниме* и эфирной ауре Вечной женственности. Потому что красота всегда идеальна. Так было уже в поэме «Бахчисарайский фонтан», где Зарема репрезентировала земную любовь, а Мария – небесную. Это полностью относится и к посланию «Я помню чудное мгновенье...». Мы знаем адресата и то, что А.П. Керн вовсе не была «гением чистой красоты». Надоевшую любимую поэт прямо называет

«вавилонской блудницей», но через ее образ идет путь к любви небесной. Пушкин как обычно, и в этом стихотворении соединил обе ипостаси человеческой судьбы: конкретную эмпирическую реальность с трансцендентальной идеальностью, личную со сверхличностной. Интимное «явилась ты» появляется только на презентационном уровне, как повод к диалогу, а не как фактическое послание. Едва возможно ощутить переход между привязанным к фактам и времени, между безвременным и всеобщим. Почти смущает то, как он придает двойное значение одному и тому же явлению: страстная любовь (*amour passion*) незаметно переходит в сакральную любовь (*amor sanctus*). Для него красота является одновременно живой женщиной и отвлеченной богиней, телесности и любви которой он способен давать возвышенные понятия. Один глаз смотрит на Венеру, другой на Мадонну. Зрелище одной пленяет взор, – другой душу. Чувственная любовь пробуждает желание небесной любви, но только одного конкретного случая для ее вызова недостаточно. Но ввиду того, что в душе поэта живет идея небесной любви, ему это все же удавалось. «И сердце бьется в уповенье, / И для него воскресли вновь / И божество, и вдохновенье, / И жизнь, и слезы, и любовь».¹ В стихотворении 47 слов и среди них нет ни одного прилагательного. В заключительной части пять имен существительных. Короткое перечисление, но в нем имеется все. Явление любимой женщины сравнимо с самой жизнью, с вдохновением и воскресением, а отсутствие ее – с дефицитом всего этого. По сравнению с «Я музу юную бывало...» и «Лала Рук» Жуковского и «К Софии» Дельвига, послуживших ему образцами, Пушкин нов в том, что у него любовь основывается не только на повседневном значении этого слова, но и на трансцендентальном уровне: вся суть соединена с величайшей человеческой страстью и понятием чистой красоты. Любовь и жажда творчества тесно привязаны друг к другу: любовь рождает вдохновение, которое в свою очередь питается любовной страстью. В стихотворении, с одной стороны, противопоставляется земному миру небесный мир, а с другой – их взаимосвязь. Пушкин, подхватывая тему, развитую Дельвигом и Жуковским, усложняет ее тематически, углубляет содержательно, по сравнению с избранными им предтекстами. Любовь у него есть сила, преображающая мир.

Красоте и творчеству Пушкин придает религиозно-метафизическое значение, возвышающееся над эстетическим. Божественное и человеческое в стихотворении находятся в асцендентном-десцендентном движении: непрерывно вверх и вниз. Божественное и человеческое движутся то вверх, то вниз попеременно, небесная Мадонна воплощена в земном образе, любимая земная женщина возвышена до высот и

---

¹ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в десяти томах. Л.: «Наука», 1977–1979. Т. II. С. 238. (Ссылки на это издание даются в тексте.)

обожещается (*divinatio*). Поэт возвышает любовь (сублимированную эротику) до спиритуально-экстатического восхищения ею. Для него небесная любовь – соединение любви души с ее предметом. В одном из стихотворений он вспоминает Сикстинскую мадонну Рафаэля («Ее глаза»), которую сравнивает с другой Мадонной из послания своей невесте Наталии («Мадонна»). Пушкин тщетно жаждет понимания и абсолютной красоты. Для него *Эрос* одновременно означал земную чувственную страсть и любовь, лишенную всякой чувственности. В его душе Афродита небесная и Афродита земная сосуществуют бок о бок, заставляя Пушкина метаться между двумя крайностями. Первая проявляет себя в душе женщины, а другая – в ее теле. В одном из ранних стихотворений видно, что он более ценит прошедшие радости, чем поэзию: «Поэма никогда не стоит / Улыбки сладострастных уст» (I, 279). Однако в 1825 году он заметит: «Мильтон и Данте писали не для благосклонной улыбки прекрасного пола» (VII, 22). Под этим он понимал то, что поэзия не является служением женщине. С этих пор суть любовной лирики сводится к жажде улыбки Софии. София совободна от всякой сексуальности, является женским принципом высшего ранга. В природе русской душевности и духовности наряду с Логосом доминантная роль достается олицетворенной божественной мудрости, как абсолютной красоте. Красивое относится не только к искусству, но и к метафизике: оно обладает спасительной функцией. Красота имеет равную ценность с Логосом, у слова нет выдающейся роли по сравнению со спасительно-красивым. Красота, обитающая в произведении поэта, возвышает до Бога, тем самым вырастает роль искусства как посредника между человеком и Богом. Под жизнью Пушкин понимал поэзию, а под поэзией – жизнь. В творчестве он видел коммуникацию, которая не только горизонтально соединяет людей, но и вертикально – на трансцендентном уровне, соприкасаясь с мирами иными. Правомерно утверждение Семена Франка: «Мятежная эротика Пушкина – один из главных источников его трагического жизнеощущения – имеет тенденцию переливаться в религиозную эротику. Он не может „смотреть на красоту без умиления“: совершенная женская красота есть для него явление чего-то, стоящего „выше мира и страстей“, и в ее созерцании он „благоговеев богомольно перед святыней красоты“».²

Вершиной религиозно-эротической поэзии Пушкина является загадочная поэма «Жил на свете рыцарь бедный», герой которой жертвует свою жизнь служению Непорочной Деве, и остается верным своему обету: «Полон верой и любовью, / Верен набожной мечте, / Ave, Mater Dei кровью / Написал он на щите» (3, 114). В другом месте легенды рыцарь-монах обращается Богоматери с восклицанием: «Lumen coelum, sancta Rosa!» [Свет небес, святая роза]. Роза – это символ чувственной, земной

---

² Франк С.Л. Этюды о Пушкине. М.: «Согласие», 1999. С. 167–168.

любви, а ее атрибут принадлежит сфере сакральности. Оксюморон контрастно соединяет взаимоисключающие по значению имя существительное с именем прилагательным. Образ Богородицы в творчестве Пушкина становится кульминацией в иерархической системе женских образов. Праматерь непорочной чистоты не может оказаться в плену материального мира, не может быть воплощена во плоти и крови, подобно Еве, являющейся всего лишь земной ипостасью Царицы Небесной – она остается в духовном мире, скрывшись в небесной лазури. Христианский дух самоотверженности во имя идеала и идея защиты падших и слабых пронизывают всю пушкинскую (эротическую) поэзию. Все это повлияло на идеал красоты Достоевского и учение Соловьева о Вечной женственности, женственности мировой души.³

Для Пушкина любовь является загадкой, которую нужно разгадать. Его идеал женственности находится в постоянном движении. Он влюблялся в женщин разного ранга, характера, формы и возраста, в каждую, которую только видел. (М.А. Голицына, Анна Вульф, Е.Н. Ушакова). Нередко он влюблялся в замужних женщин, начиная от Амалии Ризнич и Елизаветы Воронцовой (в его донжуанском списке она упоминается под именем Элиза), вплоть до старше его на 19 лет Карамзиной. Его горячая африканская кровь неспособна была подчиняться законам Моисея: «Не возлюби жену ближнего своего...», об этом свидетельствует стихотворение *Десятая заповедь*: «Добра чужого не желать / Ты, боже, мне повелеваешь; / Но меру сил моих ты знаешь – / Мне ль нежным чувством управлять?»

Как пронизательно сказал Тютчев: «он был богов орган живой, но с кровью в жилах – жаркой кровью». По свидетельству современницы, платонический эрос Пушкина был направлен на вечную божественную женственность, а не на конкретную женщину: «Как поэт, он считал своим долгом быть влюбленным во всех хорошеньких женщин и молодых девушек, с которыми он встречался. [...] В сущности, он обожал только свою музу и поэтизировал все, что видел...».⁴ В подобном духе выразил свою мысль Гоголь: «Даже и в те поры, когда метался он сам в чаду

---

³ По мнению Соловьева ход мировой истории не что иное как процесс перевоплощения Вечной женственности через ее бесконечные формы и образы. Первая степень – биологическая плодовитость – представляется Евой. Вторая – романтико-эстетическая степень репрезентируется Еленой *Фауста*, все еще связанной с сексуальными обертонами. Третья степень предъясняется Девой Марией, возвышающей экстатическую любовь (Эрос) в спиритуальные высоты. Четвертый тип – Премудрость Божия – стоящий выше святой непорочности, символизируется Софией, лишенной в христианско-гностической догме всякой сексуальности.

⁴ Волконская М.Н. // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. В 2 т. М.: «Художественная литература», 1974. Т. 1. С. 214–215.

страстей, поэзия была для него святыня, – точно какой-то храм».⁵ Немаловажно и то, что в отличие от салонных поэтов Пушкин с удовольствием публиковал свои стихи в журналах, нежели оставлял их в альбомах светских дам. В этом стремлении он руководствовался не только профессиональной литературностью, а универсализмом, возвышающимся над случайной конкретностью и личной интимностью.

Пушкин был лирическим охотником за юбками, который в каждой женщине искал свой идеал, в отличие от Дон Жуана – прозаического охотника, который искал в женщинах бесконечную переменчивость женского мира. Святость любви у Пушкина – устойчивое и вечное чувство, не подверженное времени, даже если оно постоянно меняет свой предмет. Такой чрезвычайно сильной, продолжавшейся всю жизнь любовью было влечение к Екатерине Карамзиной, о которой Пушкин никогда не высказывался публично. Однако Тынников, работая над своей монографией, ввел в нее главу «Неизвестная любовь».

По мнению Юнга, женское начало манифестируется в трех архетипических образах: в материнском, соблазнительном и демоническом. Своей матери (как и отцу) Пушкин не посвятил ни одной строчки. Тем более поразительна его любовь к няне Арине Родионовне: «Подруга дней моих суровых, / Голубка дряхлая моя» (III, 315). Фигура соблазнительницы появляется часто. Поэзия Пушкина женоцентрична, как можно видеть из посвящения к «Руслану и Людмиле»: «Для вас, души моей царицы, / Красавицы, для вас одних» (IV, 7). Он говорил о женщинах так, как никто до него в русской литературе. Вспомним Татьяну, «тип положительной и бесспорной красоты в лице русской женщины»⁶, которая постепенно берет вверх над Онегиным. Любовь Татьяны больна и мучительна не потому, что эта не неразделенная любовь, как обыкновенно думают, а любовь, которую нельзя разделить. Пушкин сформировал эмблематическое лицо русской женщины, которая так отличается от европейского понятия «Вечной женственности» (*l'éternel féminin*). Он перенес акцент на светлую, а не темную сторону женской души. У него раздвоенность женской души встречается довольно редко, в отличие от Достоевского и Лермонтова: «Прекрасна, как ангел небесный, / как демон, коварна и зла...» («Тамара»). Среди пушкинских образов *femme fatale* только Клеопатра и Зарема одновременно очаровательны и пугающи. В автореферентном эпилоге *Цыган* он писал: «И всюду страсти роковые, / И от судеб защиты нет» (IV, 179). Любовь как всепоглощающая страсть ставится в параллель со смертью: любишь // погубишь (IV, 166). Пушкин восхищался отвагой, подвигом, в котором

---

⁵ Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений в 14 т., М.: АН СССР, 1937–1952. Т. 8. С. 382.

⁶ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в тридцати томах.. «Наука», Ленинград. 1972–1990. Т. 26. С. 143.

жизнь ставилась на карту. Клеопатра в одноименном стихотворении и «Египетских ночах» бросает вызов своим поклонникам: вызывает их на любовный поединок, подобно богине судьбы держит нить жизни любовников в своих руках: «Свои я ночи продаю. / Скажите, кто меж вами купит / Ценою жизни ночь мою?» (II, 200). Подвиг любви состоит в том, что наслаждение парадоксальным образом воплощается в смерти. Тайна любви сплетается с тайной смерти, которую нельзя лучше выразить, чем немецким словом *Liebestod*. Ее прообраз можно найти во многих произведениях мировой литературы.

Пушкин обновил эротический жанр. Новым голосом в любовной лирике стало воспоминание, которое отличает его от Дон Жуана, сразу забывающего тех женщин, которыми овладел. У Пушкина все наоборот: рефлексия сладости прошедшей любви у него сильнее настоящей. Его душа тоскует об утраченном блаженстве, томится сладким воспоминанием. Любовная лирика Пушкина характеризуется созерцательным началом. Эротическая любовь преобразуется в чистое умиление и бескорыстную любовь. В этой очищенной страсти чувствуется влияние рыцарской идеи культа женщины, в котором от предмета любви (от «дамы сердца») нет надежды на вознаграждение. Возьмем, к примеру, стихотворение «Все тихо – на Кавказ идет начная мгла», в котором есть такие строки: «Я твой по-прежнему, тебя люблю я вновь // – И без надежд, и без желаний». Или другое, в котором ощущается печаль предстоящего расставания, сопутствующая любовному чувству: «Я вас любил: любовь еще, быть может, / В душе моей угасла не совсем; / Но пусть она вас больше не тревожит; Я не хочу печалить вас ничем. / Я вас любил безмолвно, безнадежно, / То радостью, то ревностью томим; / Я вас любил так искренно, так нежно, / Как дай вам бог любимой быть другим» (III, 128). В стихотворении эмоциональное и интеллектуальное находятся в равновесии, и это отличительная черта универсального человека. Воспоминание о любимой женщине поблекло, но оно все же присутствует в жизни поэта даже тогда, когда возлюбленной уже нет среди живых. Например, узнав о смерти Амалии Ризнич, Пушкин создает великолепное стихотворение, в котором упоминает обо всем, что потерял со смертью любимой женщины. Даже в загробном мире он будет жаждать обещанного поцелуя и свидания. Его душа тоскует об утраченном блаженстве, томится горко-сладким воспоминанием. Поэт знает ценность и того, что *было*, и того *чего не было* в любви («Для берегов отчизны дальной» – III, 193).

В любовной лирике Пушкина память играет текстотворческую роль: чувства излучаются из памяти прошлого, из прежних переживаний. Автор анализирует, как отражается человеческое «я» в другом человеке. В отличие от поэтов-романтиков, Пушкина не мучит рассудочное предвидение, что любовь пройдет. Он не отказывается от любви, если

«вечно любить невозможно». Он не хочет остановить «прекрасное мгновенье». Цель поэта – победа памяти над смертоносным временем. Только поэт уничтожает время, превращая его и сохраняя в слове с помощью Логоса. Только духовная творческая сила, сублимированный Эрос, обеспечивает бессмертие. Поэт – демиург, поэтому предпочитает Логос Эросу, Музу – земным женщинам (Прекрасная Дама добродетели у Данте, идеал Вечной женственности – *das Ewig Weibliche* у Гёте, Мадонна у Пушкина, София – Премудрость Божия у Соловьева), потому что для него важнее не инстинкт продолжения рода, а творящее слово. Логос преобладает над Эросом.

Подобный взгляд на философию любви берет начало от Платона. По словам Диотимы из *Лиры*, смертный человек может обрести бессмертие двумя путями: зарождением новой жизни и духовным творчеством. Несущие семя плодородия в теле приобретут себе бессмертие, память и счастье деторождением. Духовная плодovitость – удел поэтов, дающих миру свои произведения, и тех, кого называют изобретателями, потому что все, что является результатом перехода от несуществующего к существу, представляет собой творчество, а каждый, владеющий этим мастерством, является творцом, то есть *poiétes*. Оба рода деятельности Платон освещает с помощью слов, взятых из словаря эротика. Таким образом, Эрос является стремлением души к вечной памяти, к желанию бессмертия. Однако, половая любовь атавистична и смертоносна, поскольку деторождение (*Éros*) неразрывно связано со смертью (*Thanatos*), только духовная созидательная сила гарантирует бессмертие, над которым бессильно «всемогущее время». Метафизика любви и искусства происходит от одного корня, что красноречиво доказывают подвиги Пигмалиона, Персея и Орфея, создавшие свои женские половинки (*aníma*) – Галатею, Андромеду, Эвридику, высвободив их из плена небытия. Поэзия и Эрос у Пушкина тоже являются взаимосвязанными понятиями: любовь представляет собой вечный источник творчества. «Зовите на последний пир / Спесивой Семелеи сына, / Эрота, друга наших лир, / Богов и смертных властелина» (*Мое завещание друзьям* – I, 111). Не случайно Эрато – муза любовной поэзии – держит в руках лиру (музыкальный инструмент).

И все же у Пушкина мир организуется не любовью, а таким состоянием восхищения, которое способствует восприятию и чистому видению архетипов вещей. Вдохновленное восхищение делает возможным возвышение поэта над временем, отрыва его от мира фактов и возвышает его в мир сущностей. В любви и творчестве появляется возможность перехода одного в другое. Практически исчезает грань между жанровыми границами эротических и логоцентрических (пророческих) стихотворений. «Прошла любовь. Явилась Муза. / И прояснился темный ум» (V, 29). Это проникающее в глубину зрение представляет собой иной вид *эпoтeи*, которая наряду со страстью

показывает бесстрастную душу. Несмотря на страсти, Пушкин обнаруживает уравновешанную душу. Прозорливость (*lucidité*) проникает в субстанцию любого предмета или феномена, в причину и следствие и схватывает суть. Творчество является *синергической* деятельностью, нуждающейся, помимо благодати Божией, в содействии свободной воли человека. Художественное творение – это сочетание *теургии* и *софиургии*, то есть совместное усилие бога, нисходящего в мир (Логос), и человека, восходящего к Богу. Поэт – это провидец, постигающий мир не физическим, а духовным зрением. Ясновидение проникает в неизведанные еще глубины мира. «Функцию „видения”, разрезающего темноту, видимое пространство на зоны света и тьмы, мы называем *прозрением*, словом, которое придает глазу свойственную только ему „мудрость”, направляемую интеллигентной чувствительностью, подобно тому как философский дискурс называет ее Софией».⁷ Поэт творящей силой Логоса вызывает к жизни универсальную, вечную красоту, которая в минуты просветления раскрывается перед ним. Слово является отцом всех сотворенных вещей. София – гармония, созвучие и красота – является матерью всех вещей. Красота – просвечивание истины (Логоса).

---

⁷ Kovács Á. Epopoeia. Az intelligens szenzibilitás Augustinus, Puskin és Dosztojevszkij műveiben.// Puskintól Tolsztojig és tovább... Tanulmányok az orosz irodalom és költészetten köréből 2. Szerk.: Kovács Árpád. Budapest: Argumentum Könyvkiadó, 2006. P. 24.

The aim of this study is to show briefly how and when the oral and written forms of mediation helping the communication between people speaking different languages - translation and interpreting was formed. The study also gives an account of the development of translation and interpreting in the European countries and in Russia and points to the importance of the role of translators and interpreters.

Keywords: oral and written forms of mediation, interpreting, translation, interpreters

Введение

Перевод является одним из самых древних видов деятельности человека (Szabari 1999). Он возник почти сразу после появления речи. Это объясняется тем, что везде, где при встрече разных языков и культур появились барьеры, возникла необходимость в помощи человека-посредника. Общение в кругу людей, говорящих на разных языках с древних времен было немыслимым без переводчика, сначала устного, т.е. толмача, а после появления письменности – и письменного (Jankovics 2011).

1. Первые памятники устного и письменного перевода

Об устном переводе, к сожалению, сохранилось очень мало данных. Известно, например, что история перевода как профессии восходит к шумерской цивилизации конца IV тысячелетия до н. э. и к ранним этапам существования египетской цивилизации, а именно к эпохе Древнего царства и периода XXVIII в. до н. э. (Нелюбин 2009: 30). На рельефе, найденном при раскопках в могиле короля Гаремраба (1333-1306 до н. э.), была изображена сцена с переводчиком с двумя лицами, который покорно обращается к королю и снисходительно, уверенно переводит пленникам, стоящим на коленях (Szabari 1999). Сначала посреднической деятельностью занимались переводчики-любители, люди, владеющие двумя (билингвы) и более языками (полиглоты), но позже появились и переводчики-профессионалы. Они были необходимы и в административной деятельности – при организации экспедиций и походов. В задачу переводчиков также входила передача указов фараона чужим племенам и народам на их языке.

После появления письменности появился и письменный перевод как одна из форм человеческой речезыковой деятельности. Первые

памятники о письменном переводе – это списки различных сохраняемых товаров. Записи, касающиеся отдельных событий, появились лишь позже. Факт наличия большего количества информации об истории письменного перевода объясняется сохранением письменных документов.

Некоторые исследователи истории перевода, опираясь на самые древние двуязычные рукописи, считают, что перевод в III тысячелетии до н. э. в странах Древнего Востока уже точно присутствовал (Алексеева 2000, Нелюбин-Хухуни 2003). Ведь без чиновников, говорящих на нескольких языках, шумеры, ассиры, вавилоняне и хетты не могли бы управлять своими царствами. Культурные, экономические и политические связи между ними могли существовать лишь благодаря дипломатам, владеющим иностранными языками (Szabari 1999). Об этом свидетельствуют и слово *c* – переводчик, и словосочетания *imj-rc* – руководитель переводчиков, и *hrp-c* – начальник переводчиков, встречающиеся в разных рукописях того времени. Они также указывают, что в свое время существовали уже и группы переводчиков.

В шумерских и старовавилонских текстах 2300 г. до н. э. непосредственно упоминаются переводчики «драгомань», которым были выданы мука, сушеная рыба и одежда. В конце III тысячелетия до н. э. в шумерской цивилизации действовали специальные школы писцов, в которых выпускникам необходимо было уметь переводить устно и письменно с шумерского языка на аккадский, и наоборот. Они должны были овладеть и правильным произношением, знанием терминологии и умением пользоваться словарями. Последнее было довольно сложно, так как словари тогда составлялись не по алфавиту (его еще не было), были написаны клинописью, заимствованной аккадским языком из шумерского. В эпоху фараонов государственные бумаги, документы и переписка переводились с помощью языка-посредника. В XIV веке до н. э. таким языком был аккадский: на нем велась переписка фараонов с вавилонскими, ассирийскими, палестинскими, хеттскими и др. правителями. Позднее, с VII в. аккадский язык постепенно вытесняется арамейским, который в течение многих последующих веков выполнял роль международного языка.

В период Нового царства в Египте существовали школы писцов-переводчиков, владеющих несколькими языками. Переводчиков (толмачей) того времени уважали, их каста находилась по рангу между купцами и моряками. До нас дошли первые, относящиеся к шумерской цивилизации 3000 лет до н. э., шумеро-аккадские словари, лексикографические и грамматические пособия и египетский учебник, написанный клинописью, что свидетельствует о том, что в Месопотамии работали переводчики даже с арабского языка. Сначала существовал перевод государственных текстов, актов административного управления, а с появлением литературных произведений возник и художественный перевод.

Во времена Хеттского государства в VIII-XIII вв. до н. э. выполнялись дословные, подстрочные, вольные переводы, переводы-пересказы и сокращенные изложения. Устный и письменный перевод существовал и в древнегреческих цивилизациях. Например, в 825-814 гг. до н. э. в древнем Карфагене рядом жили разноязычные нации, и для их общения были необходимы переводчики. Поэтому к ним относились с уважением. У переводчиков-профессионалов была отдельная каста, они жили в закрытых общественных группах. Профессия передавалась от отца к сыну, они освобождались от всех других обязанностей. Кстати, они имели и внешние отличия от других жителей: у них была бритая голова, а на теле – татуировка в виде попугая. «У тех, кто переводили с нескольких языков, был вытатуирован попугай с распростертыми крыльями. Те же, кто был способен работать лишь с одним языком, довольствовались попугаем со сложенными крыльями» (Гарбовский 2007: 15).

В ходе истории переводчики часто обозначались головой сфинкса, доказывая этим, что переводчик неболтливый, услышанную информацию никому не передает и старается быть незаметным. В отдельных случаях они изображались с веткой оливкового дерева в руках, что символизировало их важную роль в обеспечении взаимопонимания, достижении мира и согласия между народами. Так как в древности для людей язык символизировал божественную силу, переводчиков считали знатоками высших тайн и знаков, посланцами самого Бога (Szabari 1999).

В V веке до н. э. самыми распространенными видами перевода были *перевод с листа* и *синхронный перевод*. Перевод с листа впервые упоминается в связи с Пелопоннесской войной, происходившей в последней трети века. В то время в Иерусалим вернулись изгнанные израильтяне, которые, забыв свой родной язык, говорили на арамейском языке. Один из писцов на площади раскладывал перед ними святыне книги, а левиты, помогая ему, читали вслух божественные заповеди и законы, переводя их с листа с древнееврейского языка на арамейский.

В IV веке до н. э. в империи Александра (Македонского) Великого языком торговли, культуры и науки стал греческий, даже в тех странах, которые уже не находились в зависимости от греков. Древние греки неохотно изучали языки других народов, поскольку считали их варварами. Они располагали богатой античной литературой (как художественной, так и научной), поэтому долгие годы абсолютно ничего не переводили с языков других народов на греческий. Это объясняется и тем, что уже начиная с IV века до н. э., в древнем мире греческий язык был очень распространен и дошел до тогдашней Индии. Даже латинский язык не смог его вытеснить после того, как римляне захватили Грецию. Римские чиновники, воины и купцы общались с другими народами (карфагенянами, египтянами, сирийцами, израильтянами и т.д.) также на греческом языке. О первых толмачах негреческого происхождения сохранились записи эпохи Геродота (484-425 гг. до н. э.). Известно, что и

в армии Александра Македонского во время его походов в Центральную Азию были персидские и индийские переводчики. Устный и письменный перевод на греческий язык был распространен в Египте при династии Птоломеев, в тот период, когда Александрия превратилась в культурный центр. А в III веке до н. э. именно в Греции была переведена первая часть Библии (Ветхий Завет) с помощью 72 ученых-переводчиков из Иерусалима с древнееврейского языка на греческий. Первое собрание переводов Ветхого Завета называется *Septuaginta*, т. е. перевод *Семидесяти Толковников*. Несмотря на то, что все переводчики были помещены в отдельные комнаты на острове, не общались между собой, переводили отдельно, их переводы оказались полностью эквивалентными. В дальнейшем долгое время текст Библии переводился на другие языки с этого варианта: на латинский – между 331-420 гг. н. э. Святым Иеронимом, на славянский – во второй половине IX века Кириллом и Мефодием, а на немецкий – в 1522 году Лютером.

На греческий язык переводились и египетские литературные тексты с адаптацией и пересказом, записанные на папирусах речи египтян для царей, царские распоряжения и послания. Успеху переводческой деятельности античной эпохи способствовали также этимологические и другие одноязычные словари, появившиеся один за другим. Двухязычных словарей в Греции тогда еще не было.

В Римской империи для каждого образованного римлянина требованием номер один было владение двумя языками: греческим и латинским. В Риме греческому они обучались с детства у рабынь-гречанок (он становился их первым языком), а латинский изучали (как и перевод с греческого) в школе. В результате по-гречески свободно говорили такие известные римские государственные деятели, как императоры Август, Клавдий, Нерон, Адриан, Марк Аврелий и др. (Пренебрежение к греческому языку началось позже, когда в Сенате греческие послы стали прибегать к помощи переводчиков.) Римская администрация пользовалась услугами переводчиков и при общении с египтянами, сирийцами, скифами, германцами и кельтами. Важную роль играли переводчики и в римских армиях во время войн: они присутствовали на мирных переговорах и секретных совещаниях. Первым переводчиком, упоминаемым в истории Рима был Гай Ацилий, выступивший устным переводчиком в Сенате при приеме греческих послов в 155 году до н. э.

В Античном мире было немало таких правителей, которые не нуждались в переводчиках, т.к. сами владели несколькими языками: Лициний Красс, проконсул провинции Азии в 131 г. до н. э. говорил на пяти греческих диалектах, Митридат, царь Понта и Босфора в 111-63 гг. до н. э. владел 22 языками, император Август в 30-14 гг. до н. э. писал свои послания в восточные провинции и на латинском, и на греческом языках и т. д.

Уже в IV веке до н. э. сообщаются имена переводчиков, выполнявших дипломатические обязанности. Например, в бассейне Черного моря 130 переводчиков трудились над тем, чтобы живущие в нем люди, говорящие на 300 родственных языках, понимали друг друга. Они получали хорошую зарплату частично от государства, частично от чиновников (Нелюбин 2009).

О возникновении перевода в других регионах Европы мы знаем еще меньше. Однако известно то, что посредники такого рода были востребованы в первую очередь в синагогах, мечетях и церквях, где они интерпретировали и объясняли верующим отдельные тексты священных книг.

2. Начало переводческой деятельности на русской земле

В образованном в конце X – начале XI вв. первом восточнославянском государстве, в Киевской Руси, появление литературы и перевода в прямом смысле слова, как и во многих странах средневековой Европы, связано с принятием христианства (988). Большую роль сыграли в этом основоположники славянской письменности, первые переводчики богослужебных книг, братья монахи Кирилл и Мефодий. Их переводческой деятельности в 1997 году Е. М. Верещагиным была посвящена целая книга, в которой автор предпринял попытку проследить историю возникновения самых известных терминов христианской культуры и показать сложность их создания (Верещагин 1997).

В XI веке существовало уже немало старославянских (церковнославянских) литературных произведений, переведенных в первую очередь с греческого языка. В Древнюю Русь сначала попали в первую очередь именно эти готовые – переведенные чаще всего в Болгарии – книги. Древнерусские книжники вскоре после появления иноязычных новостей начали излагать их в соответствии с требованиями конкретных условий того времени, а также создавать новые тексты по их образцу. Переводы, появляющиеся на Руси, по жанру были весьма разнообразны: переводились прежде всего разные библейские и богослужебные книги, сочинения церковных деятелей, жития святых, патерики, содержащие короткие занимательные истории из жизни монахов, апокрифы с библейским сюжетом. С точки зрения возникновения летописания на Руси и дальнейшего развития древнерусской культуры особенно важными являются переводы византийских хроник, прежде всего «Хроники Георгия Амартола» и «Хроники Иоанна Малалы». Кроме них в небольшом количестве выходят в свет книги на светские темы – своеобразные рыцарские романы, биографии, путеводители и литература естественно-научного содержания (в тогдашнем понимании) и т. д.

Значительная часть этих произведений была переведена на территории Киевской Руси. Как об этом говорится и в первой русской летописи («*Повесть временных лет*»), в организации переводческой

деятельности очень важную роль сыграл киевский князь Ярослав Мудрый, который собрал вокруг себя многих книжников для перевода книг с греческого языка. До конца XVI века переводы на Руси осуществлялись практически только на церковно-славянский язык, который в то время считался литературным языком. Исключением являлся лишь устный перевод переговоров, перевод деловых писем, а также перевод на русский язык указов ханов во время татаро-монгольского владычества. Так как сакральные произведения, богослужебные книги должны были строже следовать за оригиналом, нежели литература светского характера, древнерусские книжники часто переводили их буквально. Древнерусский переводчик, стремясь сделать текст для своих читателей более доступным и понятным, время от времени изменял оригинальный греческий текст: у него описания не раз получались ярче и красочнее, чем у самого автора.

Благодаря интенсивной переводческой деятельности, а также усвоению славянского – в первую очередь болгарского – книжного наследия, Киевская Русь превратилась в центр славянской письменности, прежде всего именно переводной. Иногда говорят даже об особом киевском периоде существования славянской письменности.

Во второй половине XIII – первой половине XIV столетия из-за татаро-монгольского ига переводческая деятельность на Руси в значительной мере замирает. В древнерусское государство поступают из Болгарии, Сербии, монастырей Греции, Иерусалима, Синая лишь переводные памятники. Изменяется и техника передачи иноязычных текстов: распространяется архаизация текстов, т.е. применение тех языковых форм, которые использовались еще во время Кирилла и Мефодия. Буквальный перевод часто приводит к труднодоступным, местами непонятым текстам. Переводная литература следующего столетия иногда даже для читателя-специалиста становится очень сложной, неясной. Особенно в случае перевода текстов из богословских книг и научных сочинений (Нелюбин-Хухуни 2006: 183).

Заключение

Таким образом, перевод всегда являлся важным средством коммуникации и установления культурных, политических и экономических связей между народами, говорящими на разных языках. Размышления о переводе в течение долгих веков состояли лишь из спонтанных наблюдений государственных деятелей, священников, писателей, поэтов и ученых, которые переводом занимались в большинстве случаев по собственному желанию, для реализации своих литературных, политических или научных амбиций. Несмотря на то, что устный перевод появился еще до возникновения письменности, в настоящее время мы располагаем

большим количеством сведений о письменном переводе именно благодаря наличию письменных памятников.

Использованная литература

- Алексеева И. С. 2000. *Профессиональное обучение переводчика*. СПб.
- Верещагин Е.М. 1997. *История возникновения древнего общеславянского литературного языка: Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников*. Москва.
- Гарбовский Н. К. 2007. *Теория перевода*. Москва: МГУ
- Jankovics M. 2011. *A fordítás elméletének és gyakorlatának orosz-magyar vonatkozásai*. Szombathely: Nyugat-magyarországi Egyetem Kiadó
- Нелюбин Л.Л. 2009. *Введение в технику перевода*. Москва: «Флинта» и «Наука».
- Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т. 2003. *История и теория зарубежного перевода*. Москва «Флинта»
- Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т. 2006. *Наука о переводе*. Москва «Флинта»
- Szabari K. 1999. *Tolmácsolás. Bevezetés a tolmácsolás elméletébe és gyakorlatába*. Budapest: Scholastica

О статусе видовой соотносительности глаголов *искать* и *найти*

In this paper the relationship of verbs *искать* and *найти* having different lexical meanings is examined with regards to the presence or absence of functional criteria of aspectual pairs. In the positions of 'process' and 'realized goal', the two verbs behave as real aspectual pairs but in trivial positions they do not meet these criteria. Consequently, if the correlation *искать–найти–находить* is regarded as an aspectual triad, functionally it is not completely identical with real triads since the relative synonymy of *искать* and *находить* can be excluded, while in the case of primary and secondary imperfectives it would be possible.

Keywords: aspectual pair, aspectual triad, conative process, centre–periphery theory

0. Вводные замечания. Настоящая статья посвящена в основном анализу всего лишь одного глагольного противопоставления с точки зрения видовой парности, однако по поводу рассматриваемой ниже корреляции опосредованно коснемся и некоторых частных вопросов этой проблематики. Известно, что среди видовых пар русского глагола выделяется обширная группа глаголов, позволяющая противопоставление с выражением стремления к достижению предела действия, причем его реальное осуществление обозначается глаголом СВ. Имеется в виду, с одной стороны, актуализация в контексте так называемого конативно-тендентивного значения НСВ, в котором обнаруживается потенциальный предел действия, и, с другой стороны, естественный исход этого процесса, т. е. реализация результативного значения СВ с обозначением достигнутого (т. е. реального) предела. В таком контексте глаголом СВ часто обозначается именно отсутствие результата (модель: *решил, но не решил*). Корреляции глаголов НСВ и СВ, соответствующие данной семантической характеристике (такие, как *решать–решить, доказывать–доказать, уговаривать–уговорить, делать–сделать, ловить–поймать* и т. п.) в современной аспектологии многими исследователями называются предельными видовыми парами (см., в частности, Падучева 1996: 89; Зализняк–Шмелев 2000: 56–57, 149) и представляют разновидность основного семантического типа видовых пар. В этом плане заслуживают внимания и глаголы *искать* и *найти*, которые традиционно расцениваются как собственно непарные, несоотносительные глаголы.

1. Изложение проблемы. В связи с представленным здесь типом видовых пар можно поднять вопрос о том, входит ли в данную группу и соотношение глаголов *искать* и *найти*? Этот вопрос мотивирован как в лингвистическом плане, так и с практической точки зрения. В самом деле,

действие *искать* представляет тот процесс, который является подготовительной фазой того результата, который обозначается глаголом *найти*. Тем не менее глагол *искать* в словарях (как в толковых, так и двуязычных) зафиксирован как непарный. С другой стороны, однако, нельзя не заметить, что в некоторых аспектологических работах к глаголу *искать* дается супплетивный коррелят *найти* (Авилова 1976: 247, 249; Янко-Триницкая 1982: 97; Черткова 1996: 122; Камынина 1999: 159), и тем самым, с формальной точки зрения, созданная таким образом «пара» ставится в один ряд с подлинными супплетивными парами (с такими, как, напр., *класть–положить, ловить–поймать*).

При таком разногласии трактовки парности признание соотношения *искать–найти* в качестве супплетивной видовой пары требовало бы комментариев, однако их нет ни в одном месте упомянутых работ. Напомним, что согласно общепринятому определению видовой пары корреляты не должны различаться лексическим значением, их различие проявляется лишь в семантическом содержании видов. Здесь (в случае *искать–найти*), конечно, дело не в том, что интуитивно чувствуется семантическая близость (или даже «лексическое тождество») противопоставленных глаголов. В этом случае другие, функциональные обстоятельства наталкивают некоторых авторов (в том числе и авторов учебников) на мысль о том, чтобы рассматривать данные глаголы в качестве соотносительных. Дело в том, что рассматриваемые нами глаголы в позиции, характерной для предельных пар, ведут себя, в сущности, таким же образом, как прототипические предельные пары (ср. *искал, но не нашел* и *доказывал, но не доказал*). Как уже отмечалось выше, достижение предела часто связывается с отрицанием, что указывает на безуспешность, безрезультатность стремления: *решал, но не решил; уговаривал, но так и не уговорил; встречал, да не встретил; ловил, но не поймал* и т. п. Для иллюстрации такого противопоставления приведем контекст, в котором используется никем не оспариваемая суффиксальная пара *убивать–убить*:

(1) *На войне я научился убивать. Меня убивали, да не убили, и я убивал – некоторых убил* (С. Смирнов, Эшелон).

Исходя из сказанного, в первом приближении действительно кажется, что соотношение *искать–найти* несомненно входит в ряд упомянутых выше предельных пар. Сравним три аналогично построенных предложения, в которых глаголы НСВ и СВ выражают в аспектуальном смысле «одно и то же» – конативно-тендентивное значение (т. е. устремленность к цели), с одной стороны, и достижение результата, с другой. При этом в предложениях (2а) и (2б) употребляются бесспорные, «морфологически идеальные» пары (суффиксальная и супплетивная), а в (2в) – как бы «окказиональная супплетивная пара» *искать–найти*:

- (2а) Он долго **решил** задачу и в конце концов **решил** ее.
(2б) Он весь день **ловил** рыбу, но ни одной не **поймал**.
(2в) Он весь день **искал** моллюсков, но ни одного не **нашел**.

1.1. Несмотря на тот очевидный факт, что здесь глагол *искать* ведет себя как соотносительные глаголы НСВ в сильной позиции, интуитивно чувствуется, что в случае противопоставления *искать* и *найти* сомнительно было бы говорить о полной идентичности рассматриваемых корреляций. Это утверждение также легко можно доказать – конечно, с помощью примеров другого типа. Дело в том, что при употреблении подлинной (чистой, прототипической) видовой пары, как это и есть в примерах (1) и (2а) и (2б), противопоставление может осуществляться и в тривиальных значениях, действительно в рамках одного и того же лексического значения (т. е. внутри видовой пары), а, используя глаголы *искать* и *найти* с целью видового противопоставления, мы выражаем явно разные лексические значения. Надо заметить, что конативное значение ('попытка') по отношению к достижению некоторого результата может передаваться и чисто лексически, вне видовой парности. Более того, лексический способ передачи «попытки» и «успеха» (термины Ю. С. Маслова) является универсальным средством, возможным в любом языке мира. На самом деле предметом описания здесь является такое семантическое содержание, которое в языках, характеризующихся видовой парностью, можно выражать противопоставление «попытки» и «успеха» не только лексически, но и морфологическим противопоставлением, а именно с помощью членов предельной видовой пары. В том-то и есть специфика славянского глагольного вида. Если бы мы приняли в качестве единственного критерия видовой парности возможность противопоставления по линии «попытки» и «успеха» (стремления к чему-л. и достижения чего-л.), то это привело бы к такой явной аномалии, что в так называемых конативных контекстах «парами» надо было бы считать и глаголы, имеющие несомненно разные лексические значения: *долго думал и наконец придумал*; *ждал и наконец встретил (дождался)*; *мечтал и добился*; *стучал и достучался*; *звонил, но так и не дозвонился* и др. Напомним, что уже Ю. С. Маслов больше чем 60 лет тому назад обратил внимание на абсурдность использования конативного контекста с целью доказать видовую соотносительность, отметив, что данное семантическое противопоставление может создаваться даже с помощью двух имперфективных глаголов, значит, независимо от вида. Ср.: *слушал, но не слышал*; *смотрел, но не видел* (Маслов 1948; он же 1984: 63).

В свете сказанного понятно, что оппозиция *искать–найти*, конечно, не выдерживает пробы в тривиальных значениях, – ни теста на настоящее историческое (форма *нашел* никогда не заменяется формой *ищет*), ни теста на многократность (*искал* никогда не значит *много раз* +

нашел). Если подобная субституция глагола *найти* глаголом *искать* формально возможна, то она, конечно, приводит к резкому изменению смысла. Как кажется, справедливо приравнивал Маслов семантику глагола *искать* к безуспешной попытке (в отличие от глаголов *ловить*, *уговаривать*, *встречать* и др., которые, в определенных условиях, могут обозначать успешную попытку). Он имел в виду те безрезультатные процессы, которые «не ведут ни к какому скачку в новое состояние, остаются равными себе на всех отрезках своего протекания и, таким образом, не дают никакой перспективы, кроме перспективы бесконечной себетождественной длительности» (Маслов 1948: 309; он же: 1984: 56). Это значит, что если безоговорочно принять данное утверждение Маслова, то глагол *искать* является неопредельным, и, следовательно, он выражает процесс, не ведущий к результату.

1.2. При первом рассмотрении этого вопроса, как кажется, можно было бы предположить, что, включив в соотношение и глагол *находить*, мы имеем дело с «видовой тройкой» (типа *читать–прочитать–прочитывать*), внутри которой перфектив *найти* по-разному коррелирует с процессуальным, нерезультативным глаголом *искать* и с результативным, непроцессуальным *находить*. Однако такая аргументация, насколько бы приемлемой она на первый взгляд ни казалась, оказывается также несостоятельной. Нельзя не заметить, что первичный и вторичный имперфективы «подлинных» троек (такие, как, напр., *читать* и *прочитывать*), несмотря на их явно разную аспектуальную характеристику, могут функционально сближаться, оказавшись в позиции взаимозаменяемости, относительной синонимии (см. об этом подробнее в Петрухина 2000: 91–92; Храковский 2005; Ясаи 2001: 109–110; 2005: 156–157). О семантической близости первичных и вторичных имперфективов свидетельствуют, в частности, следующие примеры:

(3а) *Он всё читает / прочитывает, что приносят ему из библиотеки.*

(3б) *Он ест / съедает по кило фруктов в день.*

В отличие от этого, *искал* и *находил* ни в каких позициях не могут заменять друг друга, поскольку у них отсутствует общий компонент в лексическом значении. Объясняется это тем, что у глагола *искать* потенциальный предел (проявляющийся в направленности действия на достижение предела) ни в каких контекстах тривиального значения не может переходить в реальный предел. Наконец заметим в этой связи, что иную трактовку данной проблематики можно встретить в кн. (Гловинская 2001: 145). Рассматриваемое соотношение автор считает тройкой попросту на том основании, что между имперфективами *искать* и *находить* имеется точно определяемое дополнительное распределение.

На основе изложенного можно заключить, что соотношение *искать–найти* не является подлинной супплетивной видовой парой (как, напр., *ловить–поймать*), но тем не менее следует признать, что в нем, по крайней мере в представленном типе контекста (см. пример 2в), проявляются признаки, сходные с парными глаголами.

2. Выводы. С нашей точки зрения следует считать естественным явлением то, что понятие видовой парности на функциональном уровне не может суживаться, – напротив, оно охватывает гораздо больше глагольных противопоставлений, чем это отражается в лексикографической практике, особенно в большом 17-томном словаре русского языка, в котором практически зафиксированы только суффиксальные пары. Расширение сферы видовой парности мотивировано и учебной практикой. На основе расширения этого понятия, однако, нельзя делать такой крайний вывод, что все оппозиции «функционального партнерства» равносильны, что степень проявления признаков соотносительности одинакова. На наш взгляд, следствие разной степени семантической близости парных глаголов возникает необходимость охарактеризовать все видовые соотношения в полевой структуре по принципу центра и периферии (подробно об этом: Ясаи 1997). Согласно этому, противопоставление *искать–найти* следует признавать оппозицией, лишь частично отвечающей функциональному критерию парности (ср. сказанное о предельных парах) и, следовательно, эта «пара» в иерархии видовых корреляций вытесняется на периферию поля, интегрирующего разного рода соотношения – как никем не оспариваемые, так и спорные или даже сомнительные случаи.

2.1. Касательно выделения видовых пар без учета полевой структуры трудно согласиться с данными, приведенными в книге М. Ю. Чертковой (Черткова 1996: 102). По подсчетам автора 97 процентов русских глаголов является парными, и только 3 процента приходится на видовую дефектность. Хотя появление (прежде всего в разговорной речи) таких новых коррелятов, как, например, *пронаблюдать* (при *наблюдать*), *поучаствовать* (при *участвовать*), а также и префиксация многих двувидовых глаголов действительно свидетельствует о тенденции к количественному увеличению видовых пар, нам кажется, надо было бы уточнить данные Чертковой по крайней мере и потому, что в славянской аспектологии видовая дефектность (т. е. 'непарность', 'одновидовость') большинством исследователей не считается маргинальным явлением. Ср., в частности, «Ответы на вопрос II/5» в ТАС т. 2 (Черткова 1997: 142–233). Поскольку в ряде многозначных глаголов соотносительность свойственна не всем значениям данного глагола, и поэтому видовая парность даже в случае одного и того же глагола может явиться относительной, статистические подсчеты должны были бы отразить это обстоятельство. Так, если у многозначного глагола парность зависит от значения (напр.,

отвечать <чему-л.>, *отвечать–ответить* <на вопрос>), то можно принимать во внимание не глагол в целом, а значения, как соотносительные или несоотносительные). У беспривставочных исходных глаголов НСВ (*петь*, *писать* и др.) значений «относительных imperfectiva tantum» гораздо больше. Многие спорные примеры, приведенные М. Ю. Чертковой в качестве видовых пар, на наш взгляд, следовало бы трактовать менее жестко, по меньшей мере с той оговоркой, что они (как и проанализированная выше корреляция *искать–найти*), обладают лишь некоторым набором таких признаков, которые в определенном типе контекста характерны для видовых пар.

Литература

- Авилова Н. С., *Вид глагола и семантика глагольного слова*. Москва: Наука, 1976.
- Гловинская М. Я., *Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола*. Москва: Азбуковник и Русские словари, 2001.
- Зализняк Анна А., Шмелев А. Д., *Введение в русскую аспектологию*. Москва: Языки русской культуры, 2000.
- Камынина А. А., *Современный русский язык. Морфология*. Изд-во Московского ун-та, 1999.
- Маслов Ю. С., Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке. *Изв. АН СССР*, отд. лит. и языка, т. 7, вып. 4, 1948, 303–316.
- Маслов Ю. С., *Очерки по аспектологии*. Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та, 1984.
- Падучева Е. В., *Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива*. Москва: Языки русской культуры, 1996.
- Петрухина Е. В., *Аспектуальные категории глагола в русском языке (в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками)*. Москва: Изд-во Московского ун-та, 2000.
- Храковский В. С., Аспектуальные тройки и видовые пары. *Русский язык в научном освещении*. 2005, № 9, 46–59.
- Черткова М. Ю., *Грамматическая категория вида в современном русском языке*. Москва, Изд-во Московского ун-та, 1996.
- Черткова М. Ю. Ответы на вопросы аспектологической анкеты... *Труды аспектологического семинара Филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова*. Т. 2, Изд-во Московского ун-та, 1997, 140–233.
- Янко-Триницкая Н. А., *Русская морфология*. Москва: Русский язык, 1982.
- Ясаи Л., О принципах выделения видовой пары в русском языке. *Вопросы языкознания* № 4, 1997, 70–84.
- Ясаи Л., О специфике вторичных имперфективов видовых корреляций.
- Ясаи Л., *Видовые корреляции русского языка в системе грамматических оппозиций*. ELTE BTK, Szlav és Balti Filológiai Intézet, Budapest, 2005.

Funkcijske in identifikacijske prvine slovenskega jezika v 20. stoletju

The article presents the basic emphasis of the research project, which presents the first comprehensive socially-critical historical linguistic analysis of the 20th century, which has barely ended, as a socially, politically and economically epochal time for Slovene studies and Slovene language with emphasis placed on studies of the identification role of a language in all its functional and social varieties, and with major distinctions only between literary and non-literary and standard and non-standard language varieties.

Keywords: Language policy, development of Slovene language, European language policy, Slovene language in the Austro-Hungarian Monarchy, in the Kingdom of Yugoslavia, in the Socialist Federal Republic of Yugoslavia, in the independent Republic of Slovenia, in the European Union, linguistic pragmatics, functional varieties of language, dialectology

0 Uvod

0.1 Slovenski jezik je pomemben del slovenske narodne identitete, saj med drugim omogoča proučevanje kulturnih, družbenih in interakcijskih konvencij – te so se v 20. stoletju, obdobju izrazitega prilagajanja položaja in vloge slovenskega jezika kar petim družbeno-politični ureditvam, spreminjale, s tem pa sta se spreminjala tudi pomen in vloga slovenskega jezika in njegovih funkcijskih ter socialnih zvrsti. V prelomnih trenutkih slovenske zgodovine je bilo jezikovno vprašanje vedno najbolj izpostavljeno in se je pojavljalo na barikadah slovenstva – usmerjalo je pot slovenski politiki in postavljalo meje slovenski državitvornosti: (1) protestantizem in oblikovanje prve slovenske knjižne norme; (2) pomlad narodov ter oblikovanje slovenske narodnostne identitete in enotnega knjižnega jezika na romantični formuli, da je jezikovna enotnost pogoj za narodnostno združitev Slovencev v samostojni državi; (3) majniška deklaracija ter konec prve svetovne vojne in priključitev Prekmurja k matični domovini na osnovi enotnega slovenskega knjižnega jezika; (4) konec druge svetovne vojne in priključitev Slovencev v skupno južnoslovansko državo na osnovi jezikovne enakopravnosti; (5) skupna jedra, usmerjeno šolstvo, položaj slovenščine v skupni državi in JLA-ju, izjave srbskih akademikov...; (6) razpad Jugoslavije in uveljavitev slovenščine kot državnega jezika; (7) vstop v Evropsko zvezo in vprašanje slovenskega jezika v odnosu do globalne angleščine in uradnih jezikov nove skupnosti).

0.2 Slovenski jezik je imel na prehodu 19. v 20. stoletje izrazito narodnopo-vezovalno in predstavitveno vlogo, na prehodu v 21. stoletje pa so na področjih znanosti, politike in umetnosti opazne težnje po nadomeščanju knjižnega jezika z globalnim angleškim, kar lahko vodi v negativno jezikovno asimilacijo in/ali k brisanju ostrih meja med knjižnim (kot dosledno upoštevanje norme) in

neknjižnim (kot vključevanje jezikovno tipičnega v govor in pisanje ne glede na državne meje).

0.3 Danes se pojavlja vprašanje, ali je lahko jezik sredstvo za ohranjanje (narodove in posameznikove) identitete in v koliki meri prispeva ali odloča pri povezovanju (naroda ali posameznika) v skupnost. Pri tem imajo odločilno vlogo (ne)rešena vprašanja jezikovne politike, zlasti asimilacije, lojalnosti, mode, odprtosti in zaprtosti, skrajnosti in eksibicionizma.

1 (Zamujena) priložnost za kritično zgodovinsko-razvojno jezikovno analizo 20. stoletja

Na Filozofski fakulteti Univerze v Mariboru smo zato pripravili raziskovalni projekt (skupaj z ZRC SAZU in ZRS Univerze na Primorskem), ki smo ga prijaviли na ARRS in v katerem smo želeli prikazati: (1) vlogo jezika v krepitvi razrednih razlik in legitimizaciji podobe slovenske družbe; (2) diskurzivne in retorične strategije, ki zamegljujejo prestrukturizacijo izkoriščanja oz. njegovo modifikacijo; (3) da se udeleženec komunikacijskega stika, ki ima občutek, da nima dobrih izhodiščnih »pogajalskih kart«, bolj prilagaja tudi v izbiri jezikovnega koda; (4) da je odločitev tvorca o izboru jezikovnega koda povezana z dominantnostjo tega koda; (5) gospodarsko-ekonomski in družbeno-politični vpliv na besedotvorne in pomenotvorne značilnosti pri razvoju slovenske leksike; (6) in ugotoviti/izpostaviti vzrok in namen zamenjave knjižne zvrsti z neknjižno ter ugotoviti status slovenske narečne zvrsti danes. Projekt, žal, ni bil sprejet v financiranje ARRS-ja, čeprav je bil natančno pripravljen in je napovedoval jasne cilje in rezultate dela. V nadaljevanju predstavljam del gradiva iz prijave, ki je bila poslana na ARRS.¹

1.1 Temelj in izhodišče projekta je predstavljala prva celostna družbeno kritična zgodovinsko-razvojna jezikovna analiza komaj minulega 20. stoletja kot družbeno-politično, ekonomsko-gospodarsko prelomnega obdobja za slovenistiko in slovenščino s poudarkom raziskovanja na identifikacijski vlogi jezika na vseh njegovih funkcijskih in socialnih zvrsteh, z ostrejšima ločnicama le med umetnostno in neumetnostno ter knjižno in neknjižno jezikovno zvrstjo. V tem obdobju sta se morala slovenski narod in slovenski jezik prilagoditi kar petim družbeno-političnim ureditvam: Avstro-ogrski, Kraljevini Jugoslaviji, Socialistični federativni republiki Jugoslaviji, samostojni Republiki Sloveniji in Republiki Sloveniji kot enakopravni članici držav Evropske zveze. Na tesno povezanost med političnim in jezikovnim vprašanjem kaže tudi spreminjanje iden-

---

¹ Prijava temeljnega raziskovalnega projekta ARRS-RPROJ-JR-Prijava/2010-II/519 z dne 22. 3. 2011 (II. faza) *Funkcijske in identifikacijske prvine slovenskega jezika v 20. stoletju* (Functional and Identification Varieties of the Slovene Language in the 20th century) – spremenjeni so nadnaslovi posameznih poglavij, uporabljena literatura na koncu prispevka, na osnovi katere je nastala prijava, je prav tako izvleček iz obširnejše, ki je bila poslana na ARRS.

tifikacijske funkcije jezika: slovenščina na prehodu v 20. stoletje je temeljna sestavina narodove identitete, je pogoj za nastanek države, kasneje postane uradni jezik bivših skupnih držav z omejitvijo rabe na določeno regijo, z osamosvojitvijo postane uradni jezik samostojne države, z vstopom v Evropsko zvezo pa uradni regionalni jezik na območju Evropske zveze, torej izgublja identifikacijsko funkcijo pripadnosti določeni narodnosti. Deskriptivna in kritična analiza takratnega stanja na področjih rabe slovenščine z vidika že omenjene dvojničnosti funkcijskih in socialnih zvrsti v javnosti, tudi na področjih filma in glasbe, v parlamentu, sodstvu in znanosti bi pokazala, da je aktualna identifikacijska vloga slovenskega jezika kot jezika manjše jezikovne skupnosti posledica vplivov vseobsegajočega in vsesplošnega procesa globalizacije, torej procesa, ki posega na vsa človekova področja delovanja: gospodarstvo, vzgojo, izobraževanje, politiko itd., in vpliva tudi na izbiranje jezikovnega koda kot prve izbire pri oblikovanju strategije za doseganje zelenega komunikacijskega cilja. Tradicionalne interference sosednjih jezikov, npr. raba tržaškoitalijanskih slovenizmov, lahko glede na vpliv drugih jezikov znotraj iste države v sodobni globalizacijski družbi zamenja vpliv angleščine in drugih uradnih jezikov gospodarsko-politično močnejših držav. Vprašanje funkcijskih zvrsti pa je deloma postavljeno na rob ob novih jezikoslovnih spoznanjih, ki poudarjajo odvisnost tvorjenja besedil od sporočanjških okoliščin, tudi kulture, saj besedila ustaljeno variirajo glede na: področje (temo), ton (razmerje med udeleženci kom. stika) in način (kanal, prenosnik).

1.2 Analizi sporočanjških okoliščin bi sledila analiza zbranega gradiva na jezikovni ravni z vidikov (1) leksemsko-slovnčnih značilnosti, s posebnim poudarkom na gospodarsko-ekonomskem in družbeno-političnem vplivu na besedotvorne in pomenotvorne značilnosti pri razvoju slovenske leksike, (2) besedilnih vzorcev, s poudarkom na njihovem spreminjanju glede na spremenjene družbeno-politične in gospodarsko-ekonomske razmere, tako na ravni funkcijske zvrstnosti (nastanek, razvoj uradnega, poslovnega jezika) kot strategij in položaja določenega družbenega razreda v skupnosti (družbenokritična jezikovna analiza širšeinteresnih/javnih diskurzov) in (3) sinteza dobljenih rezultatov kot dejanska interpretacija besedila.

2 Družbeni položaj slovenskega jezika v 20. stoletju

2.1 Z razpadom Avstro-Ogrske po prvi svetovni vojni se je družbeni položaj slovenskega jezika navidezno izboljšal, a so se kmalu pokazali vsi nerešeni problemi položaja slovenskega jezika v skupni jugoslovanski državi – v primerjavi s položajem jezika v Avstro-Ogrski se ni veliko spremenilo: (1) nemščino kot prevladni jezik v Avstro-Ogrski je kmalu zamenjala srbsščina; (2) slovenščina je bila še vedno jezik brez posebnih pravic in ugodnosti, ki bi omogočale uporabnikom poseben, boljši položaj; to se je še posebno boleče kazalo v vojski, skupščini in beograjski državni upravi; (3) povrhu vsega pa se je pojavilo še t. i. notranje odpadništvo, ki je celo med Slovenci sledilo ideji o eni državi, jeziku, kulturi in narodu – novoilirizmu, ki ga je zagovarjal Fran

Ilešič, je po prvi svetovni sledilo jugoslovenstvo, ki je povzročilo veliko neso-
glasij in jezikovnih težav med Slovenci (med drugim npr. ponovno zanimanje
za slovanske izposojenke, čeprav se je že v drugi polovici 19. stoletja zdelo, da
levstikovanje s pretirano slavizacijo in arhaizacijo ni primerno za »normalni«
razvoj slovenskega jezika).

Kljub politično nemirnemu obdobju med obema vojnama je slovenski jezik v
tem času doživel tudi mnogo dobrega, kar je pomembno vplivalo na njegov
pozitivni razvoj: Breznikova slovnica in njegovo pravorečje, ki je nadaljevalo
pozitivno Škrabčevo tradicijo; ustanovitev ljubljanske univerze leta 1918 in
Filozofske fakultete ter možnost študija slovenskega jezika; Slovenski pravopis
(1920, še zlasti 1935); razvoj slovaropisja na Slovenskem; Ramovševa prizade-
vanja za natančen opis vseh dotedanjih spoznanj o slovenskem jeziku; »borba
za individualnost slovenskega jezika«, ki se je začela v 19. stoletju in ustano-
vitev Slavističnega društva ter Slovenske akademije znanosti in umetnosti. Vse
to je pomembno oblikovalo slovensko narodno zavest in kulturo ter vplivalo na
nadaljnji razvoj po drugi svetovni vojni – razumevanje najpomembnejših slo-
venskih jezikovnih in narodnopolitičnih razmer je tesno povezano z navidez
dobrim družbenim položajem slovenščine v novi skupnosti takoj po drugi
svetovni vojni, nato pa hiter obrat in načrtno izrinjanje slovenskega jezika iz
skupščine, državne uprave in vojske ter vsiljevanjem srbščine (srbohrvaščine)
kot prevladnega jezika. Sledilo je oblikovanjem aktivne slovenske jezikovne
politike, ki so jo zaznamovali: portoroški kongres v sedemdesetih letih (in nato
akcija Slovenščina v javnosti, Jezikovno razsodišče, Jezikovni kotički), skupna
jedra, vprašanje rabe slovenskega jezika v politiki, gospodarstvu, športu, voj-
ski..., proces proti četverici in nato osamosvojitve ter nastajanje Zakona o rabi
slovenskega jezika in njegove Resolucije. Politično in jezikovno vprašanje sta
že od nekdaj tesno povezani, tako so tudi v izbranem obdobju opazni zapleti in
omejitve pri svobodnem funkcijskozvrstnem širjenju slovenskega jezika. Ob
hkratnem razvoju slovenskega jezikoslovja se je vendarle širila zavest o
pomenu knjižnega jezika za nacionalno identiteto.

2.2 Zastavljena vsebina in program načrtovanega projekta je zahteval ekipo
strokovnjakov, ki poleg svojega temeljnega raziskovalnega področja znotraj
slovenistike, npr. jezikovne politike, zgodovina jezika (Marko Jesenšek, Nata-
lija Ulčnik), dialektologije (Zinka Zorko, Mihaela Koletnik, Rada Cossutta),
besedoslovja in pomenoslovja (Andreja Žele), skladenjskih značilnosti tako
govorjenih kot zapisanih besedil, besediloslovja, jezikovne pragmatike in kri-
tične analize diskurza (Branislava Vičar in Mira Krajnc Ivič) razumejo potrebo
po nujnem vključevanju drugih kulturnih, družbenopolitičnih in gospodarskih
vidikov delovanja jezikovne in druge skupnosti in zmorejo to potrebo vključiti
v svoje delo. Skupina raziskovalcev prijavljenega projekta je uravnotežena tudi
z vidika že pridobljenih izkušenj in mladostnega raziskovalnega elana, saj so
kar tri članice svojo doktorsko disertacijo obranile pred manj kot tremi leti.

2.3 Primarni in temeljni cilj raziskovalnega projekta je bil pokazati na tesno
povezanost zlasti med politiko, kulturo in jezikom. S spreminjanjem družbeno-

politične ureditve se bistveno spreminja tudi jezik tako z vidika prevzemanja in prehajanja značilnosti znotraj jezika, npr. iz neknjižne v knjižno zvrst, kot med jeziki, npr. besedje v slovenski Istri, in njegova identifikacijska funkcije: slovenščina na prehodu v 20. stoletje je temeljna sestavina narodove identitete, kasneje pa postane regionalni jezik v bivši skupni državi, z osamosvojitvijo postane prvič v zgodovini uradni jezik samostojne države, z vstopom v Evropsko zvezo pa ponovno regionalni jezik in tako izgublja identifikacijsko funkcijo pripadnosti določeni narodni skupnosti. Deskriptivna in kritična analiza bo pokazala, da je aktualna identifikacijska vloga slovenskega jezika kot jezika manjše jezikovne skupnosti posledica vplivov vseobsegajočega in vsesplošnega procesa globalizacije. Vprašanje funkcijskih in/ali socialnih zvrsti pa bo deloma postavljeno na rob ob novih jezikoslovnih spoznanjih, ki poudarjajo odvisnost tvorjenja besedil od sporočanjških okoliščin, tudi kulture, saj besedila ustaljeno variirajo glede na: udeleženca, razmerje med udeleženci komunikacijske stika in temo ter prostor in čas, ki na nek način določata tudi jezikovni kanal; jezikovni kod pa bo prestavljen kot prva izbira pri oblikovanju strategij doseganja želenega učinka. Opravljena funkcijsko- in socialnozvrstna analiza zbranega gradiva prinaša podatke o komunikacijskem repertoarju dane skupnosti.

2.3 Rezultati raziskave bi pokazali na pomembna spoznanja in možne smernice za nadaljnje delo ne le jezikoslovcem slovenistom, ampak vsem, ki se ukvarjajo z manjšimi jeziki v Evropski zvezi, bodisi jezikoslovcem bodisi politikom. Ta spoznanja bi namreč predstavljala temeljito analizo preteklega stanja, ki, kot je običajno v življenju, vpliva na in pogojuje trenutno aktualno stanje: slovenski jezik izgublja identifikacijsko vlogo v smislu izkazovanja pripadnosti določeni, slovenski narodnosti: svojemu jeziku se zlahka odpovem, če to pomeni večje možnosti predvsem materialnega napredka.

Rezultati takega projekta bi lahko za državno infrastrukturo in državno upravo prinesli pomembne nove poglede in rešitve vprašanja nacionalne identitete, pogojene tudi z ohranjanjem kulturne dediščine in razvijanjem zavesti pripadnosti določeni jezikovni in na določeno geografsko področje vezani skupnosti, tj. pripadnost slovenskemu jeziku in naciji v katerem koli komunikacijskem položaju ali stiku znotraj matične države Slovenije ali zunaj njenih meja. Načrtovani raziskovalni projekt je bil usklajen z jezikovno-razvojno politiko na državni in tudi evropski ravni (*Zakon o javni rabi slovenščine, Resolucija o nacionalnem programu za jezikovno politiko 2007–2011* in *Evropa 2020 – Strategija za pametno, trajnostno in vključujočo rast*).

3 Zaključek

Evropska zveza danes spodbuja učenje malih in sosedskih jezikov, z aktivno jezikovno politiko pa načrtuje učenje več tujih jezikov, med njimi vsaj enega sosedskega. To je velik izziv za slovenistično stroko, ki bo morala bolj odločno in sistematično reševati vprašanje slovenskega jezika v večjezični skupnosti, predvsem pa zagotavljati pogoje, da se bo zanimanje za učenje slovenščine v

Evropski zvezi povečalo. Načrtovani projekt bi tako predstavljal prvo sistematično sinhrono-diahrono analizo vedno aktualnega vprašanja o vlogi, funkcijah jezika v določenem času in prostoru ter o jeziku kot temeljnem identifikacijskem sredstvu. Pomembno bi bilo raziskati položaj javne rabe slovenščine v večjezični avstro-ogrski monarhiji in v kasnejši jugoslovanski državni tvorbi, ta položaj pa je lahko osnova za soočanje z današnjim jezikovnim stanjem v večjezični Evropski zvezi. Raziskava bi s svojimi razmišljanji o spremenjeni vlogi slovenskega jezika in njegovih zvrsti odprla vprašanje o jezikovni zavesti ter vprašanje o jeziku kot izrazu identitete. V evropskem merilu bi to pomenilo odpiranje novih praks na področju jezikovne politike z vidika razumevanja in rabe manjših jezikov, to pa bi pomembno prispevalo k razvoju znanosti in družbeno-politični ureditvi položaja manjših, regionalnih jezikov. Kritična analiza stanja na področju jezika v 20. stoletju bo pokazala tudi, kako se določeni jezikovni vplivi s časom uveljavijo ali marginalizirajo ter se spreminjajo tudi v odvisnosti od družbenih, kulturnih in drugih okoliščin.

Literatura

- Smilja AMON, 2004: Obdobja razvoja slovenskega novinarstva. *Poti slovenskega novinarstva – danes in jutri*. Ljubljana. 53–68.
- Ljudmila BOKAL, 2007: Terminologizacija publicističnega jezika. *Razvoj slovenskega strokovnega jezika. Obdobja 24*. Ljubljana.
- Anton BREZNIK, 1967: *Življenje besed*. Priredil Jakob Šolar. Maribor.
- Norman FAIRCLOUGH, 1992: *Discourse and Social Change*. Cambridge.
- GRAHAM, P., 1999: Critical systems theory: A political economy of language, thought, and technology. *Communication Research* 26/4. 482–507.
- M. A. K. HALLIDAY, 1970: Language Structure and Language Function. *New Horizons in Linguistics I*. New York. 158–165.
- Nataša HRIBAR, 2006: *Sodobni slovenski politični jezik*. Doktorska disertacija. Ljubljana.
- Marko JESENŠEK, 2001: Slovenščina danes. V: TOKARZ, Emil (ur.). *Słowiańszczyzna w kontekście przemian Europy końca XX wieku : język - tradycja - kultura*. Katowice: Śląsk, str. [169]-178.
- –, 2005: Slovenska jezikovna politika nekoč in danes. *Spremembe slovenskega jezika skozi čas in prostor*. Maribor, Zora 33, 192–207.
- –, 2006: Slovenski jezik v skupščini prve Jugoslavije. *Časopis za zgodovino in narodopisje* letn. 77 = n.v. 42, št. 2/3, 255–267.
- –, 2008: Slovenski jezik od malonedeljske besede do ljutomerskega tabora. *Časopis za zgodovino in narodopisje*. letn. 79 = n.v. 44, št. 1/2, str. 146–160.
- –, 2009: Slovenski jezik in Evropska zveza. *Slavia Centralis*. 2/2, 7–23.
- –, 2010: Začetki jezikovne politike in načrtovanja v prekmurskem knjižnem jeziku 18. in 19. stoletja. *Muratáj (Lendava)*, št. 1/2, str. 118-126.
- –, 2010a: Slovene standard language between the centre and the periphery. *Stud. slav. Acad. Sci. Hung. = Studia Slavica Hung.*, vol. 55, no. 2, str. 279-287

- Monika KALIN Golob, 2003: *H koreninam slovenskega poročevalstva*. Ljubljana: Jutro.
- Mihaela KOLETNIK, 2001: Mariborski pogovorni jezik. *Časopis za zgodovino in narodopisje* 37/1–2. 245–254.
- –, 2008: The Prekmurje dialect in popular music. V: HELIN, Irmeli (ur.): *Dialect for all seasons : cultural diversity as tool and directive for dialect researchers and translators*. Münster: Nodus Publikationen. 219–226.
- Mira KRAJNC, 2005: *Besedilne značilnosti javne govorjene besede*. Zora 35. Maribor.
- Mira KRAJNC IVIČ, 2008: Besedilna analiza pasaž govorov prvega slovenskega tabora. *Čas. zgod. narodop.* 44/1–2, 206–218.
- LEMKE, J., 1995: *Textual Politics*. London.
- Nataša LOGAR, Špela VINTAR, 2008: Korpusni pristop k izdelavi terminološkega slovarja. *JiS*, 53/5, 5–17.
- Irena OREL, 2003: Slovenski pisni jezik nekdanj in danes – med izročilom in govorom. *Slovenski knjižni jezik – aktualna vprašanja in zgodovinske izkušnje*. Obdobja 20. Ljubljana.
- Martina OROŽEN, 2007: Prepleti medzvrstnih jezikovnih prvin v strokovnih besedilih prve polovice 19. stoletja. *Razvoj slovenskega strokovnega jezika*. Obdobja 24. Ljubljana.
- Breda POGORELEC, 1986: Znanstveno besedilo, njegove jezikoslovne prvine in slog. V: VIDOVIČ-MUHA, Ada (ur.). *Zbornik prispevkov, Slovenski jezik v znanosti* (Razprave Filozofske fakultete). Ljubljana: Filozofska fakulteta, Znanstveni inštitut. 11–22.
- –, 1989: Slovenska pravna besedila: vprašanja jezika in sloga pri oblikovanju besedil. V: VIDOVIČ-MUHA, Ada (ur.), ŠUMI, Nace (ur.). *Zbornik prispevkov*, (Razprave Filozofske fakultete). Ljubljana: Znanstveni inštitut Filozofske fakultete. 35–43.
- Andrej E. SKUBIC, 2005: *Obrazi jezika*. (Govorica ustanov). Ljubljana: Študentska založba.
- –, 1994/1995: Klasifikacija funkcijske zvrstnosti in pragmatična definicija funkcije. *JiS* 40/5. 155–168.
- Jože TOPORIŠIČ, 1991: *Družbenost slovenskega jezika: sociolingvistična razpravljanja*. Ljubljana: DZS.
- –, 1993: Slovenščina kot jezik samostojne države. V: I. Štrukelj (ur.) *Jezik tako in drugače*. 18–40.
- –, ⁴2000: *Slovenska slovnica (SS)*. Četrta prenovljena in razširjena izdaja. Maribor: Obzorja.
- Natalija ULČNIK, 2008: Jezikovne in vsebinske posebnosti poročevalskih besedil o slovenskem taborskem gibanju. *Časopis za zgodovino in narodopisje* 79, št. 1/2. 161–178.
- –, 2009: *Začetki prekmurskega časopisja : besedje Agustičevega časopisa Prijatelj*. Maribor: Filozofska fakulteta, Mednarodna založba Oddelka za slovanske jezike in književnosti. (Mednarodna knjižna zbirka Zora, 67).
- Branka VIČAR, 2009: *Parenteze kot metadiskurzivne prvine na primeru pisnega in govorjenega diskurza : doktorska disertacija*. Maribor.
- Ada VIDOVIČ MUHA, 1991: Nekatera aktualna vprašanja slovenske jezikovne kulture. V: POČAJ-RUS, Darinka (ur.), JUG-KRANJEC, Hermina (ur.), KRŽIŠNIK, Erika (ur.), KRANJEC, Marko (ur.), STABEJ, Marko (ur.). *Zbornik predavanj*. Ljubljana: Oddelek za slovanske jezike in književnosti Filozofske fakultete. 17–27.

- –, 1998. Družbeno-politični vidik normativnosti v slovanskih knjižnih jezikih. *Slavistična revija*. 46, 1/2, 95–116.
- –, 2000: *Slovensko leksikalno pomenoslovje. Govorica slovarja*. Ljubljana: Znanstveni inštitut Filozofske fakultete
- –, 2001: Moč in nemoč slovenskega knjižnega jezika /.../. V: OREL, Irena (ur.). 37. seminar slovenskega jezika, literature in kulture, 25.6.–14.7. 2001. *Zbornik predavanj*. Ljubljana: Center za slovenščino kot drugi/tuji jezik pri Oddelku za slovanske jezike in književnosti Filozofske fakultete. 7–18.
- Zinka ZORKO, 2007: Jezikovna analiza romana Garaboncijaš Franceka Mukiča. V: KLOPČIČ, Vera (ur.), VRATUŠA, Anton (ur.). *Živeti z mejo, Panonski prostor in ljudje ob dveh tromejah : zbornik referatov na znanstvenem posvetu v Murski Soboti, 9.-11. novembra 2007*, (Narodne manjšine, 6). Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti: Inštitut za narodnostna vprašanja. 252-260.
- Andreja ŽELE, 2008: *Vezljivostni slovar slovenskih glagolov*. Ljubljana ZRC, ZRC SAZU.

Povzetek

Funkcijskozvrstni razvoj 20. stoletja izhaja iz dosežene visoke razvoje stopnje 19. stoletja kot posledice sekularizacije jezika, ki je omogočila razvoj posvetnega pripovedništva in pesništva (umetnostna zvrst);

Vprašanje funkcijske zvrstnosti v povezavi z družbenostno je izvirno vezano na temeljno socio-kulturno vlogo jezika: na jezik kot nosilca identitete. Z jezikom torej izkazujem svojo pripadnost določeni skupnosti: narodnostni, jezikovni, gospodarsko-ekonomski in družbeno-politični. Vloga jezika kot enega od sestavin narodove identitete, kot narodnotvorne sestavine prispeva k ohranjanju nacionalne identitete, k promociji države (morda kot državotvorni element), vzgoje in izobraževanja in znanosti. Projekt bi poskušal glede na preteklo stanje odgovoriti na vprašanje, kakšna je aktualna identifikacijska vloga slovenskega jezika kot jezika manjše jezikovne skupnosti ob vseobsegajočem in vsesplošnem procesu globalizacije, ki posega na vsa človekova področja delovanja in odločilno vpliva tudi na jezikovno rabo oziroma izbiranje jezikovnega koda kot prve izbire pri oblikovanju strategije za doseganje zelenega komunikacijskega cilja. Projekt bi tako osvetlil jezik(oslo)vna vprašanja in omogočil spoznanje o jeziku kot nenehno spreminjajočem se pojavu, neločljivo povezanim s človekovim življenjem.

Влияние возраста испытуемых на ассоциативные процессы

The article is devoted to the investigation of the associative field "Moral values". The particular attention is given to the analysis of some changes of the associative strategy depending on the respondents' age. The results of the associative experiment support the idea of the stable nature of the themes of associating process of the stereotyped reactions.

Keywords: associative field, changes, experiment, process, reactions, stable, stereotyped

Язык имеет системную организацию на всех своих уровнях. Слова в своем взаимодействии образуют лексическую систему, которая может быть в итоге представлена как отношения пар слов. Такими парами мы предлагаем считать ассоциативные биномы стимул – ассоциация. Ассоциативные биномы являются минимальными единицами ассоциативных групп, составляющих, в свою очередь, ассоциативные поля. Изучение ассоциативных биномов представляет большой интерес для исследователя. Используя различные экспериментальные методики, в частности ассоциативный эксперимент, можно обнаружить «семантическую систему слов, сложившуюся к данному моменту у испытуемого» (Жинкин Н.И. 2008: 1104), к тому же, исследования в данной области дают возможность не только зафиксировать отражение объективированной языковой картины мира испытуемого, но и составить представление о его ассоциативных (коммуникативных) стратегиях, и даже больше – о его языковой компетенции.

Описываемое в данной работе исследование проводилось на материале английского языка. Целью эксперимента было получить максимально возможное количество реакций на стимул «Моральные ценности». По методике проведения эксперимент был близок к свободному ассоциативному эксперименту. Эксперимент проводился в письменной форме и, вследствие этого, стимул постоянно находился перед глазами испытуемых, а также, время от времени, произносился экспериментатором вслух. В исследовании участвовало 119 человек, условно относящихся к 4 возрастным группам: «Подростки» (14-17 лет), «Молодежь» (18-21), «Взрослые» (22-60), «Взрослые +» (61-80). Данное деление было осуществлено в соответствии с одной из принятых в социогуманитарных науках форм общественной дифференциации, базирующейся на стереотипных для данной культурной традиции представлениях о социальных нормах и образцах социальной активности, приписываемых лицам определенного возраста (Реан А.А.: с.92). В ходе

проведения эксперимента было получено 816 реакций (509 слов), которые и составили ассоциативное поле стимула. Построение ассоциативного поля языкового коллектива должно основываться на всем многообразии материала, полученного в ходе эксперимента, соответственно, оно вбирает в себя как ядерные реакции, т.е. наиболее часто повторяющиеся реакции на предложенный стимул, так и периферийные реакции, отражающие личный опыт испытуемых. Полученные в ходе эксперимента реакции можно условно разделить на стереотипные и индивидуальные. Большую часть ассоциатов составляют «обычные стереотипные реакции», свойственные определенной возрастной группе, хотя есть небольшой процент так называемых «высокостереотипных реакций». Индивидуальные реакции, полученные от конкретных индивидов, дают представление об индивидуальном ассоциативном поле. Реакции, полученные в ходе эксперимента в некоем коллективе, позволяют говорить о коллективном ассоциативном поле, обладающем определенной спецификой (возрастной, гендерной, национальной). Как индивидуальные, так и стереотипные реакции представляют собой огромный интерес для исследователя, поскольку эмпирически выявленная незакрытость ассоциативного поля (Клименко А.П.: 25] (появление новых ассоциаций, обусловленное притоком новых испытуемых), свидетельствует о развитии и даже изменении (с течением времени) значения слов.

В данной статье мы рассматриваем не все полученные реакции, а только наиболее частотные из них, те, которые входят в ядро ассоциативного поля «*moral values*», поскольку именно их анализ позволит получить наиболее четкое представление о динамике тематики вербальных ассоциаций поля и об изменении выбора ассоциативных стратегий.

В ходе анализа результатов эксперимента нами были замечены различные виды отношений, связывающие стимул и реакции в ассоциативном поле «*moral values*». В настоящий момент общепризнанными могут считаться следующие классы ассоциаций:

1. фонетические ассоциации: налицо созвучие между стимулом и реакцией, а семантическое обоснование ассоциации не выражено или выражено очень слабо;

2. среди словообразовательных ассоциаций выделяют два подтипа:

а) морфемно-образовательные ассоциации: биномы основанные на единстве корня стимула и реакции, но не отражающие, как правило, четких и однообразных для разных слов семантических отношений между стимулом и реакцией;

в) словообразовательные ассоциации комбинаторного типа: реакция вместе со стимулом составляет целое слово;

3. парадигматические ассоциации: ассоциации отличаются от стимула не более, чем по одному семантическому признаку

(семантическому дифференциальному признаку, семантическому множителю и т.д.);

4. синтагматические ассоциации: реакция вместе со стимулом составляет подчинительное сочетание;

5. тематические ассоциации: ассоциат и стимул можно употребить в рамках тематически ограниченного контекста, либо в результате грамматического изменения слова-ассоциации или слова-стимула можно образовать грамматически отмеченное сочетание слов;

6. реминисцентные или цитатные ассоциации: перенос различного рода цитат (названий) из пословиц, песен, литературных произведений, кинофильмов;

7. чисто грамматические ассоциации: реакция является грамматической формой стимула. (Клименко А.П.: 62].

Однако, на наш взгляд, классификации должны быть подвергнуты не сами ассоциации, а связи, которые образуются между стимулом и реакцией. Исходя из этого, данную классификацию можно свести к двум видам ассоциаций, основывающимся на соответствующем виде связи между стимулом и реакцией: грамматически не связанные ассоциативные биномы и грамматически связанные ассоциативные биномы.

К грамматически не связанным ассоциативным биномам относятся парадигматические ассоциации, разновидностью которых являются чисто грамматические ассоциации. К грамматически связанным ассоциативным биномам относятся синтагматические ассоциации. Некоторые виды реакций распределяются между обоими этими типами. Это тематические, реминисцентные (или цитатные), фонетические и словообразовательные ассоциации.

Анализируя реакции, полученные в ходе проведенного нами эксперимента, мы можем сказать, что в наших материалах ни фонетических, ни грамматических реакций не встретилось вообще, что свидетельствует о том, что респонденты достаточно серьезно подошли к предложенному им заданию и что по ходу реагирования их внимание не ослаблялось. (Уфимцева Н.В.: 240). В материалах эксперимента в чистом виде не встретилось также ни словообразовательных, ни парадигматических реакций. Это можно объяснить тем, что полученный материал был получен в результате реагирования на не совсем обычный, а своего рода «проблемный» стимул.

Во-первых, стимул «*moral values*» представляет собой абстрактное понятие, как правило, вызывающее гораздо большие затруднения в процессе ассоциирования, чем какое бы то ни было конкретное понятие. Во-вторых, данный стимул представлен в виде словосочетания, что также создает дополнительные сложности. Некоторые из испытуемых реагировали лишь на часть стимула. Поэтому в ассоциативное поле «*moral values*» вошли не только реакции, обозначающие «моральные ценности» (*love, trust, honesty, etc.*) но и ряд ассоциатов, относящихся к

более широкому понятию «духовные ценности» (*family, friends, etc.*). И это не удивительно, поскольку, как известно, несмотря на то, что все моральные ценности являются одновременно духовными ценностями, значительная часть духовных ценностей напрямую с моралью не связаны. Третьей сложностью нашего эксперимента может считаться то, что в качестве стимула испытуемым был представлен гипероним «*moral values*», который явился своеобразным ограничением реакций испытуемых. В большинстве случаев процесс ассоциирования сводился к попытке представить в анкете соответствующий гипонимический ряд. Исходя из вышеперечисленных особенностей все полученные в ходе эксперимента ассоциации, на наш взгляд, можно отнести к тематическим реакциям, раскрывающим семантический объем стимула «*moral values*». Поскольку, как уже было сказано выше, тематические реакции могут основываться на разных видах связей, они были разделены на две большие группы: группа 1 – грамматически не связанные ассоциативные биномы и группа 2 – грамматически связанные ассоциативные биномы

«Подростки»:

- группа 1 – *equality 6; trust 4; family 3; friendship 3; respect 3; friends 2; honesty 2; kindness 2; religion 2;*
- группа 2 – *don't steal 6; no stealing 3; be honest 2; doing the right thing 2; don't be racist 2; don't commit adultery 2; don't do drugs 2; honest 2; look out for one another 2; obey the law 2; treat people the way you would like to be treated 2;*
- реакция *good 2* может быть отнесена к обоим группам в зависимости от вкладываемого смысла: *благо* – группа 2; *хороший* – группа 1 (результат действия типичной для английского языка конверсии между частями речи, и, как следствие, возникающие трудности с отделением существительного от глагола, или существительного от прилагательного).

«Молодежь»

- группа 1 – *family 9; respect 5; love 4; religion 4; truth 4; belief 3; environment 3; friends 3; care 2; ethics 2; happiness 2; honesty 2; loyalty 2; standards 2; upstanding 2; right and wrong 2;*
- группа 2 – *don't steal 3; don't be racist 2; trust-worthy 2.*

«Взрослые»

- группа 1 – *trust 14; love 11; honesty 10; family 10; ethics 7; respect 6; religion 5; caring 4; friends 4; friendship 4; lies 4; loyalty 4; responsibility 4; wrong 4; compassion 3; conscience 3; education 3; honour 3; judgment 3; kindness 3; passion 3; personal 3; right 5; right*

and wrong 3; behavior 2; belief 2; Bible 2; boundaries 2; dedication 2; fairness 2; goodness 2; guidance 2; generosity 2; guilt 2; happiness 2; human rights 2; humanity 2; integrity 2; justice 2; law 2; moral fibre 2; morality 2; pride 2; spirituality 2; standards 2; strength 2; upbringing 2; purity 2; 10 commandments 2; society 2; truth 2; truthful 2.

- группа 2 – реакций нет;
- реакции *good 2* и *relative 2* могут быть отнесены к обеим группам в зависимости от вкладываемого смысла

«Взрослые +»

- группа 1 – *honesty 12; respect 6; integrity 5; loyalty 4; religion 4; charity 3; kindness 3; caring 2; ethics 2; honest 2; love of children 2; love of family 2; love of God 2; order 2; truth 2; truthful 2; truthfulness 2; sincere 2;*
- группа 2 – реакций нет

Соотношение количества грамматически связанных и не связанных ассоциативных биномов в эксперименте зависит от множества факторов, например, от частеречной принадлежности стимула (Клименко А.П. 1980: 406) от возраста усвоения стимула (Уфимцева Н.В. 2010: 240), от условий проведения эксперимента (Горошко Е.И.2002), и т.д. Однако именно возрастной фактор является наиболее значимым в выборе стратегии ассоциирования. В настоящее время исследователи активно занимаются изучением характера возрастной динамики вербальных ассоциаций (см. работы А.П. Клименко, Т.М.Рогожниковой, Т.Ю.Касаткиной, В.Е.Гольдина, А.П.Сдобновой, Е.И.Горошко и др.).

Как мы видим, количество грамматически не связанных ассоциативных биномов с возрастными изменениями испытуемых увеличивается. Если в группе «**Подростки**» оно составляет меньшинство по количеству реакций, то уже в группе «**Молодежь**» оно выходит на первое место, а в группах «**Взрослые**» и «**Взрослые +**» становится не просто лидирующей, а единственной ассоциативной стратегией. Любопытным, на наш взгляд, является тот факт, что в материалах нашего эксперимента встречаются лишь лексические синтагматические реакции (*писать – книга*) и не встречаются грамматические синтагматические реакции (*писать – книгу*) (Клименко А.П. 1980: 51). Это приводит к мысли, что ассоциативные связи устанавливаются совсем не на уровне словоформ. Мы считаем, что «при взаимодействии языковых и энциклопедических знаний человека ассоциативный процесс может идти по линии актуализации знаний об окружающем мире при некотором запаздывании в формально-грамматическом согласовании языковых единиц – стимула и реакции» (Залевская А.А. 1994: 10). В том случае, когда внимание

индивида сосредотачивается на значениях, а не на формах, вступающих в связи слов (что достигается только в результате специальной установки), основополагающим является содержательные основания для связи, а не наличие или отсутствие грамматической согласованности (Залевская А.А. 1994: 5-13).

Что же касается лексико-тематического состава анализируемого ассоциативного поля, то все опрошенные нами группы респондентов дали такие направления (темы) ассоциирования как **«Правила»**, **«Сообщества»**, **«Составляющие»** и **«Интегрирующие»**. В группу **«Правила»** были включены своеобразные императивы, которые предписывают поведение человека, имеющего представление о понятии *«моральные ценности»*. Группа **«Сообщества»** объединила некие коллективы, в которых действует понятие *«моральные ценности»*. Группа **«Составляющие»** вобрала в себя гипонимы, которые входят в более широкое понятие *«моральные ценности»* Группа **«Интегрирующие»** включила в себя более широкие понятия, чем предложенный стимул.

В группе **«Подростки»** реакции, составляющие ядро, не выходят за пределы вышеперечисленных тем:

«Правила»: *don't steal 6; no stealing 3; be honest 2; doing the right thing 2; don't be racist 2; don't commit adultery 2; don't do drugs 2; look out for one another 2; obey the law 2; treat people the way you would like to be treated 2;*

«Сообщества»: *family 3; friends 2;*

«Составляющие»: *equality 6; trust 4; friendship 3; respect 3; honesty 2; honest 2; kindness 2;*

«Интегрирующие»: *religion 2.*

В группе **«Молодежь»** тематическая направленность сохраняется, однако заметно меняется наполнение каждой из групп:

«Правила»: *don't steal 3; don't be racist 2;*

«Сообщества»: *family 9; friends 3; environment 3;*

«Составляющие»: *respect 5; love 4; truth 4; belief 3; care 2; happiness 2; honesty 2; loyalty 2; upstanding 2; trust-worthy 2; right and wrong 2;*

«Интегрирующие»: *religion 4; standards 2; ethics 2.*

Группа **«Взрослые»** характеризуется наличием следующих направлений в тематике ассоциирования:

«Правила»: перешла в группу **«Средства»**, в которую вошли процессы, посредством которых усваиваются различные правила;

«Сообщества»: *family 10; friends 4; society 2;*

«Составляющие»: *trust 14; love 11; honesty 10; respect 6; caring 4; friendship 4; lies 4; loyalty 4; responsibility 4; wrong 4; compassion 3; conscience 3; honour 3; kindness 3; passion 3; right 5; right and wrong 3; belief 2; fairness 2; goodness 2; generosity 2; guilt 2; happiness 2; humanity 2; integrity 2; justice 2; pride 2; purity 2; truth 2; truthful 2.*

«**Интегрирующие**»: *ethics 7; religion 5; judgment 3; personal 3; Bible 2; boundaries 2; guidance 2; dedication 2; strength 2; 10 commandments 2; human rights 2; law 2; moral fibre 2; morality 2; spirituality 2; standards 2;*

«**Средства**»: *education 3; behavior 2; upbringing 2;*

Группа «**Взрослые +**» представляет собой своеобразный экстракт из материала, представленного в группе «**Взрослые**». Тематический состав данной группы сохранил лишь следующие направления:

«**Составляющие**»: *honesty 12; respect 6; integrity 5; loyalty 4; kindness 3; caring 2; honest 2; love of children 2; love of family 2; love of God 2; truth 2; truthful 2; truthfulness 2; sincere 2;*

«**Интегрирующие**»: *religion 4; charity 3; ethics 2; order 2*

Таким образом, на возрастную динамику ассоциаций влияет множество факторов: изменения в освоении дискурса носителями языка, изменение их социального положения, позиции в социуме, расширение социального опыта. Но, несмотря на то, что языковое сознание испытуемых с течением времени подвергается изменению, как показал эксперимент, существуют стимулы, тематика реакций на которые практически не меняется с возрастом (хотя состав (наполнение) данных тематических групп претерпевает кардинальные изменения). Это связано с тем, что данные стимулы представляют собой некие культурные универсалии, усвоение которых происходит в определенном возрасте, а далее в течение всей жизни идет расширение и уточнение усвоенного значения. Тематика стереотипных (наиболее частотных) реакций с возрастом коренным образом не меняется. Все изменения затрагивают в основном периферийные реакции. Что же касается стратегии ассоциирования, то с возрастом происходит ее кардинальное изменение, которое выражается в преобладании в старших возрастных группах парадигматических реакций над синтагматическими. Это связано с тем, что основной задачей, которая ставится перед испытуемым в ходе эксперимента, является раскрытие значения слова. И хотя большинством исследователей признается, что нормой ассоциирования является именно синтагматическая реакция, понятие можно считать усвоенным, если большая часть ассоциаций являются парадигматическими.

Литература

- Горошко Е.И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента / Е.И. Горошко. – М., 2001 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.textology.ru/razdel.aspx?id=38>. – Дата доступа: 30.08.2011
- Жинкин Н. И. Механизмы речи / Н. И. Жинкин . – М.: Директмедиа Паблишинг, 2008. –1104 с.
- Залевская, А.А. Функциональная основа разграничения парадигматических и синтагматических связей при анализе материалов ассоциативных

- экспериментов / А.А. Залевская // Структурно-семантические исследования русского языка – Воронеж: ВГУ, 1994. – с.5-13.
- Клименко А.П. Проблема лексической системности в психолингвистическом освещении: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / А.П. Клименко. – Минск: МГПИИЯ, 1980. – 406 с.
- Леонтьев, А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания / А.А. Леонтьев. - М.: Наука, 1969. – 307 с.
- Реан А.А. Психология человека от рождения до смерти / А.А. Реан. – М: АСТ. – 2010. – 656 с.
- Уфимцева А.А. Лексическое значение. Принцип семиологического описания лексики / А.А. Уфимцева. – М.: URSS, 2010.- 240 с.

Mychajlo Maksymovyč helyesírásáról

In the history of the Ukrainian orthography the most complicated period was its last one: in the 18th and 19th centuries there were approximately 50 orthographic systems in use. They are classified by researchers into two groups: etymological and phonetic orthographies. So far Mychajlo Maksymovyč has been considered as one of the most important etymologists. This article shows the phonetic features of his orthographic system and tries to prove that Maksymovyč was not only an etymologist but he was also a distinguished figure of the phonetic orthography.

Keywords: Ukrainian language, etymological and phonetic orthography, 19th century

„Minden helyesírás nagymértékben hagyományos, minden egyes nép helyesírása nagyon lassan fejlődik, és nagyon lassan cseréli át ősi etimológiai-történeti vonásait fonetikusakra, s mindez ádáz és hosszú küzdelem után történik meg” – írja Ivan Ohijenko az ukrán irodalmi nyelv történetének szentelt monográfiájában (Ohijenko 2001: XVIII. 7 – itt és a továbbiakban: valamennyi fordítás jelen tanulmány szerzőjétől származik). Ez a harc a jellemző az ukrán ortográfia történetének utolsó, modern szakaszára, melyet Vasyl’ Nimčuk a legbonyolultabb periódusnak tart (Nimčuk 2004: 6). Ivan Franko már a XIX. században arról írt, hogy „az etimológia és fonetika érdekében folytatott harc két ellenséges táborra szakította amúgy is csekély számú olvasóközönségünket”. 1894-ben megjelent cikkének egy másik helyén pedig így fogalmazott: „ha egyszer valóban be lehetne bizonyítani, hogy az elemi csapások az úristentől erednek, akkor bátran kijelenthetnénk, hogy a legsúlyosabb elemi csapás, melyet a halicsi ukrán irodalomra küldött, az etimológia és fonetika közötti vita, sőt, harc” (Franko 1961: 22).

A *grazsdanka* megszületését követően a XVIII. és XIX. század folyamán közel 50 különféle helyesírási rendszer létezett. A legjelentősebbek egyike Mychajlo Maksymovyč műve (ITSZ [=Irodalomtudományi tanácsadó szótár] 1997: 568–569).

Maksymovyč rendszerét a szakirodalom rendszerint etimologikusnak tartja. Ahatanhel Kryms’kyj akadémikus az 1927. évi harkovi helyesírási konferencián a következőket mondta róla: „Ezt a helyesírást valójában Maksymovyč egyedi etimologikus helyesírásának kellene hívnunk. De azután egyszerűen «etimologikusnak» nevezték” (Kryms’kyj 2004: 402). (Érdekes mozzanat, hogy a harkovi konferencia idején Maksymovyč rendszere éppen száz esztendő volt: első alkalommal 1827-ben, egy ukrán dalgyűjtemény előszavában ismertette azt a szerző.) Hasonló véleményen volt az ukrán helyesírás-történet másik kiemelkedő ismerője, Ivan Ohijenko: „Sajnos, abban az időben M.

Maksymovyč, a nagy nyelvtudós állt a fonetikus helyesírás gyors uralomra jutásának útjában” (Ohijenko 2001: XVIII. 9). Nina Toc’ka pedig úgy fogalmaz, hogy M. Maksymovyč „a történeti-etimológiai elv megőrzése érdekében a fonetikai elvvel szemben” lépett fel (Toc’ka 1981: 179). Végül, a nemrégén napvilágot látott ukrán helyesírás-történeti szöveggyűjtemény szerkesztői azt jegyzik meg, hogy Maksymovyč – a már említett előszóban, majd 1841-ben, egy H. Kvitka-Osnov’janenkóhoz írott nyílt levélben – „elméletileg megalapozta és a gyakorlatban is bevezette a történeti-etimológiai elvű ukrán helyesírást” (UHTSZ [= Az ukrán helyesírás története a XVI–XX. században. Szöveggyűjtemény] 2004: 88). Ám úgy tűnik, valamennyi idézett értékeléssel szemben áll Ivan Frankónak az a megállapítása, mely szerint „saját helyesírási reformjában mind Maksymovyč, mind Kotljarevs’kyj, Hulak, Kvitka és Metlyns’kyj valójában a fonetikai elvre támaszkodott, azaz az élő nyelvből és annak szükségleteiből indult ki, nem pedig a holt betűből” (Franko 1961: 29). Az igazság kedvéért hozzá kell tennünk, hogy Kryms’kyj akadémikus szerint Maksymovyč nemcsak „megalapozta elméletileg a régi etimologikus helyesírást a XIX. század számára”, hanem „hozzá is igazította azt fonetikailag kiejtésünk minden árnyalatához” (Kryms’kyj 2004: 401). Az Irodalomtudományi tanácsadó szótár pedig – a tőle már idézettekén túl – még arról is ír, hogy „M. Maksymovyč olyan helyesírás létrehozására törekedett, mely megőrizte volna a szavak régi alakját, ám ugyanakkor lehetővé téve írásban az ukrán nyelvjárási sajátosságok visszaadását” (ITSZ 1997: 569). A 2004. évi szöveggyűjtemény kifejti: Maksymovyč „helyesírásának lényege az, hogy ne csak a kiejtést, hanem bizonyos hangok eredetét is tükrözze az írott alak, és őrizze meg a hagyományos írásmódot is” (UHTSZ 2004: 88). Mindebből az a következtetés vonható le, hogy ez az ortográfia egyszerre adja vissza a szó régi írásmódját, azaz az etimológiáját, valamint a fonetikai arculatát, a korabeli kiejtését is. Ha pedig ez így van, akkor fel kell tennünk a kérdést: végül is hová soroljuk Mychajlo Maksymovyčot? Az etimológusok vagy a fonetikusok közé?

Vitathatatlan tény, hogy Maksymovyč törekszik a szó etimológiájának visszaadására: megmaradnak nála az egykori redukált hangok jelei, továbbá a régi **и** és **ы** (сила, сынъ); az ukrán *i* hangot az a betű jelöli, amelyből keletkezett (снѣгъ, нѣсъ, привѣзь, замъжь stb.), de – a **ѣ** kivételével – az *i*-t visszaadó valamennyi betű fölött ugyanazt a jelet látjuk. Ez pedig a francia tipográfiából kölcsönvett ékezet (accent circonflexe, *dašok*). S ha valamely helyesírás az etimológiát tükrözi, az teljes joggal nevezhető etimologikusnak. De állíthatja-e azt bárki, hogy Maksymovyč ortográfiája ugyanilyen pontossággal ne adná vissza a korabeli kiejtést?

Véleményünk szerint egy helyesírás akkor fonetikus jellegű, ha benne valamennyi betű mindig csak egyféleképpen olvasható ki. A „fonetikusság” nem akkor sérül, ha egy hangot több betű jelöl (ez csak a rendszer bonyolultságával függ össze), hanem akkor, ha egyes betűket két- vagy többféleképpen is ki lehet olvasni. (Tagadhatatlan, hogy Maksymovyč ortográfiájának volt ilyen vonása: az *e* betű hol *e*-t, hol pedig *je*-t jelölt. Csakhogy hasonló következtelen-

séget a mai ukrán helyesírásban is találunk: az ún. jésített betűk olykor egy magánhangzót, máskor *j*+magánhangzós hangkapcsolatot adnak vissza. Bármi furcsa is, a fonetikai elvhez ebből a szempontból közelebb állt annak a középkori másolónak az úzusa, aki a **я** betűt csak szótag elején használta a *j+a* hangkapcsolat visszaadására, míg lágy mássalhangzó után az *a* jelölésére a kis *j*szhoz folyamodott.)

Térjünk vissza Maksymovyč rendszeréhez! Benne az „ukrán” *y*-t és az *i*-t egyaránt két betű adja vissza. Ám ez csak bonyolultabbá teszi a helyesírást (a **ѣ** fölösleges használatával együtt), de nem árt fonetikus jellegének: az **и** és **ы** betű *mindig* *y*-nek olvasandó, a *jaty* és a *dašok* pedig *mindig i* hangot jelöl. Mindaz pedig, ami a sor fölötti jel alatt található, csupán kiegészítő információ ennek az „új” hangnak a történetéről, ami a kiejtésre semmilyen hatással sincs, vagyis ez a kiegészítő információ még csak diakritikus jelnek sem tekinthető. Következésképpen Mychajlo Maksymovyč éppen annyira fonetikus is volt, mint amennyire etimologista.

Ivan Franko idézett tanulmánya azonban további kérdések sorát vetheti fel. Hol kell keresnünk a modern ukrán ortográfia kezdeteit: O. Pavlovs’kyjnál vagy korábban, már I. Kotljarevs’kyjnél? Milyen szerepet játszott a mai helyesírás kialakításában a Frankónál elismert A. Metlyns’kyj professzor? Tekintünk-e M. Drahomanov rendszerére úgy, mint a fonetikai elv érvényesülésének csúcására? Hiszen ő az ábécéjéből az összes jésített betűt elhagyta...

Irodalom

- Franko 1961 – Іван Франко: Етимологія і фонетика в южноруській літературі. *Хрестоматія матеріалів з історії української літературної мови. Частина II.* Упорядкував П.Д. Тимошенко. Київ, 1961, 22–37. (Reprint egy folyóirat-cikkről: Народ, № 13–15, 1894 p.)
- ITSZ 1997 – *Літературознавчий словник-довідник.* Київ, 1997.
- Kryms’kyj 2004 – Агатангел Кримський: Нарис історії українського правопису до 1927 року. *Історія українського правопису XVI–XX століття. Хрестоматія.* Упорядники: В.В. Німчук, Н.В. Пуряєва. Київ, 2004, 393–414.
- Nimčuk 2004 – Василь Німчук: Передне слово. *Історія українського правопису...*, 5–26.
- Ohijenko 2001 – Іван Огієнко: *Історія української літературної мови.* Київ, 2001. A könyv első kiadása: Winnipeg, 1949. A 2001. évi változat a www.litopys.org.ua/ohukr/ohu20.htm (2011.09.12.) web-oldalon olvasható. A rövidített hivatkozásban – oldalszám híján – a fejezet számát adjuk meg.
- Toc’ka 1981 – Н.І. Тоцька: *Сучасна українська літературна мова. Фонетика, орфоенія, графіка, орфографія.* Київ, 1981.
- UHTSZ 2004 – *Історія українського правопису...*

Лингвокультурные особенности систем русского и болгарского
речевого этикета и поведения

Linguacultural characteristics of the Russian and Bulgarian speech etiquette and behavior.

This article summarizes the experience of working with belarusian students who are studying Bulgarian language the field of learning the peculiarities of the speech etiquette and behavior.

Examining the Bulgarian speech etiquette in comparison with Russian and Belarusian makes the similarities and differences between them more evident.

Emphasis is made on the revelation of national specificity of the speech behavior. A wide range of linguistic material functioning in comparable scope of use is also provided in this article.

The conclusions that were drawn are valuable and predetermine the phenomenon of interference.

Keywords: speech etiquette, national peculiarity of speech behavior, rules of communication, patterns of linguistic communication.

В процессе развития каждый язык вырабатывает систему правил речевого поведения человека. Стереотипность коммуникативных формул отражает наличие набора повторяющихся ситуаций общения, требующих регламентирования вербального и невербального поведения участников. Появление устойчивых формул общения – социально детерминированная языковая функционально-семантическая универсалия. Это позволяет систематизировать разноплановые по выражению языковые единицы и говорить об их распределении в тематических группах (обращения, приветствия, извинение, приглашение, просьба, совет и т.д.). При сопоставлении систем речевого этикета обнаруживаются расхождения даже между близкородственными языками. Межкультурные различия надо учитывать при изучении иностранных языков, чтобы повысить языковую компетенцию обучающихся в целом и их коммуникативную компетенцию в частности. В практике обучения болгарскому языку, рассматривая болгарский речевой этикет на фоне русского и белорусского, удастся более четко показать сходства и различия между культурами, подчеркнуть национальную специфику правил вербального и невербального речевого поведения.

Уже на первых занятиях появляется необходимость решать вопросы, связанные с общением на новом языке: как обратиться к преподавателю, как представиться, как попросить разрешения (*выйти* или *войти*, задать вопрос, повторить сказанное). Выявляются различия в лексическом и

синтаксическом оформлении языковых единиц и факты межкультурной асимметрии. Как известно, у болгар не принято обращение по имени и отчеству. Двухкомпонентная формула официального наименования взрослых «имя + отчество» - удобна и привычна в общении на русском и белорусском языках. При изменении нюансов общения (ролевая симметрия) она может быть заменена обращением только по имени. Отчество у болгар в функции обращения используется только самостоятельно как заменитель фамилии, что обусловлено их однотипным суффиксальным оформлением (чаще всего на *-ов*, *-ев*; фамилии на *-ски* встречаются намного реже). Болгарская система обращений двухуровневая, переход к неофициальному обращению однонаправлен и зависит от степени сближения отношений коммуникантов. Представляется оправданным в русскоязычной среде не ломать устоявшиеся стереотипы, но при этом обратить внимание на существенные различия в данной сфере применения речевого этикета. Диалогический статус этикетных формул требует их включения в характерные для живого общения тематические ситуации (На вокзале, В ресторане, В магазине, В пункте обмена валюты). Усвоение речевых этикетных формул закрепляется в реальном общении с попеременным чередованием ролей адресанта и адресата. Анализ составленных самостоятельно диалогов на заданную тему позволяет проконтролировать готовность к адекватному использованию фразовых единств.

Интерес у изучающих болгарский язык вызывают некоторые национально-специфические особенности речевого поведения болгар: несоответствие общепринятым в Европе жестовым знакам «да» и «нет», частое сопровождение приветствия и прощания рукопожатиями (но уже с тенденцией уменьшения): показательно наличие сразу двух глаголов, представляющих жест: *ръкувам се*; *здрависвам се*); приемлемость употребления личных местоимений он, она, они (*той*, *тя*, *те*) при обозначении третьих лиц, присутствующих или участвующих в общем разговоре. Расхождения мимического кода выражения согласия и несогласия могут привести к коммуникативной неудаче. По этой причине оказавшимся в Болгарии иностранцам обычно путеводители рекомендуют дожидаться вербального ответа, а самим не злоупотреблять мимикой и жестами. В любом случае изучающему болгарский язык иностранцу мимо «кинестической аномалии» не пройти. В одном из учебников даже описана ситуация, в которой иностранец заходит в магазин и спрашивает продаются ли здесь зонтики, продавщица качает головой (*поклаща глава отрицателно*), он выходит и видит зонтики на витрине, возвращается и снова спрашивает. На этот раз продавщица отвечает ему словами, показывает товар, а иностранец вспоминает о том, что болгары покачивают головой не так, как все. Более детальное рассмотрение норм болгарского речевого этикета раскрывает множество других, не настолько

ярких, но не менее важных расхождений с принятыми в русском языке нормами:

Наличие межъязыковых омонимических единиц с совпадающей внутренней формой и несовпадающими значениями. Болгарская формула прощания *Сбогом* используется в ситуации расставания на длительный или неизвестный срок или навсегда. Болгарское языковое сознание воспринимает ее с известным оттенком архаичности и патетики. Функциональным русским эквивалентом скорее всего можно считать *Прощай(те)*. Русское *С Богом* связано с прощанием, но имеет дополнительную коннотацию «Желаю удачи! Пусть удача сопутствует тебе!». В то же время формально соответствующая русскому *Прощай(те)* болгарская формула *Прощавай(те)* обслуживает и ситуацию прощания и ситуацию извинения.

Различия в дистрибуции, узуальном употреблении и приоритетном статусе близких в плане выражения единиц. Привлекающая внимание адресата реплика *Будьте (так) добры* в болгарском речевом этикете имеет три равноправных варианта в зависимости от пола и количества людей, к которым обращаются: *Бъдете (така) добър* (или *добра*-ж.р., *добри* – мн.ч. или учтивая форма). Правила и русского, и болгарского этикета допускают применение этой формы вежливого обращения с последующим выражением просьбы или требования. Болгары, однако, связывают ее в большей степени с выражением настойчивого требования или недовольства поведением адресата и практически не используют ее в качестве универсальной формулы инициации общения. Пожелание – тост *Наздраве* употребляется болгарами за праздничным столом, но это может быть и реплика-пожелание чихнувшему. В русской языковой практике *На здоровье* чаще всего является реакцией хозяев на выражение благодарности гостей за угощение. Доминантной и стилистически нейтральной единицей приветствия у болгар выступает *Добър ден*. Формально соответствующее русской доминанте *Здравствуйте*, болгарское *Здравейте* употребляется в семейной среде, среди друзей и коллег по работе. Пожелание-прощание *Всичко хубаво* (Всего хорошего) вызывает ответную реплику *Благодаря, подобно!* (Спасибо. И вам такого же (желаю)).

Различия в лексическом и грамматическом оформлении функционально и семантически эквивалентных единиц. Часто встречающийся в русском этикете способ косвенного вопросительного выражения просьбы с негацией (*Вы не скажете, не могли бы мне сказать, Вам не трудно...?*) в дословном болгарском переводе воспринимается с недоумением, а интенция говорящего может быть истолкована и как настоятельное и навязчивое требование получить ответ. Болгары оформляют такие просьбы чаще всего при помощи конструкции с глагольной формой в условном наклонении: *Бихте ли ми казали....?*(букв. Вы могли бы мне сказать...?). Конкретная просьба-вопрос о времени в русском языке высказывается после другого косвенного этикетного вопроса (*Вы не скажете, который час?*). Вопрос-

инициация общения в болгарском языке может прозвучать так: *Имате ли часовник?* (У Вас есть часы?). Позиция говорящего – приоритетная, слушающий должен расшифровать его просьбу и отреагировать на нее. В своеобразном виде здесь отражено диалектическое взаимодействие принципов избыточности и экономии выразительных средств. Этикетные формулы такого типа совмещают в свернутом виде прямой и косвенный вопрос (*У Вас не будет (нет) лишнего билетика* и болг. *Да имате (случайно) повече билети?*). Подобным образом оформляют просьбу болгарские и русскоговорящие курильщики, но конкретное языковое наполнение фраз отличается: *У Вас не будет закурить?* (конкретный объект просьбы не назван) и *Имате ли огънче ?* (букв. У Вас есть огонек? – с метафорическим выражением объекта). Привязанность к ситуации позволяет без потери информативности подвергать этикетные формулы компрессии, доводящей их до однословности: *Огънче?*; *Търси се (билет)!* В последнем случае цель поиска представлена глаголом в страдательном залоге, а реальный субъект действия лексически не выражен (букв. Ищется). В ситуации извинения болгары используют единицы, созданные на основе глаголов совершенного и несовершенного вида: *Извинете!* и *Извинявайте!*; *Простете!* и *Прощавайте!* *Извинете* и *Прощавайте* функционируют к тому же и как вежливые обращения к незнакомому, после которых можно задать прямой вопрос: *Извинете, колко (Ви) е часът?* В речевом этикете обоих языков фигурирует формула с основой возвратного глагола: *Извиняюсь!* и *Извинявам се!* В силу грамматических особенностей болгарского языка она занимает самое низкое место в иерархии предпочтительности синонимического ряда (возможно буквальное прочтение: Я извиняю себя (сам)!). Два последних примера свидетельствуют о распространенности в речевом этикете формул, созданных на базе «отфразовых»(делокутивных) глаголов: болг. *Благодаря, Моля, Съжалявам, Радвам се*; русск. *Благодарю (Вас), Прошу, Сожалею*. Следует отметить различия в управлении при присоединении местоимений: *Благодаря Ви!*(дат. Падеж) и *Благодарю Вас!*(вин.пад.); *Простете ми!*(дат.п.) и *Простите меня!*(вин.п.).

Полисемия и конситуативная зависимость языкового знака. Лингвистами замечена определенная семантическая опустошенность формул этикета. Церемониальный характер их употребления часто приводит к угасанию или к импликации реального семантического содержания исходных глаголов. При изучении языка важно знать, какие из стандартных высказываний способны изменять свою интенциональную структуру и в каких ситуациях это происходит. Универсальная болгарская форма выражения просьбы *Моля* (Прошу), произнесенная с вопросительной интонацией, становится вежливым способом попросить собеседника повторить сказанное, а в редуцированном варианте *Моля, моля!* может выразить несогласие с чьим-либо высказыванием или действием. Подобную функцию в русском

этикетке приобретает форма извинения *Извините*. Негативный компонент в семантике выражающей несогласие единицы может быть подчеркнут включением экспрессивно окрашенной лексемы (частицы, междометия): *Ама моля Ви се!* (букв. Однако я умоляю Вас, не делайте так, я недоволен Вашим поведением). Этикетные приветствия в обоих языках приобретают вторичное значение: *Добър ден!* *Добро утро!* – это реплики выражения эмоциональной реакции удивления и недоумения по поводу высказанных, известных всем фактов, преподнесенных как что-то новое (в русском языке: *Здрасьте!* – приветствие или удивление-возражение, *Привет!* – приветствие, прощание или возражение). Изменение в лексическом составе стандартных речевых формул сигнализирует во многих случаях и о семантическом сдвиге. Эмоциональное переосмысление этикетной фразы в болгарском языке происходит обычно при включении в нее кратких дательных падежных форм личных местоимений: *(На) добър път!* (Счастливого (доброе) пути! и *Добър ти път!*(Убирайся с моих глаз, уходи! Скатертью дорога!); *(На) добър час!* (В добрый час! Ни пуха ни пера! Доброго пути! Счастливо!) и *На добър ти час!* (Скатертью дорога!); *Много здраве!* (Желаю крепкого здоровья!, а также форма передачи приветствия другим лицам через собеседника) и *Много ти здраве!* (Велика беда! Ну и черт с тобой! Уходи! Я не буду переживать из-за твоего ухода!).

Выбор подходящей формулы речевого этикета из синонимического ряда. По мнению известного исследователя речевого этикета Формановской Н.И. (Вы сказали: «Здравствуйте!», М., 1982; с. 95) все многообразие употребления частицы *пожалуйста* в русском языке можно свести к двум основным случаям: 1. выражение вежливой просьбы, предложения, совета, побуждения и 2. выражение согласия, разрешения что-либо сделать. *Пожалуйста* является регулярным лексическим средством для выражения вежливости говорящего к слушающему во всех императивных конструкциях. В подобных этикетных ситуациях болгарский язык располагает тремя единицами – соответствиями: *Моля!* *Заповядайте!*(букв. Приказывайте) и *Ако обичате*(букв. Если Вам угодно, Если Вам приятно). При выборе формулы учитывается гонорифический компонент (сема вежливости, категория вежливости, почтительности) В иерархии по степени вежливости первое, самое высокое место занимает форма *Ако обичате*, а третье – самая частотная *Моля*. Императивная глагольная форма *Заповядайте* (калька с турецкого *biuyunuz*) – единица, указывающая на приглашение к какому-либо действию: начать общение, войти, задать вопрос, высказать желание, взять что-либо, сесть, прийти еще раз. При этом само действие не называется, но подразумевается из контекста ситуации: - *Искам да Ви задам един въпрос.* – *Заповядайте (Моля)!* (-Хочу у Вас спросить.- Пожалуйста, я Вас слушаю, говорите). Возможно комбинирование этикетных выражений, повышающее степень вежливости: *Моля,*

заповядайте! (просьба-приглашение). Взаимозаменяемость в условиях сохранения разных стилистических коннотаций делает маловероятным сочетание формул *Моля* и *Ако обичате*.

Лакунарность в системах речевого этикета. Своеобразие болгарского речевого этикета в сопоставлении с русским особенно ярко проявляется в формулах, не имеющих эквивалентов. В процессе обучения семантизация таких коммуникативных единиц нуждается в лингвострановедческом комментарии. Прибывших издалека или пришедших гостей в Болгарии принято встречать приветствием: *Добре дошъл (дошла, дошли)!* Функциональный русский эквивалент *Добро пожаловать!* не содержит показателей рода и числа и в связи с этим не может самостоятельно представить характеристики адресата, а также не может отразить оппозицию официальное – неофициальное общение. Правила болгарского этикета требуют от другого участника сказать в ответ: *Добре заварил (-а, -и)* (букв. Хорошо застал(а), (и)) или *Добре намерил* (букв. Хорошо нашел (нашла, нашли)). Возможная ответная реплика в русском этикете: *Спасибо!* ситуативно не привязана к иницилирующей. Поздравление или пожелание по любому поводу болгарин может высказать, используя готовую синтаксическую схему. Обязательным компонентом являются имена прилагательные *приятен, честит* (в старом значении – счастливый, удачный), *лек* (легкий), согласуемые по роду и числу с обозначающим повод именем существительным: *Честита баня, Честит имен ден, Честита Баба Марта* (С первым днем марта, с началом весны), универсальна по своей функции формула *Честито* (русский аналог: *Поздравляю!*), *Лек ден, Лека ноц* (аналог русскому *Спокойной ночи*), *Приятна работа, почивка* (отдых), *разходка* (прогулка), *Приятен ден!* Болгарский язык создал даже специальный глагол *честитя* – поздравлять кого-либо в связи с радостным для него событием, праздником и существительное *честитка* – слова-поздравление или открытка, телеграмма, сообщение с такими словами. Не имеют соответствия также приветствия при встрече *Добра среща* и *Добра стига* (ответ застигнутого по пути на приветствие догнавшего). Жизнь вносит свои коррективы в перечень стандартизованных этикетных речевых средств, исчезают ситуации их породившие, они становятся анахронизмами. Изучение и инвентаризация таких формул интересно с точки зрения этнолингвистики и выявления специфики языковой картины мира народов. В большинстве случаев генезис, форма и содержание таких этикетных единиц национально своеобразны. К уже упоминавшемуся этикетному языковому оформлению встречи в пути добавим еще – *Помози Бог!* (к работающему человеку) и – *Дал Бог добро!* (ответ, который используется и как реакция на обычное приветствие *Добър ден*). Пример такого рода дан и в Толковом словаре Вл. Даля: *-Хлеб-соль!* (приветствие вошедшего в избу во время обеда) и ответ *-Просим!* или шуточный : *Ешь да свой!*. У болгар

формулой отмечен другой этап «трапезного» этикета – начало уборки стола: *Гостени бъдете!* (букв. Угощенными будьте!).

Национально-культурная специфика обращений. Обращение, как обязательное средство для привлечения внимания адресата общения имеет ярко выраженную специфику в разных культурах. Репертуар болгарского обращения шире и разнообразнее его русского коррелята. Кроме сохранившегося вокатива, этот вывод правомерен и в отношении не имеющих соответствий *обратных* и *членных* (артиклевых) обращений. Классический для болгарской литературы роман Ивана Вазова «*Под игото*» («Под игом») изобилует примерами употребления обращения *тавата*. Говорящим является отец (болг. *татко, тато*), а адресатами – его дети (без указания на их пол или количество). Интересно, что в белорусском переводе Вл. Анисковича лагуна заполняется ситуативно конкретизирующими единицами: *сынок, дачушка, дзеткі*. Генетически такие формы восходят к притяжательным именам прилагательным (*маминото, бабиното, чичовото, дядовото (дете)*), согласуемым с существительным среднего рода, обозначающим ребенка или с существительным с предлогом притежания *на*: *татковото момче - на татко момчето*. Подчеркивается особо близкая родственная связь участников речевого акта и выражается особое, ласковое отношение родителя к своим детям. В современном болгарском языке обратные обращения имеют несколько вариантов: 1. архаические родительно-дательные притяжательные формы: *баби, мамии, лели*; 2. общие формы – *леля, баба, дядо, татко, мама*; 3. вокативы – *мамо, бабо, лельо*. Вне конкретного речевого акта, обращения по степени родства не дают точную информацию о распределении ролей в коммуникации, точно так же, как и обращения с квазизначением, выражающие желаемое участником, но реально не существующее отношение между коммуникантами: напр. *приятел, приятелю, шефе* – к незнакомому, ласковое или ироничное *рожбо* (дитя мое), *моето момче* (мальчик мой) – обращение к себе или как эмфатический фамилиарный заменитель регулярной формы. Наличие особых форм номинации адресата следует интерпретировать как с позиции статусных характеристик говорящего, так и с точки зрения создания им благоприятных условий для вступления адресата в речевой акт («тональность общения», «проявление доброжелательности») с ожидаемым выполнением коммуникативной цели говорящего. Номинация адресата речи функционально связана с императивом и вокативом и сопровождает их. Она имеет национально-языковую специфику и является «культурно связанной».

Изучение особенностей речевого этикета и поведения в сопоставительном плане способствует усвоению правил и конвенций общения, принятых в иноязычном культурном социуме, предупреждает явления интерференции и «культурного шока», помогает усвоить необходимые для профессионально-языковой компетентности знания, навыки и умения.

О свойстве *динамичности* и *когерентности* интертекстуальной системы в классическом романе

The paper presents a short summary of the theoretical and methodological conclusions drawn by the author in her Russian monograph published on the intertextual poetics of Turgenev's first novel, *Rudin* (2008, St.-Petersburg, Academic project – Академический проект). The main points of focus here concern intertextuality defined as a *system of intertexts*; *intertextual coherence* and *text-connectedness*; the *dynamic* nature of the evolution of the intertextual system (*i.e. intertextual text dynamics*); *the development of the intertextual sjuzhet through the construction of motif transitions*. Textual argumentation taken from the novel is not given in detail here, it can be found in the monograph itself. The task of this paper is to indicate semantic processes and outline their poetic framework, pointing at some traits of the methodology of text analysis leading to the interpretation of the intertextual system of a “classical” (19th century-) literary work from the point of view of its historical-intertextual metapoetics. Among the components of this kind of metapoetics revealing itself in the historical-intertextual sjuzhet of the work, we can find expressions of the awareness of the text of the historic nature of its textuality in terms of characters, plot, motifs, metaphors, genre and modality.

Keywords: intertextual system, semantic reconstruction, text-coherence, intertextual sjuzhet, semantic transitions, intertextuality in terms of genre and modality.

Компоновка и развертывание интертекстуальной системы — семантическая реконструкция

В данном отрывке из нашей русскоязычной монографии, написанной о романе «Рудин»¹, приведем часть итоговых размышлений, воплощающих выводы о характере интертекстуальной системы тургеневского произведения.

Благодаря сочетанию интертекстов «Гамлет», «Дон-Кихот» и «Орфей» в межтекстовой системе «Рудина», во-первых, акцентируется тема *творческой свободы*, т. е. выдвигается на передний план семантическая разработка одной из главных тем романа; во-вторых, углубляется развертывание его жанровой поэтики: а) указываются и толкуются модальные, родовые аспекты жанра в плане авторефлексивных размышлений тургеневского произведения, б) в рамках рыцарских интертекстов интертексты «Орфей», «Дон-Кихот» и «Гамлет» согласованы и семантически упорядочены, представляя определенного

---

¹ Кроо 2008.

типа эволюцию рыцарской литературной (и литературно-культурной) парадигмы (в этом контексте обнаруживается неожиданная принадлежность «Гамлета» к данной парадигме); в-третьих, совместное присутствие в романе всех трех интертекстов усиливает проблематизацию *возможности продолжения (продолжаемости) и завершения (завершаемости) литературно-культурных дискурсов*. Эта проблема осмысливается не только в связи с отдельными текстами (см., как Орфей продолжает и завершает свое песнопение; как пишется вторая часть романа «Дон Кихот» после первой части; как продолжается начатая история в «Гамлете»), но и ставится в контекст *исторической эволюции определенных литературных («рыцарских») парадигм*. В этой перспективе поэтически актуальным становится вопрос: как продолжает и завершает (и завершает ли в определенном смысле) «Дон Кихот» или «Гамлет» разрабатывать аспекты поэтики (темы, образы героев, сюжеты, жанр, род, модальность и т. д.) текста «Орфея»? Тем самым, тургеневские интертексты «Орфей», «Дон Кихот» и «Гамлет» отражают и толкуют литературно-историческую эволюцию. Такая эволюция понимается не как развитие рядов, определение которых зафиксировано извне, а как развитие рядов, определяемых и интерпретируемых (т. е. комментируемых в плане поэтики) самим литературным произведением в рамках установленной им интертекстуальной системности.

Интертексты более расширенного круга также упорядочены. Сам роман в своей целостной межтекстовой системе выявляет семантическую природу этой согласованности, раскрывая разные аспекты кода когерентности, которая проявляется на разных уровнях смыслопорождения и текстоформирования. Упомянутая согласованность в каждом случае имеет характер динамического развертывания, а это значит, что соотношение, содействие интертекстов в разных планах оказывается *сюжетным* (в смысле процессуального развертывания хода смыслопорождения). Точнее, интертексты соотносятся друг с другом *не просто по принципу сходства или расхождения*. При оценке функции их смысловых интеракций главный вопрос состоит не в том, чтобы осознать и растолковать степень (тематических, сюжетных и т. д.) сходств или различий одного интертекста по сравнению с другим, и даже не в том, чтобы охарактеризовать параллелизм или расхождения интертекстов по сравнению с их источниками-претекстами. Центральный вопрос при оценке интертекстуальной системы романа Тургенева «Рудин» заключается в том, как можно интерпретировать последовательность сцеплений интертекстов *с точки зрения возникновения и развития интертекстуального сюжета в разных планах смыслопорождения*, т. е. следует решить вопрос о том, *как упорядочены эти интертексты в определенную сюжетную линию, которая вырисовывает некую семантическую историю*. Имеется в виду, прежде всего, та семантическая история, в которой заложена интерпретация претекстов (источников

интертекстов) с исторической точки зрения, т. е. с точки зрения истории литературы. Семантические процессы сочетания интертекстов освещают процесс осмысления претекстов, стоящих за этими интертекстами, в исторической перспективе. Другими словами, обнаружение принципов согласия и содействия интертекстов выдает определение той позиции, с которой текст созерцает и интерпретирует последовательную связь своих собственных претекстов в контексте истории литературы. Таким образом, в «Рудине» акцент перенесен на историческое осмысление литературы через интертекстуальную систему романа, а расхождения или сходства отдельных интертекстов или отдельных претекстов, кроющихся за ними, оцениваются прежде всего в этом литературно-историческом контексте. Такой контекст оказывается важен еще и потому, что он интерпретируется романом «Рудин» на уровне авторефлексивного мышления текста, т. е. служит неотъемлемым семантическим компонентом жанровой конструкции произведения и ее поэтического осмысления на уровне самоописания². При анализе тургеневского романа — подчеркиваем еще раз — важно не стремление выяснить проявляющиеся в нем сходства или различия с другими текстами, а возможность определить, установить особый литературно-исторический ряд, в котором можно созерцать и толковать претексты, обосновывающие интертекстуальные микромиры романа (претексты, перевоплощающиеся в эти микромиры). Тогда можно понять и то, как роман толкует свое место в указанном литературно-эволюционном ряду. Имеют значение не сходства и различия, важно само поэтическое установление литературного ряда, само определение эволюционной линии, фазы и компоненты которой иногда весьма неожиданным образом оцениваются в узком историческом контексте (как, например, «Гамлет» оказывается литературным потомком «Орфея» и т. д.).

Такая историческая перспектива³, которую роман создает благодаря своей интертекстуальной системе, в то же время обеспечивает возможность опознавания разных интертекстуальных инкарнаций образов определенных персонажей и их интертекстуальных сюжетных вариантов. Рудин является литературным персонажем, наделенным характеристикой как Орфея, так и героев поэм Байрона, а также Чацкого, Евгения Онегина и т. д. Но в перспективе исторического толкования, эти ролевые инкарнации не нагромождаются статично, нарастая при обрисовке образа Рудина, — в их семантической последовательности образуется

---

² Ср. Hutcheon 1977; (1980) 1984.

³ Историческая перспектива была разработана в книге Игоря Смирнова, рассматривающей принцип сочетания как минимум двух претекстов в интертекстуальном пространстве произведения. Наша попытка была ориентирована на изучение многокомпонентных интертекстуальных рядов с точки зрения их интертекстуально-сюжетной функции в «Рудине». Ср.: Смирнов 1985.

интертекстуальный сюжет (т. е. вырастают разветвления интертекстуального сюжета, точнее, интертекстуально-сюжетных ходов). Таким образом вырисовываются, например, межтекстовые сюжетные линии, расслаивающие монолитность интертекстуального сюжета как целого (сюжета, формирующегося в целостной межтекстовой системе романа), и все же, под историческим углом зрения, превращающие этот сюжет в семантически гармоничное целое. В это целое включается проблематика тем, сюжетов, образов героев, родов, модальностей и жанров. Среди прочих, такими интертекстуальными сюжетными ходами служат следующие: Орфей → Вечный жид → крестный рыцарь⁴ → Рудин-странник (ср. затем в «Дворянском гнезде» *лавру Лаврецкого*); Орфей-рыцарь → Ланселот в тележке / Ланселот Озерный → Дон Кихот → Чацкий → Евгений Онегин → Рудин; песни Орфея → любовная лирическая поэзия Овидия → песни труверов, трубадуров и миннезингеров → поэзия Петрарки → песни Чайльд-Гарольда → семантическая модель любовной лирики Онегина в «Евгении Онегине» Пушкина → песни Рудина; лирика Овидия → лирика трубадуров → средневековые лиро-эпические жанры (в том числе и придворный роман) → лирические и эпические инстанции в романе «Дон Кихот» → то же в поэме «Паломничество Чайльд-Гарольда» → поэмы Байрона → поэмы Пушкина → «Евгений Онегин» → «Рудин».

Такое расслоение интертекстуального материала, в результате которого формируются, помимо прочего, указанные семантические ряды в романе, может происходить не только благодаря тому, что между интертекстами устанавливаются значимые связи. Сочетание интертекстов открывает также возможность для реконструкции определенных семантических формаций и их толкования. В качестве примера можно привести ряд, в котором семантически упорядочены разные типы песен. Например, в тургеневском прозаическом тексте семантизируется мотив *орфеевой песни*. Этот смысл требует немалой степени семантической абстракции, ведь Рудин лишь в одной из своих интертекстуальных ролевых инкарнаций отождествляется с образом Орфея, и в его «песне» не цитируется песня Орфея из «Метаморфоз» Овидия. Тем не менее поэтичная речь Рудина и особенно его «Скандинавская легенда» приобретают в романе признак орфеевой песни. А раз рудинские высказывания в определенном прочтении семантизируются в качестве орфеевых песен, сам тургеневский текст интерпретируется в историческом контексте любовной поэзии Овидия, которая и ассоциируется с претекстом, с «Метаморфозами», по которому в «Рудине» создается интертекст «Орфей». С этим связывается другое интертекстуальное определение речи Рудина через культурный интертекст *fin'amor*, благодаря которому активизируется литературно-

---

⁴ Об интересных аспектах образа Вечного жиды см.: Felsenstein 1995: 60–61.

исторический контекст песен труверов и трубадуров. В этом контексте — и здесь повышается степень семантической отвлеченности соответственно тому, что поэтическая инспирация, ведущая к семантической реконструкции, усиливается — в интертекстуальной системе «Рудина» переосмыслиется имя Петрарки. Ведь имя Петрарки, выполняющее важнейшую роль в толковании творческого пути повествователя «Евгения Онегина», в литературно-историческом контексте указывает также на традицию поэзии *fin'amor*. Интертекст «Онегин», следовательно, и через имя Петрарки перекликается в «Рудине» с «рыцарскими» интертекстами, насаждая проблематику творческого созревания повествователя на поэтическую традицию, к которой принадлежит Петрарка. Благодаря этим смыслопорождающим процессам поэзия Петрарки становится очередным компонентом интертекстуального ряда. Он семантизирует литературно-исторический контекст «Рудина» по линии разных типов лирических песен и их моделирования. Возникает последовательность: песни Орфея → любовная лирическая поэзия Овидия → песни труверов и трубадуров → поэзия Петрарки. Раз установлен ряд типов лирических высказываний в литературно-историческом контексте, в смысловом пространстве тургеневского романа возрастает степень отвлеченности. Наряду с пушкинским романом в стихах и другими лирическими интертекстами, возникает ассоциация с «Паломничеством Чайльд-Гарольда» (далее: «Чайльд-Гарольд»). Она приводит к абстрактному мотиву песни Чайльд-Гарольда, подразумевающему определенную модель лирического дискурса. А «Чайльд-Гарольд» в качестве первичного интертекста в «Евгении Онегине», превращает лирические выражения душевных переживаний персонажей «Евгения Онегина» в составные элементы интертекстуальной системы «Рудина». В этой системе появляется отвлеченная идея модели любовной лирики Онегина в «Евгении Онегине», благодаря чему лирические высказывания Рудина поддаются толкованию и в этом контексте. В то же время в тургеневском романе в текстуальном виде не присутствуют ни поэзия *fin'amor*, ни стихи Петрарки или Чайльд-Гарольда. Они присутствуют там как семантические компоненты, ведь в результате сочетания интертекстов происходят процессы семантических реконструкций и абстрагирования. Благодаря этим процессам отвлеченной семантизации возникают и развиваются разные ветви интертекстуального сюжета.

Функция семантических переходов, переносов в развитии интертекстуального сюжета

Благодаря обнаруженным и представленным выше поэтическим принципам формирования и расширения интертекстуального

пространства «Рудина» и эволюции в нем интертекстуального сюжета, толкуемого нами также в качестве *литературно-исторического интертекстуального сюжета*, межтекстуальность романа следует интерпретировать как *семантически движущуюся, динамическую систему*. Именно в этом свойстве *динамичности* смыслопорождения и улавливается *сюжетность* интертекстуального пространства (ему и присуща *история* развертывания). Первым критерием формирования этой сюжетности служит сочетаемость интертекстов; вторым — упорядоченность их мотивов в разных семантических рядах. До сих пор мы приводили примеры авторефлексивной текстуальной упорядоченности некоторых мотивов в плане эволюции семантических рядов, связанных с жанровыми, родовыми, модальными исторически-поэтическими концепциями тургеневского романа. Мы подчеркивали смысловую отвлеченность закодированных в самом художественном тексте возможностей семантических реконструкций. Ниже мы постараемся выявить такие процессы мотивных переходов и переносов, которые приводят к смыслопорождению в других направлениях.

Один из таких процессов основан на интертекстуальном развитии мотивного круга *полета* с его многочисленными вариантами. В аллегории скандинавской легенды центральную позицию занимает *птица* в качестве метафоры *окрыленности* Рудина-Пегаса, вдохновенного поэта (трубадура—fin'amant-а—рыцаря—Чайльд-Гарольда—Чацкого—Онегина и т. д.) и в то же время крылатого коня, вдохновляющего других благодаря своей способности быть родоначальником, «родником» поэзии. Тем самым Рудин ассоциируется с источником Гиппокрены на горе Геликон, а также и с крылатым конем муз и самими поэтами, носителями вдохновения. Он в роли Пегаса и в то же время птицы скандинавской легенды сам «сыщет» свое гнездо, которое — в том числе и на фоне немецких литературных и философско-культурных отсылок — должно найтись в возвышенной сфере человеческих поисков и благородных чаяний души, метафоризированных в романе через тему любви со своими многосторонними сакральными коннотациями. *Поиски возвышенного* со смысловым оттенком *искупления* вместе с тем встраиваются в «Рудине» и в сюжетное изложение топоса *нисхождения*. Этот топос в интертекстуальной системе романа получает своеобразное поэтическое перевоплощение и такое нюансирование, которое содействует разработке жанровой проблематики текста. Это объясняется тем, что в ходе упомянутого перевоплощения топоса тема виновности и связанная с ней тема нисхождения (а потом искупления) и сигнализируются в разных видах мотива *змея*, относящихся к отдельным, но согласованным интертекстам «Рудина». И поскольку целостный интертекстуальный сюжет романа акцентирует акт искупления, снижение высокого полета крылатого коня-Рудина до медленного движения его «плохенькой рогожной кибитки, запряженной тройкой обывательских лошадей», в

«отдаленной губернии России» (ср. 351/23–27) не снимает смысл достижения цели человеческой жизни (согласно скандинавской легенде «птичка и во тьме не пропадет», и подобно ей и человек «в самой смерти найдет <...> свою жизнь, свое гнездо...», 270/2–6 — все это на фоне рыцарских интертекстов и в противоречии с прямым смыслом слов мужика, жалующегося на лошадей кибитки: «А *петь мы не можем*: мы не ямщики», 352/10–11)⁵.

Змея, исходный смысл которой в «Рудине» фиксируется значением мотива, в разных культурных представлениях сигнализирующего сюжет грехопадения, в поэтическом мире тургеневского романа семантически полностью определен смыслом связи некоторых его интертекстов. Изначальное, базовое значение мотива становится признаком *любви*, конкретнее, признаком основного семантического сюжета, характерного для *любви* (и ввиду ее тройного параллелизма — для *огня* и *путешествия/странствования*). О любви сообщается, что «то вползет она в сердце, как змея, то вдруг выскользнет из него вон...» (291/37–40). Толкование *любви* в свете процесса созревания интегрируется в мотивный круг *плода* и *плодотворности*, с его атрибутами *яблоны* и *сад*. *Сад–змея–яблоны* при девальвации смысла *рая* в иронической оценке Пигасова («стоит только повторять ей десять дней сряду, что у ней в устах рай, а в очах блаженство <...> и на одиннадцатый день она сама скажет, что у ней в устах рай и в очах блаженство, и полюбит вас», 311/4–9) однозначно проблематизируют смысл топоса *блаженства–рая–блаженного сада* (причем, проблематизируют его в модальных отношениях — ср. иронию Пигасова vs. возвышенность слов Рудина, и связанную с таким противопоставлением тематизацию комичности и трагичности любви, а в плане метажанровой рефлексии, тематизацию комического и трагического литературного дискурса любви). Таким образом топос перевоплощается в функциональный элемент постановки вопроса о возможности связанного с этим топосом изображения истории в тургеневском романе, перерастая в компонент жанрового мышления произведения. Своеобразие такого переписывания⁶

⁵ О мотиве *телега* см. в конце поэмы Пушкина «Цыганы». Ср. Жирмунский 1978: 84. О *телеге смерти* в связи со средневековым французским романом, а именно с Ланселотом, см.: Ruchner 1968: 75. Поскольку южные поэмы Пушкина (среди них особенно «Кавказский пленник»), так же, как и роман Кретьена де Труа «Рыцарь в тележке (Ланселот)» («Le Chevalier de la Charrette [Lancelot]») служат источниками интертекстов, возникающих в «Рудине», *телега* и варианты этого мотива имеют особую семантическую силу. *Телега* входит в рыцарскую смысловую линию «Рудина», т. е. согласована с образом поющего рыцаря-трубадура (Пегаса). Конь и рыцарь тесно связаны и в романе Кретьена де Труа. Ср.: Григорьева 1969.

⁶ Здесь применим термин Gérard Genette «palimpsestes», если иметь в виду, что письмо «поверх» старого текста на самом деле представляет собой акт

обеспечивается тем, что коннотированная *змеи* идея повторяется не в форме воспроизведения топоса, а в ироническом толковании романного героя (анти-Пегаса), слова которого в то же время подводят к одному из античных претекстов «Рудина». Ведь *змея* служит также сигналом изображения творческого пути Орфея, чья «жена молодая, / В сопровожденье наяд по зеленому лугу блуждая, — Мертвою пала, в пяди уязвленная зубом *змеиным*» (X/8–10). *Змея* в интертексте «Орфей», таким образом, продолжает разработку темы любви, но таким образом, что продолжается акцентирование в романе внутритекстового сочетания *любви* и *грехопадения*. Вместе с тем подчеркиваются и разные возможности изображения этого комплексного сюжета. Переплетаясь с представлением *иронизирующих* над раем слов Пигасова, интертекст «Орфей» наглядно выдвигает на передний план мотив *змея*, сигнал оплакивания Орфеем Эвридики и начала обновления *элегического* дискурса поэта. При этом в межтекстовой системе «Рудина» элегичность мироощущения и дискурса интерпретируется также через интертекст «Евгений Онегин», из которого в «Рудина» вводится мотив «змея»: «Кто чувствовал <...> Того *змея воспоминаний* <...> грызет» (339). Интертексты «Евгений Онегин» и «Орфей» маркированно образуют семантический контекст мотива *змея* в виде *сюжетных ходов воспоминания*. А воспоминание Натальи через мотив *пепел* (см. изображение сцены чтения письма Рудина) перекликается с воспоминанием повествователя «Евгения Онегина», и тем самым коннотирует весь сюжет творческого пути пушкинского повествователя. Он же на этом пути осмысляет и те формы лирического высказывания (напр., поэзию Петрарки), которые толкуются и в других интертекстах романа «Рудин». В ходе таких переплетений интертекстов смысл грехопадения перевоплощается в смысл *виновности поэзии*, если в ней нет стремления к возобновлению. Залогом возобновления оказывается память текста, культивируемая и художественно воплощаемая самой интертекстуальной поэтикой романа «Рудин». Вместе с тем, наряду с таким авторефлексивным толкованием сюжета грехопадения, тургеневский текст, а именно романский жанр, им представляемый, не может не сопоставить такие интертекстуальные фигуры «виновников», грех которых относится (первично) не к области искусства или поэзии. Субъекты грехопадения в ветхозаветном рае, Агасфер, Чайльд-Гарольд, Чацкий, Онегин и т. д. — все они имеют свои личные истории. Эти личные истории, упорядоченные в интертекстуальной системе «Рудина», приобретают сюжетный характер. Помимо их значения в авторефлексивном мышлении романного жанра,

---

переписывания, но к его смыслу можно подойти лишь в том случае, если уловить семантическую системность, в которую складываются разные акты переписывания. Ср.: Genette 1982.

они хранят свое непосредственное отношение к теме виновности Рудина, не отрываясь от событийного сюжета романа, его плана действия.

Последовательность проиллюстрированного выше переложения (переноса) интертекстуальных тематических мотивов и сюжетных линий путем перевоплощения их значения (нередко и на совсем ином уровне смыслопорождения) обеспечивает когерентность интертекстуального прочтения на разных уровнях построения текста.

Системность интертекстов

Вернемся к интертексту «Чайльд-Гарольд», а именно к тому его замыслу, который тесно связан с идеей нисхождения Орфея и с общелитературным и культурным топосом *katabasis*'а. Герой поэмы Байрона готов к нисхождению в подземный мир («And even for change of scene would seek the / shades below», I/VI). Ему, как и повествователю «Евгения Онегина», дана демоническая мысль (ср. «the demon Thought»⁷). Отпечаток опыта духовного нисхождения, определяемого как странствование-*pilgrimige* — в метафорическом смысле как *встреча с демоном*, — получает воплощение в песнях главного героя поэмы⁸. Этот герой, следовательно, в интертекстуальной системе «Рудина» отождествляется как тип поэта-Орфея. В поэме Байрона в то же время упомянут и Вечный жид: «It is that settled, ceaseless gloom / The fabled *Hebrew wanderer bore*»⁹. Образ Вечного жида в «Рудине» интерпретируется в ряду образов интертекстуальных персонажей-грешников (см. выше)¹⁰. Здесь важно напомнить, что «Паломничество Чайльд-Гарольда» («Чайльд-Гарольд») является первичным интертекстом в «Евгении Онегине». Интертекст «Онегин», возникающий в «Рудине», коннотирует образ *Вечного жида* и мотивы *нисхождение* и «демоническая мысль» благодаря тому, что они либо тематизируются, либо имплицитно семантизируются во внутритекстовом оформлении и в интертекстах

⁷ Canto I, *To Inez*, 6. Текст цитируется по изданию: Byron 1980–1981.

⁸ Ср.: «He seiz'd his harp, which he at times could string, / And strike, albeit with untaught melody, / When deem'd he no strange ear was listening» (I/XIII).

⁹ Canto I, *To Inez*, 5.

¹⁰ О «Легенде о Вечном жиде» в замыслах Пушкина, см.: Киселева 2000. Интерпретируя интертекст «Вечный жид» в «Рудине», следует учитывать ту традицию разработки темы, прослеживаемую в мировой литературе, которая коннотируется в интертекстуальной системе романа. Из байронической постановки темы Тургеневым принимается и в «Рудине» перевоплощается элегичная модальность оформления героя, в частности, так можно оценить меланхолию Рудина, атрибут, отмеченный также у образа Вечного жида в «Паломничестве...» Байрона. Об отражении легенды в литературе разных народов см., напр., Anderson 1965, Averincev 1988.

романа. Рассматривая процесс смыслопорождения с другого конца, можно установить, что интертекст («Чайльд-Гарольд») того произведения («Евгений Онегин»), которое в качестве источника-претекста ложится в основу интертекста, формирующегося в «Рудине» (т. е. интертекста «Евгений Онегин»), через некоторые свои мотивы (*Вечный жид, нисхождение, демоническая мысль* и т. д.) перекликается с другими интертекстами тургеневского романа, усиливая их семантические ориентиры (раскрывая некие возможности их толкования в романе). «Чайльд-Гарольд» через мотив *katabasis* подводит к интертексту «Орфей», а его мотив Вечного жида ведет к интертекстуальным фигурам грешников «Рудина». Таким образом, названные мотивы созвучны неким семантическим разветвлениям других интертекстов романа «Рудин». В указанной функции *семантического посредника* интертекст «Паломничество...» первичного интертекста «Рудина» («Евгения Онегина») раскрывает важный аспект соотносительности «Орфея» или «Вечного жида» с «Рудиным». С другой стороны, сочетание интертекстов «Орфей» и «Евгений Онегин» напоминает читателю о том, что в претексте романа в стихах Пушкина образ Вечного жида и мотив нисхождения также играют важную роль, и, следовательно, превращаются в заметные семантические компоненты интертекстуальной системы самого «Рудина». Образ и история Вечного жида и мотив нисхождения, а также сам текст, где содержатся эти элементы, в качестве интерпретанты¹¹ указывают на роль не только «Орфея» и «истории Вечного жида» в «Рудине», но и на то сверхзначение, которое раскрывается в «Онегине» через его место в целостной интертекстуальной системе «Рудина», интерпретируемой помимо прочего байронической интерпретантой. Интертексты последовательно переходят в интерпретанты и, образуя систему, освещают друг друга. Они сами предлагают объяснение семантической последовательности целостной интертекстуальной системы, проливая свет на ее природу. В этом процессе, как мы видели, первичную роль играют семантические мотивные переносы и переходы. В указанной выше нашей книге о «Рудине» мы ограничились рассмотрением мотивов *свобода, нисхождение и странствование*.

Разные этапы превращения интертекстов в интертекстуальные интерпретанты с функцией приведения в смысловое соответствие, т. е. в семантическую системность разнообразных интертекстуальных семантически-сюжетных ходов романа, порождают процесс развертывания целостного *интертекстуального сюжета* тургеневского произведения. Ограничиваясь приведенными выше примерами, мы можем проследить определенные фазы толкования, осуществленного

---

¹¹ Термин Michael'a Riffaterre'a. Для более полной картины концепции ученого, см. работы 1993; 1996a; 1996b; 1996c.

самим текстом через интертекстуальные интерпретанты. Выясняется, что образ Рудина-Орфея следует воспринимать как продолжателя традиции, связанной с поэзией трубадуров, и в контексте рыцарского романа. Но одновременно очевидно, что с *katabasis*'ом, семантически моделированным в орфеевых песнях Овидия, мы опять встречаемся в «Паломничестве...» Байрона, и он продолжен в изображениях судеб Чацкого и Онегина, прежде чем проявляется в романе Тургенева. Вместе с тем такой *katabasis* в истории культуры в равной мере связан с образом Орфея-Давида (еврейский культурный круг), с христианским толкованием Вечного жиды, с «крестными» рыцарями европейского средневековья, с перевоплощенными русскими «мучениками» романов Тургенева «Рудин» и «Дворянское гнездо». Образ Орфея-рыцаря заново предстает перед нами в интертексте «Дон Кихот» тургеневского романа, напоминая читателю историю поэтического завершения рыцарского романа как жанра. Это подчеркивается тем, что разнообразные интертексты «Рудина» постоянно ссылаются и на иные литературные произведения, имеющие отношение к куртуазно-«рыцарской» литературно-культурной парадигме. В качестве примера можно привести эпиграф к восьмой главе «Евгения Онегина» — к главе, которая имеет столь основополагающую роль в выстраивании интертекста «Евгений Онегин» в «Рудине». Строки, выбранные для эпиграфа, взяты из стихотворения Байрона «Fare Thee Well» из цикла «Domestic Pieces» (1816)¹². Само это стихотворение также имеет эпиграф. Он взят из произведения Кольриджа «Christabel», которое достаточно живо рисует «рыцарский» контекст¹³. Указанное стихотворение Байрона, коннотирующее «Christabel» Кольриджа, тематически тесно связано со стихотворением героя «Паломничества...» в *Canto I*, в котором он прощается со своей родиной¹⁴. Но речь идет не только о подобного рода

---

¹² См.: Лотман 1983: 335.

¹³ «O well, bright dame! may you command / The service of Sir Leoline; / And gladly our stout chivalry / Will he send forth and friends withal / To guide and guard you safe and free / Home to your noble father's hall.»; ср.: «in the dim forest / Thou heard'st a low moaning, / And found'st a bright lady, surpassing fair; And didst bring her home with thee in love and charity, / To shield her and shelter her from the damp air». Part I, Coleridge 1981.

¹⁴ Странствующий («vagrant») Чайльд-Гарольд получает следующую характеристику в дополнении (1813) к предисловию к первым двум *Canto* (1813): «it has been stated, that, besides the anachronism, he is very *unknightly*, as the times of the Knights were times of Love, Honour, and so forth». Здесь наглядно рисуется «рыцарский» контекст, хотя и в форме квази-отрицания. Ср. идею Ю. Н. Тынянова о том, что «соотносится произведение по тому или иному литературному ряду, в зависимости от „отступления“, от „дифференции“ именно по отношению к тому литературному ряду, по которому оно разносится». Тынянов 2002: 199.

тематических связях эксплицитных и действующих имплицитно, но выступающих в роли интерпретанты интертекстов. В той же мере важно и то, что жанровая традиция поэмы, в том числе и традиция, воплощенная в творчестве Байрона и Кольриджа, в качестве инспирирующего источника имеет *балладу*¹⁵. А ведь *баллада* является жанровым сигналом поэзии Рудина, который читает скандинавскую легенду, а в метафорическом прочтении является автором стихотворения «Erlkönig» Гете, основанного на датской балладе. Следует упомянуть и жанровое определение произведения Байрона, «A Romaunt», которое причисляет текст к типу средневековой наррации в стихах¹⁶. Таким образом, с «рыцарской» поэтической парадигмой неразрывна жанровая проблематика поэмы, наррации в стихах. Содержание «Чайльд-Гарольда», имплицитного интертекста романа «Рудин», в качестве интертекстуальной интерпретанты, таким образом, освещает жанровую связь всех тех интертекстов (первичных или же вводимых через опосредование, вторичных), которые обладают формой наррации в стихах (от песен Орфея через поэмы Байрона и Пушкина до «Евгения Онегина»). Рыцарская парадигма опять-таки осмысливается с точки зрения поэтики жанра.

В разные моменты подробного анализа текста романа Тургенева мы уже приводили немало аргументов в пользу того, что в «Рудине» образ Орфея приобретает семантически весомую позицию. Дополнительно следует указать на то, что и в «Паломничестве...» Байрон не может обойтись не только без упоминания рыцарей и трубадуров, но также и без выделения образа Овидия, с чьими песнями он открыто сопоставляет лирику трубадуров¹⁷. И читая «Рудина» с оглядкой на интертекст «Чайльд-Гарольд», или, наоборот, байроновский претекст с учетом тургеневского романа, обращающегося к претексту, как к источнику своего интертекста, вполне естественным становится появление у Байрона имени Ланселота: «By the by, I fear, that sir Tristrem and Sir Lancelot were no better than they should be, although very poetical personages and true knights „sans peur”, though not „sans reproche”»¹⁸. Таким образом возникает необходимость заново перечитать роман Тургенева «Рудин» с учетом «Паломничества». Однако, для того, чтобы в «Рудине» открылся интертекстуальный мир «Чайльд-Гарольда», роман Тургенева нуждается в интертексте-интерпретанте. В этой функции выступает «Евгений Онегин», он становится посредником в толковании, точнее, посредником в освещении толкования, который сам тургеневский роман

---

¹⁵ Ср.: Жирмунский 1978: 30.

¹⁶ Byron 1980, 2: 3.

¹⁷ Ср.: «The songs of the Troubadours were not more decent, and certainly were much less refined, than those of Ovid».

¹⁸ Byron 1980, 2: 3.

предлагает через свои интертексты. В результате в самом «Евгении Онегине» обнаруживаются такие рыцарские сюжетные линии, которые едва заметны вне интертекстуального контекста, в который Тургенев вовлекает роман Пушкина. В интертекстуальной системе «Рудина» интертексты открывают дверь в пространство не только другого интертекста, но и тех произведений, которые служат претекстами интертекстов тургеневского романа. Наблюдается процесс, в ходе которого интертексты постоянно переинтерпретируют друг друга, предоставляя семантическое объяснение появлению в произведении других интертекстов¹⁹.

Возвращаясь к жанровой установке интертекстуальной поэтики «Рудина», еще раз подчеркнем, что помимо тематического соположения интертекстуальных линий, в тургеневском романе происходит постоянная интерпретация смыслового мира интертекстов в освещении другими интертекстами с точки зрения оценки их жанровых, родовых, модальных аспектов. В этом отношении, помимо уже упомянутого сочетания куртуазной-«рыцарской» литературно-культурной парадигмы с проблематикой нарративности (в жанровом, родовом, модальном измерении) романа в стихах и *не*-романа в стихах, а также других форм лирических и эпических литературных высказываний, в центр осмысления жанровой поэтики ставится *литературно-историческая эволюционная линия лиро-эпических родовых источников «Рудина»*. Здесь релевантны оказываются, прежде всего, средневековые лиро-эпические жанры, поэмы Байрона и Пушкина и «Евгений Онегин». В ходе этого анализа в романе Тургенева выявляется тематический акцент на (творческой) *свободе*. Таким образом, авторефлексивному мышлению романа Тургенева не чуждо тематическое унифицирование (выделение общих для интертекстов — или для семантического определения этих же интертекстов — тем), аналогичное тому, что присутствует в таких интертекстуальных сюжетных ходах смыслопорождения, в которых нет установки на самоосознание романом собственной жанровой определенности.

Подчеркнем еще раз: тематическое и, шире, *семантическое унифицирование* интертекстов через темы, мотивы и семантически-сюжетные линии, совсем не означает простого уподобления или дифференцирования интертекстов, структурирования их сходств, или наоборот, расхождений. Речь идет о том, что интертекстуальная поэтика «Рудина» постоянно отмечает определенные семантические точки зрения, такие, что рассматривая с них роман, можно уловить динамично развертывающуюся семантическую системность, формирующуюся в интертекстуальном пространстве произведения. Эти многообразные

---

¹⁹ Вспомним, например, что К. Кедров указывает на донкихотовские черты, скрытые в «Евгении Онегине». Кедров 1974: 141.

точки зрения связаны между собой, обеспечивая связное прочтение тургеневского романа на разных уровнях, предлагающих не взаимоисключающие, а дополнительные друг к другу интерпретации. Разнообразные точки зрения накладывают семантическую структуру на интертекстуальную систему. Они превращают ее в осмысляемый, толкуемый поэтический материал. Они содействуют тому, чтобы тематические (мотивные, сюжетные) переносы могли быть интерпретированы в качестве многогранных семантических формаций, поддающихся толкованию в разных планах и измерениях смыслопорождения. Постоянные повторы и переосмысления этих интертекстуальных семантических формаций, этот непрекращающийся процесс толкования и перетолкования парадоксальным образом придает большую семантическую устойчивость тексту, чем изолируемые внутритекстовые семантические образования. Интертекстуальный сюжет не просто встраивается в роман: каждый важный семантический компонент романа с функциональной точки зрения имеет интертекстуальный характер. Интертекстуальность «Рудина» — это, в конечном итоге, принятие произведением Тургенева литературно-исторической точки зрения и перспективы, с которой и в которой роман может разглядеть собственную текстуальность. Такая точка зрения предлагает поэтическое осмысление имплицитной нарративизации истории литературы.

В этом и заключается историческая перспектива межтекстового сюжета. В исторически-интертекстуальной монографии о «Рудине», в которой мы пришли к теоретическим выводам, представляемым в настоящей статье, была предпринята попытка проследить хотя бы некоторые линии интертекстуально-семантического сюжета изучаемого романа. Основное поэтическое свойство литературного произведения нередко раскрывается и характеризуется тем, что именно в художественном плане перевоплощается и семантически систематизируется в его интертекстуальном мире. Межтекстовая поэтика произведения не ограничивается разработкой тем, персонажей и изображением определенных событийных разветвлений. Интертекстуальная поэтика выдает тайну процессуальности и связности динамического текстопорождения и его читательской рецепции. Такую динамическую связность художественного текста следует интерпретировать в рамках ее жанровой, родовой и модальной определенности с точки зрения истории литературы.

Литература

ГРИГОРЬЕВА А. Д. 1969. «Телега жизни» Пушкина и русская поэзия // Известия Академии наук СССР, Серия литературы и языка 28(3), 259–266.

- ЖИРМУНСКИЙ В. М. 1978. Байрон и Пушкин. Пушкин и западные литературы, Ленинград.
- КЕДРОВ К. 1974. «Евгений Онегин» в системе образов мировой литературы // Машинский С. (ред.) В мире Пушкина. Москва, 120–149.
- КРОО К. 2008. Интертекстуальная поэтика романа И. С. Тургенева «Рудин». Чтения по русской и европейской литературе. Санкт-Петербург, Академический проект, Издательство ДНК.
- ЛОТМАН Ю. М. 1983. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Ленинград.
- СМИРНОВ И. П. 1985. Порождение интертекста. (Элементы интертекстуального анализа с примерами творчества Б. Л. Пастернака) (Wiener Slawistischer Almanach Sonderband 17). Wien.
- ТЫНЯНОВ Ю. Н. 2002. О литературной эволюции // Тынянов Ю. Н. Литературная эволюция. Избранные труды. Москва, 189–204.
- ANDERSON G. 1965. The Legend of the Wandering Jew. Providence.
- AVERINCEV Sz. Sz. 1988. Ahasverus // Tokarev Sz. A. (chief ed.). Mitológiai Enciklopédia I–II. II. Budapest, 325–326. Fordította: Katona Erzsébet. (Токарев С. А. [глав. ред.] Мифы народов мира I–II. М., 1980–1982).
- BYRON Lord G. G. 1980–1981. The Complete Poetical Works 1–7 (1980–1993), 1–3. Ed. by J. J. McGann, Oxford, The Clarendon Press.
- COLERIDGE S. T. 1981. Verse and Prose, Moscow, 75–96.
- FELSENSTEIN F. 1995. Wandering Jew, Vagabond Jews // Gilman S. — Katz S. T. (eds.) Anti-Semitic Stereotypes. A Paradigm of Otherness in English Popular Culture, 1660–1830. (Johns Hopkins Jewish Studies). Baltimore–London, 58–89, 275–281.
- GENETTE G. 1982. Palimpsestes. La littérature au second degré. Paris.
- HUTCHEON L. 1977. Modes et formes du narcissisme littéraire // Poétique 29, 90–106.
- HUTCHEON L. 1984. Narcissistic Narrative. The Metafictional Paradox (1980). Reprint. New York–London.
- RIFFATERRE M. 1993. Fictional Truth. Second edition. Baltimore—London.
- RIFFATERRE M. 1996 (=1996a). Az intertextus nyoma // Helikon, 1996 (1–2), 67–81. Fordította: Sepsi Enikő.
- RIFFATERRE M. 1996 (=1996b). Szimbolikus rendszerek a narratívában // Thomka Beáta (szerk.). Narratívák 2. Történet és fikció. Budapest, 61–84. Fordította: Máthé Andrea.
- RIFFATERRE M. (1996) (= 1996c). A fikció tudattalanja // Thomka, Beáta (szerk.). Narratívák 2. Történet és fikció. Budapest, 85–104. Fordította: Gács Anna.
- RYCHNER J. 1968. Le sujet et la signification du «Chevalier de la Charrette». Vox Romanica 27, 50–76.

Модели изучения русского анекдота

Besides conventional mood of conversation, in human society there are non-conventional devices of communication as well. In verbal humour deviant tools of linguistic behaviour are frequented. Verbal humour is especially productive in the subdiscourse of contemporary Russian joke system opposed to the mainstream superdiscourse. In this article Russian joke is seen in terms of argument, emblematic text and metatext. For thorough investigation it is analyzed as pragmatolinguistic analyzer, organizer and manipulator of discourse.

Keywords: Verbal humour, Russian joke, text, metatext

1. Сущность русского анекдота

В жизни человека практикуется и такой способ коммуникации, в котором используется установка не на серьезное и конвенциональное, а на комическое и аномальное. Комический способ общения характеризуется намеренной **языковой аномалией**, широко используемой в **анекдоте**. **Анекдот** – это „краткий устный рассказ злободневного бытового или общественно-политического содержания с шутливой или сатирической окраской и неожиданной остроумной концовкой; своеобразная юмористическая, нередко гротескная притча; основной жанр современного, преимущественно городского, фольклора” (Кожевников, Николаев 1987: 28). **Русским анекдотом** признается нами анекдот на русском языке, неотъемлемыми компонентами которого выступают языковая игра и/или затекст русской культуры. Под **современным русским анекдотом** (РА) мы будем понимать русский анекдот второй половины XX-го и начала XXI-го века. РА отличается своей сложной, многоярусной системой, характеризующейся подвижностью, динамикой и взаимодействием.

Современная русская анекдотосистема представляет собой своеобразный **субдискурс**, протекающий в рамках общественного супердискурса. Этому субдискурсу свойственны первичность устной разновидности, длительный период подпольного характера (в случае политического РА), отражательная и полемическая функция. Последняя особо выделяется у советского политического анекдота.

2. Русский анекдот как спор

Официальный дискурс и комический субдискурс образуют два потока повествования, в котором второй оппонирует первому в оценке мира. Они вступают в отношение **тезиса** (утверждения) - **антитезиса**

(опровержения). Аксиологическая противоположность идей влечет за собой языковую противоположность: тезис реализуется в виде **нормы**, а антитезис – в виде **антинормы**. Комический эффект достигается не просто посредством нарушения языковой нормы. В комической тональности действуют закономерные отступления от языковых канонов, их правомерно называть **второй нормой**, которая регулирует работу комического общения.

Для антинормы РА характерна прагмалингвистическая сущность, основная задача которой заключается не всегда в раскрытии правды / истины, а в **дискредитации** тезиса и его автора. Для языкового арсенала антинормы характерна **синергия** – плодотворное сотрудничество элементарных прагмалингвистических механизмов. Прагмалингвистические механизмы РА в принципе однородны с механизмами таких жанров языкового воздействия, как тост, реклама, политическое выступление, (неладный) спор, языковая демагогия и т. п., между которыми разница заключается в форме и качестве языковой манипуляции.

Спор, по своему прототипическому определению, – это «словесное состязание, обсуждение чего-н., в котором каждый отстаивает свое мнение» (Ожегов, Шведова 1998: 757). *Идеографическими синонимами спора являются ссора, словесный поединок* и др. Слово «спор» имеет словесное окружение *шумный, оживленный, горячий, жаркий, ожесточенный, бурный, острый...*, он выступает в выражениях типа *разгорелся спор, в пылу спора, победить кого-н. в споре* и т. д. Видами спора являются спор для проверки, выяснения истины (идеальный вид спора), спор для убеждения противника (для какой-нибудь цели, во имя какого-нибудь интереса), спор, служащий определенным нужд (учений, религий, сект), спор-спорт (спор ради спора), спор-игра (спор-упражнение, например, в древней Греции) и т. п.

Спор проявляется в виде диалога, проводимом собеседниками по модели «за и против». В нашем случае, однако, анализируется более абстрактный спор, общественно-политического характера, протекающий на протяжении целой исторической эпохи. Участниками данного спора выступают власть имущие, с одной стороны, и народ, с другой. Высказывания власть имущих составляют устно-письменный монолог, распространяющийся по всем официальным каналам средств массовой информации. Официальный, политический, идеологический суперкурс рассчитан на молчаливое согласие народа. Образуя подпольный субдискурс, реплики фольклорного говорящего первоначально реализуются в устной форме. Они нацелены на критику, дискредитацию первого говорящего.

Например, анекдоты о Чапаеве критикуют те произведения искусства, в которых восхваляется советский строй. Для достижения своих аксиологических целей, уже в «революционном» цикле они

обыгрывают многозначность и омонимию. Они плавно переходят к абсурдному циклу. «Острие» анекдотов последнего типа лишь частично направлено против злодеяний власти. Они устремлены в философию, критикуя слабости (русского) человека. Их скриптовые оппозиции выделяются своей мягкостью и добродушием: абстиненция ↔ алкоголизм, нормальное ↔ абсурдное, осведомленность ↔ неграмотность, этикет ↔ секс, конвенциональное ↔ сексуальное.

3. Русский анекдот как прецедентный текст

Национальный юмор в виде «смеховой традиции народа» является неотъемлемым компонентом культуры языкового коллектива. Видное место в этой смеховой традиции занимает анекдот, юмористический фольклорный микротекст, хорошо известный носителям данного языка и культуры. В результате либерализации русского дискурса, подобно пословицам, поговоркам и крылатым выражениям, анекдот и/или его фрагменты стали широко употребляться не только в устном, но и письменном общении, не только в интимном разговоре, но и в литературных произведениях, а также в различных каналах масс-медиа (см. Лендвай, 2001).

Многослойная идиоматичность и прецедентность общественного дискурса, вызванная либерализацией языка, привела к необходимости в «кодопроницательных получателях текста», каковыми являются носители русского языка и культуры со средним или высшим образованием, постоянно проживающие в России, и каковыми иностранные студенты-русисты старших курсов могут стать лишь в результате специальной прагмалингвистической (лингвострановедческой) подготовки.

Прецедентный текст представляет собой «текст, хорошо известный широкому окружению данной [языковой] личности, включая ее предшественников и современников». (...) «Мы рассматриваем прецедентный текст как вершину пирамиды. За каждым прецедентным текстом – в корпусе пирамиды – обнаруживается исходный текст или ситуация, описание которой также являет собой текст. Вершина пирамиды – свернутый текст, ставший принадлежностью языковой системы. Свернутый (или прецедентный) текст – единица осмысления человеческих жизненных ценностей сквозь призму языка с помощью культурной памяти. Значение такой единицы есть репрезентация какого-либо культурно значимого текста» (Костомаров, Бурвикова 1996: 297).

Вышеупомянутые два дискурса порождаются ради воздействия на слушающего / читателя. Перлокутивные воздействия двух говорящих носят диаметрально противоположный характер. То, что утверждается супердискурсом, непременно опровергается субдискурсом. О сущности данной ситуации Михаил Мишин пишет: «А допустим, имеет перед собой

некий народ окружающую действительность, и, допустим, не нравится она ему. Теория такое допускает. А у этого, допустим, народа есть чувство юмора. Теория и это допускает. И вот, когда с помощью упомянутого чувства юмора народ переваривает эту поганую действительность, то на выходе получается побочный, а иногда и конечный продукт. Каковой продукт большие ученые типа меня называют политическим анекдотом» (Мишин 2002: 25).

В таком „диалоге” прецедентными текстами становятся эмблематические высказывания типа ленинской формулы *Коммунизм – это есть советская власть плюс электрификация всей страны* (см. Фелицына, Прохоров 1988: 196) и анекдоты – *Что такое электрификация всей страны? – Это коммунизм минус советская власть; Советская власть = коммунизм минус электрификация* (Борев 1996: 16); – *Как изменили ленинскую формулу коммунизма в начале 60-х годов? – Коммунизм – это советская власть плюс кукурузация всей страны* (СПА 1993: 4). Итак, политика и анекдот представляют как бы полюса дуальной оппозиции. Политический анекдот – это оружие народного смеха против государственной серьезности.

4. Русский анекдот как метатекст

В деятельности метаязыка нами выделены анализирующая, организующая и манипулирующая функции. Вербальный юмор наиболее продуктивен в манипулирующей функции. В традиционном понимании **анализирующая функция** языка нацелена на семантизацию и правила использования языковых средств. В более широком плане, такую функцию выполняют все лингвистические словари и энциклопедии. Анализирующая функция языка также проявляется в грамматиках и учебниках родного языка и иностранных языков. То же самое можно сказать о лингвистических, лингводидактических статьях и монографиях.

Металингвистическая функция языка проявляется и в системе русских анекдотов, в которых часто выступают **нестандартные дефиниции** социально-политически значимых лексических единиц: – *Что такое КПСС? – Это набор глухих согласных*. Намеренная языковая аномалия данного типа оспаривает правоту конвенционального толкования лексемы. Здесь метатекст проявляется в двух плоскостях. Во-первых, аббревиатура толкуется в терминах фонетики: *КПСС – 'это набор звуков, произносимых без участия голоса'*. Во-вторых, в силу многозначности слов *глухой* и *согласный*, реализуется второй смысл фразы *КПСС – 'это набор неотзывчивых людей, придерживающихся одинакового мнения [с руководителями Партии]'*. В результате металингвистических операций возникают три толкования одного знака, среди которых (б) и (в) выступают в роли вторичного метатекста: (а) *КПСС – это Коммунистическая партия Советского Союза*. (б) *КПСС –*

это набор звуков, произносимых без участия голоса. (в) КПСС – это набор неотзывчивых людей, которые придерживаются одинакового мнения [с руководителями Партии].

Организирующая функция метаязыка проявляется в ткани текста анекдота, в которой размещены собственно текст и метатекст, см. фрагменты комического метатекста-диалога типа *спрашивает...*, *говорит...*, *звонит ...* и т. п. Метатекстовая специфика русского анекдота состоит в **манипуляции** всеми уровнями языка ради создания юмористического эффекта, функция которого заключается в критике превратностей существующего мира (метаязык обыгрывает язык). При этом речевые действия говорящего, разбирающие феномен языка, весьма разнообразны:

Обыгрывание толкования слова: *Что такое перестройка? – Это та же сексуальная революция! – Как это? – Ну, когда наверху уже не могут, а внизу – не хотят. (Посвежинный 1993: 155; Что такое черная икра? – Вкусный и полезный продукт, которым питается народ устами своих лучших представителей. (Петросян 1999: 69); Что такое муж? – Это заместитель любовника по хозяйственной части (Петросян 1999: 74).*

Вербальный юмор создает **вторичные толкования** концептов типа *сексуальная революция*, *черная икра*, *муж* и т. д., отрицающие состоятельность стандартных дефиниций. Таким образом между вторичными и конвенциональными понятиями осуществляется **анафорическая связь**. В этих анекдотах главной мишенью комического выступают политический строй и супружеские отношения. Высказывания говорящего-острослова наносят четкие удары на слабые точки политического и нравственного облика человека. Опровергая конвенциональные толкования, нестандартные определения становятся металингвистическими единицами дискурса.

Обыгрывание мотивации наименования является частным случаем переосмысления ссылающимся на стандартные толкования обыденных артефактов. В этом его металингвистический характер. У острослова такое мыслительно-речевое поведение выступает в качестве творческого, игриво-критического отношения к языку и миру: – *Что такое мини-юбка? – Это такая маленькая юбка. – А миникомпьютер? Это такой маленький, карманный компьютер. – Тогда почему самый большой бардак называется министерство?* (Посвежинный 1993: 178); *Урок русского языка в грузинской школе. Учитель: – Запишите предложение. „Мущина сблизился с женицина в бане”. Разберите его по частям. Ну, вот ты, Гоги! – А чего тут разбирать! Женицина – подлежащее, мужчина – подлежащее, а баня – предлог! – Садись, Гоги, четыре. / Гоги выхватывает кинжал: – Пачиму четыре, пачиму нэ пять? – Патаму что баня в данном случае – нэ предлог, а местоимения* (Петросян 1999: 98).

Обыгрывание коннотативного значения лексем, служащих выражению эмоционально-экспрессивной окраски, является излюбленным приемом речевого комизма: *В отделе кадров: – Фамилия? – Рабинович. – Вас мы не возьмем. Вы все равно уедете. – Даже и не думаю. – Тем более не возьмем. Нам дураки не нужны.* (Петросян 1999: 77); *В отделе кадров: – Фамилия? – Рабинович. – Нет, не возьмем. – Да я же русский! – Тем более. С такой фамилией мы лучше еврея возьмем.* (Петросян 1999: 77); *– Рабинович, где вы работаете? – На железной дороге. – А много там наших? – Двое осталось: я и Шлагбаум* (СПА 1993: 42). Анекдоты данной группы используют стереотипическую еврейскую фамилию *Рабинович*. Персонаж с такой фамилией является героем множества еврейских анекдотов, отсюда яркая коннотация данной фамилии. В третьем примере функция стереотипической фамилии доводится до абсурда, что восходит к еврейским фамилиям немецкого происхождения. Вспомним еще анекдоты, извещающие нас о том, что якобы в Ленинграде конца 1980-х годов осталась всего одна еврейка – *Аврора Крейсер* или о еврее, желающем поехать на Северный полюс, потому что там живет *Айсберг*. Абсурдность в данном случае заключается в фонетической коннотации еврейских имен, фамилий, а также и нарицательных слов немецкого происхождения.

Обыгрывание фразеологического значения. Образность фразеологизмов восходит к двуплановости их семантической структуры, которой пользуется балагур или остролов в комическом субдискурсе. Каждый фразеологизм имеет прямой и переносный смыслы, ведущим из них служит второй компонент, ради которого фразеологизм выступает в конвенциональном общении. В смеховой культуре обыгрываются оба плана значения. При этом предпочтение отдается фразеологизмам с яркой образностью. Камуфляжный характер наблюдается у тех единиц, которые наделены маркированной идиоматичностью: *В период перестройки беседуют наш и иностранец. Иностранец спрашивает: – А что вы делали в годы застоя? – Валяли дурака. – Валяли, валяли, да так и не свалили, пока сам не умер.* (Посвежинный 1993: 153-154); *Крестьянин заходит в скобяную лавку: – У вас есть трехдюймовые гвозди? – Нет. – А пятидюймовые? – Тоже нет. – А какие есть? – Никаких нету. – Верно сказал товарищ Ленин: „революция и никаких гвоздей!”* (Посвежинный 1993: 168); *– Ты знаешь, Хаим, я дала маху! – Как? Мах уже давно уехал! – Да нет! Я потеряла три рубля! – Ой! Лучше бы ты дала Маху!* (Петросян 1999: 82). Фразеологизмы *валять дурака* (дурачиться), *никаких гвоздей* (несмотря ни на что), *дать маху* (допустить ошибку) идиоматичны в разной степени. Рассказчик анекдотов нашел контекст, одновременно актуализирующий конкретные соответствующие значения, см. абсурдное чтение *дать маху*: 'отдаться мужчине с именем Мах'. Таким образом, в финалах этих анекдотов мобилизованы политические, продовольственные и сексуальные скрипты.

Обыгрывание морфологических категорий сравнительно редко используется в роли главного смехообразующего механизма. В наших примерах активизированы аномалии в области склонения, глагольного спряжения, согласования и морфологического строения слова, см. каскад грамматических ошибок, что является типичным примером балагурства: *В кафе посетители говорят: – Одно кофе. Официант думает: „Что за некультурные люди!” Наконец, один говорит: – Один кофе. Радостный официант кидается было выполнять заказ, но посетитель ему вдогонку добавляет: – И адын булочка.* (Посвежинный 1993: 61); *Товарищ кадровик, вы принимаете на работу с фамилиями на „ич”? – Нет! – А на „зон”? – Еще чего! – А на „ко”? – Это – пожалуйста. – Коган! Иди сюда!* (СПА 1993: 42); [Генеральша у врача:] – *Доктор, у меня уши болят. – Вы жена генерала? – Да, а вы как узнали, по мехам? – Нет, по ухам* (Сметанин 1993: 48). Здесь уместно отметить, что в перечисленных примерах „неудачниками” оказались малообразованный носитель языка, „лицо с кавказским акцентом”, кадровик и жена генерала. Это свидетельствует о природе коннотации обыгрываемых языковых средств.

Обыгрывание категорий текста. В системе русского анекдота **зевгма** обычно реализуется в виде синтаксической конструкции, включающей два или более грамматически согласованных, но семантически несогласованных слов: *Правление колхоза обсуждает новый правительственный указ по сельскому хозяйству. – Ну вот, посеем мы сейчас на своих полях эти ананасы, а осенью что собирать будем? – спрашивает бригадир. – Как что! – отвечает председатель, – очередной пленум!* Ключевая функция анекдота принадлежит синтаксическим конструкциям *собирать урожай/ собирать пленум*. Подчиненные члены конструкции *урожай* и *пленум*, согласно глагольному управлению, стоят в форме винительного падежа. Идентичная форма служит "обманной упаковкой". Она создает видимость, будто и содержание идентично, тем самым на время скрывая остроту от слушающего. *Идет демонстрация в Москве, недалеко от Красной площади. Толпа пытается прорваться в Кремль. Колонны скандируют: „Мо-ло-то-ва! Мо-ло-то-ва!” Появляется с микрофоном Егор Лигачев и кричит: „Граждане! Молотова давно уже нет!” – Тогда давай в зернах!* (Посвежинный 1993: 67-68); – *Какие две системы не совместимы? – Социалистическая и нервная* (Посвежинный 1993: 87). Как видно, зевгматическая структура удачно скрывает семантическую разнородность под формально монолитной поверхностью. С ее помощью могут быть сформулированы остроловные содержания, от политического до балагурского.

Хиазм также влечет за собой аналогичную каламбурную форму: *Какая разница между "Правдой" и "Известиями"? – В "Правде" нет известий, а в "Известиях" нет правды.* Исходные нарицательные значения ключевых лексем "истина", "сообщения" послужили поводом для остроумно порочащей формулировки ведущих органов печати

советского государства. Многозначность и омонимия, проявляющиеся в лексемах "Правда" / правда, "Известия" / известия придают хиазму глубокое содержание, а хиазм обеспечивает критическую мысль своим поэтическим оформлением: *У писателя, произведение которого пошло на отзыв Фурцевой, спросили, не боится ли он министра культуры. – Я не боюсь министра культуры – ответил писатель, – я боюсь культуры министра.* (10000 анекдотов 2, 1991: 59). В примерах обнаруживается, что хиазм также предполагает использование многозначности или семантической импликации. Крестообразная структура придает хиазму некую элегантность и эстетическое преимущество.

Импликация, как она понимается в [Grice 1975], относится к феномену иносказания: человек говорит одно и имеет в виду другое. Подобного рода иносказание имеет свои конвенциональные правила. Импликации, используемые в вербальном юморе, как правило, являются окказиональными: *В медицинском институте профессор спрашивает студентку: – Какой орган у человека может увеличиться в четыре раза? – Хи! Хи! – Голубушка, я имел в виду печень, а ваше „хи-хи” – только в три раза* (Петросян 1999: 267). Смехообразующая импликация возникает на фоне стандартного (конвенционального) значения. Контекстуальное значение глагола *клеветать* имплицативно переходит в свою противоположность: возникает энантиосемия. В следующем анекдоте обыгрывается энантиосемия слова *опровержение*, актуальная функция которой заключается в разоблачении деятельности телеграфного агентства: *Из опровержений ТАСС: – Откуда можно узнать что, собственно, происходит в стране? – Из опровержений ТАССа; Сообщение ТАСС: „Вчера в Черном море столкнулась с айсбергом и затонула американская атомная подводная лодка. Команда айсберга награждена орденами и медалями”.* (Посвежинный 1993: 137)

В широком смысле **пресуппозиция** – это некоторое положение дел, по отношению к которому произносимое высказывание не является бессмысленным. В системе русских анекдотов большую роль играют ассоциативные пресуппозиции: *Сообщение ТАСС: "Вчера в районе Бермудского треугольника потерялась американская атомная подводная лодка. С нашей стороны потерь нет".* (Посвежинный 1993: 138); *Муж неожиданно возвращается домой. Жена распахивает окно и кричит любовнику: – Прыгай! – Ты что! Здесь же 13-й этаж! – Прыгай, сейчас не до суждений!* (там же 1993: 252).

Пресуппозиции и импликации тесно связаны с культурой и актуальными событиями дня. Незнание подобных актуальностей нередко лишают непосвященного собеседника адекватного восприятия комического сообщения.

Под **контаминацией текстов** понимается соединение фрагментов несогласуемых текстов: в невинный фрагмент вклинивается тенденциозный, который „засоряет” исходный текст. Функция этого

приема в возбуждении аллюзии на желаемую идею. В широком смысле этого термина все русские анекдоты есть виды аллюзии, ведь они всегда скрыто указывают на фоновые знания. Изображение данного смехообразующего механизма является преимуществом письменной разновидности анекдотосистемы. Адекватное восприятие „соли” требует начитанности в области данной темы. По этой причине можно сказать, что данный тип вербального юмора предпочитается „более интеллектуальным умом”: *Чукчу спросили, что дала чукотскому народу советская власть. – Оценю много, однако, дала... Раньше у чукчи было только два чувства: чувство голода и чувство холода. Теперь у чукчи целых три чувства: чувство голода, чувство холода и **чувство "глубокого морального удовлетворения..."*** (Посвежинный 1993: 150). В эпоху застоя официальная фраза **"чувство глубокого морального удовлетворения"** была устойчивым элементом пропаганды и ассоциировалась с определенными личностями из правящих кругов. Вклинивание этого прецедентного текста, казалось бы, в конвенциональный текст вызывает синдром „ложки дегтя в бочку меда”: *Конкурс на лучший политический анекдот в честь ленинского юбилея. 3-я премия - три года общего режима. 2-я премия - семь лет строгого режима плюс пять лет по ленинским местам. 1-я премия - встреча с юбиларом.; После принятия Горбачевым антиалкогольного Указа на Красную площадь вышла демонстрация трудящихся. Все скандировали: – **На красный террор ответим белой горячкой!*** (Посвежинный 1993: 158). Аллюзия и цитата соотносятся друг с другом как функция и средство. Цитата в данном случае скрытая. В советскую эпоху цитата использовалась прессой особенно интенсивно в целях воздействия на массы. Благодаря этому те или иные жанры письменной речи, см. лозунги, призывы, указы, траурные сообщения и т. п., „врезались в память” читателей.

Пародия языка реализуется в метатексте высшего уровня, ибо она указывает не на известные тексты, а на языковую систему. Особенно это наблюдается на **абсурдной стадии** сериала анекдотов „Штирлициады”. В следующих анекдотах контаминируются детали фильма «Семнадцать мгновений весны» и действительности. Вместе с тем, в этих анекдотах уже наблюдается отход от оригинальных тем и сближение с абсурдными сценариями. По мере абсурдизации усиливается **пародия языка**: *Штирлиц вытащил из сейфа записку Мюллера. Мюллер жалобно визжал и отбивался ногами; Штирлиц стоял на своем. Это была любимая пытка Мюллера. 3) Штирлиц и Мюллер стреляли по очереди. Очередь медленно таяла.* В этих амбивалентных конструкциях нетрудно четко различить конвенциональные и абсурдные толкования, создающие комический эффект, см. *вытащить записку кого*: вытащить документ / вытащить кого, взяв за половой орган; *стоять на своем*: твердо держаться своего мнения / стоять на своем половом органе;

стрелять по очереди: стрелять друг за другом / стрелять в ряд людей. Создавая абсурдные тексты, говорящий ставит перед собой цель исковеркать языковую норму ради комического эффекта. В этих анекдотах языковой status quo подвергается пересмотру, разрушается конвенциональная мотивация наименований, и создается фантастическая, которая открывает путь к построению нестандартных, нелепых ситуаций.

Постулат информативности („Сообщай что-то новое!”) предписывает оптимальную дозировку информации. Формы его нарушения в вербальном юморе: недостаточная, сверхдостаточная и пустая информация. В субдискурсе русского анекдота ответ на **Постулат ясности** („Говори однозначно!”) приобретает форму „Говори неоднозначно!” **Постулат связности** гласит „Не отклоняйся от исходной темы!”. Его антипостулат – «Отклоняйся от исходной темы!» В системе анекдотов **постулат истинности** („Говори правду!”) оборачивается в «Говори вымысел или полуправду!» В вербальном юморе нередко встречаются и случаи нарушения **принципа вежливости**: *Мужик пытается пролезть в автобус. – Пропустите меня, я с яйцами! – Все с яйцами! – Да нет, я с куриными! – Пропустите инвалида!* (нарушение принципа кооперативности); – *Послушайте, ну почему вы никогда не отвечаете на вопрос прямо? – А вы как думаете?* (нарушение постулата информативности); – *Слушай, ты не знаешь, чем кончилось то дело, когда судились еврей с армянином? – Прокурор получил 10 лет.* (нарушения постулата истинности).

В системе анекдотов обнаружены антипостулаты общения, другими словами, **законы анекдота**: закон **языковой девиации** (текст анекдота должен нарушать нормы конвенционального общения), закон **амбивалентности** (текст анекдота должен быть неоднозначным), закон **эллипсиса** (текст анекдота должен нарушать принцип коммуникативной достаточности), закон **гиперболы** (текст анекдота должен содержать элементы преувеличения), закон **несовместимых скриптов** (текст анекдота должен соединять прагмалингвистически несовместимые скрипты), закон **остранения** (перед пуантой несовместимые скрипты должны быть рядом без семантического соприкосновения), закон **пуанты** (соединение несовместимых скриптов должно состояться мгновенно и неожиданно), закон **имплицитного финала** (комический эффект должен состояться в результате инференции слушающего), закон **дискредитации** (текст анекдота должен высмеивать существующий мир).

Русский анекдот является многоликим речевым жанром, с особым успехом выступающим в функции **манипулятора** языком. Полностью раскрывать его многоплановый характер можно лишь через посредство моделей, показанных в этой статье.

Литература

- Кожевников В.М., Николаев П.А. (ред.) Литературный энциклопедический словарь. Москва Советская энциклопедия, 1987.
- Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Прецедентный текст как редуцированный дискурс. В сб. «Язык как творчество» (под ред. З.Ю. Петровой и Н.А. Фатеевой), М.: Институт русского языка РАН, 1996, 297- 302.
- Лендвай Э. Постулаты общения и вербальный юмор // Тезисы докладов и выступлений VI Международной научно-методической конференции „Современный русский язык: функционирование и проблемы преподавания”. Отв. ред. Л. Л. Вохмина. Будапешт: 2001, 33-34.
- Мишин М. Мишин и Мюллер. Московские Новости, 2002, №5, 5-10 февраля, 25.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. (ТСРЯ) 4-е издание, дополненное. Москва: Азбуковник, 1998.
- Grice P. Logic and conversation. // In: P. Cole and J. Vorgan: Syntax and Semantics, vol. 3: Speech Acts. New York: Academic Press, 1975, 41-58.

Источники

- Борев Ю.Б. XX век в преданиях и анекдотах. Книги пятая и шестая. Харьков: „Фолио”, Ростов-на-Дону: Феникс, 1996.
- Посвежинный Е. (ред., сост.) Анекдоты. Воронеж: Центральное-Черноземное книжное изд-во, 1993.
- Петросян Е. Евгений Петросян в стране анекдотов. Москва: ФАИР-ПРЕС, 1999.
- Советский политический анекдот. (Год, место издания не указаны.) Ass. Spectrum. "O". Tell. 4071/219. K/L. Hind.
- Фелицына В.П., Прохоров Ю.Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения. Лингвострановедческий словарь. Москва: Русский язык, 1988.
- 10000 анекдотов. (1991) Выпуск 1-2. Москва: "ДатаСтром".

Ой зійшла зоря вечорова...
*Думка об иконе Почаевской Богородицы
в повести А. Куприна «Олеся»*

The article analyses the characteristics of how Kuprin uses the stories about the Virgin Mary's icon „Pochaevskaya” in his short story called „Olesya”. The writer turns, instead of the Christian hagiography, to the folk song having the same topic. Kuprin reinterprets the siege of the Pochaev monastery by the Turks, and correlates it with the persecutions that Olesya and Manuyliha suffered.

Keywords: Kuprin, Olesya, literature, folklore, stories about icons, intertextual and intermedial relations

В знаменитой повести А.И. Куприна *Олеся* (1898) есть эпизод, связанный с иконой Почаевской Божией Матери. Рассказчик — Иван Тимофеевич — волею судьбы, как он выразился, был заброшен в Волынскую губернию, в Полесье. Там в селе Переброд он и встретил бедную девушку Олеся, которую вместе с ее бабушкой Мануйлихой считали колдуньей. Сюжет этой повести широко известен¹.

В двенадцатой главе рассказчик описывает праздник Пресвятой Троицы. Это как бы зарисовка народного быта. Народ ожидает приезда священника, поскольку Переброд — село приписное, т.е. своего постоянного священника у прихода нет, но на великие праздники из соседнего села прибывает священнослужитель. И тогда собираются крестьяне из соседних сел, и народу бывает много.

Проезжая через село, рассказчик увидел следующую картину: *Большая зеленая площадь, идущая от церкви до кабака, была сплошь занята длинными рядами телег, в которых с женами и детьми приехали на праздник крестьяне окрестных деревень... В тени забора густая кучка, человек в двадцать мужиков и баб, тесно обседа слепого лирника, и его дрожащий, гнусавый тенор, сопровождаемый звенящим монотонным жужжанием инструмента, резко выделялся из сплошного гула толпы. Еще издали услышал я знакомые слова "думки":*

*Ой зійшла зоря, тай вечирня
Над Почаевым стала.
Ой вышло вийско турецкое,*

---

¹ В 1956 году режиссер Андре Мишель снял фильм *Колдунья* по повести Куприна, с Мариной Влади в главной роли. Действие было перенесено из Полесья в Швецию, Олеся стала Ингой, Иван Тимофеевич — французом Лораном Брюларом, Мануйлиха — Майлой. Фильм пользовался огромным успехом.

В этой думе речь идет об осаде Почаевского монастыря в 1675 году. Песня широко известна до сих пор, благодаря обработке М.Д. Леонтовича (1877–1921), украинского композитора, дирижера и педагога, который прославился многочисленными обработками народных песен. У Леонтовича песня начинается немного по-другому: *Ой зійшла зоря вечорова* (см. Кузик 2005: 1).

Если обратиться к истории Почаевского монастыря или сказанию о Почаевской иконе Богородицы, то можно понять что речь идет об осаде монастыря турками и крымскими татарами в 1675 году. Именно тогда произошло самое известное и известное чудо. Соединенное войско представляло грозную силу. На Волыни были разрушены Збараж, Вышгород и Вишневец. Войско двинулось на Почаев. Стратегического значения Почаев не представлял, большинство строений в то время были деревянными, но отряд надеялся поживиться за счет монастырской казны. Три дня длилась осада монастыря — с 20 по 23 июля. Перед ожидавшимся решительным штурмом противника, монахи начали петь Акафист Пресвятой Богородице. Наступление началось. Когда осажденные запели *Взбранной воеводе победительная...* (первый кондак Акафиста), произошло чудо. Над монастырем в необычайном сиянии явилась Богородица, окруженная ангелами. Она раскинула белоснежный омофор над монастырем и церковью. Рядом с Богородицей стоял преподобный Иов Почаевский († 1651)². Турки продолжали стрелять из луков по монастырю, но стрелы необъяснимым образом возвращались назад и ранили наступающих. В войске началась паника, и оно отступило³. Так заканчивается широко известное сказание (см. Хойнацкий 1997: 242, 284–285; ср. Поселянин 2002: 331–334).

Но Куприн или его рассказчик приводит не церковное сказание, а народную легенду, думу, былину. *Дальше в этой думке рассказывается о том, — говорит Иван Тимофеевич, — как турки, не осилив Почаевской лавры⁴ приступом, порешили взять ее хитростью. С этой целью они послали, как будто бы в дар монастырю, огромную свечу, начиненную порохом. Привезли эту свечу на двенадцати парах волов, и обрадованные монахи уже хотели возжечь ее перед иконой Почаевской Божией Матери* (Куприн 1977: 321). Однако, Мать Божия охраняла свой монастырь, и иноки не успели зажечь свечу. Ночью случилось вот что:

---

² Во многих вариантах этого сказания Богородица является одна, без преп. Иова.

³ В память об этом чуде при монастыре был воздвигнут небольшой храм в честь Богородицы Победительницы.

⁴ В то время монастырь еще не был лаврой; таковой он стал в 1833 году.

*А приснилось старшему ттецу:
Той свичи не брати.
Вывезти ей в чистое поле,
Сокирами зрубати* (Куприн 1977: 321).

Насельники монастыря не стали размышлять о том, почему надо уничтожить свечу:

*Вывезли ей в чистое поле,
Сталы ей рубати,
Кули и патроны на вси стороны
Сталы — геть! — роскидати...* (Куприн 1977: 321).

Так замысел осаждавших провалился. Богородица разоблачила своеобразного «троянского коня», присланного в дар турками.

Этот эпизод так и остался бы бытовой и этнографической зарисовкой, если бы у него не было продолжения. Когда Иван Тимофеевич узнал, что после окончания Литургии прямо во дворе храма деревенские бабы хотели измазать Олесю дегтем за связь с ним, а потом побили и исцарапали, он взял коня и поскакал к ней, ведь ради него она пошла в церковь. *Невозможно описать того состояния, — говорит рассказчик, — в котором я находился в продолжение моей бешеной скачки. Минутами я совсем забывал, куда и зачем еду; оставалось только смутное сознание, что совершилось что-то непоправимое, нелепое и ужасное, — сознание, похожее на тяжелую беспричинную тревогу, овладевающую иногда в лихорадочном кошмаре человеком. И в то же время — как это странно! — у меня в голове не переставал дрожать, в такт с лошадиным топотом, гнусавый, разбитый голос слепого лирника:*

*Ой вышло вийско турецкое,
Як та черная хмара...* (Куприн 1977: 325)

Дальнейшее известно из повести. Рассказчик еще раз вернулся к «думке», и простое упоминание об осаде стало важным мотивом повести. Вероятно, рассказчик Куприна имел в виду своего рода «осаду», в которой находились Олеся и ее бабушка, а в качестве «черной хмары» турецкого войска выступили односельчане Олеси, которые не просто ненавидели ее и Мануйлиху, но преследовали их и угрожали смертью. Эта ненависть пала и на рассказчика, Ивана Тимофеевича. Так сказание о

чудотворной иконе — в его церковном и народном фольклорном вариантах — вписалось в повесть Куприна.⁵

Литература

- Кузик 2005* — Кузик В. Микола Дмитрович Леонтович. Біографічна довідка та творчий доробок // <http://www.composersukraine.org/index.php?id=124>
- Куприн 1977* — Куприн А.И. Рассказы и повести. М., Художественная литература, 1977.
- Поселянин 2002* — Поселянин Е. Сказания о чудотворных иконах Богоматери и Ея милостях роду человеческому. Т. I–II. Изд. Отдых христианина, М., 2002.
- Хойнацкий 1888* — Хойнацкий А.Ф., протоиерей. Православие на западе России в своих ближайших представителях или Патерик Волыно-Почаевский. Изд. Д.И. Преснова, М., 1888.

---

⁵ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Русская словесность и икона: проблемы интермедальности»), проект № 10-04-00016а.

László Hadrovics kao književni povjesničar
Cantilena u kontinuitetu pasija

Cantilena pro Sabatho is an epoch-making discovery which has significantly contributed to the picture of the early Croatian literature. Hadrovics's discovery is invaluable. The following paper presents the transformational evolution of the passion play genre in Croatia.

Keywords: László Hadrovics, *Cantilena pro Sabatho*, passion plays, early Croatian literature

László Hadrovics u svojoj preglednoj studiji o stanju mađarske južno-slavenske filologije nakon 1945. godine dao je i danas važeću, svakako pažnje vrijednu ocjenu: „...Mađari su glede tijeka njihovoga političkog i kulturnog razvoja u srodstvu s narodima s kojima žive u susjedstvu ili u državnoj zajednici, a poseban je značaj toga srodstva da se pokazao silom koja seže preko jezičnih granica. Prava slika o mađarskoj književnosti pokazuje se upravo u zasidranosti u tome rodbinstvu, u tome dolazi do punoga izražaja njezina domaća funkcija, i u tome zajedništvu se ispoljavaju njezine europske vrijednosti.“ (Hadrovics 1970: 270). Do te spoznaje je došla mlada generacija mađarskih znanstvenika – to opet Hadrovics naglašava – koja je u razdoblju nakon Trianona, tridesetih i četrdesetih godina 20. stoljeća, lansirala ideju o „novoj duhovnoj orijentaciji“. Prema Hadrovicsevoj ocjeni nova generacija koja je morala svoje snage podijeliti između filologije i lingvistike, na polju književne povijesti je uspjela uraditi samo neke detalje. Međutim kakve „detalje“! Ako samo Hadrovicseve „detalje“ uzmemo s hrvatskom tematikom, bez pretenzije na potpunost – od hrvatskih romana o Troji i Aleksandru pa sve do *Cantilene* – onda moramo kritički konstatirati da neki njegovi epohalni i evidentni znanstveni rezultati nisu integrirani u hrvatsku kroatistiku. Ovom prilikom – i zbog vlastitoga znanstvenog interesa – samo o jednome „detalju“ ću govoriti, o mjestu *Cantilene* u kontinuitetu pasija.

Dvojica nas, osnivači časopisa mađarskih Hrvata *Riječ* 1996. godine imali smo sreću napraviti posljednji intervju s Hadrovicsem, godinu dana prije njegove smrti. On je govorio i o *Cantileni*, sažeo je svoje najvažnije znanstvene rezultate o plaču i s ponešto jetkosti napomenuo da je u Hrvatskoj nastala epizodna rasprava o „primatu“ ovoga teksta, naime da bi ta pjesma bila najstariji latinicom ispisani pjesnički tekst, što on inače nikada nije ni tvrdio. Pošto je za mađarski časopis *Nagyvilág* sastavio kraći znanstveni tekst o plaču, učinio je i pravi, doista izvanredan umjetnički prijevod planctusa na mađarski jezik (Hadrovics 1983: 1544-1547). U razgovoru je o tome rekao : „To vam je bilo iz znanstvene i filološke znatiželje. Marijin plač sam zato preveo jer me je

jako interesirao. Znao, ta je pjesma čudnovata, tako je lijepo komponirana, na tako jednostavan način, na prostom jeziku napisana, ali pjesnički ipak snažna. Po svaku sam cijenu htio napraviti prijevod.“ (Lukač, Šokčević 1996: 12). Tih nekoliko rečenica zorno osvjetljava beletrističko nadahnuće filologa Hadrovicsa. Njegov umjetnički prijevod nije samo ilustracija, nego transponiranje i filološki temeljito obrađenoga teksta u onu mađarsku književnu i književno-povijesnu sredinu koja se diči srodnim tekstom iz 13. stoljeća (Ómagyar Mária-siralom).

Posljednji dani Isusova života, njegova mučenička smrt i uskrsnuće do dana današnjega velike su teme europskih književnosti. U europskoj književnoj recepciji pasije nazire se „spektakularni“ ravojni lûk na kojemu su se misaone komponente, vjersko-moralne i eshatološke konkluzije, dubina biblijske inspiracije te ontološka perspektiva mijenjali od stilske formacije do stilske formacije nejednakim ritmom, katkad konvergirali, katkad divergirali vladajućim sustavom književnih normi. Uz ovaj reflektivni tematsko-motivski presjek možemo zacrtati i žanrovski presjek, s obzirom na to da se pasija javlja u svim žanrovima i književnim vrstama. Istodobnim projiciranjem ovih dvaju mogućih pristupa lako možemo uvidjeti da se pasija kao misaoni i poetološki potencijal ravna prema horizontu očekivanja svakoga književnopovijesnog razdoblja kao bilo koja „dobra priča“ (Pataki 2003). Razlika je možda jedino u tome što u slučaju pasije prag osjeta i tolerancije filozofskog sustava dogmi zauzima često oprečne pozicije: kada podnosi da se „dobra priča“ udalji od sakralnih, u Svetom pismu kodiranih događaja, stavljajući u prvi plan lik bolne *majke*, te kada, upravo suprotno, zahtijeva provođenje istih.

Tema muke pojavljuje se u hrvatskoj književnosti već u njezinoj ranoj fazi, organski se ugrađuje u njezinu strukturu žanrova. Trajna prisutnost i neprestano vraćanje žanra temelje se na idejno-ideološkoj motivaciji i prirodi razvoja književnopovijesnih razdoblja. Riječ je, s jedne strane, o kršćanstvu koje je preko svojih institucija te rituala koji simboliziraju vječnost jamčilo opstojnost i trajnost tekstova, književnih žanrova koji su se vezali uz tu tradiciju i svjetonazor, a s druge strane o poznatoj spoznaji prirode razvoja književnopovijesnih razdoblja, prema kojoj svaka stilska formacija u početnoj fazi svoga razvoja negira idejne osnove i poetološki instrumentarij prethodne stilske formacije kako bi nakon toga uobličila vlastiti svjetonazor i njemu primjeren književno-tehnički instrumentarij.

Hrvatski lirski, narativni, dijaloški i dramski tekstovi u svojoj formalnoj i sadržajnoj realizaciji međusobno su genetski povezani. Tijekom višestoljetnog evolucijskog razvoja, od najjednostavnijih lirskih pjesama nastali su sve složeniji dramski tekstovi, a kada je taj razvoj dostigao svoj vrhunac, postali su se očitovati i znakovi nazadovanja, što nije značilo definitivno nestajanje književnoga žanra, nego su se putem novog transformacijskog i generativnog procesa počeli razvijati oblici i modeli kakvih je bilo i prije. Nastanku i obnovi žanra dobrim su dijelom pridonijele i umjetničke adaptacije pasije (Šimun Greblo, Marko Marulić, Mavro Vetranović, Matija Divković, Petar Knežević)

pa je zahvaljujući tome nastao novi poetološki potencijal koji je i *deformirao* unutarnju strukturu, likove, biblijske prizore i situacije.

U književnopovijesnoj valorizaciji pasionskih tekstova (plačeva, dijaloških plačeva, prikazanja) i danas vrijedi teza Franje Fanceva, prema kojoj je taj tip teksta „obuhvatio sve pokrajine i sve dijalekte u njihovu cjelokupnom prostranstvu od Istre preko hrvatskog i dalmatinskog primorja i otočja do Budve u jednu jedinstvenu književnu zajednicu“ (Fancev 1932: 3). Fancevljevu teoriju o kontinuitetu pasija, nastalu tridesetih godina prošloga stoljeća, prvi je osporavao Slobodan P. Novak (Novak 1985: 398-414). Premda će istraživači ove teme, napose Nikica Kolumbić, (Kolumbić 1994: 123) pripisati poseban značaj Novakovoj originalnoj tezi koja se temelji na dostignućima recentne međunarodne literature, struka je ipak ostala pri Fancevljevu stajalištu. Novak to naziva „kritičkim darvinizmom“ koji je u hrvatskoj kulturnoj i znanstvenoj sredini postao pravi specijalitet. Njegova stajališta o srednjovjekovnoj drami koja je izrasla iz pasionske tradicije u potpunosti se mogu primijeniti i u analizi plačeva, prema tome, i u analizi cijele pasionske tradicije. Prema Novaku, ne može se prihvatiti stajalište da su zagonetne, unutrašnje kreativne sile naroda oblikovale pasionsku tradiciju i imale ulogu u transformaciji tih tekstova. Angloamerička, germanska i romanska medievalistika u sedamdesetim godinama prošloga stoljeća prilično je oštro ismijala stajališta kroatistike o kontinuitetu srednjovjekovne hrvatske drame, o postojanju jedinstvene i stalne publike i tekstova - zapravo se može govoriti isključivo o diskontinuitetu (Novak 1985: 399). Novak dodaje: „Prije svega bit će potrebno da obustavimo govor o tome kako su drama i dramsko bili u nas postepeno uvedeni u narod preko religijske kulture koja da je u svom institucijskom vidu porodila ovaj teatar. Istina je upravo suprotna: Teatar je iz okružja institucije bio istjeran, a prva velika ideološka relativizacija u novijoj evropskoj povijesti, ona iz XII. stoljeća, podarila je ranije začetom alternativnom kazališnom govoru neslućeni prostor i stavila ga u sustav koji je s obzirom na kazališnu ambivalentnost bez usporedbe u čitavoj novijoj kazališnoj prošlosti. Sve što se dalje u religijskom kazalištu događalo imat će svog korijena izvan institucije moći i izvan njenog diskursa, pa će, kako pokazuje specifično dubrovački izostanak religijskog kazališta tematiziranog oko muke Isusove, biti ovaj teatar prirodnom stvari suprotstavljen i instituciji svjetovne moći koja je također u svom prostoru željela distribuirati prava na gledanje. Pilat u publici nije želio da se vidi na sceni, da se prepozna, a još je manje želio da ga prepoznaju!“ (Novak 1985: 409-410). Ta je ideološka relativizacija u potpunosti prestrukturirala cjelokupan europski vrijednosni sustav. Konceptija poniznosti i vertikalna etika očituju se u horizontalnom ključu. Čovjek svakodnevice, bez obzira na njegov društveni status, postao je akter zajedničke velike nebeske predstave. Lik Isusa simbolizira i individualnu i kolektivnu egzistenciju (Novak 1985: 407). Novakova radikalno nova teorija o diskontinuitetu stoga nije uspjela prevrednovati književnopovijesnu ocjenu tradicije hrvatskih pasija jer konkretni tekstovi, kao konstitutivni elementi ove

tradicije, zbog ponavljanja srodnih elemenata i kompozicijskih cjelina, svjedoče o njihovoj tijesnoj genetskoj srodnosti.

Najstabilnija jezgra pasionskih tekstova stroga je ritmička struktura: parno rimovani osmerac koji, prema Jausu, jamči kontinuitet toga žanra (Jaus 1970: 327-352). Noviji transformacijski oblici uvijek su i obvezno nastali isključivo dodavanjem ili oduzimanjem dvojnih parno rimovanih osmeraca. Stoga se zbog proširenja ili, upravo suprotno, redukcije sadržaja, u različitim književnopovijesnim razdobljima stvaraju različite mogućnosti interpretacije pasije. Jednom su u prvom planu sakralni, dogmatski sadržaji, drugi put, pak, lik majke, majčina bol.

Na temelju usporedbe identičnih stihova različitih pasionskih tekstova te na osnovi postojanja dijelova, scena, prizora u većim i duljim pasijskim tekstovima, koje nalazimo i u kraćim inačicama, jasno se nazire rodbinska povezanost, pa i transformacijski niz: od lirsko-narativnoga, preko dijaloškoga, dramaliziranoga, sve do dramskoga. Dunja Fališevac smatra da je iz pasionske lirike transformacijom nastala pasionska drama, koja kao vrhunac toga žanra u sustavu žanrova hrvatske srednjovjekovne književnosti predstavlja poseban rodovski oblik (Fališevac 2007: 63-75). Ona polazi od Jausove teze, prema kojoj „tamo gdje se još ne osjećaju osnovne razlike kao što su: određeno za praktičnu svrhu ili bez svrhe, didaktično ili fiktivno, imitacija ili originalnost, tradicionalnost ili individualnost koje od vremena emancipacije lijepih umjetnosti određuju naše razumijevanje književnosti – o njima se tamo i ne razmišlja – nema nikakva smisla služiti se trojnom diobom književnosti koja je nikla iz spomenute emancipacije te sve što se u to ne može uklopiti, a što čini veći dio srednjovjekovne književnosti, računati u problematičnu četvrtu 'vrstu književnosti', u didaktiku.“ (Jaus 2007: 328). Problematično pozicioniranje pasionske drame samo po sebi još ne znači da se ne može opisati i analizirati kao književni tekst. Dunja Fališevac upozorava – opet prema Jausu – da između srednjovjekovnih i suvremenih književnih rodova, žanrova i inih oblika ne postoji povijesni kontinuitet: „Književnost srednjeg vijeka može postati za nas nezamjenjivom paradigmom ne kao početak koji tek svojim od njega vrlo udaljenim krajem, tek razvijenom nacionalnom književnošću dobiva svoje značenje, nego kao primitivnost koja je značajna upravo po tome – primitivnost književnosti koja se na narodnim jezicima stvara nanovo, pa joj arhaički rodovi svjedoče o idealu i stvarnosti osebujnoga povijesnoga svijeta, u sebi zatvorena i politički i kulturno, te u toj književnosti nailazimo na elementarne strukture u kojima se očituje društvena i komunikativna funkcija književnosti.“ (Fališevac 2007: 65). Hrvatska pasionska drama, prema takvome shvaćanju, može se interpretirati „s pozicija strukturalističkog pristupa i s pozicija estetike recepcije“.

Mađarski književni povjesničar László Imre u svojoj opširnoj monografiji o oblicima postojanja žanrova u uvodu piše kako je i sam smatrao aksiomatičkim, što i većina književnih povjesničara prihvaća više desetljeća i što dosad nije bilo dokazano, naime, da određeni književni žanrovi niknu, cvatu i

nakon toga iščeznu. Ova shema zapravo ne predočava prave procese, ne kaže gotovo ništa o transmutaciji, miješanim oblicima, recipročnom razvoju žanrova te ostalim, za razumijevanje tih mehanizama važnim zakonima (Imre 1996: 11). Struktura književnih žanrova srednjega vijeka do dana današnjega nije dovoljno osvijetljena, naime, teorija žanrova temelji se dobrim dijelom na klasičnim književnim razdobljima. Svako književno djelo – prema tome i različiti pasionski tekstovi – traži svoje mjesto u književnoj žanrovskoj strukturi, „traži prethodni obzor tradicije ili skup pravila koji će orijentirati razumijevanje čitaoca (publike) i omogućiti mu da vrednujući usvoji djelo“ (Jauss 2007: 330). Razvoj žanra pasionskih tekstova može se zacrtati isključivo kronološkim nizom genetski povezanih redakcija. Suština toga razvoja je stalna promjena horizonta u kojemu se određeni elementi javljaju poput neke konstante. S obzirom na to da različiti žanrovi u nacionalnim književnostima, koji sežu od srednjega vijeka, nisu nastali iz stabilnih kanona, njihov razvoj karakterizira dvojnost stalnosti i promjenjivosti.

O transformacijskom potencijalu i o rasprostranjenosti pasionskih tekstova govori i činjenica da izvan matičnoga, hrvatskoga kulturnog i jezičnog prostora koji je jasno zacrtao Franjo Fancev (Fancev 1932), a kasnije dopunio i Nikica Kolumbić, (Kolumbić 1994) u novije vrijeme „niču“ noviji i noviji tekstovi. U nizu tih tekstova svakako zaslužuje posebnu pozornost *Cantilena* i kajkavski planctus pronađen u Transilvaniji (Rumunjska) (Lukács 2000).

Literatura

- Fališevac, Dunja: Struktura i funkcija hrvatskih crkvenih prikaznja. In: *Stari pisci hrvatski i njihove poetike*. Zagreb, Hrvatska sveučilišna naklada, 2007, 63-75.
- Fancev, Franjo: Hrvatska crkvena prikazanja. (Posebni otisak iz XI. knjige *Narodne starine*). Zagreb, 1932.
- Hadrovics László: Délszláv filológiánk a felszabadulás óta. *Filológiai Közlöny*, 1970/3-4.
- Hadrovics László: Egy középkori horvát vers. *Nagyvilág*, 1983/10, 1544-1547.
- Imre László: *Műfajok létformája XIX. századi epikánkban*. Debrecen, Kossuth Egyetemi Kiadó, 1996.
- Jauss, Hans Robert: Teorija rodova i književnost srednjega vijeka. *Umjetnost riječi*, 1970/3, 327-352.
- Kolumbić, Nikica: *Po običaju začínjavac. Rasprave o hrvatskoj srednjovjekovnoj književnosti*. Split, Književni krug Split, 1994.
- Lukács István: *Dramatizirani kajkavski Marijin plač iz Erdelja 1626 – Dramatizált kajhorvát Mária-siralom Erdélyből*. Budapest, Slovenika, 2000.
- „Mnoge sam stvari otkrio...“ Razgovor s profesorom Lászlóm Hadrovicsem. *Riječ*, 1996/1.
- Novak, Slobodan P.: Logika tijela i retorika ideologije u hrvatskom religijskom kazalištu. In: *Dani hvarskogakazališta. Srednjovjekovna i folklorna drama i kazalište*. Split, Književni krug Split, 1985, 398-414.
- Pataki Ferenc: „Együttes élmény – kollektív emlékezet“. *Magyar Tudomány*, 2003/1.

Prilog kontrastivnoj analizi hrvatskih i mađarskih frazema

The authors analyse a selection of phrasemes in Croatian and Hungarian language. The phrasemes of analogous structure and identical meaning may be differed based on the three types of equivalence: (1) equivalence of phraseme components and correspondence of phraseme background, (2) partial equivalence of phraseme components and identical phraseme background, (3) diversity of phraseme components and the phraseme background. The similarities of the phrasemes analysed are based on the common human experience and the differences come from the particularity of culture which shapes the language.

Keywords: phrasemes, phraseme components, types of equivalence, phraseme background, meaning.

Uvod

U svakodnevnom životu često se služimo već gotovim „montažnim elementima“, tj. nekakvim svojevrsnim panelima. Dovoljno je ako samo pomislimo na unaprijed gotove montažne elemente pri izgradnji nekoga objekta, ili na već izrađene elemente primjerice računala, kao što su matična ploča, video i zvučne kartice itd. Tako ni ljudsko razmišljanje nije lišeno već „unaprijed kupljenih“ shema, gotovih stereotipija, poput npr. pouzdanosti kao u europskoj civilizaciji općepoznate društvene predodžbe o njemačkim proizvodima, ali i o strahu ili predrasudama prema istočnoeuropskoj robi, te je svima jasno kakav će stav zauzeti većina ljudi.

Sličnim se elementima često služimo i u svakodnevnoj komunikaciji, tj. nerijetko za prijenos željene obavijesti upotrebljavamo već gotove „elemente“, poput *biti trn u oku* ili *od glave do pete* itd., koje je onda moguće složiti u rečenice, a zatim i u veću cjelinu, u (kon)tekst. Takve gotove jezične jedinice koje čine cjelinu, a ponašaju se poput leksema, nazivamo frazemima. Frazemske sastavnice imaju specifično značenje, a njihove sastavnice čine čvrsto povezanu cjelinu, tj. čine „ustaljene sveze riječi koje se upotrebljavaju u gotovu obliku, a ne stvaraju se u tijeku govornoga procesa, i kod kojih je bar jedna sastavnica promijenila značenje, tako da značenje frazema ne odgovara zbroju značenja njegovih sastavnica“ (Menac i sur. 2003:6). Dosadašnja empirijska istraživanja pokazala su kako postoji veliki broj frazema koji su zajednički, ali i različiti u pojedinim jezicima. Tako je frazeologija odraz svakoga jezika i čini ogledan primjer kulturnoga fenomena, dijela kulturnoga naslijeđa i „pouzdan je pokazatelj inherentne duhovne homogenosti neke zajednice“ (Mesinger 1997:61). U jeziku prepoznamo svoj identitet, entitet i dignitet, tj. u njemu se odražava svojevrsno znanje i viđenje govornika istoga. Prenošenje frazeoloških

jedinica iz jednoga jezika u drugi izazovan je posao, naročito kad se radi o tzv. malim jezicima, kao u slučaju hrvatskoga i mađarskoga jezika.

Nastanak je ovoga rada motivirala činjenica da gotovo nema radova koji bi se odnosili na bilo kakvu analizu hrvatskih i mađarskih frazema. Cilj je stoga ovoga rada kontrastivnom analizom hrvatskih i mađarskih frazema pokazati sličnosti frazeološkog značenja u dvama jezicima jer „Usporedbom se frazema u različitim jezicima mogu utvrditi razlike, ali i strukturne podudarnosti“ (Turk-Opašić 2008:19).

Na ovom bi mjestu trebalo upozoriti na problem terminologije kojom se označuju frazeološke jedinice u dvama jezicima. Dok se u hrvatskoj frazeološkoj literaturi „najčešće, i sve dosljednije, upotrebljava termin *frazem*“ (Jerolimov 2001: 88), pa i sami rječnici namijenjeni ovoj jezikoslovnoj grani u svojoj sastavnici nose taj naziv, u mađarskom se jeziku umjesto općepoznatog termina *frazem* tradicionalno rabi pojam *szólás*¹ (hrv. izreka), a i sami rječnici u svom naslovu imaju taj izraz. Na nejednakost odnosno različitu uporabu termina za frazeološke jedinice upućuje i Forgács u Predgovoru rječniku Magyar szólások és közmondások szótára i navodi šarelikost različitih naziva „*idióma, parömi-um, szócsoportlexéma, frazéma, frazeológia egység*“ (2004: VII) kojima se označuju frazemi.

Najveći dio korpusa koji se u ovome radu analizira sastavljen je metodom ekscerpiranja iz različitih jednojezičnih frazeoloških rječnika hrvatskoga ili mađarskoga jezika, te iz općih jednojezičnih, a rjeđe iz dvojezičnih² rječnika obaju jezika. Pritom su utvrđena tri tipa ekvivalencije: (1) ekvivalencija frazemske jedinice i podudarnost pozadinske slike, (2) djelomična podudarnost leksemskih sastavnica i istost frazemske slike, (3) nepodudarnost leksemskih sastavnica i različitost slike (usp. Forgács 2007: 249, Turk-Opašić 2008: 19-20).

1. Ekvivalencija frazemske jedinice i podudarnost pozadinske slike

Kao što pokazuju sljedeći hrvatski i mađarski frazemi, leksemaska podudarnost moguća je u navedenim primjerima:

---

¹ U ÉKsz-u (Rječnik mađarskoga jezika) (1975:1302) nailazimo na sljedeću defeniciju: „közkeletű, sajátos stílusértékű állandósult szókapcsolat (amelynek jelentése alkotó szavainak külön-külön vett jelentéseiből már nem érthető)“, a prema O. Nagy Gáboru (1985: 8) „több szóból álló kifejezés“.

² Dvojezični mađarsko-hrvatski i hrvatsko-mađarski rječnici su stari i opsegom prema leni pa rječničke jedinice u njima niti ne mogu temeljito prikazati i obuhvatiti frazeologiju jednoga i drugoga jezika. U starijim dvojezičnim rječnicima srednjega opsega navedenih u Literaturi (Palich 1968, Levasics-Surányi 1982) nailazimo također na škrte podatke, a dvojezični mađarsko-hrvatski, hrvatsko-mađarski frazeološki rječnici ne postoje.

- (1) U dvama analiziranim jezicima 'ne mariti za ono što se čuje (govori), prečuti *što*, zaboravati (ne upamtiti) izrečeno' priopćuje se frazemima:
hrv. **na jedno uho unutra, na drugo van** <komu>, mađ. **egyik fülén be, a másikon ki**
- (2) Na isti se način u oba jezika izražava 'biti samostalan, biti financijski neovisan' u frazemima
hrv. **stajati na vlastitim nogama**, mađ. **a maga (saját) lábára áll**
- (3) Frazem sa značenjem 'ljutito (s nepovjerenjem) pogledati *koga, što*; kradom (kriomice) pogledati/gledati *koga, što*' kaže se:
hrv. **pogledati/gledati prijekim (krivim) okom** < na >*koga*, < na > *što*, mađ. **ferde (görbe) szemmel néz vkire v. vmire**
- (4) Frazem sa značenjem 'sučelice, licem u lice, licem jedan prema drugome' glasi:
hrv. **oči u oči**, mađ. **szemtől szembe**
- (5) Potpuno se podudaraju frazemske jedinice i njihova pozadinska slika i u sljedećim frazemima
hrv. **dršće komu duša na jeziku**, mađ. **a nyelve hegyén (a nyelvén) a lélek (a lelke)**
- (6) Za onoga tko je 'bezrezervno (potpuno) vjeran' govori se:
hrv. **vjeran kao pas**, mađ. **hű, mint a (egy) kutya**
- (7) Značenje 'imati (predosjećaj), intuciju' u hrvatskome i u mađarskome jeziku navješćuje se u jednakoznačnim frazemima, a nosiva im je sastavnica *nos*:
hrv. **imati <dobar> nos (njuh) za što**, mađ. **jó orra van [jó az orra]**
- (8) U oba jezika frazemi koji opisuju usamljenog čovjeka, a znače 'usamljenik, samotnik, čovjek koji živi samotno' kaže se:
hrv. **usamljeni vuk**, mađ. **magányos farkas**
- (9) Frazem u značenju '1. ništa ne govoriti, uporno šutjeti; 2. znati čuvati tajnu, ne izdavati tajnu u potpunosti se podudaraju u dvama jezicima te se pojavljuju u obliku:
hrv. **šutjeti kao grob**, mađ. **hallgat, mint a sír**
- (10) U oba se jezika strukturno i semantički podudarnim frazemom i ekvivalentnim leksičkim sastavnicama izražava frazeološko značenje 'pogoršati/pogoršavati situaciju (raspoloženje), pojačati/pojačavati ljutnju

(bijes), potaknuti/poticati svađu, usijati atmosferu, podbosti/ podbadati *koga*' :

hrv. **doliti/dolijevati ulje na vatru**, mađ. **olajat önt a tűzre** ili u obez-glagoljenom obliku **olaj a tűzre**

- (11) Frazem sa značenjem 'vidjeti samo pozitivne strane' potpuno se poklapa u obadva jezika i govori se:

hrv. **gledati kroz ružičaste naočale** < na > *što* mađ. **rózsaszín szemüvegen át/keresztül néz/lát vmit vki**

2. Djelomična podudarnost leksemskih sastavnica i istost frazemske slike

Pod djelomičnom podudarnosti frazema podrazumijeva se podudarnost neke od nosivih sastavnica, ali se neka od preostalih sastavnica razlikuje u mađarskome jeziku u odnosu na hrvatski, tj. ekvivalenti se podudaraju na planu sadržaja, ali ne u potpunosti na planu izraza.

- (1) Frazeološko značenje 'biti nervozan (nestrpljiv, nemiran)' temelji se u hrvatskom i mađarskom jeziku na pozadinskoj slici u kojoj *igla* kao nosiva sastavnica osigurava jednako značenje te neznatno izmjenjenu pozadinsku sliku.

hrv. **biti <kao> na iglama**, mađ. **tűkön ül** (hrv. sjediti na iglama)

- (2) Djelomična podudarnost uočava se i u frazemu sa značenjem 'nemati nikakva reda, nemati ni završetka ni početka, biti nejasan/nelogičan/zbrkani' u kojem jedan od različitih somatizama *fül* (hrv. uho) u mađarskome jeziku bitno ne mijenja frazeološku pozadinsku sliku frazema. Dok se u hrvatskom jeziku isto značenje može izraziti s dvama frazemima, u mađarskom jeziku druga verzija se ne koristi.

hrv. 1. **bez glave i repa što** ili 2. **nemati ni glave ni repa** mađ. **se füle, se farka** vminek

- (3) Frazemi istoga značenja na planu sadržaja također se razlikuju samo u jednoj frazemačkoj sastavnici u frazemu sa značenjem 'dosta je *koga*, *čega komu*, dosadio (dojadio, dozlogrdio) je *komu tko*, dosadilo (dosadilo, dozlogrdilo) je *komu što*' a govori se:

hrv. **puna je kapa (kufer) koga, čega komu**, mađ. **tele van a hóci-póje**³ (*vmivel*) *vkinek* (hrv. kaljača). Njihova se pozadinska slika

³ Prema ÉKsz-u značenje leksema *hócipő* je: „Téli hidegben haszn. (cipőre húzható), száraz, meleg (gumitalpú) lábbeli” (1975: 553), tj. gumena topla cipela koja se obuva na cipelu kao zaštita od snijega i od vlage.

konceptualizira u predmetu koji pokriva i štiti glavu u hrvatskom jeziku, dok u mađarskom jeziku služi kao pokrivalo za cipele, tj. „kao zaštita od vlage i od blata“(VA 1998:386).

- (4) Pozadinske slike gotovo se ne razlikuju u frazemu sa značenjem 'osoba različita od drugih, osoba koja se razlikuje od svoje sredine' za koju se govori:
hrv. **bijela vrana** mađ. **fehér holló**⁴ *vmi* ili **ritka vmi, mint a fehér holló**
- (5) Ista se pojava zapaža i u biblijskom frazemu sa zoonimskom sastavnicom *ovca*⁵ u hrvatskom jeziku, a koji u mađarskom jeziku dolazi sa sastavnicom *bárány* (hrv. *janje*). Različite zoonimske sastavnice koje pripadaju istoj porodici životinja, a na planu izraza nose značenje 'osoba koja se svojim ponašanjem ili stavovima razlikuje od ostalih' i kaže se:
hrv. **crna ovca**, mađ. **fekete bárány**
- (6) Djelomična podudarnost se primjećuje u frazemu sa značenjem 'brzo i lakomisleno povjerovati, prevariti se' u kojem se u hrvatskom frazemu spominje konkretna vrsta novca groš (mađ. *garas*) za koji VA kaže "novac različite vrijednosti u razna vremena u raznim zemljama" (1998:278), dok se u mađarskom ne imenuje određena vrsta novca, nego samo opća imenica *kézpénz* (hrv. *gotovina*), no njihova je pozadinska slika potpuno podudarna te se govori:
hrv. **primiti (uzeti) što pod (za) gotov groš**, mađ. **kézpénznek [kézpénzül v. kézpénz gyanánt] vesz [fogad el] vmit**
- (7) U pozadinskoj slici na planu izraza sa značenjem 'brižljivo čuvati *koga, što*, paziti *na koga, na što*, čuvati kao svetinju *koga, što*, brinuti se o trajnom očuvanju *koga, čega*' u hrvatskom frazemu stoji dio šarenice koja svjetlo propušta do retine, tj. konkretni anatomski

⁴ Mađarski se frazem potpuno podudara s njemačkim frazedom *ein wesseir Rabe*. U njima je nosiva sastavnica 'gavran' (lat. *Corvus corax*), ptica iz porodice vrana. Prema Forgácsu (2004:288), frazem dolazi iz latinskog *corvo rarior albo*, a nekada se koristio i obliku *ritkább a fejeér varjúnál*, tj. 'rijedak kao bijela vrana'.

⁵ Zanimljivo je kako je u mađarskome jeziku, za razliku od hrvatskoga, mali broj frazema sa sastavnicom *ovca*. Noviji frazeološki rječnici (Forgács 2004; Bárdosi 2003) nemaju u svom popisu ovu leksemsku jedinicu, dok u starijem (O. Nagy Gábor 1999:320) nailazimo na samo osam frazema sa sastavnicom *juh* (hrv. *ovca*), koji stilski pripadaju u regionalizme i arhaizme te danas više nisu u uporabi, tj. s pravom se mogu zvati „rječničkim lešinama” (Palm Meister 2000:229). Stariji frazeološki rječnik (O. Nagy Gábor 1999:85-86) na njezinu istoznačnicu *birka* donosi osam frazema, od kojih Bárdosi (2003: 32) donosi četiri, a Forgács navodi svega jedan frazem (2004:72).

pojam; isti se u mađarskom ekvivalentu izražava slikovito, simbolično *sjajem oka*, a njihova pozadinska slika je vrlo slična.
 hrv. **čuvati koga, što kao zjenicu oka** <svoga>, mađ. **úgy vigyáz rá, mint szeme fényére** [világára v. mint két szemére; *Úgy őrzi v. rég: úgy szereti, mint a szeme fényét v. világát v. mint a két szemét*]

- (8) U frazemu u kojem se antonimijskim zoonimima *pas* i *mačka* izražava nesuglasica u obadva jezika se opisuje na ironičan i šaljiv način u značenju 'neslagati se, biti u stalnoj svađi, biti u lošim odnosima'. Dok se u hrvatskom jeziku taj dojam očituje glagolima *slagati se, voljeti se*, u mađarskom frazemu nailazimo imenicu pozitivna ozračja u leksemu *barátság* (hrv. prijateljstvo) te se kaže: hrv. **slagati se (voljeti se) kao pas i mačka**, mađ. **kutya-macska barátság**
- (9) Značenje 'jasne su komu čije namjere, jasno je što tko smjera (misli, osjeća itd.)' ostvaruje se u hrvatskome frazemu **čitati koga kao knjigu** koji je djelomično podudaran mađarskome (**olyan, mint egy) nyitott könyv** jer se u mađarskome primjeru uspoređuje s knjigom koja je otvorena, tj. može se čitati.
- (10) Slično, no ipak drugačije se izražava u dvama jezicima frazem sa značenjem: 'ukočeno, neprirodno, pretjerano uspravno'. U hrvatskom se frazemu rabi oruđe metla, dok u mađarskom *kolac*. U mađarskom jeziku uz nosivu sastavnicu može stajati i više glagola (sjedi, hoda, ide):
 hrv. **kao da je metlu progutao**, mađ. (**úgy áll [ül v. jár v. megy], mintha karót nyelt volna**)

3. Nepodudarnost leksemskih sastavnica i različitost slike

Slikovito se izražavaju različita iskustva i navike dvaju naroda i u frazemima istog ili vrlo sličnog značenja. I u tom slučaju, i ako su iskustva zajednička, u frazeologiji se ne iskorištavaju uvijek na isti način; tako se u dvama jezicima mogu primijetiti neke frazemske specifičnosti (usp. Turk-Opašić 2008: 25).

- (1) Frazemi sa značenjem 'morati dati svemu svoj komentar, upletati se u svaki razgovor, miješati se u sve', u obadva jezika koriste sliku iz života kuhinje, no njihove se sastavnice bitno razlikuju. Frazem u hrvatskom jeziku izražen je slikom posude odnosno lonca u kojem se kuha jelo, a na njega se stavlja poklopac, dok u mađarskom jeziku s istom pozadinskom slikom predstavlja se

situacija u kojoj se žlica stavlja u juhu (točnije u neki sok, odnosno neku vrstu tekućine), i kaže se:

hrv. **biti svakom loncu poklopac**, mađ. **minden lében kanál**.

- (2) Različitosť razmišljanja korisnika dvaju jezika primjećuje se i u izražavanju frazema sa značenjem 'obećati/obećavati *komu* ono što se ne može ispuniti, dati/davati neostvariva obećanja, pretjerati/pretjerivati s obećanjima'. U hrvatskom jeziku se koriste dva frazema s tim značenjem. U prvom se koriste geografski (zemljopisni) pojmovi koji nam predoče nešto ogromno i veliko, konkretno *brda* i *doline*, antonimskim parom, dok u drugom sličnom hrvatskom frazemu u istoj se funkciji spominju leksemi iz područja arhitekture: *kule* i *gradovi*. U mađarskom frazemu nosive su sastavnice opći fitonimi *trava* i *drvo*. Struktura frazema u dvama jezicima potpuno je identična, no u hrvatskim frazemima nailazimo na množinske oblike nosivih sastavnica, dok u mađarskom jeziku one stoje u jednini, i govori se:
hrv. 1. **obećati brda i doline** 2. **obećavati/obećati komu kule i gradove**, mađ. **fűt-fát (meg)ígér vki**
- (3) Slična je, no ipak drugačija slika u hrvatskom i mađarskom jeziku frazema sa značenjem 'zadovoljni i jedan i drugi, svi zadovoljni, svima je po volji'. U hrvatskim se frazemima koriste dva zoonima, *vuk* i *koza*, koji se u frazemu pojavljuju kao antonimi. Mađarski je frazem građen na sličnoj osnovi, no tu se pojavljuje jedan zoonim i jedan fitonim u odnosu antonimije:
hrv. 1. < i > **vuk sit i koza cijela**; 2. < i > **vuk sit i koze na broju**,
mađ. **a kecske is jóllakik, a káposzta is megmarad**
- (4) U frazemu koji nosi značenje 'iznenada se domislio čemu, sjetio se čega, sinula je ideja *komu*' isto se značenje izražava na različit način u dvama jezicima. U hrvatskom se frazemu pojavljuje slika *lampice* koja se upaljuje kad se naglo čega sjetimo, kada nam sine rješenje. U pozadinskoj slici mađarskoga frazema stoji *tantusz* (hrv. žeton) koji se nekada koristio pri telefoniranju u telefonskim govornicama. Obadva su frazema veoma slikovita, no u mađarskom frazemu se pojavljuje čak i audovizualni karakter: kada padne spomenuti žeton, u telefonskoj govornici se čuje karakterističan, zveckajući zvuk te se kaže:
hrv. **upalila se lampica (žaruljica, svjećica) komu**, mađ. **leesik a tantusz (vkinek)**
- (5) Hrvatskom frazemu koji nosi značenje 'živjeti u blagostanju (izoblju), uživati u bogatstvu, bogato živjeti' u mađarskome jeziku

odgovaraju dva identična frazema. U prvom se koristi jedna vlastita imenica, točnije ime *Marci* (hipokoristik imena Márton, hrv. Martin) i geografski pojam *Heves* (manji grad u Mađarskoj), dok se u drugom frazemu pak pojavljuje zoonim *riba* i njeno prebivalište voda. U hrvatskom se jeziku u slikovitom frazemu nalazi ljudski ili životinjski somatizam koji je na idealnom mjestu, tj. u loju, pa se izražava:

hrv. **živjeti kao bubreg u loju**, mađ. 1. **él, mint Marci Hevesen**, 2. **él mint hal a vízben**

- (6) Slikoviti su frazemi i u hrvatskom i u mađarskom jeziku sa značenjem: 'nikad, to se neće nikad dogoditi (desiti)' U hrvatskom se frazemu pojavljuje slika *vrbe* na kojoj se pojavljuje plod grožđa, dok mađarski frazem spominje ono vrijeme ili razdoblje kada će pasti *crveni snijeg*. Hrvatski i mađarski su frazemi strukturno su slični i glase:

hrv. **kad na vrbi grožđe rodi**, mađ. **amikor piros hó esik**

- (7) Postoje frazemi u dvama jezicima sa značenjem 'davati drugima mnogo (obilno, rasipno), ne škrtati'. I u ovom slučaju su frazem vrlo slikoviti. Frazem u hrvatskom jeziku temelji se na slici u kojemu se pomoću šake i kape rasipa nešto. U mađarskom frazemu se pojavljuju dvije šake ili ruke, pa se kaže: hrv. **davati šakom i kapom**, mađ. **két marékkal/kézzel szórja a pénzt**.

- (8) Frazemi sa značenjem 'grčevito (slijepo se držati (pridrživati) *koga, čega*, nimalo ne odstupati *od čega*' imaju također različitu slikovnu pozadinu u hrvatskom i mađarskom jeziku. U obadva jezika se slikovito izražava već spomenuto značenje. U hrvatskom se frazemu pojavljuje pijan čovjek koji se drži plotu da ne bi pao. U mađarskom frazemu nailazamo sliku prenesenog značenja gdje čovjek privezuje psa za kolac, pa se kaže: hrv. **držati (ostati/ostajati se i sl.) koga čega kao pijan plotu**, mađ. **köti az ebet karóhoz**

- (9) U slučaju kada želimo izraziti da je tko 'naš sunarodnjak (zemljak), čovjek <podrijetlom> iz naših krajeva' u hrvatskom se jeziku koristi slika u prenesenom značenju izraz list iz naše gore. hrv. **naše gore list**. U mađarskom jeziku za izražavanje značenja da je 'tko iz naše bliže okolice, blizak naše obitelji ili je iz bližeg poznanstva', u mađarskom se jeziku koristi frazem sa slikom štene našeg psa, **mi kutyánk kölyke**.

Zaključak

U analiziranoj građi uspoređuju se frazemi dvaju genetski i tipološki nesrodnih jezika- hrvatskog i mađarskog, koji unatoč različitosti u opisanom frazeološkom materijalu pokazuju mnogo sličnosti, a i neke nepodudarnosti, kako na planu izraza, tako i na planu sadržaja. Prvenstveni nam je cilj bio ukazati na ukupnost spomenutih osobina na odabranom materijalu prema subjektivnom izboru. Kako smo ovim prilogom htjeli samo predočiti raščlambu frazema jezika koji raspolažu oskudnom i nezadovoljavajućom rječničkom pozadinom, trebamo naglasiti da potraga za odgovarajućem ekvivalentom kao i njihovo istraživanje i prevođenje s jednog jezika u drugi umnogome otežava i njihovu usporedbu i velik je izazov. Unatoč razlikama na koncu se može reći da se potvrdila teza da su frazemi jezične jedinice koje odražavaju ljudske emocije, stavove, običaje članova jezične zajednice, kao i vrijednosti kulture u kojoj su nastale, što je i bilo očekivano budući da oba jezika pripadaju istom kulturnom krugu te se ne može zanemariti ni mnogostoljetna zajednička prošlost dvaju naroda uz prožimanje njihove kulture i jezika. Presjek koji je dan u ovome radu ne iscrpljuje bogatu frazeološku šarolikost i raznolikost frazemske građe obaju jezika te je njihovo daljnje sustavno istraživanje neophodno.

Rječnici

- ÉKsz= Magyar értelmező kéziszótár. Akadémia Kiadó, Budapest, 1975
- VA= Anić, Vladimir: Veliki rječnik hrvatskoga jezika. Novi Liber, Zagreb, 1998.
- Magyar szótár. Szólások, helyzetmondatok, közmondások értelmező és fogalomköri szótára. Főszerkesztő: Bárdosi Vilmos. Tinta Könyvkiadó, Budapest, 2003
- Fink Arsovski, Željka: Hrvatsko-slavenski rječnik poredbenih frazema. Knjigra, Zagreb, 2006.
- Forgács Tamás: Magyar szólások és közmondások szótára. *Mai magyar nyelvünk állandósult szókapcsolatai példákkal szemléltetve*. Tinta Könyvkiadó, Budapest, 2004
- Halász Előd – Földes Csaba – Uzsonyi Pál: Magyar- német nagyszótár új német helyesírással. Akadémia Kiadó, Budapest, 1998
- Halász Előd – Földes Csaba – Uzsonyi Pál: Német-magyar nagyszótár új német helyesírással. Akadémia Kiadó, Budapest, 1998
- Levasics Elemér-Surányi Magda: Szerbhorvát-magyar kéziszótár. Terra, Budapest, 1982
- Matešić, Josip: Frazeološki rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. IRO „Školska knjiga“, Zagreb, 1982.
- Uroić, Marija – Hurm, Antun: Njemačko-hrvatski rječnik s gramatičkim podacima i frazeologijom. 4. izdanje, Školska knjiga, Zagreb, 2004.
- Menac, Antica-Fink-Arsovski Željka-Venturin, Radomir: Hrvatski frazeološki rječnik. Naklada Ljevak, Zagreb, 2003.
- O. Nagy Gábor: Magyar szólások és közmondások. 7. kiadás, Talentum, Budapest, 1999
- Palich Emil: Magyar-szerbhorvát kéziszótár. Terra, Budapest, 1968

Literatura

- Forgács Tamás: Bevezetés a frazeológiába. Tinta Könyvkiadó, Budapest. 2007
- Hadrovics László: Magyar frazeológis. Történeti áttekintés. Akadémiai kiadó, Budapest, 1995
- Jerolimov, Ivana: *Frazemi sa somatskom sastavnicom na primjeru talijansko-hrvatske frazeologije*. Suvremena lingvistika, Vol. 51-52 No. 1-2, rujan, 2001. str. 87-99.
- Menac, Antica: Hrvatska frazeologija. Knjigra, Zagreb, svibanj, 2007.
- Mesinger, Bogdan: *Hrvatska frazeologija kao kulturno-antropološki fenomen*. Riječ, 3, 1997, str. 59-70.
- Opašić, Maja – Spicijarić Nina: *Prilog kontrastivnoj analizi frazema sa sastavnicom boje u hrvatskoj, talijanskoj i njemačkoj frazeologiji*. Fluminensia, 2010., br. 1., str. 121-136.
- Palm Meister, Cristine: *Auf dem Wege zu einen schwedisch-deutschen Idiomwörterbuch. Maximen und Reflexionen*. Germanistische Linguistik, 2000, 151-152: str. 227-243.
- Ribarova, Slavomira - Vidović Bolt, Ivana: *Biblijski frazemi sa zoonimskom sastavnicom u hrvatskom, češkom i poljskom jeziku*. Semantika prirodnog jezika i metajezik semantike, Zagreb-Split: Hrvatsko društvo za primijenjenu lingvistiku, 2005., str. 643-653.
- Turk, Marija – Opašić, Maja: *Supostavna rasčlamba frazema*. Fluminensia, god. 20, br. 1, 2008., str. 19-31.

Истоки старого света у Гончарова

The comparison of the Gogol's short story *The Old World Landowners*, and Goncharov's *Obломov* through the aspects of the Philemon and Baucis myth (Ovid) let us reveal some of the common special features of the writers' poetics. To the similarity of the heros, contributes not only the overall situation, but he motives also. The general intertextual plan of works is created by the problem of the aging. We analyze the action in the figurative order of texts in the view of situation "old world".

Keywords: Gogol, Goncharov, Ovid, motives of aging and light

Творчество Гончарова носит отпечаток воздействия мифологемы и концепта Золотого века, - вечное желание человеком беззаботного и спокойного бытия, что в литературе нового времени открыто вступает в конфликт с действительностью. Наглядным примером служат актуализации топоса в репрезентации любви Александра Адуева к Наденьке на острове в «Обыкновенной истории», в «Сне Обломова», в котором описан и обнажен райский уголок Обломовка, и в образе имения Райского, Малиновки в «Обрыве». Поэтому нам кажется целесообразным отметить те произведения, которые внесли свой вклад в формирование мирозерцания и поэтики писателя. Прежде всего мы должны обратиться к «поэме» Овидия «Метаформозы», в том числе к эпизоду о Филемоне и Бавкиде, а затем к несомненному претексту гончаровских романов: «Старосветским помещикам» Гоголя.

Публий Овидий Назо – поэт римского золотого века – в «Метаморфозах» воспроизводит мифологическое наследие. «Метаморфозы» как поэтическое послание получило многочисленные критические замечания и осуждения со стороны критиков-толкователей, в первую очередь из-за предполагаемого отсутствия оригинальности и глубины. Известные мифы представлены в форме циклизации историй, подключенных в основном к теме поиска, изменений и преобразований («метаморфоз»). Но эти мифологемы стали известными только благодаря Овидию. Автор воспроизводит мифологический материал в поэтической форме, транслируя таким образом универсальные смыслы и основополагающие принципы миропорядка, лежащие в основе греческих мифов. Новизна его творчества заключается в том, что мы имеем дело с поэтической интерпретацией «мифов», с тем ограничением, что Овидий сохраняет многозначность трактовки любого из его образов. Писатели и поэты нового времени широко используют мифологические сюжеты и образы в той форме, которая была передана нам римским поэтом. Актуализация

мифологем пропитана как овидиевским толкованием, так и их постоянной реинтерпретацией в последующих произведениях, которой они подвергались за долгие века. Эти новые трактовки иногда затмевают собой произведение Овидия (основа Ромео и Джульетты в мифе о Пираме и Тисбе). Это создает многослойные интертекстуальные связи между текстом «Метаморфоз» и последующих его переделок.

В «Метаморфозах» очередные истории рассказываются для того, чтобы продемонстрировать всемогущество богов. Каждый эпизод повторяется еще раз с другим акцентом, чтобы подтвердить присутствие божьей силы, т.е. в качестве аргумента и поддержки серии метаморфоз. Эпизод о Филемоне и Бавкиде расположен в центре произведения, примерно в середине восьмой книги. Значит, он выделяется композиционно, занимает особое положение. В эпизоде наблюдается реинтерпретация отрицательной концепции старости в античности. Обычно эта тема выдвигалась как обострение конфликта между телом (старение, болезнь и смерть) и душой (бесконечные желания, мечты, стремления). В мифологии старая супружеская пара обычно выполняет функцию устроителей мира, предков или культурных героев (Чернявская 2008). Однако в греко-римской комедии, высмеивающей старость, затмевается опыт, приобретенный стариками, пожилые люди не почитаются за освоенную мудрость, они представляются смешными и мелкими. Овидий, подобно предшественникам и современникам, сначала представлял пожилой возраст печальным, тяжелым, слабым и жалким. Его любовные элегии эротические, отражают свободный слог молодости. Однако со временем старики становятся более сильными в его произведениях. Появляются образы мудрых стариков, которые прожили долгую жизнь достойно в тихой, спокойной атмосфере и состарились вместе. Принятая в истории Филемона и Бавкиды позиция в отношении данной темы следовательно отличается от этических установок других авторов. Следующая эпическая фигура, примененная в отношении Филемона и Бавкиды, скрывает это моральное значение: *iusti Senesi*, примерно – «истина, правдивость старой жизни, добродетели». *Ius* квалифицируется как слово, означающее одно из столпов римских нравов (Głowiczki 2004). Изображение Бавкиды и Филемона в таком контексте в литературной традиции будет показывать это удовлетворение старостью, красоту старости и любовь семейного сообщества. А в форму воспроизведения данной истории вливаются самые личные эмоции авторов.

Но помимо этого аспекта в поэме наличествует и другая идея. Здесь мы должны сделать маленькую оговорку. Пожилая супружеская пара дана с происхождением из Фригии, восточной части Малой Азии, которая всегда была тесно связана с греками как своего рода посредник культуры. По этой причине мы вправе (хотя с известной осторожностью) утверждать, что библейские истории об Аврааме и Сары или Лота и его жены

отражаются в эпизоде «Метаморфоз» о Филемоне и Бавкиде. Параллели между историями могут быть установлены в следующих моментах: прибытие божественных гостей, гостеприимство, необходимость побега, уничтожение города, служение хранителями храма Бога. Отличия с Библией отмечаются в обещании паре Араама и Сары близких родов и частичной потери ими веры. Ни продолжение рода людьми безнадёжного возраста, ни спор с божеством не получают отзвук у Овидия. Для него оказывается более важной служба богам и последующее за ней вознаграждение как доказательство всемогущества богов. К тому же эпизоды «Метаморфоз» содержат в себе несколько сюжетных единиц, которые сходны с другими произведениями древнего мира, в том числе прием Филемоном и Бавкидой, Юпитера и Меркурия, который может напоминать нам евангельский сюжет об ужине в Эммаусе, а мотив потопа явно перекликается с гибелью грешных городов в Библии. Эти два момента истории особенно часто репрезентируются изобразительным искусством.

Среди пост-текстов особое место занимает произведение Гете, описывающее конец идиллии и начало разрушения. Филемон и Бавкида появляются в пятом акте второй части «Фауста» Гёте под собственными именами в образах таких же идиллических и гостеприимных стариков, но их судьба заканчивается трагически. Мефистофель ради осуществления утопии Фауста-преобразователя пожертвует стариками и их гостем, спасённым им же странником. По мнению исследователей Гоголь мог учитывать интерпретацию судьбы Филемона и Бавкиды автором «Фауста» (нпр. в сниженном и осмеянном образе наследника-реформатора и т.д.).

Отметим, что творчество Гете отражало целый век от Просвещения до романтизма. В результате чего буколическая тема и проблема жанра идиллии не случайно ознаменовали многие его произведения. Алексей Лебедев прослеживал пути перекличек между поэмой Гете «Герман и Доротея» и повестью Гоголя «Старосветские помещики» сквозь призму реализации и деструкции идиллии через оппозицию: «нынешний кризис - прошлые ценности» (Лебедев 2009). Для литературного восприятия Филемон и Бавкида стали символами идиллической жизни, примерами полной преданности, верности семейного союза и счастливой старости. Именно в этом понимании их образ стал исключительным в греко-римской античности и стал образцом для последующих изображений. Сентиментализм со своим особым вниманием к жанрам элегии и идиллии выдвигает на первый план элегии Овидия и историю Филемона и Бавкиды. Об этом свидетельствует многократная актуализация текста первоисточника в таких произведениях как например переводная поэма И.И. Дмитриева «Филемон и Бавкида». Простому сюжету о быте стариков посвящена опера Шарля Гуно, картина и жизнь О. Кипренского.

Общепринятое мнение, что в повести Гоголя «Старосветские помещики» из цикла «Миргород» изображена (даже названа) такая же трогательная пара супругов Филемон и Бавкида, неспособная существовать друг без друга. Гоголь мог быть знаком с первичным источником – «Метаморфозами». Об этом свидетельствуют многочисленные переклички и общие мотивы произведений. Его повесть однако явно носит на себе и непосредственное влияние поэзии эпохи чувствительности, В.А. Жуковского и Н.М. Карамзина («Исторические воспоминания на пути к Троице»). Кроме того можно указать и на другие претексты: «Конца золотого века» Дельвига, «Обитатель предместия» Муравьева и «Письма к другу» Глинки.

Прежде чем приступить к анализу данного аспекта текста, позвольте сделать нам небольшую оглядку на критическую литературу, удивленно стоящую перед двойственностью поэтики и миропонимания Гоголя, который создал помимо его острых сатирических произведений и сентиментально-идиллическую повесть в 1834-ом году. Возникающие в оценках расхождения касаются характеров главных героев, смысла их существования и особенностей нарративной структуры повести. Толкователи были единодушны в том, что идиллия, крушение идиллии и одновременно тоска по ней определяют миропонимание, представленное в «Старосветских помещиках». По мнению критика В. Белинского мир повести воспринимается как жалостная пародия на идиллию и апология пошлости (Белинский 1959). Если мы имеем дело только с пародией, то почему же впечатления читателя сходны с тем, что Пушкин формулировал так: «шутливая, трогательная идиллия, которая заставляет вас смеяться сквозь слезы грусти и умиления» (Пушкин 1949: 1249). За внешним идиллическим сюжетом явно просвечивается драматический план. Ведь чтение повести на уровне героев действительно приводит к таким контрастным позициям: повесть кажется трогательной в сочувствии с переживаниями героев и смешной как репрезентация их «растительной» жизни. Но этим повесть не ограничивается. Мы можем согласиться с мнением Ю. Манна, который рассматривает в «Старосветских помещиках» переосмысление пред/романтических конфликтов, типажа и стиля в форме истории, пересаженной на современную украинскую почву. Моменты завуалированной фантастики и скрытые проблемы разрушают идиллический мир (Манн 1989). Гончароведы сталкивались с той же самой проблемой при анализе «Сна Обломова».

Гоголевская повесть является одним из ключевых претекстов романа Гончарова, в котором более ощутима активизация мифопоэтических мотивировок для разработки темы идиллического существования. Но чтение гоголевского текста с позиции последующих переосмыслений убеждает нас о том, что в повести Гоголя также действуют элементы и приемы более архаического характера. Мифологема Золотого века в

письменности брало начало в первую очередь в описаниях Гесиода и Овидия. В литературе она разрабатывалась сентиментализмом в жанре идиллии. Гончаров обратился к жанрам предромантизма при конструировании мечты Обломова, а в связи с «Сном» он обратился к более древним источникам. В предмете и форме описания Обломовки акцентируется полнота, целостность и совершенство, отсутствие суеты, беспокойства и заботы, порождённых историческим временем, петербургским миром и отрицаемым Обломовым. Эти мотивы отсылают к одним из первых воспроизведений мифических образов. В описании Гесиода Золотой век отличается беззаботностью, жизнь людей уподобляется сну, в котором отсутствует труд и горе. Несмотря на то, что его мотивы (люди как боги «с спокойной и ясной душою», «В пирах они жизнь проводили», «умирали, как будто объятые сном», «Недостаток был им ни в чем неизвестен» Гесиод 1963) прозвучат в обоих художественных произведениях нового времени, в «Метаморфозах» Овидия описание более детальное. Развёрнутое любовное признание звучит из уст повествователя Гоголя по отношению к старому образу жизни, для воспроизведения которого употребляются обороты, типичные в описаниях Золотого века и использованные также Гончаровым в «Сне Обломова» (см. определения: скромный, уединённый, отдалённый, тихий, спокойный; элементы структуры мира: защитное ограждение от внешнего мира, изобилие всего, архаичное мышление жителей уголка). По всей вероятности, Гоголь и Гончаров обращались к тексту римского поэта (Овидий 1983) в построении структуры своих «мифов» (ср.: отрицательные формы в начале описания, детализующий метод повествования). Овидий регенерирует мифическое представление об отождествлении сельскохозяйственного труда (пахания) с изнасилованием тела матери-земли. Отсылку к греческим прообразам Золотого века можно раскрыть и в отрицательных конструкциях: у Гоголя нет «неспокойных порождений злого духа, возмущающих мир», у Гончарова «нет ничего грандиозного, дикого и угрюмого», «нет забот и печалей». Явно проступает и другая интертекстуальная связь между произведениями Гоголя и Гончарова – это противопоставление двух миров: товстогубовского-обломовского (идиллического) и петербургского (реального: суета, страсти). Противопоставления и перечисления в описании идиллического мирка и большого мира, противопоставления сельского и городского образа жизни – как и у Гончарова – выполняются с помощью антитез.

В «Сне Обломова» представлен «модернизированный миф», уголок («обломок эдема») крестьянской России в центре мира и его пейзаж, главные составляющие которого – холмы, река, овраг, деревня. В то время, как в пейзаже Обломовки описывается Золотой век, в репрезентации рабочего дня крестьянина же проявляются элементы земледельческой идиллии, что вводит еще одну возможную основу в

интертекстуальный план романа – это «Георгикон» Вергилия. Райский пейзаж, использующий мотивы обработок мифов Гесиодом и Овидием, дополняется трудолюбивым хозяйственным образом землепашеской жизни. В этом пробивается симпатия повествователя, однако, при представлении образа жизни людей и быта в господском доме вступает в силу критическая точка зрения, объективная рефлексивность на этот быт, ставящая в оппозицию желанное и реальность. Образ жизни и мышление обломовцев представляет собой архаическое мировоззрение, основанное на разделении сакрального (физиологические акты, табуирование и праздники) и профанного. Несмотря на это, исследователи (Е. Ляпушкина) обычно толкуют данный эпизод как воплощение жанра идиллии, базируясь на классификации Бахтина (см. форма и хронотоп романа). Неоднозначность проектируется с тематического уровня на структуру наррации. Эта особенность жанра также роднит гончаровский текст с гоголевской повестью.

Конфликт действительности и буколки выдвигается повествователем Гоголя (Гиппиус 1966), однако слово героя или повествователя не может предоставить все точки опоры для читателя. Поэтому он должен обращаться к авторскому тексту, где разрешаются подобные противоречия: прослеживается отрицание шаблонной поэтики. О том, что повествователь не совсем компетентен в толковании событий, в повествовании свидетельствуют контрапунктические, алогичные и противоречивые высказывания, одновременно утверждающего и отрицающего характера, которые он делает в течение всего рассказа (Кроо 1984). По мнению Каталины Кроо в повести дискредитируются любые утверждения рассказчика им же самым (люблю-иногда люблю, вижу-не вижу). Вследствие чего переосмысливается предварительная заданность жанра идиллии. Противоречивые высказывания относятся, с одной стороны, к оппозиции старой и новой жизни, а с другой – установки повествователя в отношении предмета повествования. Сентиментальная субъективность рассказчика, коренящаяся в прошлом, постоянно сталкивается с объективными фактами действительности, и эта двойственность оседает читателя, который должен искать точки опоры в других планах текста. В двойственности заключается главный конструктивный принцип наррации и у Гончарова. В «Сне Обломова» помимо сочувствующего, но не чувствительного голоса повествователя проступают критические ноты касательно отсутствия духовных потребностей жителей уголка. Это тот нарративный принцип может корениться в поэтике его предшественника, который также вступил в известный процесс переосмысления функции повествователя.

Даниэла Рицци в сопоставлении образов повествователя Гоголя и рассказчика в «Станционном смотрителе» Пушкина выявляет признаки продолжения пародистической традиции «Повестей Белкина» и отгалкивания от этой традиции. Общий намек на деньги образует

сходный конец повестей. Гоголевский повествователь подобно пушкинскому рассказчику плачет, слезливо воспринимает историю Товстогубов, старается настроить своих читателей на грустный лад (Рицци 2001). Но в то же самое время его образ более все знающий, подобно повествователям реализма, и корректирует свои высказывания. В этом проявляются отголоски отрицания идеологии рассказчика Пушкина, хотя о полном переосмыслении на уровне повествователя еще говорить рано. Идиллия преобразуется в повесть, что генерирует выдвижение проблем повествования. Не только в мире повести проводятся контрастные образы, а нарративная структура повести тоже кажется нестабильной, двойственной. Гоголь приближается к сказовой форме «Петербургский повестей», в первую очередь «Шинели» и «Невского проспекта».

Современные исследователи отмечают, что сюжет повести «Старосветских помещиков» Гоголя заимствован у Овидия, рассматривают некоторые переключки между античным образом идеальной семейной пары и героями гоголевской повести, свидетельствующих о живой традиции. Однако детальный сопоставительный или интертекстуальный анализ – по нашим сведениям – до сих пор еще не делался. Соответствия между литературными персонажами и мифологическими стариками легко поддаются рассмотрению. Как правило, супружескую чету Товстогубов обычно интерпретируют как красивый символ вечных семейных уз и единства, заслуживающих общую смерть. Однако современные интерпретации оспаривают подобное толкование отношения супружеской четы у Гоголя. Например С. Свинцова с позиции гендерного толкования отмечает некоторые моменты аналогии и контраста гоголевских героев с образами Овидия. Мифопоэтическая параллель с историей Филемона и Бавкиды отмечается в изображении обыденного мира, пожилых героев, в позиции повествователя-наблюдателя со своим сентиментальным отношением к героям и старой жизни, с размышлениями о мироустройстве. Однако у Гоголя тематические эквивалентности разрешаются в критическом ключе: в повести они не получают вознаграждения в форме общей смерти, на месте уничтоженного поместья не выстраивается храм, а грешного окружающего мира не постигает наказание (Свинцова 2009). Между тем повествование вполне может отсылать к сочувственному рассказу Овидия, который эффектно влияет на слушателей, и сильнее всех на Тезея. Вместо подтверждения или отрицания тезиса в литературном процессе на передний план выдвигается растолкование поступка героев как главная цель повествования.

Рассказ Овидия о Бавкиде и Филемона определяется двумя особенностями. Боги, посещающие людей, приняты только в небольшой хижине. Но первые слова поэта о скромном жилье имеют моральное значение для сомнений, овладевающих читателем: оно не может быть

подходящим местом для пребывания бога. Почему же награждаются именно хозяева хижины и их убогое жилье божьим благодатьем? Зачем же Гоголь обращается к данному сюжету и переиначивает его известным образом? В чем же заключается главный поступок в «Старосветских помещиках», раскрытием смысла которого является повесть или опять же речь идет только о доказательстве какого-то тезиса? В случае «Сна Обломова» ситуация проще. Сон предоставляет ответ в символической форме на вопрос Обломова: «отчего же я такой?», т.е. почему не может он действовать, как другие, почему отказывается от совершения движения и почему в конце концов совершает его – встает с постели? Поступком является как отказ, так и совершение действия, но для его решения требуется весь промежуток жизни, весь объем романа.

Обратимся к опыту разгадки этих вопросов в связи с повестью Гоголя. Повествователь представляет нам отрезок жизни двух помещиков, их старческий возраст, по которому можно получить представление о всей жизни. Он выдвигает в качестве главного события их встречу со смертью, когда вся эта жизнь получает новое освещение, раскрывается предназначение этих людей. Старосветские помещики определяются как «уединенные владельцы отдаленных деревень» (Гоголь 1973: 209). Это название принадлежит смысловому центру «обыкновенности». Однако в следующем утверждении повествователя уединенная жизнь перевоплощается в «необыкновенную», в другой тематический план. Эти два плана пронизывают все произведение и преобразуются в его сквозные темы. Обыкновенностью наделяются обобщения повествователя: он делает акцент на то, что повествуемое вполне распространенное явление. Однако он постоянно сталкивается и с тем, что выбранный им конкретный пример (образ и жизнь Товстогузов) отличается необычностью и самое необыкновенное, случайное и исключительное событие смерти тоже переосмысливается.

Анаграмматический повтор в словах цитируемой синтагмы соединяет уединенность с деревней, владельцев с отдаленностью, вследствие чего получается своеобразный хиазм. Это становится особым приемом повести, с помощью которого с одной стороны, разные уровни текста вступают во взаимодействие (в данном случае амбивалентный нарративный и хиазматический-семантический) и устанавливаются новые смысловые эквивалентности, ведь определение скромной жизни также переносится на владельцев. Переносы и зачатки новых смыслов свидетельствуют о разворачивающейся метафоризации в тексте. Сама жизнь характеризуется тихой, спокойной – главными атрибутами жизни в Обломовке.

Помещик именуется как владелец деревни, поместья, сращенный с данным местом. Впоследствии приобретает и другие атрибуты. Скромность присваивается вообще уголкам Малороссии, репрезентативным образцом которых является поместье Товстогузов. О

их богатстве читатель узнает только то, что оно проявляется в обилии плодов, однако их владение претерпевает постепенное разорение. С одной стороны, они помещики и хозяева с прислугами, с другой – Пульхерия обслуживает мужа, (обслуживание однонаправленное), и беднота постигает их в имущественном плане, в отличие от овидиевских героев, которые изначально бедны, все что прикажут, сами и исполняют. Эта очередная амбивалентность утверждений повествователя наводит читателя на мысль о том, что под названием «помещики» или «владельцы» скрывается другое, символическое значение.

Постоянное перенесение признаков свидетельствует о поиске правильного наименования, непрерывного уточнения сказанного повествователем. Его игра распространяется как на микроэлементы (морфемы), так и на более крупные единицы текста (исходящее из заглавия текстопорождение), т.е. на уровень субъекта текста, языкотворчества. Так, например, определение *скромный* и топологическое указание *Малороссия* равным образом располагают частицами лексемы *старосветский*, что может иметь обобщающее значение: речь идет о скромных и светлых мало-россиян, у которых габариты маленькие в противовес обильному плодородию, огромным российским просторам, которые являются решающим в «Мертвых душах» как выразители всепоглощающего времени, или хищным соотечественникам, количество и объем воровского действия которых определяется крупными масштабами.

Прилагательное словосочетание *старосветский* активизирует значения *старости* и *света* одновременно. В результате выстраивающегося ряда повторов морфических сегментов определение обогащается следующей семантикой. Внешняя оболочка слова *страсти* создает квазиобщность со словом *старосветский*, однако семантический заряд выражает как раз оппозицию, полярность. *Страсти* видятся только в сновидении, которому присваиваются качества блеска и сверкания. Жизнь помещиков описывается как сонная, из которой отсутствуют страсти. В «Сне Обломова»: «И какие бы страсти и предприятия могли волновать их?» (Гончаров 1987: 83). В первом абзаце гоголевской повести уже задается главный вопрос повести о страстях, также как и у Овидия рассказ начинается с потребности в доказательстве объявленного тезиса. Что реальнее: необычные страсти во сне или бесстрастная привычка в обыденном мире? Или как раз обыкновение скрывает в себе то событие, которое оказывается уникальным в мире романтических, значит необузданных и безграничных страстей? Ответом служит все произведение. Старость и ветхость ознаменует как персонажей и место их пребывание, так и время - прошлый век, старые времена, старый уклад жизни, старый свет. Эти концепты противопоставляются другим и молодым лицам, другим краям, и настоящему времени. По стопам Гоголя пошел и Гончаров, трансформируя этот сюжет с позиции реалистического

миропонимания, и в этом отношении он занимает необычную позицию. Его персонажи начинают жить самостоятельной жизнью, в известной мере отдаленной от промежуточных интерпретаций. Хотя его творчество не подлежит объяснению с историко-культурных позиций, его также волновало переходное время, смена старого новым и пережитки старого в новом, конфликт между патриархальным бытом и новой жизнью, буржуазная смена помещиков старого типа. «Старики» было название задуманного, но ненаписанного им романа, который претворил позже в качестве фрагмента-обрывка в эпизод романа «Обрыв». В связи с данной темой небезынтересно отметить, что в «Сне Обломова» в крупную представлены люди старшего возраста, о детях говорится только мимоходом, с исключением «главного героя», Илюши Обломова. На критическую и одновременно сочувственную репрезентацию миропонимания обломовцев в первую очередь влияет поэзия, довольство и изобилие обыденной, размеренной архетипичной жизни, необходимая для покоя и неизблемости основ существования. В этом скрывается едва ли главная проблема, поставленная разными авторами.

Как мы уже отметили, явное продолжение образов Товстогузов наблюдается в образах Молочковых в «Обрыве» Гончарова. Но история Филемона и Бавкиды не дает достаточного материала для крупного прозаического (вос)произведения в последнем романе Гончарова. В этом отрывке явно выступают те атрибуты образов стариков, которые Гончаров сообщает им в своем толковании прообразов. Бодрость, чистота, красота и откровенная любовь придаются им. Эти качества так открыто не были представлены ни в произведении Овидия, ни у Гоголя. Вместо перетопленных покоев здесь акцентируется темнота и прохлада комнат. Тишина и дрема типичные составители искомого гончаровскими героями поэтического образа жизни. Этот обломовский идеал переходит в поиски Райским бурной творческой деятельности (*пробуждения*). По этой причине не может идиллия получить дальнейшее развитие в романе, остается только фрагментом, жанровым очерком. Бабушка выражает традиционное, почтительное отношение к старикам («надо уважать старость» Гончаров 1979: 85) и старым нормам, однако ее отношение по ходу событий меняется в сторону дифференциации – уважает не возраст, не чины (Нил Андреевич Тычков), а человека. Райский же, сначала увлеченный молодежным брожением чувств и бунтом против нормы старших поколений, вырабатывает уважение опыту старших (Бабушка). Не упоминаются здесь физиологические акты (еда и сон), возведенные в сакральные нормы, которые господствуют в мире Обломовки и Товстогузов. Выделяется только абсолютное взаимное внимание супругов, то, что они шепчутся и угождают друг другу. Признаки молодых влюбленных переносятся на людей пожилого возраста. Обыкновенное, банальное наделяется статусом необычного, особого. Вторжение обыкновенных страстей угрожает разрушением мира, но

любовь по привычке делает старинную историю необыкновенной, надлежащей письменному воспроизведению, распространению и вечной актуализации.

Литература

- Белинский, В.Г. (1959): *О русской повести и повестях г. Гоголя*. // *Н.В. Гоголь в русской критике и воспоминаниях современников*. Москва, Детгиз, 1959.
- Гесиод (1963): *Работы и дни* // *Эллинские поэты*. (Перевод В. В. Вересаева) Москва, 1963.
- Гиппиус, В.В. (1966): *Творческий путь Гоголя*. // Гиппиус В.В.: *От Пушкина до Блока*. Москва-Ленинград, Наука, 1966. 46-200.
- Гоголь, Н.В. (1973): *Старосветские помещики*. // Гоголь, Н.В.: *Собрание сочинений в двух томах*. т.1. Москва, Худ. Лит., 1973. 209-230.
- Гончаров, И.А.: *Обрыв*. // Гончаров, И.А.: *Собрание сочинений в 8-и томах*. Т.5. Москва, 1979. 85-86.
- Лебедев, А.В. (2009): *Идиллическое в повести «Старосветские помещики» Н.В. Гоголя и поэма «Герман и Доротея» И.В. Гете*. // *Гоголезнавчі студії*. (Збірник наукових праць). Ніжин, 2009. 286-292.
- Манн, Ю.В. (1983): *Гоголь*. // *История всемирной литературы*. Т.6. Москва, 1989. 369-384.
- Публий Овидий Назон. *Любовные элегии. Метаморфозы. Скорбные элегии*. (Перевод с латинского С. В. Шервинского.) Москва, Худ. лит., 1983.
- Пушкин, А.С. (1949): *Письмо к издателю "Литературных прибавлений к Русскому инвалиду"*. Вечера на хуторе близ Диканьки. Изд. второе. (Рецензия) // Пушкин, А.С.: *Полное собрание сочинений в одном томе*. Москва, Гослитиздат, 1949. 1249.
- Рици, Даниэла (2001): *«Станционный смотритель» Пушкина и «Старосветские помещики» Гоголя*. // *Пушкинская конференция в Стэнфорде, 1999: Материалы и исследования* (Под ред. Дэвида М. Бетеа, и др.) Москва, 2001. 318-334.
- Синцова, С.В. (2009): *Гендерная проблематика Н.В. Гоголя «Старосветские помещики»*. // *Вестник Нижегородского Ун-та им. Н.И. Лобачевского, Литературоведение*. 2009/6 91-97.
- Чернявская, Н.В. (2008): *Архетип «Старик и Старуха» в русской и зарубежной литературе. Проблемы хронотопа*. // *Международный научно-практический (электронный) журнал «INTER-CULTUR@L-NET» Учрежден Владимирским филиалом Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова*. 2008/7.
- Gloviczki Zoltán (2004): *Philemon és Baucis* // *Vigilia* 2004/2.
- Кроо Katalin (1984): *Az elbeszélés konstrukciós elve Gogol „Régimódi földesurak” című művében*. // *Studia Russica VII*. Budapest, 1984. 211-233.

Pomorsko nazivlje u romanu „Vježbanje života“ Nedjeljka Fabrija

The article focuses on maritime related terminology used in the novel „Vježbanje života“ by Croatian writer Nedjeljko Fabio. The novel describes the sequence of historical events and personal life in the city of Rijeka, the north-adriatic Croatian port where, as well as in its nearby surroundings (the city of Bakar), the first steps in maritime lexicography were made. The article also stresses the difference between the maritime terms preferred by the lexicographers (mainly Croatian versions of foreign terms) and those presented in the novel which show the vivid slang of maritime life, and are mainly of Italian origin.

Keywords: maritime terminology, etymology, Italian language

Jezik i stil književnoga djela ključne su mikrostrukture što zadržavaju čitateljevu pažnju i interes te ga vode do zaokruženih slika likova i fabule. Umješnost pisca da oslika autentično vrijeme, prostor i karakter likova mjeri se upravo odabirom jezične građe koja, zajedno s ostalim elementima u tvorbi književne umjetnine služi i kao sredstvo oblikovanja osobne ili epohalne poetike. Govoreći o odnosu jezika i književnoga djela Ivo Pranjković ističe da se stilaska obilježenost ili stilogenost „temelji zapravo na izboru i usmjerenju pozornosti na manje običnu, manje automatiziranu, pa i manje pravilnu inačicu“ (Pranjković: 2003:10). Ne ulazeći u problematiku pravilnoga i nepravilnoga, s više interesa za „manje obično i manje automatizirano“ u jeziku što određenom djelu i daje posebnu „aromu“, pokušat ćemo skrenuti pozornost na zanimljivije primjere pomorskoga nazivlja u romanu „Vježbanje života“ Nedjeljka Fabrija¹.

Fabrijev je roman postmodernistički ustrojen na razini žanra kao amalgam kronike i historije² pri čemu se, očekivano u poetičkom kontekstu vremena,

---

¹ Nedjeljko Fabio rođen je u Splitu 1937.g. Pripovjedač je, dramatičar, esejist, prevoditelj i glazbeni kritičar. Osnovnu školu pohađao je u Splitu, a gimnaziju u Rijeci. Diplomirao je hrvatski i talijanski jezik i književnost na Filozofskom fakultetu u Zagrebu. Bio je urednik književnih časopisa i dramaturg kazališta te urednik dramskoga programa Hrvatske televizije. Profesor je na Akademiji dramskih umjetnosti u Zagrebu, redovni član HAZU, bio je i predsjednik Društva hrvatskih književnika. Književnu afirmaciju stekao je novelama u zbirkama „Partite za prozu“, „Labilni položaj“ te „Lavlja usta“. U dramama zaokupljen diskursom vlasti („Reformatori“, „Admiral Kristof Kolumbo“, „Čujete li svinje kako rokću u ljetnikovcima naših gospara“...). Poznat je po uspješnim povijesnim romanima „Vježbanje života“ (1985.), „Berenikina kosa“, „Triameron“, „Smrt Vronskog“. Piše književne kritike i glazbene eseje.

² „Djelo je u podnaslovu nazvano „kronisterija“, što je kovanica preuzeta od Viktora Cara Emina i njegova romana Danuncijada. Spojivši talijanske pojmove „cronaca“ (ljetopis), „storia“ (povijest, priča) i „isteria“ (histerija) - Fabio je, na jednoj strani,

odustaje od predstavljanja velikih događaja s ocaklinom idealizirane veličajnosti. Pažnja autora prije se usmjerava na život običnih ljudi čija je linija života narušena kontinuiteta i pravocrtnosti kao posljedica izloženosti nesmiljenosti povijesnih mijena. Također, prozno tkivo gradi se postupcima kolažiranja tekstualno raznovrsne građe³ koja se namjerno ostavlja neobrađenom, a šavovi kolaža vidljivima.⁴

Ovakav postupak provedba je prethodno istaknute sumnje u zaokružene i logične priče iz povijesti koja, prikazana na nov način, ne rezultira porukom, već iznova proizvodi paradoks i ironiju. Govoreći o složenim odnosima povijesti i njezine literarne obrade, Cvjetko Milanja u konačnici uočava dva modela poimanja povijesti koja se kasnije prepoznaju u literarnim obradama povijesnih tema: „Jedna je *teleološka*, kojoj ne pripadaju samo deističke inačice, nego i evolucionističko-pozitivističke ideje, eminentno modernističke koncepcije, (...) Druga je, jamačno, *neteleološka* koncepcija povijesti koja brani tezu o množini povijesnih alternativa, što znači da se *nije moralo* baš tako dogoditi.“ (Milanja: 1996:104). Neteleološku koncepciju Milanja logično prepoznaje postmodernističkom, no ovim atributom ne će se olako služiti kao odrednicom novopovijesnoga romana u hrvatskoj književnosti. Utvrdit će ipak da se „romaneskna praksa hrvatskoga poratnoga povijesnoga romana bitno razlikuje od šenoinske paradigme“ te da „iz neuzoritosti normalno proizlazi i nemonumentalnost i neteleologijnost, no neće biti sve tako jednostavno i neupitno.“ (Milanja: 1996:106).

Autentičan, sirov jezični materijal izložen je da pokaže svu usitnjenost identiteta, ideologija i kultura koje su u određeno doba koegzistirale na određenom prostoru. Čitatelju će stoga biti podastrto i izvorno rječničko blago kao potvrda mnogostrukosti jezika i kultura u prožimanju. Pojava i nestajanje likova različitih nacionalnosti na ekranu pripovijedanja kroz složene zaplete romana bit će ozvučeni i pripadajućim idiomima, odnosno prepoznaje se „da u djelu uz većinu hrvatskoga jezičnog korpusa žive talijanske, mađarske, njemačke i latinske rečenice“ (Slavić 2010:333).

Jedan od protagonista romana „Vježbanje života“⁵, Carlo, po zanimanju konobar i kasnije dioničar u posjedu nekoliko jedrenjaka, doseljenik je iz Italije privučen u grad glasovima o ekonomskom prosperitetu Rijeke⁶:

---

naglasio žanrovsku hibridnost teksta, ali je „usput“ idejno karakterizirao svoju prozu što se opsesivno bavi „histeričnom historijom“, odnosno „ludilom povijesti“ (Nemec 2003:286).

³ Isječci iz novina, govori, pučke pjesme, klasičan pjesnički repertoar...

⁴ K. Nemec ističe da se, za razliku od tradicionalnoga povijesnoga romana, tekst iz raznorodnih izvora u novopovijesnom romanu i ne pokušava beletrizirati i učiniti neprepoznatljivim u cjelini teksta.

⁵ Roman prati sudbinu dviju porodica (talijanske i hrvatske) u gradu Rijeci kroz razdoblje od 1820. do 1955. godine.

„Svi su se slagali s tvrdnjom da tamo prijeko postoji gradić u kojemu samo što kruh nebeski ne pljušti. Nije bilo manzara, kojim su dalmatinski volovi dovoženi u Mletke, nije bilo ni ratne petake, ne bi dojedrili ni pelig ni koka ili pandora u Jakin, u ma koju od lučica u pokrajinu Marche i pod Ravennu pa sve do mletačke, a da se lukom i krčmama ne bi pročulo kako i „nova vlast“, govorilo se, u tom gradiću, šakom i kapom, plaća pomorce, tesare, jedrare, konopare, skladištare, pa čak i finance, krmilare, brodograditelje i brodarske poduzetnike, „ma svu čeljad od mora“, govorilo se. A ta nova vlast bila je jednom ugarska, potom austrijska, opet ugarska...Ni Carlo ni njegovi drugovi iz malih brodogradilišta i s navoza na talijanskoj obali Jadrana, nisu pouzdano znali kada je tko gospodario tamo prijeko, ali je pomisao na „obećanu“ luku, na dobrosretnost koja bi tamo prijeko mogla čekati, stalno tinjala u svim njihovim računicama.“ (Fabrio 2005:15-16).

Carlovo zanimanje i vezanost uz more i brodove upliću dakle u već postojeće šarenilo prikazanoga gradskoga jezičnoga tkanja nove niti- izraze vezane uz more i pomorstvo, od kojih velik dio bilježi porijekom iz stranih izvora. Trajna će ideološka orijentacija Carlova sina Fumula biti određena talijanskom kulturom koju krasi veličajnost i snaga, a potisnuto majčino „neugledno“ hrvatstvo kroz priču na kraju „provaljuje“ kroz osvješćivanje sljedećih generacija kojima Povijest vraća milo za drago. Jednako kroz stvarnu povijest razvoja pomorskoga nazivlja možemo promatrati zanimljivu međugru superstratnoga talijanskoga (i drugih) jezika i stvaranje respektabilnoga korpusa hrvatskoga nazivlja u sferi u kojoj se Hrvatima mogu pripisati i značajne zasluge.

U Fabrijevu romanu koristi se neprerađen arhivski materijal (transkripti važnih političkih susreta, isječci iz novina, ulomci govora, pučke pjesme...) koji svjedoči o događanju Povijesti u gradu na Rječini, a jednako pomno, kroz jezik, autorovim glasom oživljen je svakodnevni život malih ljudi i njihovih zanimanja. Tako će nam izrazi poput *bark*, *brik*, *jedrenjak*, *škuner* ili *petaka* svjedočiti o trajnoj pomorskoj orijentaciji grada Rijeke i njezinih žitelja. Nazivi vezani uz more i brodove, opći nazivi vezani uz vodu, ribarsko oruđe i vrste riba te geografski i meteorološki nazivi snažno doprinose autentičnosti karakterizacije likova i prostora u romanu.

Hrvatsko pomorsko nazivlje upravo na prostoru što ga prikazuje Fabrijevu roman i biva prvi put sustavno opisano. Iako je govorni jezik pomoraca u raznim varijantama⁷ i ranije bilježen u književnosti i leksikografiji⁸, zahvaljujući

---

⁶ 1719.g.car Karlo VI. Proglasio je Rijeku slobodnom lukom, a uslijedila je i izgradnja značajnih prometnica (Karolina, 1728. I Luizijana 1809.) i željezničke pruge do Budimpešte 1873. Nakon Hrvatsko-ugarske nagodbe 1868. kada tzv. Riječka krpica dolazi pod mađarsku vlast, slijedi i značajan razvoj industrije i pomorskoga prometa.

⁷ Primljene iz stranih jezika različito su se fonološki ostvarile duž jadranske obale.

⁸ Već Vrančićev „Rječnik pet najuglednijih europskih jezika“ bilježi primjere pomorskoga nazivlja, iako, po mišljenju D. Stolac, „vrlo skromno u odnosu na pomorski značaj Vrančićeva čakavskoga zavičaja“ (Stolac 1998:11). I mnogi će leksikografi-autori

razvoju pomorskoga školstva na Kvarneru jača i djelatnost oko usustavljiivanja hrvatskoga pomorskog nazivlja. 1777.g. osniva se prva pomorska škola u Rijeci, potom i nautički tečaj 1808.g., no ove institucije doživljavaju stalne transformacije. Važan je početak djelovanja pomorske škole u Bakru 1849. jer će upravo njezini djelatnici biti zaslužni za stvaranje temelja sustavnom proučavanju hrvatskoga pomorskog nazivlja. U istom razdoblju osnivaju se i druge pomorske škole duž hrvatske jadranske obale: 1850. U Zadru, Splitu i Kotoru, a 1852. u Dubrovniku. Prije toga u ovim gradovima postojali su privatni pomorski tečajevi. Nastavni jezik za stručne predmete bio je talijanski, to je i službeni jezik pomorstva, no hrvatski se jezik probija najprije kroz službene dopise i nastavne planove, a kasnije postaje i nastavni jezik. 1894.g. u riječkoj je Državnoj mađarskoj kraljevskoj pomorskoj akademiji nastava i na mađarskom jeziku. S druge strane, bakarska pomorska škola ima veću zastupljenost hrvatskoga jezika u nastavi u odnosu na druge ovakve ustanove. Nastavni kadar bakarske škole stoga će u drugoj polovici 19. st. biti zaokupljen prikupljanjem i usustavljiivanjem pomorskoga nazivlja na hrvatskom jeziku, a „bakarska nautika bila je prva koja je uvela hrvatski jezik u stručne predmete, odlukom hrvatske vlade u Zagrebu 19. srpnja 1917.g.“ (Stolac 1998:31). Upravo će bakarski nastavnik i ravnatelj Božo Babić biti i autor prvoga tiskanoga hrvatskoga pomorskog rječnika iz 1870. g., a njemu prethodi rukopisni rječnik Jakova Antuna Mikoča iz 1852. godine.

Fabrio, međutim, koristeći u oblikovanju literarnoga umjetničkog djela sve raspoložive mogućnosti jezika kao sustava, jezikom reflektira živahan pomorski žargon koji se ne može poistovjetiti s normativnim rješenjima hrvatskih često (i) puristički orijentiranih leksikografa. Naime, njihova je namjera bila zabilježiti u svojim leksikografskim djelima izvorne narodne izraze, no u rječnicima su se „kao posljedica izravnih i kulturnih jezičnih kontakata našli i brojni talijanizmi i talijanske posuđenice različita stupnja prilagođenosti našem fonološko-morfološkom sustavu, te prevedenice i neologizmi po uzoru na talijanski jezik i njegove jadranske dijalekte i govor.“ (Pritchard 1993:474). A upravo je stilaska markiranost književnoga teksta ono što ga čini osebujnim i zanimljivim te je stoga pomorski žargon kao njegova sastavnica i poželjan.

Povijesni razvoj pomorskoga nazivlja Boris Pritchard (1993.) podijelit će na nekoliko razdoblja:

- razdoblje stvaranja jezgre hrvatskoga izvornoga, narodnoga pomorskoga nazivlja na starohrvatskoj (staroslavenskoj) jezgri i prvi dodiri s grčkim i talijanskim jezikom
- drugo razdoblje vrlo jakih kontakata s talijanskim jezikom, posuđivanje i adaptacija talijanskih riječi, posebno na razini lokalnih govora i dijalekata

---

nepomorskih rječnika u njih unijeti i pomorsko nazivlje, budući da su se „služili talijanskim i latinskim rječnicima, u kojima je pomorsko nazivlje bilo značajno zastupljeno.“ (Stolac 1998:16)

- razdoblje intenzivnih kontakata s engleskim jezikom i unošenja anglicizama u leksik hrvatskoga pomorskog nazivlja

Promatramo li pomorsko nazivlje u Fabrijevu romanu, zamjećujemo prisustvo riječi svih triju imenovanih slojeva, a čitatelju su, posve razumljivo, leksemi slavenske provenijencije stilski neutralni. Jezgra je slavenskih, starohrvatskih naziva iz koje će se razvijati pomorski rječnik skromna jer Hrvati do doseljenja na jadransku obalu imaju iskustva samo u brodarenju rijekama i jezerima (Pritchard 1993.). Tako će se u opisu i pripovijedanju logično naći riječi poput *krma, krmilar, lađa, luka, ploviti, plovidba, brod, brodski, brodovlasnik, konop, uže, paluba, osti, pristanište*. Posebna su stilska vrijednost i autorove tvorenice koje nisu svojina samo pomorskoga rječnika, poput *donebni, brodusina, svjetloća, sidrovlje, valovlje...*

Utjecaj talijanskoga jezika i njegovih lokalnih idioma vrlo je snažan i dugotrajan u hrvatskom primorskom prostoru jer su „Romani bili nositeljima urbanog i društvenog kontinuiteta, koji su uspostavljali vezu između obalnog pojasa i europsko-mediteranskog prostora.“ (Sočanac 2002:131). Posebno mjesto pripada mletačkom romanskom idiomu koji je tijekom stoljeća mletačke vlasti bio službeni jezik pomorstva i trgovine, a u neprestanom je dodiru s drugim jezicima Sredozemlja te prima i adaptira nazivlje i iz grčkoga jezika. Hrvatski će leksikografi u svojim purističkim nastojanjima ovakve nazive- noštromizme⁹- nastojati zamijeniti hrvatskim inačicama, no oni posve legitimno opstoje u književnom djelu. Izrazi su to poput: *batana, manzar, pelig, barkača, škver, lamarin...*

Prikazujući riječku luku kao važnu točku pomorskoga prometa opisanoga razdoblja Fabrio je posebno raskošno oslikao čitavu lepezu različitih plovila koja su se ondje mogla zateći, pa je rječnik za vrste plovila posebno podatan. Tako smo u riječkoj luci mogli zateći *bark, barkaču, korvetu, batanu, manzar, brik, nav, petaku, fregatu, koku, pelig ili pandoru*. Dijelove broda uz opći leksik označuje često i višečlano nazivlje, što se tumači nastojanjem da se detaljno i precizno naznači njihova funkcija. Stoga se tvore sintagme poput: *krmeno nadgrađe, krmena vršnjača, prveni jarbol, križni jarbol*. Brodovi zahtijevaju i poznavatelje tehnike upravljanja, pa su tu i *kapetan, kalafat, noštromo, timunjer, mornar, peljar i karatista*. Uz more i brodove vezani su i nazivi *gat, kurs, riva, škver, manevra, lamarin*, kao i izrazi iz meteorologije, poput naziva vjetrova: *burin, lebić, monsun ili pasat*.

Fabrijevo „Vježbanje života“ bavi se razdobljem kada u pomorstvu dominira jedrenjak, a pojava parobroda dovest će jednoga od protagonista, Carla, do financijske propasti. Vrijeme je to i kada na jezičnom planu osnažuje utjecaj engleskoga jezika u oblikovanju pomorskoga nazivlja. Autor će i nadolazeće

---

⁹ Noštromizmi su pomorski nazivi koji potječu iz mletačkoga (i općenito talijanskoga) pomorskog žargona koji su se prilagodili hrvatskom jeziku na fonološkoj i morfološkoj razini. Izraz „noštromo“ objašnjen je u Rječniku.

razdoblje diskretno najaviti u jeziku svoga djela, što nalazimo u primjerima poput fonološki neprilagođenoga *clipper*.

Književno djelo koristi sve što je u jeziku kao sustavu moguće, stavljajući njegove strukturne elemente u različite odnose i tvoreći specifičan umjetnički kod vlastita stvaratelja. U romanu „Vježbanje života“ taj kod odnosi se na bogatstvo različitosti. Kako je hrvatskom jeziku povijesno okruženje uvjetovalo prožimanje s drugim jezicima, najočitije je to na primjeru stvaranja stručnoga rječnika za pomorski promet, koji je i sam tek jedan vid komunikacije te uključuje razmjenu materijalnih i duhovnih dobara. Zahvaljujući vještini hrvatskih pomoraca i hrvatski je duhovni prostor, obogaćen novitetima u znanosti i umjetnostima iz prekomorskih zemalja, mogao dati razvijenom svijetu u razmjenu jednako vrijedne pojedince i djela. Razgovorni registar uzet iz ukupnosti pojma pomorskoga nazivlja u Fabrijevu romanu trag je živoga prožimanja kultura, jezika i mentaliteta na prostoru gdje je svakoj isključivosti zacrtan kratak vijek trajanja.

Mali rječnik¹⁰ pomorskoga nazivlja u Fabrijevu romanu „Vježbanje života“

bark *m* vrsta broda na jedra, *tal.* barco, tipičan trgovački jedrenjak u 2.pol.19.st., u sastavu trgovake mornarice naših krajeva, imali su 300-1000 tona nosivosti

barkača *ž* **barkaca** *ž* veliki drveni čamac, *tal.* barcaccia, *venet.* barcazza

batana *ž* pom. mali čamac na vesla (3-5 m), ravnih i koso nagnutih bokova, pogodan za ribarenje uz obalu, *usp.pasara, venet.* battana

brigantin *m* (gen.jd.brigantina) *pov.* pom. brzi i lagani jedrenjak s dva jarbola i veslima, prvi put se spominje u 15.st.; poslije kao ratni brod ima 10-20 topova, *srlat.* brigantinus←*sttal.* brigantino, naoružan prateći brod

brik *m*, **brik-škuner** *m* tip trgovačkoga jedrenjaka s dva jarbola s nastavcima, na prednjem pramčanom jarbolu ima križna jedra, a na krmenom jarbolu se razapinjalo veliko jedro šošnjača, i nad njom jedro vrška, *tal.* bricco

burin *m*, deminutiv od bura, *ven.* borina, *tršč.* borina, burina

clipper *m* brz I prostran trgovački jedrenjak, brzoplovka, *eng.* clipper

eskadra *f*, taktički ili operativni plovni sustav, dio flote za izvršenje većeg zadatka u ratu ili za uvježbavanje posade, često se naziva prema položaju, vrsti broda, zadatku, zapovjednikovu imenu ili rednom broju u sustavu flote, *franc.* escadre

flotila, flota *ž* brodovlje, *tal.* flotta

fregata *ž* *pom. 1. pov.* ratni brod staroga tipa na jedra (16.-19.st.) 2. tip ratnoga broda, *tal.* fregatta

---

¹⁰ Rječnik je sastavljen prema natuknicama u četirima rječnicima navedenima u popisu literature. Budući da neki rječnici nude gotovo enciklopedijska objašnjenja pojmova sa svim značenjskim varijacijama, u ovom Rječniku dane su samo općenite odrednice pojmova jer šira objašnjenja otvaraju nove teme za zasebnu obradu, što premašuje cilj ovoga članka.

gat *m* 1. ustava za vodu, 2. lukobran, dio luke za pristajanje brodova, *njem.* Gatt

goleta *ž* goleta košna ili škuner, mali trgovački jedrenjak, uglavnom za prijevoz tereta u granicama velike i male obalne plovidbe, košna goleta ima dva jarbola, *tal.* goletta

jarbol *m* stup na brodu za podizanje jedara, zastava i signala(sa (na) dva, tri, četiri -a ob.u opisu konstrukcije i veličine jedrenjaka, *lat.* arbor: drvo

kalafat *m* (gen. jd.kalafata) tesar brodograditelj, šuper, brodogrdilišni majstor, tur. ←*tal.* calafato←*arap.* qilafa: smoljenje brodova radi nepropusnosti

karatista, karat *m*, dio nad vlasništvom broda od 1 do 24; 2.oznaka za kvalitetu užeta prema čemu novo uže ima 24 karata

koka *ž* pov.pom. trgovački i ratni jedrenjak 11.-17-st., sa 1-3 jarbola, plovio po Sredozemnom i Jadranskom moru, *tal.* cocca, cocha, cogo

kormilar *m*, onaj koji upravlja kormilom, usmjerava plovidbu, kormilona-prava pomoću koje se upravlja, *rus.*

korveta *ž*, manji ratni brod prvotno namijenjen za protupodmorničke i protuavionske akcije te za patrolnu službu, kasnije i za ofenzivne zadatke, *franc.* corvette

kurs *m*, **korsa** *ž* smjer broda, kut koji kolumba (kobilica) čini s meridijanom, *tal.* corsa

lamarin *m* čelični lim za gradnju brodova, *ven.* lamarin

lebić *m* strana svijeta, jugozapad i vjetar odatle, *tal.* libici, libeccio

manevra *ž* kretanje s brodom ili jedrima, manovrat- upravljati brodom, *tal.* manovrare

manzar, manzera *ž* svaki brod za prijevoz stoke (volova) u Mletke u posljednjim desetljećima 18. stoljeća, nazivani i volaricama, *tal.venet.* manzera

monsuni *m* vjetrovi koji zimi pušu s kopna, a ljeti s mora, uglavnom na velikim područjima Južne Azije, *nizoz.* monsoen; *port.* monçao; *arap.* mäwsim: sezona, godišnje doba

mornar *m*, brodar na moru, *tal.* marinao

nav *ž* i **nava** *f* brod, lađa, *tal.* nave

noštromo *m*, kao poručnik zapovijeda na provi do krmina jarbola, te sa ili po kapetanovu nalogu izvršava naredbe, također podržava jedinstvo između brodske momčadi, *tal.* nostro uomo (za naše pomorce „naš čovjek“ za razliku od talijanskih ili austro-ugarskih oficira)

paklina←**pakal, pakao** *m* smola s dodatkom drvenog katrana i loja, fig.trošit pakal na tuji brod-raditi nešto beskorisno

pandora *ž* jedrenjak sličan fregadonu s dva jarbola i kosnikom, *tal.* pandora

pelig *m* (*nom. mn.* pelizi) pom. obalni jedrenjak sličan trabakulu, ali veći od njega (duljina do 28 m) *venet.* pielego

petaka/pataka *ž* *pom. pov.* trgovački i ratni brod 18. i 19.st. veličine karavele, šireg i okruglog trupa; zamjenjuju ga brik, koverta i kuter, *tal.* patacchia

propeler *m* (gen.jd.propelera)1.tehn.dio propulzijskog sustava broda ili aviona koji pretvara snagu pogonskoga stroja u porivnu silu i tako ga pokreće, vijak, elisa, *njem.* Propeller, ←*eng.*propeller ≈ *lat.*propellere: tjerati naprijed
riva *ž reg.razg.* ozidana i uređena obala u gradskoj luci, *tal.* riva
sidro *sr* naprava koja se baca na dno da drži brod na mjestu, kotva, *grč.* sideron, starogrč. sideros, u jezik stiže posredstvom dalmato-romanskoga
osti *ž mn* baltoslavenski i praslavenski ribarski termin, *pluralia tantum* jer sadrži više oštrica
paluba *ž* Šulekov rusizam, umjesto *tal.* kuverta, natkrovak na lađi; pa+lub, lu-bočka, *lit.* luba, daska
pasati *m* stalni umjereni vjetrovi koji pušu između tropa i ekvatora, *njem.* Passat
peljar *m*, onaj koji vodi, pelja, provodi brod u luku ili iz luke, *prasl.*voziti, vući, tegliti
sošno jedro ili sošnjača *sr./ž* jedro u obliku trapezoida, razapeto uz sošnjak i jarbolno deblo, naziva se prema jarbolu
sošnjak *m* drvena oblica ili čelična cijev koja ide koso prema gore do vrha jarbolnog debela
škver *m* malo brodogradilište, *ven.* squero
timunjer *m* kormilar, iskusan mornar koji zna oznake vjetrovnika, šivati i krpati jedra, popravjati brodsku opremu, *tal.* timoniere
trabakul *m* (**trabakula** *ž*) teretni jedrenjak zaobljenog pramca i oštre krme, uži od bracere, *tal.* trabaccolo; *arap.* trabaqah: krov, krovište, pokrov, *sicil.* trabacca
vašel *m* naziv za veći jedrenjak i najveći tip ratnog broda do 19.st, *tal.* vascello
vršnjača *ž* trokutasto jedro koje se razapinje iznad sošnog jedra, tj.između sošnjaka i jarbolnog nastavka, naziva se prema jarbolu uz koji je razapeta: prednja, glavna ili velevrška te krmena vršnjača

Literatura

- Anić, Vladimir 1998. *Rječnik hrvatskoga jezika*, Novi Liber, Zagreb
 Anić, Vladimir-Goldstein, Ivo 2009. *Rječnik stranih riječi*, Novi Liber, Zagreb
 Bagić, Krešimir (ur.) 2002. *Važno je imati stila (zbornik)*, Disput, Zagreb
 Fabio, Nedjeljko 2005. *Vježbanje života (kronisterija)*, Profil, Zagreb
 Fališevac, D., Nemeć, K., Novaković, D. 2000. *Leksikon hrvatskih pisaca*, Školska knjiga, Zagreb
 Milanja, Cvjetko 1996. *Hrvatski roman 1945-1990. – L – Biblioteka Zavoda za znanost o književnosti Filozofskoga fakulteta Sveučilišta u Zagrebu*, Zagreb
 Nemeć, Krešimir 2003. *Povijest hrvatskoga romana od 1945.do 2000. godine*, Školska knjiga, Zagreb
 Pranjeković, Ivo 2003. *Jezik i beletristika*, Disput, Zagreb
 Pritchard, Boris 1993. *Povijesni razvitak hrvatske jezične leksikografije u pomorstvu*, Pomorski zbornik 31:471-489

- Skok, Petar 1971. *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika* (ur. Mirko Deanović i Ljudevit Jonke), JAZU, Zagreb
- Slavić, Dean 2010. *Struktura Fabrijeva romana Vježbanje života* (1985), *Obnovljeni život*, Vol.65 No.3. 325-339
- Sočanac, Lelija 2002. *Talijanizmi u hrvatskome jeziku*, *Suvremena lingvistika* Vol.53-54, No.1-2: 127-142
- Stolac, Diana 1998. *Hrvatsko pomorsko nazivlje*, Izdavački centar, Rijeka
- Stepanić, Željko 2005. *Hrvatsko pomorsko nazivlje od početaka do polovice 19.stoljeća*, *Naše more*, Vol.52, No.5-6: 248-257
- Stepanić, Željko 2006. *Hrvatsko pomorsko nazivlje od polovice 19.stoljeća do sloma Austro-Ugarske Monarhije*, *Naše more*, Vol.53, No.1-2: 63-76
- Stepanić, Željko 2007. *Gdje je nestao božman?*, *Naše more*, Vol.54, No.1-2: 72-75
- Vidović, Radovan 1984. *Pomorski rječnik*, Logos, Split

Словоформа как элемент языковой системы и речевой среды

The article deals with the functioning of the word form *супруги* 'spouses' in Russian. The main point is if the fact of speech can combine members of paradigm of different words. Given examples serve as the basis for reflections about correlation between the part and the whole, the system and the surroundings in the language.

Keywords: word, word form, paradigm, system, surroundings

Грамматическое значение словоформы определяется тем местом, которое она занимает в системе словоизменения (и, уже, в парадигме данной части речи). Это легко показать на примере омонимичных форм: одно дело, допустим, факт речи *солдат* как форма именительного падежа единственного числа, а другое – как форма родительного или винительного падежа множественного числа того же слова. Формально они одинаковы, но за ними стоит разное значение. Тем более эти различия очевидны, когда речь идет о словоформах, принадлежащих разным лексемам, соответственно разным парадигмам (сравним, к примеру, *выпей* как форму повелительного наклонения от глагола *выпить* и *выпей* как форму родительного падежа множественного числа от существительного *выпь*): понятно, что при материальном тождестве перед нами совершенно различные единицы языка.

Таким образом на практике утверждается примат холистического (от греч. *holos* 'целое') подхода над атомистическим. Приоритет целого по отношению к части давно пробивал себе дорогу в лингвистике в виде высказываний о роли контекста, о значении парадигмы, о необходимости системного подхода и т.п. Один из известных афоризмов австрийского философа Людвига Витгенштейна звучит так: «Только предложение имеет смысл; только в контексте предложения имя обладает значением» (Витгенштейн 1958: 39). А американский психоллингвист Уолтер Кинч идет еще дальше, утверждая: говорящий «имеет дело скорее с текстом, чем с предложением» (Kintsch 1982: 357). В последние годы холистический подход находит себе воплощение в развитии лингвистики текста, в разработке научного принципа эмерджентности и даже в целом методологическом направлении – синергетике, согласно которому соединение компонентов дает эффект, превышающий их суммарное действие.

Однако не всегда частные различия, выводимые из более общей картины, носят столь очевидный и элементарный характер. Попробуем

рассмотреть отношения между некоторыми фактами речи на примере русской словоформы *супруги*.

Заметим: в данном случае мы не будем касаться ни матримониальных, ни шире – социальных, ни исторических аспектов супружества (хотя этимология слова *супруг* любопытна как реконструкция представления об «упряжке» или повозке, в которую впрягаются члены семьи). Оставаясь в рамках традиционной модели гетеросексуального брака, мы сосредоточимся исключительно на классических проблемах грамматической и лексической семантики. Итак, что же такое *супруги*?

В самом общем случае ответ таков: словоформа *супруги* как носитель значения именительного падежа означает ‘муж и жена’, ‘брачная пара’, одним словом, ‘семья’. Причем, в отличие от выражения *муж и жена*, это слово **стилистически маркировано**, оно имеет возвышенную или «официальную» окраску. Это значит, что оно довольно редко употребляется в разговорной речи, но зато встречается в иных речевых ситуациях. Например, оно вполне уместно в следующей газетной информации: *Супруги Петровы перечислили в Детский фонд 100 тысяч рублей*. Это значит: ‘муж и жена, которые носят фамилию Петровы...’. Сравним с предыдущим и такой пример: *Супруги Иванов и Петренко перечислили...* и т.д. – это значит ‘муж Иванов и его жена Петренко...’. Излишним кажется подчеркивать, что когда мы толкуем *супруги* через ‘муж + жена’, то мы имеем в виду одного мужчину, который является мужем своей жены, и одну женщину, которая является женой своего мужа. Однако такое уточнение не совсем бессмысленно, как мы увидим далее.

Дополнительная сложность заключается в том, что слова *супруг* и *супруга* минимально различаются друг с другом в словообразовательном отношении. Если брать исходную, лемматизированную форму, то эти два слова различаются соответственно нулевой флексией и окончанием *-а* (ср. подобные случаи: *гость* и *гостья*, *сват* и *сватья* и т.п.). Да и в целом словоизменительные парадигмы существительных *супруг* и *супруга* содержат много формальных совпадений. Так, в словоформе *супруга* совпадает родительный падеж существительного мужского рода и именительный падеж женского рода, в словоформе *супругу* – дательный падеж существительного мужского рода и винительный падеж женского и т.д. Прекрасно обыграл это А.С. Пушкин в «Графе Нулине»:

А что же делает супруга

Одна в отсутствии супруга?

Итак, интересующая нас словоформа *супруги* имеет значение множественного числа. А как будет единственное? Первый ответ, который приходит в голову, -- это *супруг*. Но нет, *супруги* – это ведь не ‘супруг + супруг’, второй участник этого союза – супруга. Однако сказать, что единственное число к *супруги* будет *супруга*, -- тоже несправедливо. Обычно значение множественного числа в грамматике

сводимо к сумме представителей обозначаемого множества, например, *столы* – это ‘стол + стол + стол...’. Но свести значение множества *супруги* по отдельности к составляющим ‘супруг’ или же ‘супруга’ невозможно. Придется признать, что слово *супруги* не имеет единственного числа, а значит, это существительное *pluralia tantum* («только множественное»), как *ножницы*, *гусли* или *очки*. Но напомним, что в плане содержания число у таких слов нейтрализуется. *Очки* ведь – это и один предмет, и много (ср.: *Куда я дел свои очки?* и *Окулист выписывает больным очки*). Точно так же *супруги*, строго говоря, может означать не только одну супружескую пару, но и некоторое их количество, ср.: *Супруги Ивановы и Петровы придут позже*.

Итак, в русском языке есть существительное мужского рода *супруг*, существительное женского рода *супруга* и, отдельно, существительное *pluralia tantum* *супруги*. Случай с *супруги* – особый, но не уникальный. Есть в русском языке и другие слова, называющие некоторую «общность людей» грамматической формой множественного числа, для которой трудно установить единственное число. Таковы, например, словоформы *родители*, *молодожены* или личные местоимения *мы*, *вы*, *они*.

В частности *родители*, как известно, – это ‘отец и мать’. Но нельзя сказать, что *родители* – это множественное число от *родитель* (или от *родительница*). Вообще *родитель* и *родительница* – какие-то «странные», неполноценные слова. Правда, словарь (БТСРЯ 1998) дает: РОДИТЕЛЬ – отец и РОДИТЕЛЬНИЦА – мать; обе лексемы с пометой «разг.». Но у них сильный иронический оттенок, трудно себе представить фразы: «Я – родитель Пети Иванова» или «Петя, пусть твоя родительница придет в школу». Можно также предположить, что *родитель* может использоваться как существительное общего рода, ср.: *Каждый родитель должен знать свои права и обязанности!* Но трудно отделаться от впечатления, что *родитель* и *родительница* для современного языка – искусственные названия (естественные – это *отец* и *мать*). А вот *родители* – частое и нужное слово, однако единственного числа оно, строго говоря, не имеет, это опять-таки *pluralia tantum*. Добавим к этому, что, как и *супруги*, это существительное может также обозначать некоторое количество родительских пар или отдельных родителей. Например: *Уважаемые родители, просим сдать деньги на выпускной вечер* (здесь в совокупность родителей входят и, скажем, матери-одиночки).

Причем, если соотносить это слово с толкованием ‘отец и мать’, то становится явным его супплетивная природа: *родители* образовано от другого корня. Польский лингвист Ежи Курилович считал, что именно с подобных случаев начиналось формирование оппозиции «множественность – единственность». По его мнению, множественность изначально воплощалась в словесном обозначении группы лиц,

объединяющихся вокруг некоторого центрального, «привилегированного» лица мужского пола: «*родители* – это отец плюс + еще кто-то...», «*Радзивиллы* – это Николай Радзивилл + остальные, более поздние Радзивиллы...»; «*Ивановы* – это глава семьи Иванов + его жена или кто-то еще из его семьи»; «*мы* – это я + еще кто-то»... Поскольку второе слагаемое оставалось размытым, Е. Курилович называл такое множественное число эллиптическим. Позже, по его теории, развивалось множественное коллективное и множественное математическое (Kuryłowicz 1987: 127 – 129).

Но вернемся к нашей словоформе *супруги*. Вообще-то она ведь не всегда обозначает семью из двух человек. Словоформа *супруги* может быть также множественным числом для лексем *супруг* (мужского рода) или *супруга* (женского рода). Вот примеры первой из названных ситуаций:

Пока женичины готовили на стол, их супруги сочиняли поздравительный тост.

Первый и второй супруги голливудской красавицы были незнакомы друг с другом.

А вот примеры второй ситуации: *супруги* представляет собой форму множественного числа слова *супруга*:

Супруги послов решили организовать клуб.

Бывшие супруги артиста Михаила Козакова не могут поделить между собой наследство.

В таком случае *супруги* означает ‘несколько (два и более) чьих-то мужей’ или ‘несколько (две и более) чьих-то жен’. Причем – это очень важно – в высказывании в таких случаях должно быть упоминание о том, **чьи** это мужья или жены. (Такое условие не сопровождается употреблением слова *супруги* ‘семья’.)

Это выявляет еще один аспект, в котором слова *супруг* и *супруга* представляют интерес для лингвиста. Они обозначают не положение человека в обществе (т.е. его статус), а **отношение** его к другим людям (то же самое, заметим, делают и другие названия родственников).

Нельзя сказать по-русски: -- *Ты кто?* -- *Я супруг* или -- *Она кто?* - - *Она супруга*. Это при том, что можно сказать: *Я инженер, Я филолог, Я пожилой человек*, даже на вопрос *А кто я такой?* возможен ответ: *Я никто*. Но нельзя сказать просто *Я муж* или *Я брат*. Можно сказать только: *Я – брат режиссера, Это мой муж* или *Она супруга Иванова, Она Петру дальняя родственница* и т.п. Иными словами, название родственника, использованное в качестве предиката, само по себе ничего не значит, оно требует отсылки ко «второму субъекту» (это лицо, с которым устанавливается отношение). И этот «второй субъект», как мы видим, выражается обычно зависимым существительным в родительном (или дательном) падеже или же притяжательным местоимением.

Если при словах типа *супруг, муж, брат, отец* и т.п. нет согласованного или несогласованного определения, отсылающего ко «второму субъекту», то в качестве такового автоматически («по умолчанию») подразумевается первый субъект. Примерами могут служить высказывания: *Муж пришел под утро* (это значит ‘мой муж’). *Во Дворце спорта я встретил брата* (‘моего брата’). *Она провожала сестру* (‘свою сестру’) и т.п. Любопытно, что если родственная связь обрывается или вообще исключается из поля зрения носителя языка, то термин родства может из слова, обозначающего отношение, превратиться в статусное наименование, ср.: *Она – брошенная супруга* (уже неважно, чья); *Сын за отца не отвечает*; *Многодетная мать – гордость общества*; *Муж объелся груш* (поговорка) и т.п.

Таким образом, при ближайшем рассмотрении за словоформой *супруги* обнаруживаются по крайней мере три омонима, а точнее – **три омоформы**. Соответственно, они входят в три разные парадигмы:

1) *супруги* – существительное со значением ‘семья’, не имеющее единственного числа;

2) *супруги* – форма мн.ч. от существительного *супруг*, обозначающая нескольких мужей; она входит в ряд форм множественного числа: *супругов, супругам, супругов...*;

3) *супруги* – форма мн.ч. от существительного *супруга*, обозначающая нескольких жен; она входит в ряд плюральных форм *супруг, супругам, супруг...* и т.д.

Любопытно, что третье словоупотребление встречается, по нашим наблюдениям, чаще, чем второе. Причина может крыться либо в том, что жены чаще, чем мужья, «кучкуются», составляя временный коллектив, либо в том, что женщин чаще определяют по их матримониальным отношениям к мужчине, чем мужчин – по их отношениям к женщинам.

Но на этом семантические сложности не кончаются. Представим себе следующую картину. Две супружеские пары, хорошо и давно знакомые, заказали столик в ресторане, чтобы вместе поужинать. Играет музыка, желающие танцуют. Один из мужчин приглашает супругу своего соседа и приятеля, они уходят танцевать. За столиком остаются, фигурально выражаясь, обломки семейных пар: муж без жены и жена без мужа. И он ей говорит:

-- Пока наши супруги танцуют, давай поговорим о деле.

И вот тут возникает очередной вопрос: **можно ли** так сказать?

Если да, то словоформа *супруги* приобретает еще одно, четвертое значение. Это ‘чей-то супруг + чья-то супруга’. Так сказать, некоторое количество *супругов* и *супруг* «поштучно». Опрос, проведенный среди студентов-филологов, разделил аудиторию: примерно половина респондентов решила, что так сказать можно, другая половина – что перед нами ошибочное, неправильно построенное высказывание.

Но если все же считать подобную фразу реальностью, то получается, что в форме множественного числа *супруги* мы объединяем значения **двух разных слов**: *супруг* и *супруга*, чего быть не должно. Этот запрет можно сформулировать в более общем виде: члены разных словоизменительных парадигм, даже если они материально совпадают, не могут быть сведены в одну словоформу – именно потому, что они представляют разные парадигмы, **разные языковые единицы**. Вот тут мы и возвращаемся к начальным рассуждениям о соотношении в языке части и целого. Словоформа оказывается слугой двух господ. С одной стороны, она является речевым представителем парадигмы слова как языковой единицы, а, с другой стороны, выступает как элемент речевого контекста, шире говоря – дискурса.

Мы осознаем, что затрагиваем здесь очень серьезную проблему **единства слова**. Более всего эта проблема волнует лексикологов, имеющих дело с многозначными словами (см., например: Залевская 1982: 47 – 52). Понятно: в идеале каждое слово в конкретном контексте реализует только одно из своих значений. Однако на практике ситуация оказывается значительно сложнее, и в новейшей литературе можно найти доводы в пользу «комплексности» полисемичного значения (см., в частности: Перцов 2006: 241 – 243). Конечно, если одна и та же форма обладает заведомо разными значениями (т.е. она омонимична), то это налагает определенные ограничения на ее функционирование. Мы же не можем, допустим, говоря о том, что коса как сельскохозяйственное орудие по форме похожа на женскую косу, добавить: «Но все эти косы меня сейчас не интересуют» (можно сказать только: «Ни та, ни другая коса...»).

Но, может быть, эти ограничения носят искусственный характер и носитель языка их не ощущает? Вот, например, каким образом рекламировалось моющее средство в одной из русскоязычных белорусских газет: *Тем самым утомительное мытье ванны после ее принятия значительно облегчается. Достаточно направить струю горячей воды на загрязненную поверхность, и грязь вместе с жиром тут же удаляется* («Ва-Банк», 01.10.2007). В данном случае в одном контексте объединены два выражения: свободное сочетание *мытьё ванны* и фразеологизованное *принятие ванны*. Вообще-то сказать **принятие и мытьё ванны* нельзя (*ванна* тут в разных значениях), но, получается, так говорят. По сути, это уступка, которую говорящий делает по отношению к языковой форме. И факты такого рода заслуживают дополнительного комментария.

В принципе, как известно, омонимия – нередкая причина речевых недоразумений, коммуникативных неудач (см.: Норман 2004: 207). Вот один характерный пример, отсылающий нас к биографии художника Михаила Шемякина: *Слава Лён деньги достал, привез в аэропорт, и художник предложил в обмен три туши. Слава решил, что имеются в*

виду три рисунка тушью, при тех ценах дороговатых. Как же кусал он локти, когда «тушь» обернулась тремя бычьими тушами, написанными маслом на огромных холстах! («Общая газета», 1995, № 37). Случайное совпадение в одном факте речи лексем *тушь* и *туша* привело, как мы видим, к элементарному непониманию.

Возвращаясь к «четвертому» толкованию словоформы *супруги*, можно предположить, что прецедентную основу для подобных речевых погрешностей создают тексты с эстетическим и игровым эффектом – это они приучают носителя языка к тому, что за одной формой может в одно и то же время скрываться разное содержание. Как известно, на сталкивании многозначных или омонимичных форм строятся каламбуры, многие речевые шутки и остроты. Приведем три примера. Первый из них – анекдотический диалог в армейской столовой:

-- Товарищ старшина, мясо положено?

-- Положено, так ешь!

-- Так ведь не положено.

-- А если не положено, тогда не ешь!..

Два значения омонимичной словоформы *положено* – ‘имеется внутри’ и ‘должно быть’ – в принципе исключают друг друга. Однако формальное их сходство служит в данном контексте поводом для намеренного столкновения двух лексем.

Второй пример – свежая шутка:

-- Блин! – сказал Слон, наступив на Колобка.

Здесь опять-таки в одном факте речи *блин* совмещаются значения двух лексем: название выпечного изделия и распространившееся в последние годы междометие (по сути представляющее собой эвфемизм к междометию обценному, ругательному).

А в третьем примере – отрывке из художественного текста – мы видим, как говорящий с легкостью перескакивает с одной темы (космических пришельцев) на другую (болезни) благодаря речевой паронимии словоформ *болид* и *болит*:

...Никаких пришельцев нет, а это всё болиды. Какие болиды? Ну, он не может точно сказать <...> Один остряк тут же придумывает: «У кого что болид, тот о том и говорит». Что у кого болид, товарищи? У Коробейникова болид язва (Т. Толстая. Пламень небесный).

Иногда частный и, казалось бы, малозначащий факт речи служит лингвистам поводом для уточнения или даже совершенствования лингвистической теории. Конечно, приведенные выше примеры со словом *супруги* особой ценностью в данном плане не обладают, но они выводят нас на обсуждение принципиальной возможности объединения в речи оппозитивных грамматических значений, т.е. совмещения разных слов в одной словоформе. На первый взгляд, эта «неправильная» ситуация может быть истолкована как проявление «экономии речевых усилий». Но она проливает дополнительный свет и на механизмы речевой

деятельности. Принято считать, что вся человеческая коммуникация ориентирована на содержание, на смысл. На деле же оказывается, что носитель языка придает немаловажное значение формальной стороне знака (ср.: Норман 2008). Кроме речевых ситуаций, обусловленных эстетическими сверхзадачами, об этом нам напоминают и «легализованные» факты народной этимологии (ср. историю русских слов типа *свидетель, ординарный, столпотворение* и т.п.).

А если подходить шире, то рассмотренные нами факты имеют отношение к общему конфликту языковой системы и речевой среды, составляющему центральную проблему в новейшем направлении «естественной грамматики». Правда, А.В. Бондарко замечает: «Если система по самой своей сущности представляет собой целостное образование, то среда не характеризуется обязательным признаком целостности...» (Бондарко 2004: 93). Но по отношению к речевой единице среда несомненно играет роль того целого, в составе которого данный элемент реализует свое значение. И хотя, как мы видели, формальное сходство создает сильный «повод» для речевого объединения разных единиц (в нашем случае – словоформ), каждая из них остается представителем своей лексической (языковой) единицы. Система демонстрирует свое превосходство над средой.

Литература

- Бондарко А.В. Теоретические проблемы русской грамматики. Санкт-Петербург, 2004.
- БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка / Глав. ред. С.А. Кузнецов. Санкт-Петербург, 1998.
- Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. Москва, 1958.
- Залевская А.А.В. О некоторых аспектах связи между формой и значением слова // Текст как психолингвистическая реальность / Отв. ред. Ю.А. Сорокин. Москва, 1982. С. 42 – 60.
- Норман Б. Значение слова и смысл предложения: семантический компромисс в ходе восприятия текста // Wyraz i zdanie w językach słowiańskich. 4. Opis, konfrontacja, przekład / Pod red. I. Łuczków i J. Sokołowskiego (Acta Universitatis Wratislaviensis. № 2611). Wrocław, 2004. С. 203 – 209.
- Норман Б. Формальное сходство слов как основа для их семантического сближения (к развитию переносных значений в нон-стандарте) // Standardisierung und Destandardisierung. (De)Standardisierungsphänomene im Russischen und Tschechischen. Beiträge des gleichnamigen Kolloquiums vom 22. Juni 2007 am Institut für Slawistik der Friedrich-Schiller-Universität Jena. Herausgegeben von J. van Leeuwen-Turnowcova et al. (Specimina Philologiae Slavicae. Bd. 148). München: Verlag Otto Sagner. 2008. С. 127 – 147.
- Перцов Н.В. К суждениям о фактах русского языка в свете корпусных данных // Русский язык в научном освещении. 2006, № 1. С. 227 – 245.
- Kintsch W. Memory and Cognition. Malabar, Florida. 1982.

Kuryłowicz J. Studia językoznawcze. Warszawa, 1987.

Выражаю сердечную благодарность доктору Карлова университета (Прага) Н. Райноховой, с которой обсуждались отдельные положения данной статьи.

«Русский мир в зеркале венгерского языка, венгерский –
в зеркале русского»

Abstract: The authors of the paper analyse the problems in connection with the Hungarians' and Russians' national linguistic picture of the world, namely the nominations of loanwords meaning artefacts. They analyse nominations containing adjectives derived from geographic names, nominations with *orosz* (Russian) in the Hungarian language and *венгерский* (Hungarian) in the Russian language.

Keywords: linguistic picture of the world, nomination, adjectives derived from geographic names

Как известно, в разные эпохи исторического развития в языки всех стран входили заимствования из других иностранных языков. Это были слова, приходящие из-за границы вместе с предметами (понятиями, явлениями), которые они называли - инструменты и технические термины, названия бытовых предметов, новые понятия в науке и технике, в морском деле, в административном управлении, в искусстве и т. д. Эти заимствования были обусловлены экстралингвистическими факторами, хорошо описанными в специальной литературе. Процесс языкового заимствования описан в ряде исследований, посвященных тем или иным, преимущественно европейским языкам. В России первым об этом лингвистическом процессе написал М.В. Ломоносов, в Венгрии на заимствования из латинского языка обратил внимание ещё в XVI веке Янош Сильвестер.

Заимствованная лексика используется и методистами в области преподавания РКИ, особенно на начальном этапе обучения.

Однако наряду с абсолютно новыми сущностями материального и идеального мира в разные страны проникали и такие, для которых не требовалось заимствовать их иноязычное именование, а было необходимо лишь добавить новое определение к уже известному слову родного языка, чтобы внести некоторое уточнение. Примером этого явления может быть появление в России такого названия, как *венгерская куртка*, или *венгерка* (*zsinóros huszármente, rövid bőrkabát, bekecs*), а в Венгрии - *orosz kemence* (*русская печь*). Из приведенных примеров видно, что именованья предметов шли как уточнение вида чего-либо уже известного, причем лингвистическим выразителем этого видового отличия становилось оттопонимическое прилагательное или оттопонимическое существительное.

Так за несколько веков активных экономических, политических и культурных контактов Венгрии и России в быту обеих стран появилось

некоторое количество (несколько десятков) артефактов и их именовании, называющих эти заимствования оттопонимическими существительными или сочетаниями существительных (как правило, названий предметов) с оттопонимическим прилагательными *русский* (в Венгрии) и *венгерский* (в России).

Интересно отметить, что часть такого рода единиц фиксируется лишь словарями прошлых столетий, а в современные не входит, или входит лишь в специальные издания и обывателю не понятна, что еще раз говорит о подвижности и изменчивости лексического состава языка. Очевидно, что сегодня интерес к таким единицам, их значению и этимологии носит академический характер.

Прежде, чем перейти к рассмотрению названных единиц, следует отметить, что процессы заимствования и такого рода номенирования - явление интернациональное. В каждой культуре есть ряд предметов и явлений, именуемых с помощью оттопонимических языковых единиц, образованных от названий других стран, а также городов других стран и иных географических объектов. Причем, часть такого рода объектов именуется одинаково во всем мире, их связь с той или иной страной не подвергается сомнению (*русская рулетка*), а часть меняет название, перемещаясь по планете. Так, например, знаменитый русский салат «Оливье» в Венгрии называется *orosz hússaláta*, то есть *русский мясной салат*.

Как показывают наблюдения, появление того или иного оттопонимического прилагательного в названии некоторого артефакта часто определялось тем, из какой страны данная вещь пришла, что вовсе не означает, что именно в той стране или в том городе данная вещь была изобретена, и отсюда ее название. Более того, часто жители какой-либо страны или города и не подозревают, что их именем называется некоторый продукт (вещь) в другой стране. Например, для русских удивительно звучит то, что в Венгрии черный чай называют *orosz tea* (*русский чай*), так как мало кому известно, что появление такого названия связано с тем, что перевозкой чая караванами из Индии в Европу, в частности, в Венгрию, занимались русские купцы.

Другой вариант: кондитерские изделия с творожной начинкой популярны у многих народов Европы, однако весьма популярные булочки с творожной начинкой в России называются *венгерскими ватрушками*, что удивительно для венгров, так как в Венгрии это просто *túrós táska* (*творожная сумка (булка)*).

Еще одно любопытное явление. Часто названия – оттопонимические существительные по форме являются омонимами собственно географических названий или именовании женщин, представительниц той или иной страны (национальности). Поэтому, например, в русском языке только написание слова *венгерка* со строчной или прописной буквы и,

конечно, контекст дают возможность понять, идет ли речь о сорте сливы, танце, фасоне куртки или о женщине, венгерке по национальности.

Таким образом, рассматриваемые номинации по структуре можно разделить на две группы:

1. словосочетания, состоящие из оттопонимического прилагательного и нарицательного существительного, например, *венгерская ватрушка*;
2. имена существительные, образованные от топонимов различными способами, например, *венгерка*.

По имеющимся у нас данным (на основе анализа словарей и наблюдений), и в современном русском языке, и в современном венгерском имеется несколько десятков соответствующих общеизвестных единиц. Они образованы от названий стран, городов и других географических объектов. Среди рассматриваемых номинаций артефактов можно выделить несколько групп, интересных с точки зрения соизучения языка и культуры в рамках преподавания русского языка как иностранного.

1. Номинации по названию страны (Венгрии или России), где существует, возник, изобретен и производится (воспроизводится) артефакт или явление:

русская печь - orosz kemence
русская рубаха - orosz ing
русская зима - orosz tél
русская тройка - orosz trojka

tokaji (bor) - токай (вино), токайское вино, токайское
magyar bor - венгерское вино
herendi porcelán - херендский фарфор

В эту группу в основном входят предметы, которые производятся по-прежнему в России или в Венгрии, их именованья стабильны, хорошо известны не только в Венгрии и в России, но и во всем мире как своего рода национальные бренды. Эти единицы формируют страноведческие и культуроведческие знания учащихся о мире, а включенные в учебные пособия по РКИ – знания русских наименований известных предметов или явлений, в соответствии с системой образования, звучания и написания относительных прилагательных русского языка

2. Номинации по названию страны (Венгрии или России), где существует, возник, изобретен, откуда заимствован артефакт, который известен, производится (воспроизводится) и в других странах:

венгерка (besztercei szilva) – сорт слив с продолговатыми красными или синими плодами и отстающей косточкой;

венгерка (magyar tánc, csárdás, magyar tánczene) – народный венгерский танец;

венгерка (zsinóros huszármente, rövid bőrkabát, bekecs *устар*) – в России XIX в. - предмет мужского костюма в виде куртки с высокой талией, шнурами по швам и поперечными шнурами для застегивания;

венгерская ватрушка – сдобная булочка из слоеного теста с творожной начинкой;

венгерская легавая (magyar vizsla) – старинная порода собак, выведенная в Венгрии;

«венгерская пёстрая» (magyar tarka) – венгерская порода крупного рогатого скота;

«венгерские карты» или «карты Телла» (magyar kártya), венгерский сервелат – сорт варено-копченой колбасы;

«венгерский странник» - фигура, элемент упражнения, изобретённый венгерским гимнастом Золтаном Мадьяром (Magyar-vándor) ;

русская борзая (orosz agár) – порода собак, выведенная в России;

русская голубая кошка (orosz kék macska) – порода кошек, выведенная в России;

русский спаниель (orosz spániel) – порода собак, выведенная в России;

русская икра (orosz kaviár) – соленая икра осетровых рыб;

русская рулетка (orosz rulett) – экстремальная азартная игра, по правилам которой в револьвер заряжается один патрон, после чего барабан несколько раз проворачивается так, чтобы игроки не знали, где располагается единственный патрон. Игроки по очереди подносят дуло револьвера к собственной голове и нажимают на спусковой крючок.

Эти единицы формируют знания венгерских учащихся о русских наименованиях артефактов венгерского происхождения, а также о венгерских наименованиях артефактов русского происхождения. Они давно производятся в Венгрии (или в России), и отношение к той или иной стране имеют только по названию, которое фиксирует их происхождение, изобретение или другого рода соотнесенность. Интересно, что предметы, именуемые «венгерскими» в России, скорее всего, хорошо известны венграм, изучающим русский язык, но в венгерском языке названия этих предметов зачастую иные, так же, как и многое «русское» в Венгрии удивляет русских по названию, но не по сущности.

Здесь следует отметить, что возможна еще одна ситуация, связанная с так называемой народной этимологией. Так произошло, например с венгерским названием *orosz krémtorta* (русский кремовый торт), неправильно семантизированным народной этимологией. На самом деле это не русский торт, а торт, приготовленный по рецепту венгерского кондитера по фамилии Ороси, о чём большинство венгерского населения не знает, и что вызывает приятное удивление у русских, в традиционной кухне которых торт – не самое популярное кондитерское изделие.

Названные номинации, следовательно, создают коммуникативные трудности. Поэтому именно эта группа единиц представляет наибольший интерес применительно к сфере преподавания русского языка как иностранного как еще одна группа номинаций интересных с точки зрения лингвострановедения, то есть соизучения языка и культуры.

Приведенный выше краткий структурный и семантический анализ номинаций заимствованных соответственно венгерской и русской культурами артефактов, именуемых с помощью оттопонимических единиц, позволяет, на наш взгляд, утверждать, что эти слова и словосочетания представляют интерес и с точки зрения изучения контактов России с Венгрией, и с точки зрения методики преподавания РКИ, одним из принципов которой является принцип учета национальной культуры адресата.

Насколько нам известно, в практике преподавания русского языка как иностранного такого рода лингвокультурологическая информация используется, например, при изучении образования и значения относительных прилагательных. Представляется, что венгерским студентам, изучающим русский язык, будет интересно узнать, что в России называется «венгерским» и рассказать, что в Венгрии называется «русским».

Однако следует отметить, что интерес представляют не только именованья со словами *венгерский* или *русский*, а еще и достаточно большое количество наименований предметов, которые отличаются в русском и венгерском языках по наличию или отсутствию в номинации оттопонимического прилагательного. Возможны варианты:

1. В венгерском языке предмет именуется с помощью оттопонимического прилагательного, а в русском - нет, например: angolpark и лунапарк, görgödinnye и арбуз; perzsagallér – и каракулевый воротник; törökparadicsom и баклажан и т.д.
2. В русском языке предмет именуется с помощью оттопонимического прилагательного, а в венгерском - нет, например: английская булавка и biztosítótű; грецкий орех и dió; английский замок и biztonsági zár.

Представляется, что было бы интересным создать пособие, под

обложкой которого был бы собран столь занимательный материал, демонстрирующий еще один вариант проявления связей и заимствований между странами и языками.

Литература

- Венгерско-русский словарь, Под общей ред. Л. Гальди. – 2-е изд., стереотип. – Москва-Будапешт, «Русский язык»-Издательство Академии наук Венгрии, 1987.
- Orosz-magyar szótár I-II. Szerk. Hadrovics László, Gáldi László. Hatodik, változatlan kiadás. Akadémiai Kiadó, Budapest, 1981.
- Magyar-orsz szótár I-II. Szerk. Hadrovics László, Gáldi László. Nyolcadik, változatlan kiadás. Akadémiai Kiadó, Budapest, 1989.
- Orosz-magyar szótár Főszerk. Gáldi László, Uzonyi Pál Akadémiai Kiadó, Budapest, 2000.
- Magyar-orsz szótár Főszerk. Gáldi László, Uzonyi Pál Akadémiai Kiadó, Budapest, 2000
- Ростова Е.Г. Русские оттопонимические номинации как отражение российско-европейских контактов и как материал для учебников РКИ // Вестник МАПРЯЛ. 2009. №60, с.42-46.
- Ростова Е.Г. «Русские оттопонимические наименования заимствованных европейских артефактов (попытка лексикографического описания)» // Русский язык за рубежом, 2011, №3.

„Darum sollt ihr vollkommen sein...“ (Mt 5:48)

Na osnovu jednoga biblijskog teksta (Mt 5:48) u kojem se, na prvi i površni pogled, pred čovjeka stavlja neispunjiv zahtjev: postizanje Božje savršenosti, pokušava se interpretirati u tekstu adekvatno značenje riječi „savršen“. Navode se odgovarajući prijevodi iz više jezika, „perfectus, совершенный, savršen, dokonaly, vollkommen“ koji se uspoređuju sa grčkim originalom „teleios“. Na osnovu etimologije i gramatičkog oblika u konkretnom tekstu dolazi do zaključka da grčki pridjev koji vodi svoje porijeklo od indoeuropskog korijena sa značenjem 'drehen, sich drehen, sich herumbewegen...' izvorno izražava kretanje koje nužno vodi sve bliže i bliže određenom cilju. U latinskim, slavenskim i njemačkim riječima nalazimo oblik participa perfekta s odgovarajućim značenjem statičnog, „perfektnog“ stanja, u grčkome se tekstu upotrebljava pridjev s izvornim značenjem kretanja, prema tome se ne radi o nekom statičnom, „perfektnom“ stanju, već o osobini kojom se izražava kretanje prema određenom cilju. Pravo tumačenje ima, dakle, dva pouzdana uporišta: porijeklo riječi i njena gramatička forma u datom tekstu.

Ključne riječi: *savršen, perfectus, dokonaly, vollkommen, teleios*

Oft hören wir in alltäglichen Gesprächen Wörter, die Werturteil oder andere verschiedene Qualifikationen ausdrücken, über die Bedeutung deren denken wir selten nach, zumeist im Falle, wenn sie in speziellen Kontexten vorkommen. Gewöhnlich sind solche Feststellungen, daß z.B. jemand seine Arbeit *vollkommen* macht, *vollkommen* englisch spricht usw. Als wir aber die Bibel lesen, unter anderen den im Titel zitierten Text der Bergpredigt, halten wir diese Aufforderung für unerfüllbar.

Um das Wesen dieses Satzes, in erster Linie die Bedeutung des Attributs *vollkommen* zu verstehen, hilft uns einerseits die Rekonstruktion des darin ausgedrückten sprachlichen Weltbildes, andererseits die Analyse der betreffenden grammatischen Form. Dieses Problem beschäftigt(e), natürlich, auch die Theologen (vgl. unter anderen: Wesley János 40. prédikációja 'Die 40. Predigt von John Wesley': A keresztyén tökéletesség 'Die christliche Vollkommenheit' Fil 3:12; in: John Wesley Prédikációk III. Názáreti Egyház Alapítvány, Budapest 2007. Die Übersetzung von Bedóné Kiszt Éva: (<http://www.freeweb.hu/nszebt/wpred40.htm>). Ich selbst habe, selbstverständlich, in erster Linie wegen fehlender fachwissenschaftlicher Kompetenz, keinen Anspruch, mich mit theologischen Fragen zu beschäftigen, ich gehe nur soweit, bis das mir die schon erwähnten zwei Gesichtspunkte: die Kenntnis der Herkunft der Wörter und die aufgrund ihrer grammatischen Form gezogenen Folgerungen es gestatten.

Das Problem des sprachlichen Weltbildes beschäftigt die Forscher seit langer Zeit. Darüber äußerte sich schon Wilhelm v. Humboldt: „Zwischen den

Menschen und die Welt schiebt sich die Sprache und vermittelt ihm in einem ihr eigentümlichen System ein Bild dieser Welt, das für den Menschen die ihm fassbare Wirklichkeit darstellt" (zitiert Suzanne Öhman 1951:34). Über das sprachliche Bild der Welt schreibt ausführlich Janusz Bańczerowski (Bańczerowski J. 2000: 258-265). Nach der Übersicht der bezüglichen Forschungsergebnisse stellt er fest, daß „das sprachliche Weltbild nichts anders ist, als ein Bild der objektiv existierenden Wahrheit, über die die Sprecher mit ähnlichen Erfahrungen verfügen." Früher hatte ich auch – die nach ungarischen Vorbildern entstandenen Wörter der kroatischen Spracherneuerung untersuchend – über die Rolle des sog. Anschauungshintergrundes geschrieben, da ein jedes Wort als getreuer Spiegel der Weltanschauung, gründliche Informationen darüber bietet, welche Züge der konkreten oder abstrakten Wahrheit in den Benennungen einiger Gegenstände, Werkzeuge, Handlungen und Begriffe von den jeweiligen Sprechern für wichtigsten und eigenartigsten gehalten wurden. In der Erforschung des sprachlichen Weltbildes, bzw. Anschauungshintergrundes ergänzen die deskriptive und historische Untersuchung einander. Auf diesem Grund wird es versucht, mit der Hilfe des sprachlichen Bildes des Attributs 'vollkommen' die Bedeutung des zitierten Absatzes zu verstehen.

Unter *Vollkommenheit* versteht der heutige Sprachgebrauch fehlerlosigkeit, völlige, restlose Entsprechung einem festgesetzten Ziel. Ähnliche Deutungen können wir in den älteren und neueren ungarischen Wörterbüchern finden. NySz: *tökéltetés* 'perfectus'; CzF: 1. auf Werke beziehend, 'zweckmäßig, in allen Hinsichten gut, fehlerlos, perfekt, ganz, mangelfrei...; 2. im sittlichen, geistigen Sinn, den Regeln der Tugend oder des Verstandes ganz entsprechen'; ÉKSz: 'der Norm oder dem Vorbild völlig entsprechend'. Alle drei Definitionen enthalten die Vorstellung der Ganzheit, Vollständigkeit und Fehlerlosigkeit, bei CzF kommt auch die Vorstellung des Zieles zum Vorschein.

Im Ungarischen kommt das Verb *tökél* 'vollstrecken, vollführen' im Jahre nach 1372/1448 ; später (1416/1466) in Bedeutung 'völlig, ganz, heil machen' vor. Über die Herkunft des ung. Wortes erwähnt TESz zwei Voraussetzungen: es könnte ein Derivat des Verbs *tesz* 'facere' sein. In diesem Fall sind die Ausgangspunkte die Verbalstämme *te-* ~ *tö-* + das frequentative Suffix *-kál* ~ *---kél*, so könnten zwei Bedeutungsentwicklungen zusammenhängen: 1. 'facere'; 2. 'perficere'. Es sollte aber auch die Möglichkeit, daß *k* nicht zu dem Verbalstamm gehöre nicht ausgeschlossen werden. Bernát Munkácsi nimmt die erste Auffassung auf: „Das Grundwort von *tökéletes* 'vollkommen' kann aus dem Verb *tökél* stammen, das in den Sprachdenkmälen in der Bedeutung 'végez, megtesz, megvégez' ('vollenden, vollführen, vollbringen') vorkommt. Dies zeigt, daß es nicht anderes ist, als eine frequentative Bildung (Hervorhebung von mir, I.Ny.) von dem Verb *tenni* 'tun, machen, leisten'" (Munkácsi Bernát: *Nyelvvelék tanulmányos II. A Kazinczy kódex hosszú mássalhangzói* 'Studien über Sprachdenkmale. Lange Vokale im Kazinczy Kodex'). Ármin Vámbéry bringt *tökéletes* mit uigurischem *tökél* 'vollkommen', *tökellik* 'Vollkommenheit', *tükün* 'ganz, völlig' und mit tschagataischen *tökellemek* 'ergän-

zen' in Verwandschaft. (Vámbéry Ármin: Türkisch-tatarische Wortvergleiche. NyK 8 (1870), 125-189). In seiner Rezension über Vámbéry's Arbeit nimmt Budenz Vámbéry's Auffassungen, als „richtige oder bis auf weiteres beipflichtliche Übereinstimmungen“ an. (Budenz József: Jelentés Vámbéry Ármin magyar-török szóegyezéseiről 'Bericht über die ungarisch-türkische Wortvergleiche von Ármin Vámbéry' NyK 10 (1873), 76-92.

Schauen wir die Übersetzungen von dem Text Mt 5:48 in verschiedenen europäischen Sprachen an!

Im Lateinischen kommt das Part.perf.pass. des Verbs *perficere* – *perfectus* vor:

Estote ergo vos *perfecti*, sicut et Pater vester caelestis *perfectus* est.

Mit denselben Wörtern und Wortformen drücken diesen Begriff die neulateinischen Sprachen aus:

Italienisch: Voi dunque siate *perfetti*, com' è *perfetto* il Padre vostro celeste.

In den slawischen Sprachen ist dieselbe grammatische Form des Verbs mit Bedeutung 'beenden, zu Ende kommen' gebräuchlich:

Russisch: Итак будьте *совершенны*, как *совершен* Отец ваш Небесный.

Kroatisch und serbisch: Budite dakle *savršeni* kao što je *savršen* Otac vaš nebeski.

Im Tschechischen und Polnischen kommt ein von dem Substantiv 'Ende' gebildetes und als Adjektiv gebrauchtes Part.perf.act. vor:

Tschechisch: Bud'tež vy tedy *dokonalý*, jako i Otec váš nebeský *dokonalý* jest.

Im Rumänischen wird das Part.perf.pass. des aus dem Slawischen entlehnten Verbs gebraucht:

Rumänisch: Drept aceea, fi±i voi *desăvârșiți*, precum Tatăl vostru cel ceresc *desăvârșit* este.

Im Deutschen steht an dieser Stelle *vollkommen*:

Deutsch: Darum sollt ihr *vollkommen* sein, gleichwie euer vater im Himmel *vollkommen* ist.

In den lateinischen und slawischen Partizipien widerspiegelt sich die Vorstellung des Zustandes der Abgeschlossenheit, des Vollendetseins. Die

Bedeutung von *perfectus* ist 'beendet, abgeschlossen', der Wurzel des slawischen Wortes hat dieselbe Bedeutung: *сврѣшити*, ein Derivat aus dem Substantiv *врѣшь* 'Gipfel; abstr.: Kulminationspunkt, Höhepunkt'. Im Tschechischen (und Polnischen) ist das Part.perf.act. aus dem Wurzel *kon-* 'Ende, Schluß' (vgl. rus. *конец*, kr.srb. *konac*) gebräuchlich. Über *vollkommen* stellt Kluge fest: „Adj zum mhd. Ztw *volkomen* 'zum Ziel kommen' gehört das gleichlautende Part. das schon in mhd Zeit in Bedeutungen wie 'ausgebildet, ausgewachsen, vollständig' zum Adj wird.“ (Kluge, Fr.: Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Gruyter, Walter de GMBH 2002). In diesem Partizip kommt auch der Zustand der Abgeschlossenheit und Vollkommenheit zum Ausdruck.

Der originelle griechische Text:

*Εσεσθε οὐ ἔν ὑμεῖς **τέλειοι** ὡς ὁ πατήρ ὑμῶν ὁ οὐράνιος **τέλειος** ἐστιν.*

Das griechische Wort geht auf eine indoeuropäische ***k el- k elə** 'drehen, sich drehen, sich herumbewegen, fürsorglich um jemanden herum sein, wohnen' zurück. **Télos** bedeutet 'Ende, eigtl. Wende'; **téleo** 'vollende' – **téleios, téleos** 'fertig, vollendet, reif, erwachsen'. Aus derselben Wurzel stammen alti. **carati, calati** 'bewegt sich, wandert, weidet, treibt', **cara** 'Gang', avest. **čaraiti** 'obliegt einer Tätigkeit'. Dieser Wortfamilie gehören noch lat. **colonus**, sl. **kolo** 'Rad', **kola** 'Wagen' usw. (Pokorny, J.: Indogermanisches etymologisches Wörterbuch I. Francke Verlag Bern und München 1959).

Im griechischen Adjektiv, gegenüber den anderen zitierten Übersetzungen, ist kein statischer Zustand, sondern die Vorstellung einer, auf bestimmtes Ziel gerichteten Bewegung zu empfinden, dementsprechend wird kein Part.perf.pass., sondern ein Adjektiv, in dem die Bewegung, das Bestreben nach dem Ziel als Eigenschaft zum Ausdruck kommt, gebraucht. Dies sind die Anschauungshintergründe, die die Übersetzungen nicht wiedergeben können. Ung. **tökéletes**, wenn man die Etymologie von Munkácsi und die des TESz annimmt, steht in der Hinsicht seiner Bedeutung dem griechischen Original nahe. In diesem Sinn bedeutet die Vollkommenheit eine (natürlich abstrakte) Bewegung, die sich als Eigenschaft deren, die ein Ziel, in unserem Fall den Zustand der göttlichen Vollkommenheit erreichen wollen, erscheint.

Dies hatte Paul in seinem Brief an die Philipper unterstützt (2:12-13): „Nicht daß ich schon erreicht hätte oder daß ich schon **vollendet** wäre (Hervorhebung von mir, I.Ny.)...Eines aber tue ich: Ich vergesse, was hinter mir liegt, und strecke mich nach dem aus, was vor mir ist. Das **Ziel** vor Augen, jage ich nach dem Siegespreis...“. In seinem ersten Brief an die Korinther (2:6), vermutlich mit einer gewissen Ironie stellt die „Vollkommenheit“ der Gnostiker „die irdische Weisheit“ gegenüber (vö. Ravasz László: Az Újszövetség magyarázata II. 104.): *Σοφίαν δὲ λαλοῦμεν ἐν τοῖς **τέλειος**, σοφίαν δὲ οὐ τοῦ αἰῶνος τούτου οὐδὲ τῶν ἀρχόντων τοῦ αἰῶνος τούτου τον καταρογμένον... und*

doch verkündigen wir Weisheit unter den **Vollkommenen**, aber nicht Weisheit dieser Welt oder der Machtbarer dieser Welt...Der Text (Phil 3:15) spricht über die Denkart der Vollkommenen im oben ausgeführten Sinn: ὅσοι οὐ τέλειοι τοῦτο φρονῶμεν καὶ εἴ τι φρονεῖτε καὶ τοῦτο ὁ θεὸς ὑμῖν ἀποκαλύψει; das wollen wir bedenken, wir **Vollkommenen**. Und wenn ihr anders über etwas denkt, wird Gott euch auch das offenbaren.

Die Worte des Apostels zeigen, daß der Begriff der **Vollkommenheit** im angeführten Kontext nichts anders, als Bestrebung nach einem bestimmten Ziel bedeutet, da „wenn irgendwer sich für vollkommen bekennt, behauptet, daß er dem Gott ähnlich geworden war, was aber satanischer Übermut ist...“ (A tökéletesség célja és elérésének módja 'Das Ziel der Vollkommenheit und die Art und Weise ihrer Erreichung Fil 3:1-21', in: http://gasmu.dan.hu/biblia/bibtan/fil_kol_6.html)

Wie es unseres Beispiel beweist, das Verständnis jedes Textes beruht auf in den Wörtern widerspiegelndem Weltbild und auf der Funktion der grammatischen Formen.

Schlüsselworte: *svaršen, perfectus, dokonaly, vollkommen, teleios*

Abkürzungen

- Bañcerowski 2000 – Bañcerowski Janusz: A nyelv és a nyelvi kommunikáció alapkérdései. ELTE Bölcsészettudományi Kar Szláv és Balti Filológiai Intézet Lengyel Filológiai Tanszék. Budapest. Red.: Nyomárkay István
- CzF – Czuczor Gergely – Fogarasi János: A magyar nyelv szótára. I-VI. Pest [später] Budapest 1862-1874
- ÉkSz – Magyar Értelmező Kézicizótár. Akadémiai Kiadó Budapest 1972
- NyK – Nyelvtudományi Közlemények. Zeitschrift. Pest [später] Budapest I (1862-)
- Nyr – Magyar Nyelvőr. Folyóirat. Pest [später] Budapest I (1872-)
- NySz – Szarvas Gábor – Simonyi Zsigmond: Magyar nyelvtörténeti szótár a legrégebb nyelvemlékektől a nyelvújításig. I-III. Budapest 1890-1893
- Öhman, Suzanne: Wortinhalt und Weltbild; vergleichende und methodologische Studien zu Bedeutungslehre und Wortfeldtheorie. Stockholm 1951
- TESz – A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára. Akadémiai Kiadó Budapest I. (1967) – III. (1976)

Заметки о лексике Синайского патерика

The aim of this work is to examine the lexical characteristics of “Sinai Patericon”, a manuscript which was copied from an Old Slavic manuscript in Old Russian language area in the 11-12th centuries. I am mainly searching those phenomena, which can give information about the language of the Old Russian scribes. Besides I am examining the hapax legomena too.

Keywords: lexicology, Old Slavic and Old Russian languages, hapax legomena

1. Введение

Синайский патерик (в дальнейшем СП) (Син. 551) был списан со старославянского оригинала в конце XI в. в Древней Руси. Рукопись хранится в Государственном Историческом музее в Москве. Ее материалом является пергамен, размером 17 X 21 см. Рукопись состоит из 184 листов (Голышенко, Дубровина 1967: 16). Рукопись была издана В. С. Голышенко и В. Ф. Дубровиной в 1967 г. в Москве. Наш анализ проводится по этому изданию. В рукописи, кроме основного почерка, различаются не менее 7 иных почерков. Они будут указаны под общим названием “иной почерк” с помощью римских цифр от II до VIII (основной почерк условно обозначен как I, но в тексте он фигурировать не будет).

Целью настоящей работы является анализ тех лексических явлений СП, которые не связаны непосредственно с местом и временем возникновения старославянского протографа СП, так как эти последние уже проанализированы нами в другой статье (Пожгаи 2011). В данной статье, с одной стороны, мы обратим внимание на лексические явления, относящиеся к родному языку древнерусских писцов. С другой стороны, в центре нашего внимания будут стоять также слова, не засвидетельствованные в других текстах, т. е. гапаксы (hapax legomena) и редко употребляемые слова, при которых в древнерусском словаре И. И. Срезневского даются ссылки только на изучаемую рукопись. Кроме того, будем отмечать и оригинальные кальки.

Мы не ставим себе целью изучение семантики отдельных слов или их происхождения. Грецизмы СП также не будут рассматриваться, так как слова греческого происхождения и кальки греческих слов уже исследованы профессором Л. Мошиньски (Moszyński 1978: 1974). Употребление союзов СП описано Е. Дограмаджиевой (Дограмаджиева 1978).

2. Лексические явления, связанные с родным языком древнерусских писцов

По мнению Т. А. Ивановой, в СП не наблюдаются лексические особенности, которые характерны для переведенных в Древней Руси памятников (Шонкой 1975: 184). Наши наблюдения также полностью исключают возможность того, что перевод СП мог быть сделан на древнерусской языковой территории (Пожгаи 2003). В этой связи мы будем рассматривать такие слова, относительно которых с большей или меньшей вероятностью можно предположить, что они попали в изучаемую рукопись из родного языка писцов.

Представляет интерес употребление инфинитива *t'rti* ('тереть'): 167.5, *da t'rti | na;A o;i p'r%sty* (*ti* является лигатурой). Имея в виду образование инфинитива, можно было бы констатировать, что эта форма является старославянской, так как инфинитив образован из основы настоящего времени, но сам рефлекс праславянского сочетания типа **tbrt* считается древнерусским. Оригинальная старославянская форма обладала бы следующим написанием: *tr=ti* (Hauptová 1996: 43), в котором сочетанием букв *r=* обозначался слоговой плавный. Из современных славянских языков сходный по образованию инфинитив можно найти только в хорватском или сербском языках (*tr̂mi*) в украинском языке (*терти*) и в белорусском языке (*церць*) (Фасмер 1973: 47). Таким образом, инфинитив *t'rti*, по всей вероятности, сближает родной язык писцов с южными говорами древнерусского языка.

Однако, следует учитывать возможность, что сама буква ' в этом инфинитиве может происходить также из старославянского протографа в силу того, что в позднем старославянском языке наблюдалось совпадение твердых и (полу)мягких слоговых плавных, проявившееся и в том, что на месте этимологически твердого слогового плавного появилось сочетание графем *r'* (Ван-Вейк 1957: 192–195). Конечно, написание буквы ' перед буквой *r* является однозначно древнерусской чертой, передающей сочетание редуцированного гласного переднего ряда и плавного согласного *r*. Инфинитив *t'rti* не указан в древнерусском словаре И. И. Срезневского (не указаны даже и старославянские формы *tr=ti* или *tr'ti*), указан лишь инфинитив *tr\ti* и *t'r\ti* (Срезневский 1989: т. III, ч. 2, с. 1028–1029). В нашем примере нельзя исключить полностью и возможность пропуска буквы \, имея в виду вторую форму инфинитива, хотя этот пример мы склонны считать скорее живым лексическим явлением.

Причастие прошедшего времени действительного залога *vyn'm=* (74v.20, *i | vyn'm= tri zlat'niky dast' star'cem= ...*) интересно тем, что приставка *vy-* очень редко встречается в старославянских рукописях. Однако приставка *vy-* довольно часто

засвидетельствована в древнерусских памятниках (Филин 2008: 78). Глагол *wynati* ('вынуть') не указан в старославянских словарях, но по свидетельству древнерусского словаря И. И. Срезневского неоднократно представлен в древнерусских рукописях (Срезневский 1989: т. I, ч. 1, с. 448-449).

Заслуживает внимания, что в СП встречается существительное *kon'* (Dumitrescu, Stan 1976: 65), на которое мы можем привести лишь один пример (.../ko i kon' b\su/ s/ byti s= ne|F: 174.2 (*иной почерк VIII*)), но не в основном почерке. Употребление существительного *kon'* было характерно для северных диалектов древнерусского языка, а в южных диалектах было распространено скорее применение существительного тюркского происхождения *lowad'* (Черных 1954: 318). Однако, слово *kon'* свойственно и старославянскому языку.

3. Гапаксы и употребляемые только в СП слова

В этом пункте рассматриваются слова, засвидетельствованные только однажды, а также слова, которые встречаются несколько раз, но только в СП. Будут разобраны слова, на которые в «Словаре древнерусского языка» И. И. Срезневского даются ссылки лишь на изучаемый памятник, или которые в нем вовсе не указаны. В наш анализ будут включены и такие слова, которые встречаются и в других древнерусских памятниках, но в указанном значении только в СП. Слова, употребляемые однажды или редко, конечно, иногда могут встречаться и в старославянских памятниках или в церковнославянских рукописях разных редакций. Такие слова мы сопровождаем комментариями. Здесь мы ограничиваемся только несколькими примерами, но в таблице в конце статьи указаны все примеры.

3.1. Гапаксы (*hapax legomena*)

При глаголе *zablazniti sa* ('ошибиться') И. И. Срезневский и Словарь русского языка XI-XVII вв. дают ссылку только на тот пример, который и мы наблюдали в СП (Срезневский 1989: т. I, ч. 2, с. 895; Бархударов 1978: 134): (*v= west'desAt\m' p'sa|lm\.* i *v= .G. sem\m'.*) *zablazni sa*: 112.2. Этот глагол в старославянских словарях не указан.

Существительное *rabrad=k=* ('подбородок') И. И. Срезневский сопровождает ссылкой только на СП (Срезневский 1989: т. II, ч. 2, с. 853): (*i uz'r\h=]mu*) *rabrad=k=* (*v's' kr=|vav=*):113v.2. Слово не входит в состав старославянских словарей, хотя оно отражает южнославянский рефлекс праславянского сочетания типа **tǎrt*.

При притяжательном прилагательном *buvo#'* в словаре И. И. Срезневского дается ссылка лишь на найденный нами пример

(Срезневский 1989: т. I, ч. 1, с. 189): (nowasta же М кох') buvol' (ri|z\ si): 87.14 (крючок на букве l обозначает мягкость согласного l'). Притяжательное прилагательное образовано от существительного buvol=, ('буйвол'), являющегося иностранным заимствованием из латинского *būbalus*, но в нашем случае оно вероятно попало сюда через посредство греческого языка (ΞβΞ∇8≅Н) при переводе текста СП. Существительное buvol= встречается и в других древнерусских памятниках, как напр. в Книге Второзакония (пятая по порядку книга Пятикнижия Моисеева) по рукописи Троице-Сергиевой лавры XIV в. (Срезневский 1989: т. I, ч. 1, с. 189). Ни это существительное, ни образованное от него притяжательное прилагательное не указаны в старославянских словарях. По Фасмеру слово *буйвол* происходит из латинского языка (Фасмер 1986: 234). Интересно, что в венгерском языке слово *bivaly* считается южнославянским заимствованием (впервые встречается в 1193 г.), и его нельзя возвести к латинскому языку (Benkő 1967: 308). Отмечаем, что в русско-церковнославянском языке имеется форма *быволь* а в болгарском языке *бивол*, в сербском и хорватском *биво* (род. п. *бивола*) (Фасмер 1986: 234).

Существительное m=q'nik= ('погонщик мулов') И. И. Срезневский сопровождает примером, наблюдаемым и нами (Срезневский 1989: т. II, ч. 1, с. 214): (/ko же vid\wa m'nozi) m=q'nici (l'va ...): 88.6. Слово, вероятно, произведено от существительного m=sk= ('мул'), ср. *мьска* (ж. р. 'мул, лошачиха') в болгарском языке (Чукалов 1952: 402), а также *мьск* ('мул, лошак') в болгарском, *mazag, mazak, mazg, másak* в сербском и хорватском, *mezèg, mèzg, mazg* в словенском и *mesh, mezek, mezk* в древнечешском языке (Трубачев 1994: 12). Реконструированная праславянская форма **mьskь* в этимологическом отношении полностью еще не выяснена, слово вероятно является заимствованием (Трубачев 1994: 12). В словаре И. И. Срезневского еще приводится один пример этого слова, но оно по всей вероятности является результатом неверного перевода или описки: (/ko же bAwе v= si|nai postavil= ikonoma) po moq'niku (byti): 88.3 (Срезневский 1989: т. II, ч. 1, с. 214). Пример намеренно цитирован в членении И. И. Срезневского, но авторы издания текста СП за сочетание po moq'niku писали словоформу pomoq'niku слитно. По нашему предположению, здесь речь идет не о вокализации редуцированного в сильном положении, а об описке писца или неточном переводе. Древнерусский писец или древнеболгарский переводчик за нужное слово написал имеющее похожую звуковую оболочку слово, и тем самым изменился и мысль предложения. В греческом языке это место выглядит так: ... ∇(D)ε< ≡∅ι≡< :≡Н γ∅Н ∂ ∃≡к* <4∇ (Гольщенко, Дубровина 1967: 211). Значит, по греческому оригиналу правильное предложение звучало бы так: «Когда он был в Синайском монастыре, его эконо-

(начальник хозяйства) поставил к мулам.» На основе издания СП предложение можно было бы перевести следующим образом: «Когда он был в Синайском монастыре, его (кто-то) назначил помощником эконома.» Этот перевод подтверждается именным членом составного предиката (*byti pomoq'niku*), стоящим в дательном падеже. Таким образом, перфект *postavil=* (без связки) синтаксически сочетается не со словоформой *ikonoma*, а с вспомогательным глаголом *byti*. Лексема *m=q'nik=* в старославянских словарях не указана, но исходная форма *m=sk=* сообщается (Kurz 1966: т. II. с. 245).

По поводу глагола *upasti sA* ('увлечься') вместе с частицей *sA* в словаре И. И. Срезневского дается ссылка только на наш пример (Срезневский 1989: т. III, ч. 2, с. 1237): *upade sA na n[: 136.17*. В старославянских словарях этот глагол с частицей *sA* не указан.

При существительном *rabot'nica* ('служанка, раба') приводится пример только из СП (Срезневский 1989: т. III, ч. 1, с. 5): (*v= |din= | xe d'n' posla k= nemu ;'rnrizica ta |*) *rabotnic[(svo[g[qi): 40.19*. В старославянских словарях слово не указано.

По поводу существительного *slanotok=* ('нут, турецкий горох') в древнерусском словаре дается ссылка только на СП (Срезневский 1989: т. III, ч. 1, с. 411): *i izne|s= hl\b= i slanotok=. namo;en= postavi pre|d= nimi.: 113.8*. Слово указано в старославянских словарях, но чаще всего употребляется в форме *slanut=k=* (Hauptová 1985: 108).

Существительное *sraciny#i* ('сарацинка, арабка') отсутствует в словаре И. И. Срезневского: (*se) sraciny#i (pr6|w'd=wi v= vr't=p= moi.ploxi sebe ...): 95v.18*. В старославянских словарях это слово тоже не указано, только встречается вариант мужского рода *sracini* во мн. ч. (Kurz 1966: т. IV., с. 150; Цейтлин, Вечерка, Благова 1994: 621)

Не найдено в древнерусском словаре и существительное *s=me#'* ('какой-то хлеб, плод?'): (*idi brate xito aqe obrAqewi. s'b'|rav= (sic!) s=meli (d'n's' ...): 17.1 (иной почерк II)*). Слово в старославянских словарях тоже не указано.

Глагол *t'rti* (167.5, *ti* является лигатурой), упомянутый уже 2-м разделе, не указан в древнерусском словаре (подробнее см. раздел 2).

3.2. Употребляемые только в СП слова или корни

При словах с корнем $-xl=d-$ в словаре И. И. Срезневского и «Словаре русского языка XI-XVII вв.» даются ссылки лишь на СП (Срезневский 1989: т. I, ч. 2, с.881): $xl=d'$ ('удовольствие'): (nasyti sA ubo eliko hoqewi. | pohoti svo] / takovy / d\lA) $x'l=di$ (sic!): 11v.10, (ne | v=xdelaim= pl=t'skym= rabotati) $xl=d'|m=$ ...: 100.7-8, (my xe stran'nici piqe[bol'weF) $xl=d'$ (s=d\|va|m=): 100v.12, (... slad=ky imam=. bxi / da|ry pr\d=lexAqa bratil. v= mir'skyA m\|sto gor'kyA) $xl=di$: 108.20, (i ne mozi maly) $xl=di$ (d\lA. | pogubiti tac\h=d\l=): 154v.15; $xl=d'nyi$ ('доставляющий удовольствие, относящийся к удовольствию?'): (s' xe t=kmo ne osla|bi sA v= slast') $xl=d'nuF$. (eqe xe i un= sy. ...): 76v.4; $xl=dol[bivyi$ ('любящий удовольствие'): (g\lawe xe i n\|ka / k= nei. /xe v= pristan' sut') $xl=|dol[biv=im=$ ...: 40.14-15. Корень $-xl=d-$ не указывается в старославянских словарях. Если в словоформе $x'l=di$ ерь стоит не на месте органического редуцированного (ведь в род. падеже в двух примерах и в производных словах он исчез, несмотря на сильную позицию предполагаемого редуцированного), тогда звук $ž'$ в начале слова можно объяснить только таким способом, что в старославянском протографе буквами $l=$ обозначался слоговой плавный, бывший некогда палатальным (вернее полумягким), который в свою очередь восходит к праславянскому сочетанию $*bl$, а перед редуцированным переднего ряда предполагаемый исходный согласный $*g$ закономерно мог превратиться в $ž'$ в результате первой праславянской палатализации.

Существительное $sracinin=/sracin=$ ('сарацин, араб') не указывается в древнерусском словаре, однако, в СП оно употребляется 12 раз: (...s=r\sti lmu) $sraciny$: 12v.4, (|din= ot=) $sracin=$ ...: 12v.6, ... $sracina$ (vyshyti): 12v.10, (...i ubi) $sracinina$: 12v.12, ... $sracini$ (pridowa...): 68v.4, (...vid\v=) $sracinina$ ...: 68v.7, (...i pogl=ti) $sracinina$ ...: 68v.9, (...ixe) $sracinom=$ (filarf'): 109.20, (... vid\h= tri) $sraciny$ ...: 109v.2, (... odi|n= M) $sracin=$ (Mv\qa mi) 109v.7, (...tril) $sracini$ ...: 109v.18, (... vid\h=...) $sracinina$: 111v.15. В старославянских словарях это слово указано лишь во мн. ч. (Kurz 1966: т. IV., с. 150; Цейтлин, Вечерка, Благова 1994: 621), но в СП оно 5 раз употребляется в ед. ч.

4. Заключение

Что касается лексических элементов родного языка древнерусских писцов, мы лишь два примера можем с большой долей вероятности отнести в изучаемом памятнике к родному языку писцов: инфинитив $t'rti$ и причастие $vyn'm=$. Учитывая изложенное во 2-ом разделе мнение Т. А. Ивановой об исключении перевода СП на древнерусской языковой территории и два наших достоверных примера, мы можем установить, что родной язык древнерусских писцов в лексическом отношении только в очень незначительной мере повлиял на язык изучаемого кодекса. Значит в язык СП, в отличие от фонетических и морфологических элементов, фактически не вошли лексические элементы древнерусского языка.

В изучаемом памятнике наблюдаются слова, которые по свидетельству древнерусского словаря И. И. Срезневского обнаруживаются только в СП. Найдено 36 таких слов, которые встречаются лишь один раз и 5 таких слов, три из которых употребляются несколько раз в СП, а остальные два фиксируются лишь один раз, являясь производными одного из трех вышеупомянутых слов.

С помощью следующей таблицы рассмотренные слова распределены по следующим признакам: 1) слова, наблюдаемые или не наблюдаемые в старославянских памятниках, 2) слова иностранного происхождения или славянские слова, 3) корни слов, засвидетельствованные лишь в СП, или корни слов, встречающиеся и в других памятниках. При словах, употребляющихся несколько раз, указано количество употреблений. Славянскими считаются те слова, которые можно отнести к праславянскому лексическому фонду.

	Славянские слова		Слова иностранного происхождения	
	Корни слов засвидетельствованы лишь в СП	Корни слов засвидетельствованы и в других памятниках	Корни слов засвидетельствованы лишь в СП	Корни слов засвидетельствованы и в других памятниках
Слова, не засвидетельствованные в старо-славянских памятниках	xl=d' 5x	bi;'nik=	kapadokAnin=	buvo#'
	xl=d'nyi	zablazniti sA	mazarion=	sraciny#i
	xl=dol[bivyi	pr\bl[sti	mazikes=	mesopotamlAnin=
		obl[dati sA	sidion=	
		pabrad=k=	s=me#'	
		golub'c'		
		golubica		
		plad'ni/		
		plad'novati		
		mex[r\;anin=		
		m=q'nik=		
		upasti sA		
		pupij		
		rabot'nica		
		robica		
		sv'rb\ti		
		sra;i;'no		
		starAd'		
		Msto/ni]		
		blagotvor'stvo		
		zatr\pati		
		s=tuxiti		
		t'rti		
	iqez=			
	iqaz=			
Слова, встречающиеся и в старо-славянских памятниках		slanotok=		nutarii
		uv\qati sA 3x		sracinin=/sracin= 12x
				surin=/sjrin=

Литература

- Бархударов, С. Г. (главный редактор): *Словарь русского языка XI-XVII вв.* Вып. 5, Москва, 1978.
- Ван-Вейк, Н.: *История старославянского языка.* Москва, 1957.
- Гольштенко, В. С., Дубровина В. Ф.: *Синайский патерик.* Москва, 1967.
- Дограмаджиева, Екатерина: *Преводачески похвати при предаването на съюзните средства в Синайския патерик.* In: Slovo № 24. Zagreb, 1978, с. 77-82.
- Пожгаи Иштван: *О древнеболгарском протографе Синайского патерика.* In: Paleobulgarica 27. София (Sofia), 2003, с. 85-93.
- Пожгаи Иштван: *О лексике древнеболгарского протографа Синайского патерика.* In: Българският език и литература в славянски и в неславянски контекст. Szeged, 2011, с. 82-88.
- Срезневский, И. И.: *Словарь древнерусского языка.* Т. I-III. Москва: Книга, 1989.
- Трубачев, О. Н. (редактор): *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд.* Вып. 21, Москва, 1994.
- Фасмер Макс: *Этимологический словарь русского языка.* Т. IV, Москва, 1973.
- Фасмер, Макс: *Этимологический словарь русского языка.* Т. 1, Москва, 1986.
- Филин, Ф. П.: *Историческая лексикология русского языка.* Москва, URSS, 2008.
- Цейтлин, Р. М., Вечерка, Р., Благова Э.: *Старославянский словарь. (по рукописям X-XI веков.)* Москва: Русский Язык, 1994.
- Черных, П. Я.: *Историческая грамматика русского языка.* Москва, 1954.
- Чукалов, Сава: *Български-руски речник.* София, 1952.
- Шонкой Пал: *Из лексике Синайского патерика.* In: Acta Universitatis Szegediensis de Attila József Nominata. Dissertationes Slavicae IX-X. Szeged, 1975, с. 183-203.
- Benkő Loránd (главный редактор): *A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára I. A-Gy.* Budapest, Akadémiai Kiadó, 1967.
- Dumitrescu, Maria – Stan (Avramescu), Monica: *Синайский патерик. Обратный словарь.* Bucuresti, 1976.
- Науртовá, Zoe (hlavní redaktorka): *Slovník jazyka staroslověnského.* Т. 37, 43, Praha, 1985, 1996.
- Kurz, J. (hlavní redaktor): *Slovník jazyka staroslověnského.* т. II-IV. Praha, Československá Akademie Věd, 1966.
- Moszyński, L: *Grecyzmy w Pateryku Synajskim.* In: Slovo 28. Zagreb, 1978, с. 67-76.
- Moszyński, L: *Rzeczowniki złożone Synajskiego Pateryka na tle złożení kanonu staro-cerkiewno-słowiańskiego.* In: Slovo 24. Zagreb, 1974, с. 109-122.

Как выжить языку в многонациональном государстве?

The article discusses the possibilities of aboriginal and minority languages to survive in a multi-national country. It describes the language situation and language policies of Russia through the example of Fenno-Ugric languages. As a result of a 2010-11 project supported by the EU the terminology of 10 school subjects in 5 Fenno-Ugric languages was compiled, serving as the starting point for education in the vernacular. This may contribute to the survival of these languages.

Keywords: minority languages, Fenno-Ugric peoples, language development, terminology

Нижесказанное основывается прежде всего на моих опытах, которые я успел собрать в работе с финно-угорскими народами и языками Российской Федерации.

В этой статье не буду заниматься вопросом терминологическо-юридического характера, в чем разница между коренным населением и национальным меньшинством. Последний термин употребляется в России, обобщая обозначения всех нерусскоязычных народов и народностей. Хочется только отметить, что народы, проживающие на территории своей этнической родины, являются коренным населением.

В многонациональных государствах коренное население и национальные меньшинства подвергаются опасности ассимиляции. Прежде всего касается эта ситуация народов, которые не имеют за пределами многонационального государства, в котором они проживают, т. н. метрополию. Такими народами являются финно-угорские и самодийские народы Российской Федерации.

В процессе ассимиляции первым исчезает язык, потом элементы культуры, и в заключение – идентичность.

Каким образом можно препятствовать ассимиляции или по крайней мере замедлить ее? Ответ может быть только один: использование родного языка.

Язык функционирует в идеальном случае на разных уровнях: 1) в семье и в быту, 2) в сферах культурной жизни и образования, и 3) на уровне общественно-политической и научной жизни.

Язык будет выживать, если его будут употреблять во всех жизненных сферах.

Начать придется с семейной жизни. Детям надо передавать язык. Можно, к сожалению, наблюдать как среди коренного населения, так и среди национальных меньшинств то, что родители общаются со своими детьми на языке большинства вместо родного языка. В смешанных браках пользуются обоими языками сверхредко, определяющий язык большинства – русский. Смешанные браки являются рассадником ассимиляции, хотя они могли бы стать идеальным гнездом двуязычия, пользу которого доказывают научные исследования.

Язык надо употреблять в школе. В настоящее время языками финно-угорских народов пользуются – если вообще – в первых классах прежде всего деревенских школ на уроках родного языка и литературы. Преподавание других предметов осуществляется на русском языке. С 1920-х по 1960-е годы, в национальных школах преподавали все предметы на родном финно-угорском языке. Уже в 1920-30-е годы была выработана нужная терминология, большая часть которой со временем была уничтожена. Чтобы сделать преподавание всех предметов на финно-угорских языках, в рамках мною инициированного проекта, который получил поддержку Европейского Союза через Минрегион РФ, с сентября 2010 года по июль 2011 года была выработана школьная терминология 10-и предметов (язык, литература, история, обществознание, география, математика, физика, биология, химия, информатика) на 5-и финно-угорских языках (коми, марийский, мокшанский, удмуртский и эрзянский). Результат: 50 терминологических словариков, на основе которых можно будет написать учебники перечисленных предметов на вышеназванных языках.

Также нужна научная и политико-административная терминология.

Основной вопрос терминотворчества: В какой мере можно и нужно опираться на иностранные языки? Ответ может зависеть от развитости языков, от области науки и/или от сознания ответственности термиологов. На основе школьной терминологии финно-угорских языков видно, что в тех языках, в которых русские и международные термины в избытке, это явление связано больше всего с подходом термиологов. В самом языке существуют слова, которыми можно было бы пользоваться в терминотворческом процессе, как это видно на основе текстов аннотаций.

Приведу несколько примеров.

1. Сводная таблица: математика

	Коми	удмурт.	марийский	эрзянский	мокшанский
число терминов	352	364	341	357	380
<i>свои слова</i>	99 (28,1)	111 (30,5%)	62 (18,2%)	31 (8,7%)	22 (5,8%)
междунар.	29 (8,2%)	33 (9,1%)	37 (10,9%)	36 (10,1%)	37 (9,7%)
мн. > русские	4 (1,1%)	1 (0,3%)	3 (0,9%)	3 (0,8%)	2 (0,5%)
русские	15 (4,3%)	10 (2,7%)	15 (4,4%)	20 (5,6%)	44 (11,6%)
смешанные	205 (58,2%)	209 (57,4%)	224 (65,6%)	267 (74,8%)	275 (72,4%)
слова терминов	886	884	823	921	1017
<i>свои</i>	549 (62%)	538 (60,9%)	401 (48,7%)	434 (47,1%)	432 (42,5%)
междунар.	179 (20,2%)	184 (20,8%)	217 (26,4%)	184 (20%)	188 (18,5%)
мн. > русские	56 (6,3%)	41 (4,6%)	29 (3,5%)	75 (8,1%)	84 (8,3%)
русские	102 (11,5%)	120 (13,6%)	176 (21,4%)	228 (24,6%)	313 (30,8%)
смешанные композиты		1 (0,1%)			
<i>слово/термин</i>	2,5	2,4	2,4	2,6	2,7
слова аннотаций	2582	2814	2640	2919	2992
<i>свои</i>	2147 (83,2%)	2254 (80,1%)	1935 (73,3%)	2116 (72,5%)	2088 (69,8%)
междунар.	181 (7%)	211 (7,5%)	231 (8,8%)	179 (6,1%)	195 (6,5%)
мн. > русские	57 (2,2%)	39 (1,4%)	23 (0,9%)	87 (3%)	83 (2,8%)
русские	197 (7,6%)	309 (11%)	441 (16,7%)	537 (18,4%)	626 (20,9%)
смешанные композиты		1			

Примечания к таблице:

- *международные слова*: даже если они и через русский проникли в данный финно-угорский язык, но если не претерпели никаких изменений, считаются международными, а не русскими заимствованиями (напр.: *культура*)

- *международные (мн.) > русские*: слова международного происхождения, которые в русском языке претерпели какие-нибудь изменения (напр.: *миф*), или получили какой-нибудь русский суффикс, напр. (*мобиль-ность*)

- *смешанные термины*: если элементы термина, состоящего из больше чем одного слова, имеют разное происхождение (свой, международный, русский). Напр., удмуртский: *быдэсмыттэ квадрат уравнение* «уравнение неполное квадратное» (слова термина по происхождению: свой + международный + русский).

2. Сводная таблица: обществознание

	коми	удмурт.	марий.	эрзян.	мокшан.
число терминов	294	294	304	289	303
<i>свои</i>	<i>221 (75,2%)</i>	<i>188 (63,9%)</i>	<i>85 (28%)</i>	<i>49 (17%)</i>	<i>24 (7,9%)</i>
международ.	36 (12,2%)	66 (22,4%)	111 (36,5%)	116 (40,1%)	114 (37,6%)
мн. > русск.	1 (0,3%)	7 (2,4%)	7 (2,3%)	6 (2,1%)	6 (2%)
русские	6 (2%)	4 (1,4%)	32 (10,5%)	52 (18%)	87 (28,7%)
смешанные	30 (10,2%)	29 (9,9%)	69 (22,7%)	66 (22,8%)	72 (23,8%)
слова терминов	527	394	453	432	433
<i>свои</i>	<i>455 (86,3%)</i>	<i>300 (76,1%)</i>	<i>243 (53,6%)</i>	<i>116 (26,9%)</i>	<i>66 (15,2%)</i>
международ.	56 (10,6%)	77 (19,5%)	149 (32,9%)	156 (36,1%)	153 (35,3%)
мн. > русские	4 (0,8%)	10 (2,5%)	13 (2,9%)	44 (10,2%)	57 (13,2%)
русские	12 (2,3%)	7 (1,8%)	48 (10,6%)	116 (26,9%)	157 (36,3%)
<i>слово/термин</i>	<i>1,8</i>	<i>1,3</i>	<i>1,5</i>	<i>1,5</i>	<i>1,4</i>
слова аннотаций	3797	3095	3788	3561	4000
<i>свои</i>	<i>3664 (96,5%)</i>	<i>2863 (92,5%)</i>	<i>3013 (79,5%)</i>	<i>2838 (79,7%)</i>	<i>2414 (60,4%)</i>
международ.	87 (2,3%)	115 (3,7%)	318 (8,4%)	253 (7,1%)	390 (9,8%)
мн. > русские	9 (0,2%)	66 (2,1%)	138 (3,6%)	114 (3,2%)	196 (4,9%)
русские	37 (1%)	51 (1,6%)	319 (8,4%)	356 (10%)	1000 (25%)

3. Сводная таблица: родной язык

	коми	удмурт.	марий.	эрзян.	мокшан.
число терминов	323	294	359	312	269
<i>свои</i>	<i>197 (61%)</i>	<i>241 (82%)</i>	<i>187 (52,1%)</i>	<i>92 (29,5%)</i>	<i>93 (34,6%)</i>
международ.	36 (11,1%)	24 (8,2%)	65 (18,1%)	76 (24,4%)	41 (15,2%)
мн. > русские	8 (2,5%)	2 (0,7%)	6 (1,7%)	4 (1,3%)	4 (1,5%)
русские	17 (5,3%)	8 (2,7%)	34 (9,5%)	62 (19,9%)	57 (21,2%)
смешанные	65 (20,1%)	19 (6,5%)	67 (18,7%)	78 (25%)	74 (27,5%)
слова терминов	527	511	557	533	474
<i>свои</i>	<i>386 (73,2%)</i>	<i>457 (89,4%)</i>	<i>380 (68,2%)</i>	<i>275 (51,6%)</i>	<i>250 (52,7%)</i>
международ.	59 (11,2%)	34 (6,7%)	94 (16,9%)	100 (18,8%)	58 (12,2%)
мн. > русские	18 (3,4%)	2 (0,4%)	6 (1,1%)	7 (1,3%)	16 (3,4%)
русские	64 (12,1%)	18 (3,5%)	77 (13,8%)	151 (28,3%)	150 (31,6%)
<i>слово/термин</i>	<i>1,6</i>	<i>1,7</i>	<i>1,6</i>	<i>1,7</i>	<i>1,8</i>
слова аннотаций	2647	2089	2987	3026	2247
<i>свои</i>	<i>2220 (83,9%)</i>	<i>1842 (88,2%)</i>	<i>2463 (82,5%)</i>	<i>2481 (82%)</i>	<i>1731 (77%)</i>
международ.	155 (5,9%)	78 (3,7%)	204 (6,8%)	217 (7,2%)	125 (5,6%)
мн. > русские	29 (1,1%)	33 (1,6%)	9 (0,3%)	22 (0,7%)	21 (0,9%)
русские	243 (9,2%)	136 (6,5%)	311 (10,4%)	306 (10,1%)	370 (16,5%)

Предварительные установления:

- число терминов, несмотря на идентичный источник (русскоязычный учебник данного предмета), разное, потому что терминологи употребляли – для введения новых терминов на своем языке – параллельные формы, как напр., в марийском *живопись* ~ *тўссымыктыш*, *закон* ~ *тёрлык* и т. д.
- в обоих мордовских языках (эрзянском и мокшанском) пропорция своих слов очень низкая – в этих языках надо будет переработать словари или в крайнем случае начать серьезную языковую реформу;
- пропорция своих слов в аннотациях выше, чем среди слов-терминов, что дает надежду успешно развивать языки.

Возникает вопрос: Надо ли бояться иностранных слов? Есть аргументы как *за*, так и *против*. Пользование иностранными терминами приближает языки к международному научному сообществу, а термины на своем языке могут вызвать изоляцию. В случае миноритарных языков, имеющих функцию всего регионального (т. е. ограниченного) государственного языка, интернационализация и/или русификация терминологии может негативно повлиять на престиж языка, что может довести до сдачи самого языка в пользу государственного.

В случае языка большинства пользование иностранными терминами не угрожает позиции и будущему языка, но может препятствовать его развитию.

Анализ русскоязычной школьной терминологии предмета «Обществознание» показывает, что и в русском изобилуют международные выражения. Некоторые финно-угорские языки более «чистые», чем русский.

	коми	удмурт.	марий.	эрзян.	мокшан.	русский
число терминов	294	294	304	289	303	291
<i>свои</i>	221 (75,2%)	188 (63,9%)	85 (28%)	49 (17%)	24 (7,9%)	109 (37,5%)
междунар.	36 (12,2%)	66 (22,4%)	111 (36,5%)	116 (40,1%)	114 (37,6%)	117 (40,2%)
мн. > усск.	1 (0,3%)	7 (2,4%)	7 (2,3%)	6 (2,1%)	6 (2%)	8 (2,7%)
русские	6 (2%)	4 (1,4%)	32 (10,5%)	52 (18%)	87 (28,7%)	см. свои
смешанные	30 (10,2%)	29 (9,9%)	69 (22,7%)	66 (22,8%)	72 (23,8%)	57 (19,6%)

Примеры:

1. Международные:

- однокомпонентные: *абсолютизм, автономия, авторитаризм, амнистия, анализ, анимизм* и т. д.;
- двухкомпонентный: *субъекты политики.*

2. Международные > русские:

- однокомпонентные: *гениальность, идеальное, индивидуальность, легитимность, моделирование, шаманство;*
- двухкомпонентный: *социальная мобильность.*

3. Международный + русский:

- двухкомпонентные: *духовная культура, законодательный процесс, избирательная система;*
- многокомпонентный: *рыночная система в экономике.*

4. Международный > русский + международный:

- двухкомпонентный: *абсолютная монархия, глобальные проблемы, дуалистическая монархия;*
- многокомпонентные: *командная система в экономике, научно-техническая революция.*

5. Международные > русские + русские:

- двухкомпонентные: *административное право, историческая личность, культурное развитие;*
- многокомпонентный: *социальные права граждан.*

6. Международный + международный > русский + русский: *субъект исторической деятельности.*

слова терминов	527	394	453	432	433	389
<i>свои</i>	455 (86,3%)	300 (76,1%)	243 (53,6%)	116 (26,9%)	66 (15,2%)	176 (45,2%)
международ.	56 (10,6%)	77 (19,5%)	149 (32,9%)	156 (36,1%)	153 (35,3%)	150 (38,6%)
мн. > русские	4 (0,8%)	10 (2,5%)	13 (2,9%)	44 (10,2%)	57 (13,2%)	63 (16,2%)
русские	12 (2,3%)	7 (1,8%)	48 (10,6%)	116 (26,9%)	157 (36,3%)	-
<i>слово/термин</i>	1,8	1,3	1,5	1,5	1,4	1,3
слова в аннотациях	3797	3095	3788	3561	4000	3361
<i>свои</i>	3664 (96,5%)	2863 (92,5%)	3013 (79,5%)	2838 (79,7%)	2414 (60,4%)	2692 (80,1%)
международ.	87 (2,3%)	115 (3,7%)	318 (8,4%)	253 (7,1%)	390 (9,8%)	381 (1,3%)
мн. > русские	9 (0,2%)	66 (2,1%)	138 (3,6%)	114 (3,2%)	196 (4,9%)	288 (8,6%)
русские	37 (1%)	51 (1,6%)	319 (8,4%)	356 (10%)	1000 (25%)	-

Eponimák a magyar és a lengyel divatterminológiában

Abstract: This paper deals with the origin of the eponyms of Hungarian and Polish fashion terminology ie with the origin of the names of clothes, headgear, shoes, hairstyle and other accessories. The words presented in this paper derive from proper names, geographical names, nation names or brand names. The eponyms of Hungarian and Polish fashion terminology have a lot in common. The words listed here have almost completely identical meanings, there are only some less or more significant differences in their adaptation. No wonder that there are so many similarities between Polish and Hungarian eponyms since the two languages are representatives of European culture and spirit which also accounts, among other things, for the identical features of their vocabulary. This applies not only to eponyms, but also to the other parts of Polish and Hungarian vocabulary.

Keywords: Eponyms, fashion terminology, proper names, geographical names, nation names, brand names

A szókincstörténet talán egyik legérdekesebb fejezete a tulajdonnevekből keletkezett szavak és kifejezések, azaz az eponimák vizsgálata. A tulajdonnevek közszóvá válása a nyelvfejlődés egyes szakaszaiban minden nyelvben megfigyelhető. Az ily módon alkotott szavak és kifejezések legtöbbször nem korlátozódnak csupán egyetlen nyelv szókincsére, hanem kisebb vagy nagyobb mértékben eltérő formában megtalálhatók az ún. nemzetközi szókincsben is. Az eltérések az egyes nyelvekbe való beilleszkedésüknek megfelelően fonetikai vagy helyesírási különbségekben jelentkeznek.

Az eponimákat a hétköznapi kommunikációban is gyakran használjuk. Annak ellenre, hogy az eponimák nagy része idegen nyelvből származik, már úgy beilleszkedett a magyar és a lengyel nyelv rendszerében, hogy legnagyobb részük az átlagos beszélő számára már nem is tűnik idegennek. A hétköznapi nyelvhasználó a szavak eredetével csak ritkán van tisztában. Az eponimák legjellemzőbb sajátossága, hogy lehetővé teszik a jelenségek, tárgyak vagy fogalmak egyszerű, képszerű és gyors azonosítását.

A tanulmány a magyar és a lengyel divatterminológia eponimáinak – ruhadarabok, fejfedők, cipő, hajviselet, valamint kiegészítők nevének – eredetét mutatja be. A bemutatásra kerülő szavak tulajdonnévi eredetüket tekintve származhatnak személynévből, földrajzi névből, népnévből és márkanévből.

1. A személynévből származó szavak leggyakrabban a ruhadarab első viselőjére, illetve kitalálójára utalnak. A valódi személyek nevéből származó szavak mellett találunk olyanokat is, amelyek irodalmi hősök nevéből keletkeztek, ezeket az alábbi példák illusztrálják:

bekecs (TESz, 1, 271), **bekiesza**, **bekieszka** (Szymczak, 1994, 1, 135): 'derékba szabott, bélelt rövid prémes télikabát'. A szó *Bekes* Gáspár, lengyelül Kasper *Bekiesz* (1520–1579) nevéből származik, akinek viselete nyomán kedvelhették meg a lengyelek ezt a fajta kabátot. Bekes Gáspár egykor Báthory riválisa volt az erdélyi fejedelmi trónért vívott küzdelemben, majd Lengyelországban hadvezére lett. A szó jóval később a lengyelből a magyarba is átkerült *bekecs*, *bekecs* formában, ahol 1774 óta adatható.

bloomers (<http://www.exstil.hu/ex1101pb.html>), **bloomers** (Kopaliński, 2004, 38): 'a női alsóneműk klasszikus darabja, hosszú szárú bugyi, mely középen nyitott volt'. Amelia *Bloomer* (1818–94) amerikai újságíró nő vezetéknevéről származik, aki a női jogok harcosa volt, s 1851–60 között kísérletezett megdivatba hozni az alsónemű mintájára egy nagyon bő, hosszú, bokánál összefogott női nadrágot. Nevéhez fűződik, hogy száműzi a fűzőt, s az 1850-es években Londonban elkezdte népszerűsíteni a nők számára a nadrágot.

borsalino (Tolcsvai Nagy, 2007, 143), **borsalino** (Szymczak, 1994, 1, 191): 'elegáns férfikalap puha filcből, kézzel készítve'. Az elnevezés Giovanni *Borsalino* (1834–1900) kalapkészítő nevéből ered, aki Milánóban 1857-ben megalapította saját kalapgyárát. A *borsalino* világszerte ismert kalaptípus, amely a harmincas évekig nagyon népszerű volt.

figaró (Tolcsvai Nagy, 2007, 346), **figaro** (Kopaliński, 2004, 89): a szónak a két nyelvben eltérő jelentése van. A magyarban 'keménykalap', a lengyelben pedig 'boleró, rövid női mellény'. Pierre Augustin Carin Beaumarchais teremtette meg 1755-ben írt *Sevillai borbély* című vígjátékával *Figaro* halhatatlan figuráját, aki Sevilla ravasz borbélymestere volt. Nevének köznévvé válásához jelentős mértékben hozzájárult Rossini azonos című operája, melyet a szerző huszonnégy évesen, 13 nap alatt fejezett be. Az operát 1816-ban mutatták be Rómában. Az első bemutató – a különböző intrikák következtében – az operatörténet egyik legbotrányosabb bukása volt, a második előadás viszont már óriási siker volt. Beaumarchais következő vígjátéka, a *Figaro házassága*, vagy *egy napi bolondság*, melynek szintén *Figaro* az egyik kulcsfigurája. A vígjátékot Mozart remekműve, az 1788-ban bemutatott operája, a *Figaró házassága* tette közismertté.

fontange (Tótfalusi, 2004, 316), **fontaż** (Kopaliński, 2004, 91–92): 'csipkéből vagy valamilyen finom kelméből készülő fejdísz'. A kelmét függőleges hajtásokba rendezik, a tarkó felett egy kis főkötő segítségével magasra ívelik, egy drótszerkezettel megtámasztják, többek között fátyollal is díszítik. Az elnevezés később egy merev loknikból álló frizurára vonatkozott. Az elnevezés Marie-Angélique de *Fontanges* nevét őrzi, aki XIV. Lajos egyik kedvese volt. Ennek a divatnak a születését megőrizte egy feljegyzés: egy díszes harisnyakötő szalag volt egy jelentős és hosszú életű divat útnak ídítója. XIV. Lajos jelenlétében történt lovaglásokon Madame *Fontanges*-zal az a szerencsétlenség történt, hogy művészien felépített frizurája kibomlott, s ő ekkor merész elhatározással drágaköves harisnyakötőjéhez nyúlt, és azzal kötötte föl a haját. Ezzel

az eseménnyel indult útjára egy divat, ami – talán első viselője szépsége miatt – a király tetszését s megnyerte, és nagyon népszerű lett.

Garibaldi-kalap (Bakos, 1973, 290), **garybaldka** (Kopaliński, 2004, 101): 'széles karimájú, puha nemezkalap'. Giuseppe *Garibaldi* (1807–82) olasz nemzeti hős nevéből köznevesült.

havelock (Tótfalusi, 2004, 369), **hawelok** (Kopaliński, 2004, 116): 'ujjatlan, könyökig érő gallérú régi férfiköpeny'. Sir Henry *Havelock* (1795–1857) brit tábornok nevéből származik, aki divatba hozta. A 19. század első felében jelent meg, férfiak és nők egyaránt viselték. A 19. század közepén nagyon divatosná vált célszerűsége miatt, 1900 tájától pedig estélyi kabátként (frakk-havelock) is funkcionált rejtett gombolással, selyem reverrel és béléssel. 1970 után a sportos kabátokon felfedezhető a hatása a könyökig érő pelerinnel, de már ujjasan. A szónak van egy másik, kevésbé ismert jelentése is: 'sisak alá helyezett, körkörös alakú fehér vásznon', ami a katonák nyakát védte a forró napsütéstől. Indiából indult ki, ahol *Havelock* szolgálati idejét töltötte.

jéger (TESz, 2, 269), **jegiery** (Kopaliński, 2004, 130): 'gyapjú alsónemű'. A magyarban jelentéstapadással önállósult a korábbi jégering összetételből. Ennek előtagja személynévi eredetű: Gustav *Jäger* (1832–1917) német természettudós és higiénikus családnevével azonos. *Jäger* elvetett mindenféle növényi rostból készült ruhafélét, és a gyapjú ruhaneműket propagálta mind alsó-, mind felsőruhaként.

kardigán (TESz, 2, 380), **kardigan** (Kopaliński, 2004, 142): 'derékig érő, testhez simuló, végig gombolt kötött kabát'. A ruhadarabot James Thomas Brudenell (1797–1868), *Cardigan* hetedik grófjáról, brit tábornokról nevezték el, mert ő viselte elsőként ezt a sajátos ruhadarabot.

knickerbocker (Tótfalusi, 2004, 487–88), **knickerbocker** (Kopaliński, 2004, 148): 'a régi bő térdnadrágokra emlékeztető sportnadrág, hossza és bősége többször változott'. Ma úgy számít jól szabottnak, ha kb. tenyérnyivel a térdhajlat alatt végződik. Hasonló a golfnadrághoz. Az elnevezésre két magyarázat van. Az egyik szerint Diedrich *Knickerbocker* Washington Irving (1783–1859) írói álneve volt, amely alatt könyvet írt New York történetéről. A másik szerint Washington Irving egyik szatírájában így hívják azt a németalföldi szereplőt, aki New York egyik alapítója volt (1641). Az ő jellegzetes viselete volt ez a fajta nadrág.

mackintosh (Tótfalusi, 2004, 569), **makintosz** vagy **mackintosh** (Kopaliński, 2004, 177): 'vízhatlan anyagból készült felöltő'. Charles *Mackintosh* (1766–1843) skót vegyész nevéből, aki egy impregnáló szert talált fel 1823-ban. *Mackintosh* Glasgowban született és vegyészként azt kutatta, hogyan lehet ipari melléktermékeket újrahasznosítani, s csak véletlenül talált rá az india rubber nevű anyagra, amiből később a vízhatlan kabát készült.

pantalló (Tótfalusi, 2004, 685), **pantalony** (Kopaliński, 2004, 214): 'hosszú szárú férfinadrág'. A francia forradalom óta terjedt el, hozzátartozik korunk férfidivatjához. A szűk térdnadrágot, a culotte-ot váltotta fel. Az elnevezés származhat *Pantalone* nevéből, aki a velencei komédia bolondos, hóri-

horgas vénembere volt, és ilyen nadrágot viselt. A másik feltételezés szerint a szó a *Pantaleon* névből származik, viselője az orvosok egykor népszerű védőszentje volt Velencében.

pepita (Tótfalusi, 2004, 706), **pepitka** (Szymczak, 1994, 2, 633): 'apró sötét és világos kockákból álló szövetminta'. *Pepita* de Ortega 19. századi spanyol táncosnő keresztnevéből köznevesült, aki szereplésin ilyen mintájú kendőben lépett fel.

raglán (TESz, 3, 334–35), **raglan** (Kopaliński, 2004, 229): 'eredetileg férfikabát, melynek ujjai egybe vannak szabva a nyakkörig futó vállrészekkel'. Lord Fitz-Roy James Henry *Raglan* (1788–1855) angol tábornok nevéből származik, aki vállrésszel egybeszabott ujjú felsőkabátot viselt. A szabómesterség művelődéstörténete szerint James Henry Somerset 1815-ben, a waterlooi csatában elvesztette a jobb karját. Diplomáciai pályára tért át, de szíve mégis visszahúzza a katonasághoz. 1852-ben Viktória királynő lord *Raglan* néven peer-ré tette. 1854-ben végre magára ölthette a csonka keze miatt raglán módra szabott kabátját. A 19. század közepe után vált divattá, először a sportruházatban, majd női kabátként is 1930–35-től.

richelieu (Tótfalusi, 2004, 803), **richelieu** (Szymczak, 1994, 3, 61): csipkeszerű áttört hímzés mint ruhadísz. Armand Jean du Plessis de *Richelieu* (közismert nevén: *Richelieu* bíboros) francia államférfi (1585–1642) nevéből keletkezett.

spencer (Tótfalusi, 2004, 831), **spencer** (Kopaliński, 2004, 250): 'rövid, szűk felsőkabát'. A 18. század nyolcvanas éveiben jött divatba, amikor a vékony ruhaanyagok és az elégtelen alsó ruházkodás miatt szükség volt melegebb felsőruha-darabokra, melyek egyszerre voltak ruhák és kabátok. Ha csak a felsőtestet akarták elfedni, elég volt a *spencer*, melynek hosszú ujjai gyakran tölcérszerűen végződnek. Férfiak is viselték, de hamarosan eltűnt ruhatáruk-ból, s már csak a nők tartották meg. Első viselője, az angol Georg John *Spencer* (1758–1834), aki állítólag a ruhadarab kitalálója volt, az elnevezés az ő vezetéknévvel azonos. Azért támadt az az ötlete, hogy a kabát rövid legyen, mert egy alkalommal, amikor leesett a lováról, a hosszú kabátját egy bokor széjjel-szaggatta.

viganó (TESz, 3, 1141), **wigano** (<http://literat.ug.edu.pl/glogers/0043.htm>): 'a 19. század elején divatos, empire stílusban készült hosszú női felsőruha, melynek dereka és alja egy darabból volt kiszabva'. Egyik magyarázat szerint S. *Vigano* olasz táncosnő nevéből keletkezett. A másik magyarázat szerint Maria *Viganónak* (1769–1821), Salvatore *Vigano* balettmester feleségének, a bécsi olasz opera híres táncosnőjének nevéből köznevesült.

2. A földrajzi névből származó divatszavak leggyakrabban arra a földrajzi helyre (ország, város, tájegység, stb.) utalnak, ahol a ruhadarabot viselni kezdték, s ezáltal a tájegység jellegzetes viseletévé váltak. Íme néhány példa:

bermuda (Tolcsvai Nagy, 2007.), **bermudy** (Kopaliński, 2004, 35): 'térdig érő férfi és női rövidnadrág'. Észak-Amerikában az ötvenes évek végén fürdőnadrágként viselték, feltűnő színekben és mintázattal. A *bermudanadrág* először a brit hadseregben terjedt el, ilyen nadrágokat hordtak trópusi, illetve sivatagi környezetben. Érdeemes megemlíteni, hogy ez a fajta nadrág a 20. század közepén *Bermudán* volt a legnépszerűbb, ez a tény járulhatott hozzá a közszóvá váláshoz. 1965-től terjedt el széles körben mint szabadidőnadrág. A nyolcvanas évektől elegáns változatát is hordják.

bikini (Tótfalusi, 2004, 111), **bikini** (Kopaliński 2004, 37): 'kétrészes, női fürdőruha'. Márkanév a csendes-óceáni *Bikini* atollról. Ott hajtották végre 1946-ban az első fúziós atomrobbantást. Ugyanekkor, 1946. július 5-én pedig divatbomba robbant Párizsban. Louis Rénard, a gépészmérnökötől lett divattervező bemutatta a világ első fürdőruháját, amit a *Bikini* szigetéről nevezett el. Ugyanebben az évben jelent meg a Jack Heimis által tervezett Atom márkájú fürdőruha is. Mindkét név a divatvilágba való berobbanásra utalt. A fürdőruha divatban véglegesen csak az 1960-as években fogadták el.

carmagnole (Tótfalusi, 2004, 140), **karmaniola** (Kopaliński, 2004, 143): 'hosszú ujjú, rövid kabát kihajtóval, paraszti és polgári zubbonyfajta'. *Carmagnola* piemonti város nevéből származik. A Carmagnolából (Piemont) származó munkások kabátja a francia forradalom idején került Marseille-ből Párizsba; a jakobinusok a hasonló formájú kabátot forradalmi viseletként hordták.

dalmatika (Tótfalusi, 2004, 177), **dalmatyka** (Kopaliński, 2004, 59): 'liturgikus felsőruha a római egyházban'. Diakónusok (szerpapok) viselik, ha főpapi misén, körmeneten vagy áldásosztáskor asszisztálnak. Színe megegyezik a miséző pap casulájával. *Dalmáciai* eredetű ruhadarabból alakult ki, innen a neve. A rómaiak a 2. században vették át és a tunika fölött viselték. Diocletianus (285–305) óta egészen a középkorig császári díszruha, különösen Bizáncban gazdag díszítésű és földi érő. A 3. századtól jellegzetes ókeresztény viselet, 320-tól a diakónusok (=szerpap) szolgálai öltözete. Liturgikus viseletként mind a mai napig fennmaradt.

fez (TESz, 1, 902), **fez** (Kopaliński, 2004, 89): 'vörös filc fejfedő'. A Közel-Keleten, Törökországban, az arab államokban, Cipruson, Albániában és Görögországban viselik. Marokkó régi fővárosának *Feznek* a nevéből származik. A férfifezen fekete vagy kék bojt van, a nők feze arannyal, gyönggyel díszes. 1337-től a török birodalom nemzeti jelképe. Itáliába is Keletről került, és a reneszánsz divatos fejfedője lett.

frígiai sapka (Tolcsvai Nagy, 2007, 371), **frygijka**, **czapka frygijska** (Kopaliński, 2004, 95): 'kúp formájú puha fejfedő, előrehajló csúccsal'. Eredetileg a frígek hordták, tőlük vették át a görögök. Nevét *Frígia* ókori kisázsiai országról kapta. A francia forradalom alatt a jakobinusok viselete volt.

panama (TESz, 3, 79–80), **panama** (Kopaliński, 1999, 564): 'egy fajta dél-amerikai növény leveleinek rostjaiból készült könnyű, nyári szalmakalap', amely az 1820-as években jelent meg, 1900 táján nyárias szabadidő-

ruházathoz, de frakkhoz is viselték. A *panamakalap*ot eredetileg az Ecuador és Peru határterületén élő indiánok készítették egy pálmazerű növény levelének rostjaiból. A kereskedelem *Panamába* továbbította az árucikket, innen került Európába, innen az elnevezés.

ulszter (Tótfalusi, 2004, 932), **ulster** (Kopaliński, 2004, 273): 'kétsorosán gombolódó, nehéz posztó férfikabát, magasan záródó nyakkal'. Az északír *Ulster* tartományról kapta a nevét, ahol Belfast és Londonderry városokban súlyos posztókat állítanak elő. A 19. század elején jelent meg, akkor még bevágott zsebekkel és övvel. Az 1920-as évek óta hátsó hóllal, sportos és elegáns variációban egyaránt látható.

valenciennes (Tolcsvai Nagy, 2007, 1066), **walansjenka** (Kopaliński, 2004, 276): 'kálós alapon virágindás mintázatú, kézzel vert csipke'. *Valencienne* francia város nevéből köznevesült, ahol a csipkeverés egyik ősi központja van.

3. A népnévből származó szavak egy-egy népcsoport jellegzetes viseletére vezethetők vissza, melyet az alábbi szavak illusztrálnak:

amazonruha (Bakos, 1973, 34), **amazonka** (Kopaliński, 2004, 14): 'női lovaglórúha'. A ruhadarabot a 18. században használták először sportruházatként, és ezzel új jelentést adtak a lovaglórúháznak. Az amazonruha mindig az aktuális divatvonalaknak megfelelő kidolgozású, de a férfiruházatból vett ruhadarabokat és kiegészítőket is használ. Különösen a 19. században volt jellemző az aszimmetrikusan szabott szoknya, mely a női nyereg használatát könnyítette meg, alatta általában térdig érő nadrágot hordtak, akár vadbőrből is. A kifejezés a görög mitológiából származik, a legendás *Amazonok* nevéből, akik egy legendás ókori nép tagjai voltak, amelyben csak a nők hadakoztak, a férfiakat szolgásként tartották. Az *amazon* jelentése 'mell nélküli': a nők leégették a jobb mellüket, hogy könnyebben tudják használni az íjat és a lándzsát. Az *Amazonok* területükön fogadták a harcosokat, majd nászuk után megölték őket. Így jártak el a fiú újszülöttekkel is, így népességük kizárólag asszonyokból állt.

baszk sapka (http://hu.texsite.info/Baszk/sv%C3%A1jci_sapka), **baszkijka** (Kopaliński, 2004, 30): 'puha, kerek fejfedő'. Népszerű viselet a Pireneusokban, különösen a *baszkok* körében, innen kapta a nevét. A 20. században jött divatba a francia divatszalonok révén. A művészek, halászok stb. jellegzetes viselete.

4. A márkanévből származó szavak mindig összefüggést mutatnak az adott divattermék gyártójának nevével, hiszen a márkanévek általában azonosak a tervező vagy a cégalapító nevével. Íme néhány példa:

adidaszka (Tolcsvai Nagy, 2007, 29), **adidasy** (Kopaliński, 2004, 9): 'sportcipő'. Az elnevezés az *Adidas* márkanévből származik, a márkanév a

sportcipőt gyártó cég megalapítójának a nevéből származik – Adolf (*Adi*) *Dassler*. Az elnevezés eredetileg csak erre a márkára vonatkozott, ma már jelenthet bármilyen márkájú sportcipőt.

börberi (TESz, 1, 363–4), **burberry** (Kopaliński, 1999, 117): 'viharkabát kis gallérral és rejtett gombolással, drága, impregnált fésűsgyapjú szövetből'. A kabát elnevezése az angol *Burberry* cég márkanevéből eredt. A cég alapítója, Thomas *Burberry* (1835-1926) a gabardin elnevezésű kabátszövet kifejlesztéséről lett híres, amely szélfogó és vízlepergető kikészítésű; ezt 1879-ben szabadalmaztatta. Jellemző rá a begombolható, kockás gyapjúbélés.

A fentiek alapján megállapítható, hogy a magyar és a lengyel nyelv divatterminológiai szókincsének eponimái sok tekintetben mutatnak egyezést. Természetesen találkozunk olyan szavakkal is, amelyek vagy csak a magyar, vagy csak a lengyel nyelvben találhatók meg, de jelen tanulmány célja az egyezések bemutatása volt. A bemutatott szavak jelentésükben csaknem teljesen azonosak, csupán adaptációjuk tekintetében mutatkoznak kisebb-nagyobb eltérések. Az hasonlóság egyáltalán nem meglepő, hiszen a két nyelv az európai kultúra és szellemiség képviselője, ezzel magyarázhatók – egyebek között – szókincsük egyező vonása is. Ez nemcsak az eponimákra, hanem a szókincs más területeire is vonatkozik, itt elsősorban az ún. europeizmusokra, nemzetközi jövevényszavakra és tükörszavakra gondolok (különböző tudományterületek, kultúra szókincsé, vagy a frazeológia jelentős része).

Szakirodalom

- Bakos, F. (szerk.) (1973): *Idegen szavak és kifejezések szótára*. Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Beeching, C. L. (1983): *A Dictionary of Eponyms*. Oxford–New York: Oxford University Press.
- Grzebieniowski, T. (1961): *Słownictwo angielskie od imion własnych*. Łódzkie Towarzystwo Naukowe Sprawozdania z Czynności i Posiedzeń. Rok XVI.
- Kopaliński, W. (szerk.) (1999): *Podręczny słownik wyrazów obcych*. Warszawa: Oficyna Wydawnicza Rytm.
- Kopaliński, W. (szerk.) (2004): *Słownik eponimów czyli wyrazów odmiennych*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Kybalová, L., Herbenová, O., Lamarová, M. (1974): *Képes divattörténet az ókortól napjainkig*. Corvina Kiadó: Budapest.
- Miért spencer a kurta kiskabát? (<http://mek.niif.hu/00000/00057/html/03.htm> - 2010.09.22.)
- Mióta viselnek raglánt? (<http://mek.niif.hu/00000/00057/html/03.htm> - 2010.09.22.)
- Szymczak, M. (redaktor naukowy) (1994): *Słownik języka polskiego 1–3*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- TESz. Benkő L. (főszerk.) (1967–1976): *A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára 1–3*. Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Tolcsvai Nagy, G. (szerk.) (2007): *Idegen szavak szótára*. Budapest: Osiris Kiadó.

- Tótfalusi, I. (1973): *Operamesék*. Budapest: Zeneműkiadó.
Tótfalusi, I. (2004): *Idegenszó-tár. Idegen szavak értelmező és etimológiai szótára*.
Budapest: Tinta Könyvkiadó.
Wisniewski, C. (2001): *Divatlexikon*. Budapest: Athenaeum 2000 Kiadó.

Internetes hivatkozások

- <http://www.extil.hu/ex1101pb.html>
<http://literat.ug.edu.pl/glogers/0043.htm>
http://hu.texsite.info/Baszk/sv%C3%A1jci_sapka

La mia Russia
(hommage à Viktor)

In honor of my (senior, but always young) colleague Viktor Mojszejenko, I wanted to remember my approach to Russian literature during the college years and then almost twenty years of my stay in Hungary (as student and teacher), in the frame of a strange relationship between Hungary and Russia. Although I ignore the Russian language, I can feel all the fascination of the world of culture and literature of a country, a people, which in recent years I have met several times.

Keywords: Russian Literature, Italian reception, translation, cultural relations

Esistono tanti modi di viaggiare e di scrivere del viaggio, ma quello che noi imperdonabili amanti della letteratura adoriamo, è suggerito dalla fantasia, dal ricordo, dal filtro della poesia e della storia: insomma, più che fidarci delle guide turistiche, tentiamo ogni volta di raggiungere una meta improbabile, per muoverci senza troppa convinzione tra strade ignote e recuperare uno sguardo, il colore di un tramonto, l'odore di un cappello che s'impregna di pioggia e di sudore, il contatto con un albero che tende a noi i suoi rami affaticati. Il trito e ritrito *navigare necesse est* acquista tutto un altro significato se lo rapportiamo all'Ulisse omerico, piuttosto che a quello virgiliano, per non parlare dell'Ulisse dantesco, ma qui siamo nell'ambito magico del mito, che necessariamente passa attraverso il filtro del tempo, della morale, della conoscenza.

Quando sono nato, la Russia era solo una parte, anche se la più importante, di un enorme conglomerato di Stati, durante le ore di geografia lo sguardo si perdeva su di un'enorme mappa, a considerare le vastissime distese di un territorio immenso, qua e là spopolato (sicuramente), ma comunque sempre presente nei timori e nelle speranze di quei decenni fino alla fine degli anni Ottanta, quando l'Imperium¹ cominciò a sgretolarsi, fino a capitolare nel 1991, proprio quando ero borsista in Ungheria presso l'Accademia delle Scienze, a Budapest. Quante cose cambiarono in pochi anni! Al tempo della mia prima volta in Ungheria (ultimissimi anni della Repubblica Popolare Ungherese) c'erano ancora i soldati dell'Armata Rossa (era il 1988) che di lì a poco sarebbero partiti, per sempre, come per cancellare un'eredità scomoda, o piuttosto il fatto che quello che per noi rimase solo un incubo (l'invasione sovietica, i cavalli dei cosacchi che si abbeverano alle – o nelle – fontane di Roma), per gli Ungheresi fu la realtà di un quarantennio. Il manifesto che mostrava la nuca grassa e accuratamente tosata di un massiccio ufficiale, con la scritta

---

¹ Nell'accezione che leggiamo in Ryszard Kapuscinski, *Imperium* (traduzione di Vera Verdiani), Feltrinelli, Milano 1995.

TÁVÁRISI KONYEC!, aveva colori vividi e insieme inquietanti, sembrava preludio a una decapitazione, ma poi finì in barzelletta, entrò nelle immagini di una nuova Ungheria in cui tutto era da rifare, ci si aspettavano grandi cose, ma soprattutto ci si era liberati (?) della lunga ombra di Mosca.

In questo continuo travaglio, necessario e conseguente ai mutamenti politici internazionali nonché alla trasformazione della mia vicenda personale, costante è rimasta l'attenzione a quello che considero il vero tocco geniale russo, l'ispirazione letteraria: non posso adesso considerare filologicamente il mio primo approccio alla letteratura russa/sovietica (sempre in traduzione, attenzione!), ma ricordo con grande precisione un'esperienza mediata dal cinema, per meglio dire dalla televisione, la visione di un film tratto dal povest' di Solženicyn *Una giornata di Ivan Denisovič* (letto poi nella traduzione di Raffaello Ubaldi uscita per i tipi di Einaudi (Torino 1971)). Sono sicuro che si trattasse di una proiezione mattutina, o quantomeno non serale (parliamo di uno di quei film che non attirano le famiglie, ma si rivolgono a un pubblico che ha voglia di guardare la televisione come attraverso il buco della serratura si guarda la sala di un cinema lontano...) e la visione di quel film in bianco e nero, con la sensazione che attraversava lo schermo di un freddo insopportabile e di un'umanità accartocciata nella scomodità del gulag, mi aprì un universo che fino a quel momento ignoravo (o forse avevo frainteso). Bisogna qui ricordare che nei programmi d'insegnamento della *Weltliteratur* nella scuola italiana dell'epoca, non c'era poi una grande attenzione nei confronti della letteratura russa, anche perché eravamo troppo impegnati a divorare centinaia e centinaia di romanzi della nostra area culturale, e quindi ci apparivano (e qui porrei l'accento sul verbo *apparire*) assai lontani dal nostro gusto quegli scritti che avevano ispirato, per esempio, un film tipicamente adorato dalle nostre mamme, quel *Dottor Živago*² che ancora faceva piangere gli occhi materni per le delicate e insieme selvagge espressioni della maschera di Omar Sharif. Sì, negli anni in cui il cinema hollywoodiano ci bombardava con i suoi eroi antirusi o antisovietici (uno dei film di Stallone che banalizzava le grandi pellicole pugilistiche, s'incentrava proprio sull'incontro ideologico-sportivo tra il campione italoamericano e il colosso ipertecnologicamente sovietico Ivan Drago³) esistevano pellicole che parlavano di una Russia sofferente (anche se non sembrava emergere un'analisi delle cause di quella sofferenza), e quindi bisognava cercare le opere letterarie da cui erano state tirate fuori quelle immagini. Solženicyn, dunque, *Ivan Denisovič* e poi *Divisione cancro*⁴, fino al

---

² Boris Pasternak, *Il dottor Živago* (traduzione di Pietro Zveteremich), Feltrinelli, Milano 1958.

³ Dolph Lundgren, attore svedese, è l'antagonista del pugile italoamericano in *Rocky IV* (USA 1985, regia di Sylvester Stallone).

⁴ Ovvero *Padiglione cancro* (Newton Compton), o anche *Reparto C* (Einaudi), da me letto nell'edizione seguente: Aleksandr Solgenitsin, *Divisione cancro* (traduzione di Marina Olsufieva) *Garzanti*, Milano 1974, 2 voll.

fatale incontro con Dostoevskij: un ricordo più intenso, quello del mio incontro con Raskol'nikov e la sua cieca determinazione, sono ancora del parere – vedi il riferimento precedente a Pasternak – non avrebbe avuto senso farne un film, eppure qualche anno fa ne ho visto uno girato dagli Americani, tutto costumi perfettamente ricostruiti e grande fotografia, ma vuoto, vuoto di spirito, di poesia, semplice performance televisiva...

Dostoevskij si affacciava come uno spirito inquieto e profetico, i suoi romanzi mettevano tutto in discussione, era come leggere un canto della Divina Commedia senza il commento, senza le note, tutto poteva essere e non essere, ma soprattutto sentivi dentro di te un vortice di vodka, terra bagnata, vapori di cucine e bagni, fronde di betulla e sangue misto a pus, proprio come nei versi che descrivono il *fiero pasto* del conte Ugolino, anche se – si capisce – la Commedia bisognava studiarla a ritmi frenetici, un canto a settimana, quindi c'era poco tempo per assorbirne la magia. Sì, credo che Dante sia imprescindibile per capire Dostoevskij, soprattutto per i *Demoni*, ma si vede chiaramente che la dimensione letteraria universale dell'Alighieri è una cornice perfetta per tutta la letteratura russa, fino ad oggi.

Fino alla maturità continuai con letture classiche, senza comprenderle appieno perché immerso in una sensibilità diversa, ma del resto come si può comprendere, a 17 o 18 anni, il *Maestro e Margherita* di Bulgakov che ancora leggevo sotto l'influenza del *Faust* di Goethe? Dovrò rileggerlo più volte, anni dopo, per iniziare a comprenderne l'importanza e la grandezza. Ma mi tenne una grande compagnia, quando mi avventuravo per le strade dell'umorismo di alto livello, la vena di Gogol', per esempio nei *Racconti di Pietroburgo* che lessi nelle belle traduzioni dello scrittore italiano Tommaso Landolfi (ancora oggi ripubblicate da Einaudi), e ricordo che per le edizioni Sugarco, che venivano sorrette dalle casse del Partito Socialista Italiano, sarebbero usciti alla fine degli anni Ottanta i volumi sarcastici e dissacratori di quello Aleksandr Zinov'ev di cui solo più tardi lessi il bellissimo *Cime Abissali* (Adelphi, Milano 1977-78, nella traduzione di Gigliola Venturi).

Venne il tempo dell'addio al paterno ostello: tra il 1987 e il 1992 feci i miei bravi anni di università a Napoli, dove l'Orientale⁵ era considerato una sorta di Olimpo della russistica e della slavistica in genere, con grandi nomi (Nicoletta Misler, Serena Vitale, Riccardo Picchio, Nullo Minissi, giusto per citarne alcuni) che noi non-russisti (io poi assolutamente non-slavista) scorrevamo di volta in volta sui giornali, o nelle pubblicazioni specialistiche, quando non capitava di leggere una traduzione nata magari proprio tra le mura di quelle stanzette di Palazzo Giusso, nel cuore della Napoli universitaria. Noi studenti eravamo tutti – chi più chi meno – idealisti e convinti che soltanto una grande fede marxista potesse salvare il mondo dalle storture del capitalismo, ma soprattutto eravamo ancora ciechi, non avevamo conosciuto da vicino i patimenti allora attualissimi dei Romeni, quelli ancora recenti dei Polacchi, per

---

⁵ Istituto Universitario Orientale, per dirla con nome, patronimico e cognome!

non parlare delle due rivoluzioni, '68 e '56, che in maniera eclatante avevano coinvolto anche gli intellettuali italiani: ci nutrivamo di racconti e di sogni non nostri, vedevamo tutto sullo sfondo irresponsabile dei nostri vent'anni, quando avremmo fatto di tutto pur di provare l'emozione della rivoluzione! Di lì a poco, naturalmente, il velo che avevamo davanti agli occhi sarebbe caduto e avremmo considerato tutto sotto una luce diversa, almeno questo significò per me il confronto con gli anni prima e dopo la caduta del Muro di Berlino.

Dopo un anno di servizio militare (1992-93), i miei primi anni d'insegnamento in Ungheria furono caratterizzati dalla presenza di una strana categoria di studenti: i professori di russo delle scuole medie, che con il cambiamento di regime avevano praticamente perso il posto di lavoro (o almeno metà), e che il governo ungherese di allora tentò (devo dire con successo) di recuperare facendo studiare loro le cosiddette *lingue occidentali*, tra cui l'italiano, che allora veniva visto anche come trampolino di lancio per altre possibilità, con l'ingresso dei primi investitori-imprenditori italiani nel mercato ungherese. Davvero si stavano tagliando i ponti con quella cultura? Davvero sarebbero stati cancellati, insieme con lo studio della lingua russa, gli autori della letteratura, sarebbero forse stati banditi dalle vetrine eleganti delle librerie, per finire in mezzo agli scatoloni degli invendibili? Béla Hoffmann, uno dei più acuti critici ungheresi della letteratura italiana, parlava incantato del suo amore per la lingua e la letteratura russe, riusciva perfettamente a farmi comprendere l'enorme dissidio che in lui veniva causato dall'odio per un sistema politico, quando era costretto a convivere con l'amore per una cultura insieme lontana e vicina. Béla non parlava di Mosca, o di San Pietroburgo, ma di Vladyimir, una città per me del tutto invisibile, dove aveva trascorso un anno memorabile durante i suoi studi universitari, sentendosi al centro perfetto dell'universo, nutrendosi di letteratura allegramente inaffiata di vodka, insomma dimenticando tutto l'amaro che lo attendeva in un'Ungheria povera e grigia (potere della poesia!). Non era però l'unico russista nelle mie immediate vicinanze: ben presto scoprii che proprio sopra la mia testa (al terzo piano dello stesso edificio di cui noi italiani occupavamo un'ala del primo) esisteva un vero e proprio mondo slavo, popolato da colleghi che ancora si ostinavano a macinare ore e ore di letture cirilliche, a parlare di Puškin, Gogol', ma anche di Pietro il Grande, della zarina Caterina, organizzando di tanto in tanto delle festuciole, in cui si cantava, recitava, mangiava alla russa!

Il nostro prorettore vicario di allora, Károly Gadányi, che poi divenne rettore e ci guidò verso il rango universitario, era (ed è ancora) anche lui uno slavista, piuttosto linguista che letterato, ma con uno spiccato senso della citazione filologica, che vedevo spesso confabulare con il nostro Viktor, e ancora oggi li vedo chiacchierare allegramente del più e del meno, come se si fossero appena incontrati al caffè di una grande biblioteca moscovita.

Gli anni passavano, la mia lunga residenza in Ungheria mi portò sempre più, la mia età sempre meglio ad interessarmi della letteratura e della cultura russa, anche in maniera critica di quella cultura sovietica che un tempo mi

aveva affascinato, e che ormai guardavo con il più totale disincanto, anche perché cominciando ad interessarmi della storia ungherese più recente, mi appassionai a quella cosiddetta *letteratura del gulag* che sembrava fare il paio con la *letteratura dei lager* che tanto mi aveva rapito da ragazzo (fulminante l'incontro con la scrittura di primo Levi): in italiano, in ungherese, in francese, in inglese, divorai quanto trovavo sull'argomento, di nuovo Solženicyn (*Arcipelago GULAG*), ma nuove scoperte furono Vasilij Grossmann (*Tutto scorre...*, pubblicato da Adelphi nella traduzione di Gigliola Venturi), i *Racconti di Kolima* di Varlam Šalamov (letti nella traduzione di Sergio Rapetti, uscita per i tipi di Einaudi nel 1999), tanti frammenti e commenti, che di tanto in tanto apparivano a illuminare quei decenni di storia, tanto volentieri dimenticata dall'Occidente.

E finalmente, nel maggio 2006, giunse il primo viaggio in Russia! Non ho conservato il biglietto, ma ricordo benissimo gli scali: Mosca, poi Čeboksary, capitale della Repubblica Autonoma dei Ciuvasci, e a ogni scalo provare la vodka russa, in Russia! La prima tappa, in automobile, verso la mitica capitale della Repubblica dei Mari, Joškar-Ola è stata una specie di bettola dove ci siamo fermati soltanto per bere un bicchierozzo di vodka, ma non dentro, fuori... con bevande che l'ospite e l'autista si erano portati da casa! Naturalmente, di cartine, piante della città, qualsiasi cosa che aiutasse l'orientamento, neanche a parlarne... Ma sono stati giorni molto intensi, tutti molto amichevoli e curiosi di scortare un italiano che rappresentava un'istituzione ungherese, naturalmente si trattava per lo più di colleghi universitari, quindi non mi è stato difficile accettare in altre occasioni viaggi simili, nel novembre del 2007 di nuovo a Joškar-Ola, poi nel giugno del 2009 la prima volta in Siberia, a Chanty-Mansijsk nello Yugra (Circondario degli Chanty-Mansi), nel 2010 a Volgograd, la stessa città che tutti conosciamo grazie alle eroiche descrizioni dell'assedio di Stalingrado!

Si può immaginare che queste visite in Russia abbiano alimentato il mio interesse per la letteratura, che proprio in questi ultimi anni ha letteralmente invaso gli scaffali di librerie e biblioteche: da Pelevin (un altro Viktor: inimmaginabile non aver letto la sua *Generazione P*) a Venedikt Jerofejev (*Moszkva-Petuski*, questo letto in ungherese), dall'altro Jerofejev, anche lui Viktor (*La bella di Mosca* e *Il buon Stalin*, anche questi letti, sinora in magiaro) al giovanissimo Arkagyij Babcsenko con le sue *Scene da una guerra* (*Jelenetek egy háborúból*, sempre lette rigorosamente in traduzione ungherese), per finire con la scoperta della prosa coinvolgente di *Ljudmila Ulickaja*, che posso apprezzare sia in italiano che in ungherese (Medea, Daniel Stein, interprete, etc.), e di cui leggo proprio adesso l'ultima fatica, *Imago* (questo è il titolo della traduzione ungherese, che rispecchia il titolo internazionale del romanzo, mentre quello originale dovrebbe essere letteralmente *La tenda verde*) nella traduzione di József Goretity (*Magvető, Budapest 2011*) divertendomi a seguire – quale sorpresa! – il deus ex machina della vicenda intellettuale dei tre giovani protagonisti, un insegnante di letteratura russa, Viktor Julievič, trasci-

natore di liceali, una figura antica e sempre moderna del maître à penser, che buca la pagina del romanzo, è qui vivo davanti a me, a noi lettori, con i suoi sogni di formare i giovani, di condurli per mano sui sentieri della conoscenza, dell'amore per la parola scritta, detta, recitata, per tutto quello che da queste migliaia di pagine continuamente trasuda: la mia piccola, particolare, libreria Russia.

Oblikoslovne značilnosti narečnih prispevkov TV oddaje Slovenski utrinki

Abstract: The paper shows the morphological characteristics of the Felsősözlök and Apátistvánfalva dialects that belong to the group of Pannon dialects. The linguistic analysis was made on the basis of the reports for the Slovenski utrinki – a programme for the Slovenian national minority of the Hungarian Television. The first part of the paper gives an account of the characteristic features of the two dialects based on the parts of speech. This is followed by the analysis of the speech of the speakers in which the authors analysed the nouns, adjectives, verbs and adverbs.

Keywords: dialectology, the Felsősözlök dialect, the Apátistvánfalva dialect, morphology, parts of speech

1 Uvod

Slovenska manjšina na Madžarskem je številčno majhna narodna skupnost. Njihov jezik je navkljub majhnemu številu govorcev členjen, vsaka govornica predstavlja jezikovno bogastvo. V Porabju ločimo dve inačici narečja, to sta seniški in števanovski govor, saj »so bili prebivalci slovenskega Porabja podložniki cistercijancev in veleposestniške družine Batthyány, ki je dobila v posest zemljišče v Železni županiji v 15. stoletju, v času Matije Corvina. Slovensko Porabje je bilo tako razdeljeno med dve zemljiški posesti. To je vplivalo na način življenja ljudi, na njihov jezik, gospodarski in socialni razvoj, kar se čuti vse do danes."¹

V članku bomo s pomočjo prispevkov TV oddaje Slovenski utrinki predstavili oblikoslovne značilnosti govora intervjuvancev z Gornjega Senika in Števanovcev. Slovenski utrinki so pri MTV na sporedu že 19 let. Predvajajo se vsakih štirinajst dni v 26 minutah. Oddaje so podnaslovljene, zato so dostopne tudi madžarskemu (večinskemu) delu gledalcev. Slovenski utrinki se pripravljajo v slovenskem knjižnem jeziku in v porabskem narečju. Mnogim ljudem je to skoraj edina možnost, da slišijo eno od dveh zvrsti slovenskega jezika. Poleg informiranja je ena pomembnejših nalog tega medija tudi ohranjanje in razvijanje materinščine. Pretežni del gledalcev oddaje sodi v starejšo generacijo, zato so prispevki temu tudi delno prilagojeni. Uporaba dialekta v prispevkih je ključnega pomena, saj predstavlja skorajda edino slovensko komunikacijsko sredstvo Porabcev. V nadaljevanju želimo na podlagi narečnih prispevkov števanovskih in gornjeseniških govorcev predstaviti posebnosti oblikoslovja.

---

¹ M. KOZAR MUKIČ, *Slovensko Porabje*. Ljubljana, Szombathely 1984.

2 Porabsko slovensko narečje

Porabsko slovensko narečje spada v panonsko narečno skupino, v okviru tega pa je eden od govorov prekmurskega slovenskega dialekt. Dialektološke raziskave v Porabju govorijo o dveh inačicah porabskega govora, o gornjeseniški in števanovski varianti. Prvo govorijo na Gornjem Seniku, v Ritkarovcih in na Dolnjem Seniku, drugo pa v Števanovcih in ostalih slovenskih vaseh (v Sakalovcih, Slovenski vesi in Andovcih). Na izoblikovanje dveh različic je morda vplivalo tudi to, da so bile vasi ločene na dve območji tudi v gospodarsko-upravnem (posest Dobra in monoštrski samostan) in v cerkvenoupravnem pogledu (seniška in števanovska župnija).

2.1 Oblikoslovje števanovskega govora

V oblikoslovju tega govora je ohranjeno vse bogastvo razvoja oblik in pisanost naglasnih tipov; zlasti končno naglaševanje ustvarja podobo ritmično razgibanega jezika. Ohranjena je vsa fleksija, trije spoli, tri števila, trije časi. Zanimivo je, da ženske uporabljajo obliko moškega spola, ko govorijo o sebi v prvi osebi: 'd'á sa 'dY:lo; pa tudi v pripovedi o ženski uporabljajo moško obliko, če se njeno ime končuje na soglasnik: 'Ester je 'üso.

2.1.1 Samostalnik

1. moška sklanjatev pozna nepremični (*kla'pa:č, kla'pa:ča*), mešani (*s'vä:Çt, sve'ta:, sve'tä:Ç*) in končniški (*'pies, p'sn*) naglasni tip. Dajalnik in mestnik ednine je **-ä:Ç** < **-ě**, mestnik množine pa je **-a:j** < **-ax**.

Z **-ov-** se podaljšujejo redki samostalniki v množini: 'mn:²st – mos'tn:²vd'e – mos'tn:²f. Pogosta je končnica **-d'e** (**-t'e**) < **-je** v imenovalniku množine (*mos'tn:²vd'e, k'linčect'e*). Samostalniki tipa *s'tiebar* se sklanjajo po nepremičnem vzorcu. V mestniku množine je končnica **-aj** < **-ax**, v rodniku dvojine oz. množine obstaja **-ama** oz. **-ami**.

1. ženska sklanjatev pozna nepremični (*'râ:²ža, 'râ:²že*), mešani (*'râ:²ka, ro'tY:*) in končniški (*'mieglâ, mag'ly:, mag'lä:Ç*) naglasni tip. V rodniku dvojine in množine je pogosta tožilniška končnica (*'râ:²ži -i, 'râ:²že -e*). Končniški naglasni tip je ponekod ohranjen; na osnovi je naglašen le imenovalnik ednine; ohranjata se ednina in množina: *'dieska, das'tY:*.

2. ženska sklanjatev pozna nepremični (*'nâ:²č, 'nâ:²čY*) in mešani (*'vö:Çš, z viš'já:²f*) naglasni tip.

Pri prvi srednji sklanjatvi so ohranjeni vsi naglasni tipi: nepremični (*'miesto, 'miesta*), premični (*'tiele, ta'lieta*), mešani (*ser'cY:, ser'ca:, s 's•con*) in končniški (*k'lâ, k'lân*). Pogosta je feminizacija nevter, zlasti v pluralu: *d'râ:Çvo – d'râ:Çve; v'râ:Çman* je srednjega spola (*Kakšno je v'râ:Çman*).

2.1.2 Pridevnik

Pridevnik je izgubil možnost razlikovanja oblike; prevladuje določna oblika tudi za izražanje nedoločnosti ('lä:Çpi, 'ö:Çdi, 'pY:Çsani, 'sY:Çvi, z'la:ti, zY:'leni, m'la:di). Stopnjevanje lastnosti se najpogosteje opisuje z 'buola, naj'buola ('buola 'lä:Çpi, 'buola 'ö:Çdi, naj'buola s'ta:ri, naj'buola s'lâbi), poznajo pa tudi stopnjevanje z obrazilom **-ši, -ejši** ('liepši, g'luopši, sta'rejši, no'vejši). Presežnik se tvori opisno s primerniško obliko (naj'buola 'bâ:²kši, naj'buola sta'rejši). Obstaja tudi elativno stopnjevanje: 't•no 'duobar, sp'loj s'ta:ri.²

2.1.3 Zaimek

Najpogosteje se pojavljajo osebni in svojilni zaimki ('d'â, 'tY:Ç, 'uon, 'müva, 'mY:Ç, 'vY:Ç ...; 'muoj, t'vuoj, 'nY:n, 'nâš, 'vâš ...), obstajajo še kazalni ('ta:, 'tY:Çsti), vprašalni (s'tuo, 'kuoga, 'kâ, 'kâk...), nedoločni (na'ka:k, 'nika) ter drugi zaimki ('nišča'nâ:Ç, 'sâkši, 'sY:Ç).

2.1.4 Števniki

V števanovskem govoru se uporabljajo predvsem glavni in vrstilni števniki ('edan, d'va:, t'rY:Ç, š'tiri, 'pY:t; 'p•vi, d'rugi, š't•ti, 'â:²smi); ločilni in množilni števniki so redki.

2.1.5 Glagol

Števanovski glagol se v glagolskih oblikah, osnovah, časih, naklonih in načinih bistveno ne razlikuje od glagola v slovenskem knjižnem jeziku. Zanimivost so poudarjene in nepoudarjene oblike pomožnika: *de* – 'bâ:²de, *mo-* 'bâ:²demo, *te* – 'bâ:²dete, *ta* – 'bâ:²deta...

2.1.6 Prislov

Prislovi so pogosto rabljene besede, zlasti se prislovi kraja pogosto uporabljajo ob glagolih, pri katerih že predpona napove gibanje v določeno smer. Govor pozna krajevne, časovne, načinovne in vzročne prislove: *do'mâ:²*, 'tö:Ç, 'k'râ:Ç, 'dâlač; f'čâsi, zaz'ra:nkoma, v'nuoči, s'nuočkar; 'rä:itko, f'küpar, po'ma:lak, tar'bâ:Ç; za 'niega 'vuolo, 'za:to...

---

² Z. ZORKO, Prekmursko narečje v Porabju na Madžarskem. *Družbenogeografska in narodnostna problematika slovenske manjšine v Porabju na Madžarskem*. Maribor 2003. 17-33.

2.2 Oblikoslovje gornjeseniškega govora

V oblikoslovju gornjeseniškega govora obstajajo podobne značilnosti kot v števanovskem. Ohranjeni so vsi trije spoli, vsa števila, vsi skloni in skoraj vse glagolske oblike. Značilno je, da ženske zase v prvi osebi ednine v preteklem in prihodnjem času ter v pogojniku uporabljajo moški spol (*sa 'vüdo, mo 'vüdo, bi 'vüdo*).

2.2.1 Samostalnik

Samostalniki so moškega, ženskega in srednjega spola (*f'tič, 'kRn, k'ráva, m'rávla, 'tele, 'pišče*). Govor Gornjega Senika pozna malo samostalnikov srednjega spola, saj so številni postali samostalniki ženskega spola (*uho – 'vü:ja, koleno – ko'lena, jabolko – 'd'ápka*). Pri sklanjatvi samostalnikov je mogoče postaviti popoln sklanjatveni vzorec, govorniki pa v vsakdanjem govoru težijo k enostavnejšim rešitvam.

1. moška sklanjatev pozna nepremični (*'grá, g'rája, sto'pa:j, sto'pa:ja*), mešani (*b're:Čk, bar'ga:, 'ko:²t: ko'ta:*) in premični (*'gezik – ge'zika, 'd'elen – d'e'lena, 'pRgan – po'gána*) naglasni tip.

Pri moški sklanjatvi se mešani naglasni tip močno drži in zamenjava z nepremičnim tipom ni vedno poljubna kot pri prvi ženski sklanjatvi. Samostalniki, ki se končujejo na **-r**, ne podaljšujejo osnove z **-j-**: *ma'sa:r -a, 'küšker -a, m'linar -a*. Končnice so v imenovalniku množine **-ge** za zvenečim soglasnikom (*go'lo:²bge, so'ma:rge*), **-ke** za nezvенеčim soglasnikom (*pa'da:ške, b'rátke*) in **-Y** (*z'vRncY, 'za:fcY, 'vYncY*). Samostalniki, ki se v imenovalniku ednine končujejo na **-Y** dobijo v imenovalniku množine vezni konzonant **-n-** (*po:²člY-po:²člYnge, 'cuclY – 'cuclYnge, 'árYnglY – 'árYnglYnge*).

Samostalniki prve ženske sklanjatve se lahko sklanjajo po nepremičnem (*'ri:ba, 'ri:be, s'liva, s'live, t'ra:va, t'ra:ve*) oziroma mešanem naglasnem tipu (*'ro:²ka, ro'kY:, 'no:uga, no'gY:*). Mešani naglasni tip se pojavlja le pri nekaterih besedah, v večini primerov pa se lahko brez posledic zamenja z nepremičnim tipom (*'vRda – 'vRde*). Besedi *mati, hči* imata posebno sklanjatev (*'mâtY 'mâtere 'mâterY 'mâter par 'mâterY z 'mâterd'of*).

2. ženska sklanjatev pozna nepremični (*ko'ko:²š - ko'ko:²šY, 'žálost – 'žálostY, 'müš - 'müšY*), mešani (*pY:č, s peč'jo:²f, 'po:²t, s pot'jo:²f*) naglasni tip.

Pri prvi srednji sklanjatvi so ohranjeni vsi naglasni tipi: nepremični (*'Rkno, 'Rkna*), premični (*'tele, ta'leta*), mešani (*sar'cY:, sar'ca:, s 's•con*) in končniški (*ma'so:², ma'sa:, ma'se:Č, z ma'so:²n*). Pogosta je feminizacija nevtar, zlasti v pluralu: *'d'ápke, d're:Čve, ko'lene, 'vü:je*. Podaljšava osnov z **-n-**, **-t-** v govoru obstaja, vendar precej redko: *i'mY: - i'mY:na, 'tele- ta'leta*. Obstajajo tudi primeri, kjer se je podaljšana osnova posplošila tudi za imenovalniške oblike: *v're:Čmen, 'semen, 'vü:men ...*

2.2.2 Pridevnik

V seniškem govoru določna pridevniška oblika izpodriva nedoločno, tako da se nedoločna oblika vse bolj izgublja ('le:ÇpY, plas'ni:vY, 'lipovY, 'dRber, 'sestrYn, 'mâtarYn, 'RčYn). Govor je ohranil stari tip sklanjatve **-oga, -oma** (m'la:doga – m'la:doma, s'ta:roga – s'ta:roma), v rodilniku, dajalniku in tožilniku (živ.) ednine moškega spola pride tudi do izpada nenaglašene **-o-**, npr. 'no:²rga, 'no:²rma, s'ta:rga, s'ta:rma. Nekateri pridevniki so nesklonljivi ('fe:Çst, 'fa:Çn), tudi pridevniki, ki so prevzeti iz madžarščine, se ne sklanjajo ('kedveš, 'bekYpzelt).

Govor pozna tro- in dvostopenjsko stopnjevanje. Pri analitičnem stopnjevanju se primernik tvori s prislovom 'bRle: 'bRle ra'dY:čY, 'bRle t'rü:den; pri sintetičnem pa z obrazili **-šY, -ejšY, -YšY** iz osnovnika ('lYpšY, 'vYkšY, top'lejšY, sta'rejšY, 'nižYšY, 'višYšY, 'nâčYšY). Presežnik pa se tvori s členico **-naj** iz primernika (naj'bRle ra'dY:čY, naj'lYpšY, najsta'rejšY, naj'višYšY). Pri elativnem stopnjevanju gre za obliko, ki izraža visoko ali nizko stopnjo kake lastnosti: p'reveč 'le:ÇpY, sp'lRj p'ra:zen, 't•nok 'dRber, st'râšno flâjsen.

2.2.3 Zaimek

Najpogosteje se pojavljajo osebni in svojilni zaimki ('ge, 'ti:, 'u:n, 'mi:, 'vi: ...; 'mRj, t'vRj, 'nYn, 'nâf, 'nâš, 'vâš, 'ni:nY ...). Ohranila pa se je tudi oblika 'u:nY za onikanje; starejše ugledne osebe (duhovnike, škofo) onikajo ('u:nY gos'po:²t p'lYbanoš g'nes 'nedo 'mešo s'lü:žYlY). Obstajajo še kazalni ('tY:, 'ti:stY), vprašalni ('š'tR, 'kRga, 'kRmY, 'š'terY, 'kâ, 'kâkšY) in nedoločni (na'ka:k, 'nika, 'ništernY) ter drugi zaimki ('niške'ne:Ç, 'nika'ne:Ç, 'sâkšY, 'f'si:).

2.2.4 Števnik

Govor pozna le glavne in vrstilne števnike, namesto ločilnih se uporabljajo glavni, vendar sta ohranjena dva: d'vo:²je, t'ro:²je. Glavni števniki se sklanjajo kot pridevniki, sklanjatev od pet naprej se vse bolj odpravlja. Naglas je nepremičen, izjema je le števnik tar'gY:.

2.2.5 Glagol

Glagolske oblike seniškega govora so podobne kot v knjižnem jeziku. Posebnost govora je, da v sedanjiku pozna in uporablja poleg pomožnega glagola *biti* še izraz 'gY: za izražanje obstajanja, nahajanja: 'Ge sa 'gY: 'p•vY. 'U:na je 't•n 'le:Çpa 'gY:. 'To:² je 'ne:Ç 'le:Çpo 'gY:. Sedanjiške oziroma velelniške končnice so popolnoma iste kot v knjižnem jeziku, v prvi osebi dvojine pa obstaja posebna končnica **-ve** za ženski spol ('dYlave, se'dive – 'dYlajve, 'se:ÇdYve). Zanimanje v preteklem času poteka na dva načina: sa 'ne:Ç 'dYlo, smo 'ne:Ç 'gučale – 'ne:Ç sa 'dYlo, 'ne:Ç smo 'gučale.

Izmed neosebni glagolskih oblik so najpogosteje rabljeni nedoločnik, neme-nilnik in deležniki ('vüpatY, g'lYdatY, o'ka:pat, k'râdnYt, 'bRlYčY, 'vöp'la:čanY, na'ma:lanY, ob'ri:t, na'pi:t, o'bütY).

2.2.6 Prislov

Prislovi so pogosto rabljene besede, zlasti se prislovi kraja pogosto uporabljajo ob glagolih, pri katerih že predpona napove gibanje v določeno smer. Govor pozna krajevne, časovne, načinovne in vzročne prislove: *do'mo:², do'ma:, na'zâjek, na'za:Ç, 'tîi:, 'ta:n, z'viina; 'sigdar, z'ra:nkma, s'nRčkar, va'čY:r, 'no:²k'ne:Ç; po'ma:lek, 'g•do, la'po:², 'na:glo; 'zâka, 'za:to, za 'nâga 'vRlo, za 'nY: 'vRlo ...*

3 Oblikoslovne značilnosti govora intervjuvancev

Oblikoslovne značilnosti v govoru intervjuvancev z Gornjega Senika in iz Števanovcev so v glavnem podobne. Razlike obstajajo predvsem med generacijami. Mlajša generacija uporablja pri svojem govoru več sposojenk iz madžarščine, ki jih bolj ali manj prilagajajo svojemu narečju.

3.1 Samostalniška beseda

Intervjuvanci srednje generacije uporabljajo v svojem govoru samostalnik *človek* v množini z isto osnovo: *'pY:t – 'šYst č'luovYkof, g'nes'dY:n č'IRvYkY, 'ta:šY 'bo:²kšY č'IRvYkY*, medtem ko se pojavlja v njihovem govoru tudi skupno ime *lüstvo*. Pri samostalnikih moškega spola na samoglasnik pride do daljšanja osnove z *-n-*: *pot 'âutonon la'žâti, s 'kuočinon*; daljšanja osnove z *-j-* pa ne obstaja: *d'va: 'šo:²štara*. V števanovskem govoru se kot posebnost pojavlja v tožilniku množine prve moške sklanjatve končnica *-a* poleg končnice *-e*: *'čie vi 'pe:Çnaze 'dier 'leko sp'râjli, ka sa 'd'â 'pY:Çnaza 'ze:Çsko*. V govoru intervjuvancev z Gornjega Senika se precej trdno drži mešani naglasni tip 1. ženske sklanjatve: *'ta:n f karč'me:Ç, pa f karč'me:Ç so 'gYlY, 'neman 'ra:nč vo'lo:², 'ženske pa'tY:, 'po:² 'pY:ta fa'li:*. Intervjuvanci velikokrat vpletejo v svoj govor sposojenke iz madžarščine, ki jih popolnoma oziroma deloma prilagajajo narečju: *za 'gep'lâkatoša, ka sa 'd'â 'pY:Çnaza 'ze:Çsko, 'Y:Çnaša tii dar'žY:Çn, na ban'zY:Çn, na 'pa:l'a, 'lekka 'öltözö, 'diejo do'mâ:² s 'kuočinon*.

3.2 Pridevniška beseda

Intervjuvanci tvorijo primerniške oblike pridevnikov z obrazili: 'bo:²kšY č'IRvYkY 'gesteo, 'bã:²kšo 'miesta. Včasih se sintetično stopnjevanim oblikam v primerniku dodaje še prislov 'bRle: 'bRle d'râkše č're:Çvle.

3.3 Glagol

Raba naklonskih glagolov morati:moči

Tako intervjuvanci z Gornjega Senika kakor tudi iz Števanovcev ne razlikujejo med naklonskima glagoloma *morati:moči*, v svojem govoru uporabljajo eno samo obliko za oba glagola: 'nä:Ç 'mogo zo'zē:Çdati, sa na'muorajo 'ja:tēkošt'a s'kã:²pati, b'riezi 'pY:Çnas 'zãčniti na'muora, sa se 'mRgo naf'čitY, pa se tö 'mRgo 'me:ÇsYtY, žY 'se 'mRgo 'dYlatY, 'fe:Çs 'mRreš'fküpo'me:ÇsYtY.

Kratki nedoločnik

Intervjuvanci večinoma uporabljajo dolgi nedoločnik, le ponekod naletimo na kratki nedoločnik: sa 'zãčno 'sa:n 'oditi sa f'čē:Çt, bi 'nä:Ç 'mogo 'miesto 't'ö:Çpiti, 'nä:Ç bi 'mogo 'zē:Çdati, 'mRre 'žY paj'la:fY z'nâtY, 'za:tok 'da:jo pop'ra:vlatY; sa 'ta:n 'mRgo 'me:ÇsYt.

Poudarjena oblika pomožnika

V govoru intervjuvancev se poleg nepoudarjenih oblik pomožnega glagola biti v prihodnjiku pojavljajo tudi poudarjene: de do'ča:s 'dRber 'gY:, 'tē:Ç do 'zãj 'tãk, š'tirY, š'tirY 'venak 'bo:²de, 'mela 'bo:²de f'čãsYk.

Izraz 'gY:

Posebnost gornjeseniških intervjuvancev je, da v sedanjiku uporabljajo poleg pomožnega glagola *biti* še izraz 'gY: za izražanje obstajanja, nahajanja: kam' ge tö 'ti:sto 'gY:, 'to:² 'se 'no:²vo 'gY:, 'na:jveč je 'NYncof 'gY:, 'ženske pa'tY: so 'bRle 'vo:²ske 'gY:.

3.4 Prislov

V prispevkih najdemo le nekaj prislovov ('za:tok, g'nes'dY:n, do'ča:s, 'tãk, 'zãj va'čYr, g'nies'dY:n), prislovi kraja pa so večinoma uporabljeni ob glagolih, pri katerih že predpona napove gibanje v določeno smer: 'die 'leko 'nütras'ta:ne, 'rât 'mãlo f'cüjzo'zY:Çdo k 'tRma 'tö:Ç, 'leko 'nRtras'ta:nemo, na:jp•va se 'pa: f'küpero'me:ÇsY, pš'e'nično tö 'züj'de:Çvamo, 'üšo ta'dRj v m'li:n s'lüžYt, ta'gRr na 'NYnško s'lüžYt o'di:šo.

4 Transkripcija delov besedil izbranih prispevkov

Intervjuvanec iz Števanovcev – srednja generacija:

'D'ã sa san za 'gep'lãkatoša f'čY:Ço 'na:j'p•van t're:Ç 'lä:Çta sa 'odo f 'šã:²lo (v) 'va:raš v že'ly:Çzno fab'riko, pa po 'te:Çstin sa 'zãčno 'sa:n 'oditi sa f'čë:Çt, ka bi 'rãt 'ãutome'xãnik 'be:Ço. 'Tãk sa 'zãčno 'zie 'd'ã, dapa 'nä:Ç sa 'mogo, 'te:Çsta t're:Ç 'lä:Çta ka bi za 'ãutome'xãnika 'üšo. 'Tãk 'osandasett'rëjtjoga 'leta sa zgo'tã:²vo 'ãutome'xãnik mašt're:Çjo. (V) 'va:raši 'lãknevan z'dãj 'zie – 'tãk 'lieko po'vä:Çn – d'väjsti 'lä:Çt, dapa v 'va:raši bi 'nä:Ç 'mogo 'miesto 't'ö:Çpiti, 'nä:Ç bi 'mogo 'ze:Çdati. Ka sa 'tãk 'zãčno, ka san, ka sa 'd'ã 'pY:Çnaza 'ze:Çsko, s 'te:Çstin sa 'zãčno 'ze:Çdati. Ka bi'lã:², 'čie zi'da:rsko 'dielo 'ãli 'kãkoli, 'te:Çsto sa 'dielo san pa pa'da:št'e so mi tü po'ma:gali. 'Tö:Ç je zi'da:r sp'loj 'mãlo 'dielo. 'Va:raša bi 'tã:² 'nikak 'nä:Ç 'mogo zo'ze:Çdati. 'Kã sa 'tö:Ç nap'rãvo, na'lyt'a 'nä:Ç š'lã:², 'pY:Çnaze sa 'gRra v 'bãnt'i 'nä:Ç 'pã:²bro na'tã:², ka bi ta'dãle, 'liki sa 'etak se po'ma:go, 'kã do 'lieta do 'lieta sa 'pY:Çnaze 'zisko, 'sigdar ta'dãla, pa šče 'za:to bi 'rãt 'mãlo f'cũjzo'zY:Çdo k 'tRma 'tö:Ç. 'ãj s'tRj 'es p'ride 'ãuto 'rYdit, ka ma tar'bã:Ç 'rYditi, 'ãj 'za:to 'vY:Çdi, ka 'nika 'd'iesta 'tö:Ç, s 'tYn 'leko 'rYdimo, 'miesto 'd'iesta, 'die 'leko 'nütras'ta:ne. 'E:Çnaša tü dar'žY:Çn d'va:. 'Edan pa 'diela p'rimana, ka sa je 'zie p'rimana os'lã:²bodo. 'Tãk 'leko po'vä:Çn, ka 'sie f't'üp 'zãj 'zie 'pY:t 'Y:Çnašof je bi'lã:² p'rimana, ka 'ãj 'mãlo 'bã:²kšo 'miesta 'dYlao. 'DYlo sa 'd'ã 'ta:šnoj 'miesta, ka va'nã:Ç sna'd'ã:Ç tar'bielo, pa 'm•zlo bi'lã:², pot 'ãutonon la'žãti, 'nRtra. 'Za:to 'ãj 'mãlo 'bã:²kšo pa f 'tRplo 'miesta 'dielajo. Pa 'zãj 'zie 'pY:t – šYst 'ãutonon 'leko 'nRtras'ta:nemo, 'čie bi 'tãk 'dielo bi'lã:² pa vi č'luovYk smo 'nRtra'zãčnati, 'tY bi 'leko 'pY:t – šYst č'luovYkof tü 'dielalo 'tö:Ç. Dapa nab'rRdYn, ka vi 'za:to 'te²ko 'diela bi'lã:² z'dãj, 'dã 'lüstvo 'pY:Çnaza 'jã 'mãlo 'ma:., 'tã:² 'leko po'vä:Çn, 'kã na ban'zY:Çn pa 'kã za 'ãutonon tar'bã:Ç p'la:čati.

Intervjuvanca iz Števanovcev – starejša generacija:

'Tö:Ç š't'ie mo na 'pa:l'a 'ešt'ek nap'rãjtë 'kuopanço, ka 'nä:Çmamo 'ešt'a 'kuopanço 'tö:Ç. Pa 'rãdi vi bi'lë:Ç, 'čie vi s'toj 'ešt'e 'ta:šen, ka vi nas 'mãlo po'ma:go, 'ešt'ek vi t're:Çs'tã:u 'd'iezaro tar'bielo, ka vi 'rendeško 'muogli nap'rãjtë.

G'nies'dY:n 'nä:Çga 'pY:Çnas, 'za:to ka 'lüstvo po'muorajo 'sãm, 'čie vi 'pe:Çnaze 'dier 'leko sp'rãjli, ka vi 'leko 'zãčnili. B'riezi 'pY:Çnas 'zãčniti na'muora, na. 'Etak pa 'zãj, 'zãj 'za:tok nas tü eleg'duosta 'd'iesta. Dapa 'lekka 'öltözö pa 'itak na'muoremo 'ze:Çdati. 'Tö:Ç 'sãn en 'ma:li 'čãp 'd'iesta, ka 'm•zla 'voda ta'čë:, pa 'tã:² 'tãkka 'ra:nč nado'pe:Çstijo po'tã:Çn 'toğa. Sa'më:Ç smo 'tãk, 'dier sa na'muorajo 'ja:tëkošt'a s'kã:²pati. Ka 'sieposedik sa 'leko s'kã:²pajo, la'pã:² 'diejo do'mã:², 'tö:Ç pa sto'kuoli 'zãj 'siep're:Çde, ka 'zãj ja nas tü s'ra:n. 'Te:Ç do 'zãj 'tãk, 'čie sa s'tieri 'goraz'rãvna, 'goraz'rãvna, 'čie 'nä:Ç, 'te 'tãk 'üšo do 'dã:umi. 'Tö:Ç 'miena sa 'pøjep tü 'b•sa 'tö:Ç, 'tãk 'diejo do'mã:² s 'kuočinon, pa sa 'te do'ma: s'kã:²pa.

Intervjuvanec z Gornjega Senika – starejša generacija:

'To:² sa 'ge 'zâj va'čYr k'va:s na'rYdo, pa sa dor'žY: 'nütrY 'd'â² 'mâlo, pa sa 'dRjzg'ro:²žo, pa sa je 'to:² 'gibalo, 'zâj 'ce:člo 'no:²č 'gibalo. No pa 'tY z'dâj, z'dâj 'tY oso'li:n, pam' 'tY 'me:čsYlY. Pa 'vöpo'va:lamo, pa nü fkar'bülo 'dejemo, pa 'dâ da se fkar'bülY 'gibalo, 'tY mo 'pY:č 'kürYlY. 'Zâj mo 'tY so'lü². 'En k'rü:, d'va:,'ne:č, t'ri:, š'tirY, š'tirY 'venak 'bo:²de. 'Na:j'p•va se 'pa: f'küpero'me:čsY, no pa 'tY sa 'vRda vla'gY: 'nuv 'melo, 'ke²ko 'mela 'gRr'zeme. To:², 'to:² 'tâk 'mRre 'žY paj'la:fY z'nâtY, 'ke²ko k'rü:, 'mela 'gRr'zeme. Na 'en k'rü: d've:č 'kilY 'mele tar'be:č, 'ne:č sp'lRj, depa 'te²ko, 'te²ko de 'za:t tar'bYlo. 'To:² je 'po:² ro'žYna, pa je 'po:² pše'nična. Depa 'ti:stoga 'rY:da so pše'nično 'ne:č 'züj'de:čvalY, 'sân ro'žYno, z'dâj pa pše'nično tö 'züj'de:čvamo, 'tâk 'po:² - 'po:². 'To:² k'rü: 'dRsta 'dYla p'rRsY. 'To:² 'zâj 'mâlo 'melo k'râj'zemen, ka 'tY 'dâ mo 'va:lalY, ka 'tY 'pa: 'mela 'bo:²de f'čâsYk 'gRtova. Na, 'zâj 'tY pa 'dâle, 'dRjde, 'no:²k o'me:čsYš, 'fe:čs 'mRreš f'küpo'me:čsYtY. 'RY:taše 'me:čsYš, 'tY tö 'bo:²kše, 'čY 'večkrat o'me:čsYš.

'Dâ sa dva'na:jsat 'le:čt s'târ 'bü², sa par 'pYkY s'lüžo 'žY, pa 'ta:n sa 'žY 'se 'mRgo 'dYlatY, pa 'tY se d've:č 'lYtY 'tü: s'lüžo, pa sa 'tY 'üšo ta'dRj v m'li:n s'lüžYt. V m'li:nY se s'lüžo, pa sa 'ta:n 'mRgo 'me:čsYt, pa se 'ne:č z'no:², pa se tö 'mRgo 'me:čsYtY, 'tü: 'dRj v m'li:nY. Ta'ča:s se 'me:čso, ka sa se 'mRgo naf'čitY. Z'dâj 'dâ se pa ta'gRr na 'NYnško s'lüžYt o'di:šo, 'ta:n smo pa 'sâkšY 'keden dva'na:jsat ko'la:čof 'pekly, 'sâkšY 'keden dva'na:jsat ko'la:čof, ka smo 'ta:n fkarč'me:č, pa fkarč'me:č so 'gYlY. 'Ta:n se 'ge 'žY 'se 'me:čso, pa se 'ge 'dYlo. No pa 'tâk sa se 'ge 'tY 'zâj 'na:fčo, pa 'tâk 'ge z'na:n.

Intervjuvanec z Gornjega Senika – srednja generacija:

Do'ma: 'za:to 'več napop'ra:vlan č're:čvle, ka č'lRvYk 'ta:n 'nütrY 'va:rašY 'tâk 'ce:člY 'dY:n 'ti:ste č're:čvle pop'ra:vla, pa do'mo:² p'ri:den, 'več 'neman 'ra:nč vo'lo:² 'dYlatY, pa č'lRvYk na'mRre 'te²k p'rRstY, 'kâk bY 'lek p'rRso. 'MRj 'Rča je 'šo:²štar 'bü², 'tü: v 'vYsY, pa 'tY se 'ma:lY 'bü², 'to:² se 'sir g'lY:do, 'kâk 'tY: č're:čvle 'rYdo, pa č're:čvle pop'ra:vlo. 'TY se b'rRdo, kam' ge tö 'ti:sto 'gY:.

Se 'tY 'šo:²lo s'kRnčo, pa sa 'tY 'Rdo f'Kârma'din (f) 'šo:²lo, s'redno 'šo:²lo. 'ta:n sa se naf'čü², 'kâk tar'be:č č're:čvle pop'ra:vlatY, č're:čvle 'rYtY. 'Tâk sa 'zâčnYlo 'to:². 'MRj 'Rča je 'tâk 'ta:gu:čo, ka so 'p•va s've:čta č're:čvle 'eške 'bRle poš'tiüvalY, 'kâk 'zâj. 'P•va so 'eške 'bo:²kše č're:čvle 'rYdlY, 'lYdarna, 'lYdarna pop'lâte, pa 'ti:sto so 'lek pop'ra:vlatY. 'P•va v 'vYsY bi'lo:² d'va: 'šo:²štara, ka so č're:čvle 'rYdlY, sta d'va:dva 'leko žYvYla, 'dRbro žYvYla s'ti:stoga.

'Na:jveč 'ženske č're:čvle pop'ra:vlan, ka 'ženske pa'tY: so 'bRle 'vo:²ske 'gY:, pa 'ti:ste 'bRle 'ta:sk'rešejo, 'kâk 'mRškY. Pa 'ženske se 'bRle 'tâk b'rRdYjo, da 'mâlo 'ta: 'gY: sk'resano, 'tY 'žY 'dâ 'žY 'mâl k'ri:vY sto'gi: 'pY:ta, 'tY 'žY 'da:jo pop'ra:vtY, 'ne:č 'kâk 'mRškY. 'MRškY ta'ča:s 'nRsYjo, ka 'po:² 'pY:ta fa'li:, pa 'tY parna'sY: pop'ra:vlatY.

'Na:jveč je 'NYncof 'gY:, 'Vo:²grY 'nRsYo tö, Slo'venge en 'pa:r 'gesteo tö 'žY 'za:tok, 'eške na'vejo, 'to:² je 'no:²vo 'gY:. 'Se 'no:²vo 'gY:, ka č'lovek 'ta:parna'sY: č're:čvle, pa 'tY za 'po:² 'vöre 'gRtovo 'ma:. 'P•va 'to:² 'ne:č 'tâk bi'lo:², 'ta:s par'neslY, pa za 'en 'keden je 'gRtovo bY'lo:². 'To:² se 'no:²vo 'gY:.

G'nes'dY:n č'lRvYkY 'ta:še č're:čvle kY'püvajo, ka 'tâk 'küpyo, ka 'tâk b'rRdYjo, ka de do'ča:s 'dRber 'gY:, ta'ča:s do 'nRslY, pa 'dâ 'tâk b'rRdYjo, ka 'to:² 'več 'tâk na'mRre pop'râvt(Y), 'tY 'bRle 'ta:lY'čijo, pa d'rii:ge 'küpyjo. S'terY 'ta:šY 'bo:²kšY č'lRvYkY 'gesteo, ka 'za:tok 'küpyo 'bRle d'râkše č're:čvle, 'ti:ste 'za:tok 'da:jo pop'ra:vlatY.

5 Zaključek

Analiza prinaša oblikoslovne značilnosti porabskega govora pri intervjuvancih TV oddaje Slovenski utrinki, ki se predvajajo na madžarski TV. Kaže, da so se vse oblike in kategorije porabščine do danes dobro ohranile, kljub temu da nekateri izmed intervjuvancev delajo oz. živijo v madžarskem jezikovnem okolju. Oblikoslovne značilnosti v govoru intervjuvancev z Gornjega Senika in iz Števanovcev so v glavnem podobne. Razlike obstajajo predvsem med generacijami. Mlajša generacija uporablja pri svojem govoru več sposojenk iz madžarščine, ki jih bolj ali manj prilagajajo svojemu narečju. »Čista porabščina« se dandanes vse manj govori med porabskimi Slovenci, govorci sposojajo besede oz. izraze bodisi iz slovenskega knjižnega jezika bodisi iz večinskega madžarskega jezika, ki jih na neki način vgradijo v svoje narečje. Prav zaradi tega je potrebno, da nastane čim več analiz na vseh jezikovnih ravneh.

Literatura

- Marija BAJZEK LUKAČ, 2009: *Slovar Gornjega Senika A-L*. Bilesko-Biala, Budapest, Kansas, Maribor, Praha.
- Ibolya DONCSECZ, 1996: Vloga medijev pri ohranitvi maternega jezika in narodnostne kulture pri porabskih Slovencih. *Nyelvi tudat, identitástudat, nyelvhasználat*. Szombathely: 67-70.
- – 2011: Govorna podoba intervjuvancev TV oddaje Slovenski utrinki. *Zora 80, Globinska moč besede*. Bilesko-Biala, Budapest, Kansas, Maribor, Praha: 314-324.
- Erzsébet EMBERSICS SKAPER, 2002: Tvorjenje v rokopisu z Gornjega Senika. Gadányi Károly (szerk.): *Studia Slavica Savariensia 1-2. VII. Nemzetközi Szlavisztikai Napok*. Szombathely: 174-186.
- – 1999: Pisna raba porabščine ob koncu 19. stoletja na primeru odlomka Sibiline knjige. Bokor József (szerk.): *Az anyanyelv a kétnyelvűségben*. Maribor-Lendva: 106-111.
- – 2011: Govorna podoba intervjuvancev TV oddaje Slovenski utrinki. *Zora 80, Globinska moč besede*. Bilesko-Biala, Budapest, Kansas, Maribor, Praha: 314-324.
- Marija KOZAR MUKIČ, 1984: *Slovensko Porabje*. Ljubljana, Szombathely
- Martina OROŽEN, 1988: Stari obredni jezik v Prekmurju in Porabju. Gadányi Károly (szerk.): *Nemzetközi Szlavisztikai Napok III*. Szombathely: 93-106.
- – 1989: Prekmurski knjižni jezik. *XXV. seminar slovenskega jezika, literature in kulture*. Zbornik predavanj. Ljubljana: 37-60.
- Prispevki MTV oddaje Slovenski utrinki*, 1997, 1998, 2007.
- Slovar slovenskega knjižnega jezika I-V*, 1970, 1975, 1979, 1985, 1991: Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti in Znanstvenoraziskovalni center SAZU in DZS.
- Jože TOPORIŠIČ, 2000: *Slovenska slovnica*. Maribor: Založba Obzorja.
- Alenka VALH LOPERT, 2005: Besedje v pogovornih oddajah Radia Maribor. *Knjižno in narečno besedoslovja slovenskega jezika*. Maribor: 261-277.

- – 2007: Mariborski pokrajinski pogovorni jezik na komercialnem radiu (Radio City). *Besedje slovenskega jezika*. Maribor: 261 – 273.
- Zinka ZORKO, 1989: Prekmursko narečje v Porabju na Madžarskem. *XXV. seminar slovenskega jezika, literature in kulture*. Zbornik predavanj. Ljubljana: 23-35.
- – 2003: Prekmursko narečje v Porabju na Madžarskem. *Družbenogeografska in narodnostna problematika slovenske manjšine v Porabju na Madžarskem*. Maribor: 17-33.

Фикция и действительность в повести Л. Улицкой «Сонечка»

This study examines the “play” of fictional and real elements in Ulitskaya’s short story employing W. Iser’s theory. The instances of crossing the boundary between fiction and reality on various levels of the work may be the explanation of the designation of this short story, as well as Ulitskaya’s other works in general, as either Neorealist or Postmodern in contemporary criticism.

Keywords: fiction and reality, life and literature, W. Iser, L. Ulitskaya, *Sonechka*

Восприятие творчества Л. Улицкой в критической литературе довольно противоречиво. В интерпретациях ее произведений выделяются две главных тенденции. Как представительницу так называемой «женской литературы», Л. Улицкую, с одной стороны, причисляют к «неореалистам», продолжающим традиционную для русской литературы 19 века тему «маленького человека» (с акцентом на женских образах и семье) и рисующим при этом конкретную общественно-историческую среду.¹ С другой стороны, ее произведения разбирают в категориях постмодернистской парадигмы и подчеркивают их «литературность».² Эти два противоположных подхода коренятся, скорее всего, в двойственном характере произведений Л. Улицкой – в сильной ориентации на внетекстовую действительность, с одной стороны, и в глубокой связи с литературной традицией, с другой. Но эта двойственность не должна вести к противоположным толкованиям. С помощью некоторых литературных теорий, предлагающих снять резкое противопоставление фикции и действительности, оказывается возможным воспринимать и описывать ее как единое явление, как основной прием в творчестве Л. Улицкой.

Одна из наиболее глубоких работ о взаимосвязи *действительного*, *фиктивного* и *имагинарного* в художественной литературе, принадлежит

¹ См. например: V. Gilbert Edit: A magától értetődő elbeszélés. In: Élet és irodalom, XLVII. Évf. 38. szám, 2003. szeptember 9.; Э.В. Лариева: Концепция семейственности и средства ее художественного воплощения в прозе Л. Улицкой. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Петрозаводск, 2009.

² См. например: Goretity József: A kortárs orosz irodalom. Irányzatok és szerzők. <http://www.litera.hu/hirek/goretity-jozsef-a-kortars-orosz-irodalom>; Он же: Ulickaja örök vándorai. In: Szombat, 2009. augusztus 20.; Парнель К.: К вопросу о «другом» в женской прозе. http://www.a-z.ru/women_cd1/html

В. Изеру.³ Автор подходит к литературе с антропологической точки зрения. Он утверждает, что художественная литература удовлетворяет антропологические потребности, потребность человека быть для самого себя наглядным (присутствующим в бытии) и хотя бы временно приобретать определенность в своей вечной диффузности. «Неопределимость человека литература проецирует на целый ряд литературных образов, каждый из которых проявляет встречу и разлад человека с самим собой».⁴ По представлениям В. Изера это проявление осуществляется с помощью *фиктивного* и *имагинарного*, взаимная игра которых рождает литературное произведение. *Фиктивное* в теории немецкого ученого – это не нечто готовое, статичное, а то, что формируется в результате следующих друг за другом фикциообразующих приемов – *селекции*, *комбинации* и *самораскрытия*. Эти три образующих фикцию приема характерны не только для художественной литературы. Согласно мнению В. Изера, художественная литература отличается от других дискурсов только тем, что *фиктивное* в ней проявляется открыто.

Селекция, как первый фикциообразующий прием – это отбор некоторых элементов из разных общественных или смысловых систем эмпирического мира. Благодаря этому отбору исходная система распадается, а отобранные элементы удваиваются и становятся более ощутимыми. Если воспринимать *селекцию* как фикциообразующий прием, становится очевидным, что литературное произведение немислимо вне связи с действительностью, находящейся за его пределами. Из выбранных элементов эмпирического мира образуется «репродуцированная действительность», которая в пределах произведения предстает как реальность. С помощью *комбинации*, второго фикциообразующего приема, смешанные внутри произведения элементы – от отдельных лексических единиц до поступков героев – приобретают фигуративный характер, и их функция заключается уже не в указании на эмпирический мир, а в раскрытии и проявлении скрытого или неявного раньше смысла в этом же мире. Наконец, *самораскрытие* – это все те знаки и сигналы в произведении, которые указывают на фиктивный характер этого же произведения: благодаря им, становится очевидным, что «как бы мир» произведения направлен на нечто иное.

Согласно концепции В. Изера, все три фикциообразующих приема пересекают определенные границы. «*Селекция* нарушает границы между системами внетекстовой действительности и также границы самого текста тем, что указывает на те фоновые системы, через которые текст связан с действительностью. *Комбинация* нарушает созданные в тексте семантические единицы... [...] А «*как бы конструкция*» раскрывает фиктивность

---

³ W. Iser: A fiktív és az imaginárius. Az irodalmi antropológia ösvényein. Budapest, Osiris, 2001.

⁴ W. Iser: цит. произв. 11. (в моем переводе)

фигуры, и тем самым выходит за пределы созданного приемами селекции и комбинации мира. [...] она указывает на то, что изображенный мир должен быть воспринят «как бы» мир, чтобы сообразить, что целое произведения направлено на что-то, находящееся за его пределами».⁵

Упомянутый выше двойственный характер произведений Улицкой по всей вероятности является результатом особого использования фикциообразующих приемов. Оказывается, что в ее романах и повестях *селекция*, первый прием по системе В. Изера, имеет намного более весомый и многоплановый характер, чем в чисто постмодернистской литературе.

В. Изер в своей концепции сосредоточивается на общих предпосылках и возможностях порождения фиктивного и не обращает внимания на разнообразие литературной фикции. Однако, придерживаясь трех выделенных им фикциообразующих приемов, легко убедиться в том, что каждый из них может быть использован по-разному, и что в результате получаются фикции разного типа. Например, все находящиеся в эмпирическом мире и служащие фоном для произведения системы организованы по особым принципам, представляют собой сложную и многоплановую конструкцию реалий и текстов.⁶ С точки зрения рождающейся фикции не безразлично, в системе какого типа и уровня происходит *селекция*. П. Рикер, утверждающий тождество, или, по крайней мере «пересечение» исторического и литературного дискурсов, главную разницу между ними видит в их референциальной ориентации. «Только историография имеет право на референцию, направленную на *эмпирический мир*, поскольку историческая установка направлена на такие события, которые *на самом деле* происходили. [...] Референция исторического дискурса проявляется через *следы* минувшей действительности». В отличие от этого, «художественные произведения указывают на мир через особую референциальную систему, *метафорическую референцию*».⁷ Тут П. Рикер как будто противоречит концепции В. Изера. Но это только мнимое противоречие, так как *метафорическая референция* – это *продукт* фикции (у В. Изера – результат трех фикциообразующих приемов и имагинарного). Таким образом, она не исключает исходную ориентацию элементов

---

⁵ Там же. 41-42.

⁶ В этом плане необходимо вспомнить определение культуры, данное Ю. Лотманом, согласно которому культура – это пространство непрерывных и дискретных систем, динамика которой обеспечивается асимметрией центра и периферии, непрерывного развития и взрыва. В. Изер сам полагался на концепцию Лотмана: говоря о фоновых системах действительности, он ссылается на раннюю работу русского ученого «Структура художественного текста».

⁷ P. Ricoeur: A hármás mímézés. In: Válogatott irodalomelméleti tanulmányok. Budapest, Osiris, 1999. 301. 298. В моем переводе. Курсивы в оригинале.

произведения на эмпирический мир (которой не каждый тип фикции пользуется в равной мере). Тем не менее, теория П. Рикера указывает на то, что два крайних типа систем внетекстовой действительности – это системы чистых реалий (*следов*, по Рикеру) и системы, состоящие из одних литературных текстов. Если *селекция* направлена на последние, то фикциообразующий прием становится вторичным (даже множественным), ведь он основывается на уже фиктивном. В таком случае референциальные связи крайне ослаблены, и новая фикция рождается на базе предполагаемой метафорической референции других фикций. Но если *селекция* направлена в первую очередь на реалии (исторические следы), то референциальные связи фикции оказываются сильнее, произведение более четко хранит связь с действительностью и одновременно приближается к историческому дискурсу.

Все те интерпретации, которые определяют произведения Л. Улицкой как продолжение реалистической традиции, делают акцент именно на этом фикциообразующем приеме. В то же время они упускают из виду, что – согласно теории В. Изера – репродуцированная в произведении действительность с помощью *комбинации* и *самораскрытия* подвергается существенным трансформациям, в результате которых референциальная функция может значительно ослабеть, даже исчезнуть. Интерпретации работ Л. Улицкой в постмодернистском ключе, сосредоточиваются на последствиях именно этих двух приемов, отрицая при этом возможности какой-либо референциальной связи произведений с действительностью. Однако на основе концепции В. Изера оказывается возможным проследить «работу» всех трех образующих фикцию приемов как единого механизма, порождающего особый двойственный характер произведений писательницы. Ведь эти произведения, с одной стороны, – в отличие от чисто постмодернистской литературы – сильно ориентированы на действительность, но, с другой стороны, так же как и в произведениях постмодерна, в них остро ставится вопрос о взаимоотношениях фикции и действительности, о возможностях перехода одной в другую, или о стирании границы между ними. Это особенно наглядно в повести «Сонечка», в которой Л. Улицкая в создании своих героев явно демонстрирует разные возможности фикциообразующих приемов. Проблема взаимоотношений фикции и действительности – искусства и жизни – проявляется на всех возможных уровнях, благодаря чему повесть превращается в саморефлективное, метапоэтическое, раскрывающее процесс своего рождения произведение.

В повести рассказывается история одного брака, в начале счастливого, а потом распадающегося, и судьбы четырех героев. В создании каждого образа героев преобладают элементы из разных систем действительности, и их комбинация создает «репродуцированный мир» произведения.

Главная героиня повести Сонечка читающая девушка, которая «пасла свою душу на просторах великой русской литературы»,⁸ для которой чтение является особой формой «наркоза». Погруженную в мир книг героиню нарратор представляет читателю следующим образом: «Был у нее незаурядный читательский талант, а может, и своего рода гениальность. Отзывчивость ее к печатному слову была столь велика, что вымышленные герои стояли в одном ряду с живыми, близкими людьми...». Значит, уже при первой характеристике персонажа ставится проблема взаимоотношений между фикцией и действительностью. Оказывается, что Сонечка не только неспособна различать фиктивных героев от настоящих людей, но она сама «выдуманная», то есть сам ее образ коренится в литературной традиции в большей мере, чем в эмпирии. Она определена всего одним именем ласкательной формы и с ней не связана ни одна реалья, имеющая конкретную референцию. В то же время, за ее образом стоит ряд героинь знаменитых произведений русской литературы 19 века, начиная с «Барышни-крестьянки» Пушкина, через великие романы Толстого и Достоевского (Наташа Ростова и Соня Мармеладова) до «Душечки» Чехова. Значит, пересечение границы в «Сонечке» происходит в первую очередь между литературными произведениями, образ героини можно адекватно интерпретировать только в интертекстуальном поле указанных произведений.⁹ Через образ Сонечки из литературной традиции выделены только определенные персонажи и связанный с ними более-менее явный семантический потенциал (метафорическая референция – по терминологии П. Рикера): *дом, брак и питание* мужа и семьи как в конкретном, так и в переносном смысле. В наррации повести *Сонечка* этот семантический потенциал тематизируется в *женской стихии*, которая «столь парадоксально щедра к берущим от нее и истребительно-жестока к дающим».

Сонечку из мира книг извлекает и в конкретном, и в переносном смысле ее будущий муж Роберт Викторович. В отличие от образа Сонечки, его образ тесно связан с миром эмпирии. Биография Роберта Викторовича сконструирована из многочисленных, на первый взгляд реальных данных. На основе некоторых из них можно прийти к выводу, что фоном для создания героя служила реальная биография знаменитого художника первой половины 20 века, Р.Р. Фалька.¹⁰

Р. Фальк принадлежал предыдущему поколению, поэтому Л. Улицкая встретиться с ним лично не могла. Тем не менее, их биографии

---

⁸ Цитаты здесь и далее взяты из следующего источника: <http://www.bestlibrary.ru>

⁹ Подробный анализ интертекстуальных связей повести с точки зрения литературных прототипов Сонечки см. Szabó Tünde: Сонечки и душечки. Литературные прототипы «Сонечки» Л. Улицкой. In: *Studia Slavica Savariensia*, Szombathely, 2010/1-2. 395-401.

¹⁰ Роберт (Роман) Рафаилович Фальк (1886-1958)

имеют нечто общее. Л. Улицкая родилась в Башкирии приблизительно в ту пору, когда Р. Фальк находился там в эвакуации. Оба они работали в театре: Улицкая завлитом Камерного еврейского музыкального театра, а Р. Фальк художником Московского государственного еврейского театра. Таким образом, размышляя над образом Роберта Викторовича, писательница могла непосредственно пользоваться эмпирическим материалом, работать на основе *исторических следов* (П. Рикер). И так, в оформлении персонажа в этом случае пересечение границы при *селекции* происходит между текстом повести и реальной биографией. Но к выбранным реальным моментам из биографии Р. Фалька добавляются и фиктивные и полуфиктивные элементы.¹¹ Эти три категории можно выделить уже в названии персонажа. Имя Роберт совпадает с именем прототипа, что укрепляет референциальную сторону в образе героя. На его фиктивность указывает отсутствие фамилии, а измененное отчество представляет собой переходную, полуфиктивную форму.

Главные моменты жизненного пути Роберта Викторовича таким же образом делятся на эти категории.¹² В его досюжетной жизни преобладают реальные элементы, имеющие референциальную связь с биографией прототипа. Например, внезапное возвращение из Парижа на родину знаменитого художника основано на реальной биографии Р. Фалька. Будучи деканом живописного факультета во ВХУТЕИНе, в 1928 году Р. Фальк уехал в командировку в Париж, где оставался почти десять лет. Он искал новые пути художественного самовыражения, при этом достиг значительных успехов и возвратился в СССР в 1937 году.¹³ Что касается данных о происхождении и юности Роберта Викторовича, они отчасти тоже основаны на реальных жизненных фактах прототипа, а отчасти являются полуфиктивными. В частности, Р. Фальк родился не сыном мельника, а в семье московского адвоката. О том, знал ли он Л. Шестова с детства – нет информации, но остается факт, что в Париже он

---

¹¹ Полуфиктивными называем те элементы, которые каким-то образом связаны с биографией прототипа, но в повести появляются в измененном виде. А фиктивными – те, которые не имеют никакого отношения к биографическим данным прототипа.

¹² То, что этот прием в оформлении персонажа нельзя считать случайным и единичным в творчестве Улицкой, подтверждает ее роман «Даниэль Штайн, переводчик». В этом романе главный герой оформлен точно по такому же принципу: на основе реальной биографии исторического лица с добавлением фиктивных или полуфиктивных элементов и персонажей. Значит, с точки зрения основного приема повесть «Сонечка» можно считать предшественником большого «исторического романа» Улицкой.

¹³ Биографические данные Р. Фалька, там, где отдельно не указано, взяты из книги Р.Р. Фальк: Беседы об искусстве. Письма. Воспоминания о художнике. (Сост. А.В. Щекин-Кротова) Москва, Советский Художник, 1981.

написал портрет знаменитого философа.¹⁴ Из воспоминаний друзей и родственников известно, что Р. Фальк – как на это указано в наррации повести – не оправдал надежд родителей, поскольку стал художником, а не врачом или юристом, как предполагали они. Он также «изменил вере предков», поскольку в 1909 году, перед первым браком принял крещение.¹⁵ Однако обет безбрачия и поздний брак Роберта Викторовича можно считать полуфиктивным моментом, поскольку Р. Фальк был женат четыре раза, и у него родились сын от первого и дочь от второго брака.

Приближаясь к сюжетному времени, в образе Роберта Викторовича занимают все большее место фиктивные элементы. Например, после возвращения в СССР Р. Фальк не подвергался репрессиям. Он с семьей был эвакуирован сначала в Башкирию, потом в Самарканд, где продолжал свою художественную и преподавательскую деятельность. Таким же фиктивным моментом можно считать многократные переезды в разные российские города перед тем, как семья поселилась в Москве. Р. Фальк с семьей вернулся в Москву уже в 1942 году, где они жили в доме художников на Масловке. Тем не менее, своеобразный «клуб» в московском доме Роберта Викторовича близок к реальным фактам, так как вечера в мастерской Р. Фалька являлись событиями культурной жизни тогдашней Москвы.

Информация о художественных исканиях Роберта Викторовича принадлежит отчасти фиктивной, отчасти полуфиктивной категориям. Первый этап по пути возвращения героя к художественной деятельности – это детские игрушки. Роберт Викторович делает фантастические игрушки для своей дочери Тани и для башкирских детей. Переписка Р. Фалька подтверждает пристрастие художника-прототипа к детским игрушкам. Делал ли он такие игрушки, мы не знаем, но его карьера художника-постановщика – жизненный факт. Р. Фальк сотрудничал в постановках не только в Москве, в Государственном еврейском театре, но и за рубежом.

Роберт Викторович, так же как и его прототип, пишет в основном натюрморты и портреты. Но художественные искания Р. Фалька – несмотря на важную роль цветовой пластики в его картинах – не касались

---

¹⁴ «В 1936 или 1937 году художник Роберт Фальк (1886–1958) написал портрет Л. Шестова. Вскоре Р. Фальк переехал из Парижа в Москву и увез туда свои картины. В Москве была организована выставка Р. Фалька, на которой экспонировался и портрет Шестова. В настоящее время он находится в частной коллекции в Москве.» Наталья Баранова-Шестова: Жизнь Льва Шестова. По переписке и воспоминаниям современников. Том 1. <http://lib.rus.ec/b/297300/read>

¹⁵ Православие. Москва в начале 20 века: сборник документов и материалов. (авт.-сост. А.Н. Казакевич, А.М. Шапиров) Москва, Мосгорархив, 2001. 341. 625.

«тайны белого»¹⁶. Серия белых портретов Яси – это фиктивный элемент в биографии Роберта Викторовича, а посмертная выставка – полуфиктивный. Последняя персональная выставка Р. Фалька была организована в МОСХе за несколько недель до смерти художника. Организатором выставки была его жена, а на центральном месте висел ее портрет, картина «Женщина в белых кружевах».

Все вышесказанное подтверждает предположение, что в оформлении двух главных героев повести Л. Улицкой *селекция* направлена на разные системы действительности. Образ Сонечки создан почти исключительно литературной традицией. Пересечение границы в этом случае происходит между мирами литературных произведений. Выбирается и становится осязаемым определенным семантический потенциал русской литературы 19 века, который в произведении Л. Улицкой дальше варьируется, развивается. Образ и биография Роберта Викторовича тесно связаны с реальным прототипом. В его оформлении пересечение границы происходит между текстом повести и биографическими фактами Р. Фалька. Но только в такой мере, чтобы обладающий достаточными культурными знаниями читатель мог узнать стоящий за персонажем прототип. А фиктивные и полуфиктивные элементы биографии героя служат уже созданию нового семантического потенциала повести.

Две девушки, Таня и Яся, – «продукт» общего мира Сонечки и Роберта Викторовича. Поэтому в этих образах референциальные связи едва осязаемы. Но прием их оформления не отличается от приемов оформления родителей. Таня, которая по своему характеру более похожа на отца, с точки зрения референциальности тоже ближе к герою, созданному на основе реальной биографии. В образе Тани присутствуют некоторые реальные элементы, связанные с биографией прототипа отца, Р. Фалька. Жизненный факт, что от второго брака художника родилась дочь, которая с раннего возраста жила отдельно от отца. Кирилла Фальк владела несколькими языками на очень высоком уровне и работала профессиональной переводчицей – хотя, конечно не в ООН, как Таня в повести.¹⁷ Остальные моменты Таниной жизни и ее общие черты определены скорее приемом *комбинации* и *самораскрытия* так же, как и основные характерные черты другой девушки, Яси. По своим атрибутам (чтение, шитье и питание) образ Яси представляет собой параллель

---

¹⁶ О художественных особенностях картин Р. Фалька см. Д.В. Сарабьянов *Русская живопись. Пробуждение памяти*. Поэтика Фалька. <http://independent-academy.net/science/library/sarabjaniv/index.html>

Искания «тайны белого» ведут скорее к эстетике К. Малевича и В.Г. Вейсберга. Вопрос требует дальнейших исследований.

¹⁷ См. Кирилла Фальк: "Я всегда считала перевод поэзии своим призванием". Интервью Елены Калашниковой. http://www.langinfo.ru/index.php?sect_id=1552

образу Сонечки. Эта параллель проявляется и в способе их оформления: Яся связана в большей мере с литературной традицией, чем с действительностью. Отчасти потому, что некоторые атрибуты женских персонажей, стоящих за образом Сонечки, перенесены на нее.¹⁸ Отчасти потому, что она тоже имеет непосредственную связь с некоторыми героинями русской литературы 19 века.¹⁹ И отчасти потому, что через ее образ активизируется в повести жанровый код волшебной сказки. С одной стороны, в поворотах ее судьбы: «Яся уехала в Польшу, где вскоре и завершился канонически сказочный сюжет: вышла замуж за француза, красивого, молодого и богатого». А, с другой стороны, через образ Яси становится ощутимой метафорическая референция знаменитой сказки Андерсена «Снежная королева», основной семантический комплекс которой: *зрение-любовь-вечность*.

Значит, за героями повести Л. Улицкой как референциальный фон стоят разные, и не в равной мере ощутимые системы эмпирического мира. В созданном из элементов различных систем «репродуцированном мире» пересекаются границы уже на другом уровне, путем *комбинации*. Особенность этих пересечений в данной повести заключается в том, что они всегда связаны с проблемой «искусство и жизнь», то есть «фикция и действительность».

Уже основная структура произведения, его хронотоп организуется по принципу передвижения из одного мира в другой. С точки зрения жизненного пути главных героев, Сонечки и Роберта Викторовича сюжет делится на три фазы – добрачной жизни обоих, семнадцать лет брака и послебрачный период. Границы между этими фазами одновременно обозначают и грань между фикцией и действительностью (вторичной, «репродуцированной», конечно, по сравнению с внетекстовым эмпирическим миром). Роберт Викторович и Сонечка первый раз встречаются в библиотеке – в конкретном месте, с одной стороны, но в метафорическом плане они встречаются в хранилище «драгоценных плодов духа». Входя в библиотеку, Роберт Викторович тем самым входит в личное пространство Сонечки, так как до его появления героя живёт только в мире книг. Брак, а потом беременность и рождение ребенка полностью переносят Сонечку из мира литературной фикции в телесно-материальную действительность. «Все у Сонечки изменилось так полно и глубоко, как будто прежняя жизнь отвернулась и увела с собой все книжное, столь любимое Соней содержание и взамен оставила

---

¹⁸ См. например угловатость комнаты Сони Мармеладовой и угловую комнату, которую занимает Яся в доме. Об остальных общих атрибутах Яси и Сонечки см. Szabó Tünde: цит. работа.

¹⁹ Имеются в виду повести И. Тургенева «Ася» и «Вешние воды». Их интертекстуальная связь с повестью Л. Улицкой требует дальнейших исследований.

немыслимые тяготы неустроенности, нищеты, холода и каждодневных беспокойных мыслей о маленькой Тане и Роберте Викторовиче».

Досюжетная жизнь Роберта Викторовича также принадлежит миру фикции. Он появляется в жизни Сонечки как человек, отделенный от легенды, в которую превращалась его личная жизнь за рубежом. Неожиданная и для него самого женитьба представляется настолько нереальной, что в поезде, по пути в Башкирию он отрицает существования реальности вообще: «Да я ли был там? Я ли теперь здесь? Нет, нет никакой реальности вообще...». Тем не менее, первый период их совместной жизни он тоже проводит в «мудром мире муравья». Для него брак служит генератором трансформации, которая ведет через телесно-материальный мир к искусству, возвращая его к живописи. Значит, вступая в брак, оба героя перемещаются в мир «действительности»; их совместная жизнь составляет «реальный» мир сюжета.

Их брак распадается тогда, когда Сонечка входит в – запретную для нее – мастерскую, в личное пространство Роберта Викторовича. Она узнает о настоящем положении дел, об измене мужа смотря на его картины – то есть через произведения искусства. Сразу соображая, что «семнадцать лет ее счастливого замужества окончились», она вернется в фиктивный мир литературы, который не покинет до конца жизни. Роберт Викторович уже раньше, немного парадоксально, через телесную, сексуальную связь с Ясей возвращается в мир фикции, в сферу художественного творчества. Тем не менее, в процессе творчества телесная реальность уже не нужна, как это подчеркивается в наррации: «И хотя она была рядом с ним и это было важно для художника, это не была работа с натуры. Он словно впитал ее в себя и теперь только заглядывал в свой тайник».

Яся появляется во второй фазе сюжета, в последнем периоде брачной жизни Сонечки и Роберта Викторовича. Ее жизненный путь тоже делится на три фазы, границы между которыми также обозначают передвижение из одного мира в другой. В противовес главным героям, досюжетная история Яси начинается в телесно-материальной реальности (детский дом, голод, проституция). Из этого мира переходит она в другой, в существующую для нее только в мечтах семью в символический момент, в новогоднюю ночь. Связь с этим миром, парадоксально, с самого начала создается через телесный контакт: с Сонечкой через питание, а с Робертом Викторовичем в буквальном смысле. Тем не менее, художник первый раз входит во сны Яси: «вмешательство его рук в Ясин сон не оборвало его, ничего не испортило», а потом заменяет собой для нее мир театра и кино: по представлениям Яси «он здорово был похож на того актера, американского, знаменитого». С другой стороны, сами сексуальные отношения приобретают метафорический смысл, поскольку для Роберта Викторовича они представляют собой возможность овладеть чистой, совершенной красотой. Таким образом, через телесный контакт

Яся входит в мастерскую, в пространство художественного творчества, чтобы там превратиться в произведение искусства. Из мира искусства она возвращается в мир действительности, к своим польским корням после символического события – после смерти Роберта Викторовича.

Встреча с Ясей предоставит возможность пересечения границы между двумя мирами не только Роберту Викторовичу, но и женским членам семьи. Образ Яси – это особое «нулевое место», которое каждый персонаж наполняет своим содержанием. Таня ищет в Ясе идеальную подругу: «она выворачивала перед ней все завитушки своей растрепанной души». Сонечка, с принятием в дом Яси удовлетворяет свое желание иметь большую семью: «Ясино присутствие за столом создавало Соне иллюзию увеличения семьи». А Роберт Викторович, со своей стороны, хочет открыть тайну белого с помощью прозрачной белизны ее тела. Но его старания терпят поражение: «Открытия, как ему казалось, не состоялось. Он вскопал ту почву, что подалась, и это было немало, но сама тайна, обещавшая вот-вот открыться, ускользнула». Таким же образом должны разочароваться и остальные: Яся оказывается не поверенной подругой, как ее представляет Таня, и, вопреки желаниям Сонечки, не только не укрепляет семью, но, наоборот, служит причиной ее распада. Таким образом, отношение трех героев к Ясе ведет к пересечению границы в двух направлениях. Сначала из реального мира в мир идей и мечты, который впоследствии оказывается иллюзорным. А после того, как эта иллюзорность становится очевидной, к переходу в обратную сторону, в действительность. Языковым воплощением этого двойного передвижения является имя-палиндром героини, ЯСЯ, которое читается одинаково с обоих концов.

Среди четырех героев повести одна Танина судьба делится не на три, а только на две фазы, границы между которыми не столь четко обозначены, как в случае остальных персонажей. Жизнь Тани начинается в мире Сонечки и Роберта Викторовича. Но этот мир для нее является не миром действительности, а миром игры: «С самого рождения она была окружена чудесными игрушками, и игра, самостоятельная, не требующая иных участников, была главным содержанием ее жизни». Игра реализуется в ее жизни в двух направлениях: в эротических исканиях и в музыке. Их взаимосвязь и противостояние материальному миру понимает только Роберт Викторович, кто в Таниных играх узнает ту творческую стихию, которая была свойственна и ему в молодости. После распада брака родителей Таня выходит из мира игр, что подтверждается и топографическим передвижением, ее переселением из Москвы в Петербург.

Суммируя механизм *селекции*, второго фикциообразующего приема, можно сказать, что взаимные отношения элементов в сюжетном мире повести основаны на пересечении границы между фикцией и действительностью так же, как и в конструировании героев из разных

систем эмпирического мира. Сюжет – и жизненный путь героев – делится на три фазы. Благодаря метафоризации пространственных и временных элементов хронотопа переход из одного места в другое обозначает и пересечение границы между фиктивными и реальными мирами. Пересечение (*комбинация*) происходит и на более высоком уровне, когда одна и та же среда имеет другой статус для разных героев. Брачная жизнь для Сонечки и Роберта Викторовича представляет собой реальность по сравнению с фиктивным миром литературы и живописи, откуда они вышли, чтобы вступить в брак, и куда они возвращаются после его распада. В то же время, общий мир родителей для девушек представляет собой мир фикции – игры и мечты, откуда они переступают в действительность.

Механизм *комбинации* кроме хронотопа и взаимоотношений героев дает о себе знать и на других уровнях произведения. Среди них, благодаря общей тематике повести, является одним из наиболее значительных пересечение границы на уровне норм и ценностей. Не случайно, что читательские и критические оценки поведения Сонечки столь противоречивы. В своем поведении она не один раз переступает через неписанные, но широко принятые поведенческие нормы или штампы. Самое яркое – это ее отношение к молодой сопернице Ясе. Сонечка не только не осудит и не возненавидит ее, а она наоборот, считает счастьем и справедливостью ее присутствие рядом со стареющим художником: «как мудро устроила жизнь, что привела ему под старость такое чудо...». Но таким же нарушением границы можно считать открытое «двоеженство» Роберта Викторовича, или гомозротическое влечение Тани к Ясе. Эти пересечения на уровне норм и ценностей активизируют *комбинацию* и на уровне семантики. Благодаря им, в пространстве повести перекодируется традиционное понимание «брака» и «любви», то есть формируется новая *метафорическая референция*.

Один из самых значительных семантических сдвигов в произведении связан с «игрой». Пересекая границы, семантическое поле слова «игра» значительно расширяется и перекодируется, а эти процессы ведут к *самораскрытию*, последнему фикциообразующему приему.

По хронологическому порядку фабулы, «игра» впервые появляется в довольно узком значении, как игра с детскими игрушками. Роберт Викторович из дерева и бумаги строит фантастические игрушки для дочери Тани и башкирских детей. Ранее было отмечено, что отношение героя к детским игрушкам – это один из направленных на референциальный фон эмпирического мира моментов сюжета. Таким образом, письмо с развернутым в нем мнением Р. Фалька о важной роли

детских игрушек служит внетекстовой базой для расширения семантического потенциала игрушки и «игры».²⁰

Построенные Робертом Викторовичем детские игрушки со временем перерастают в своеобразный пространственный эксперимент. «Свои художественные фантазии он удовлетворял на белоснежных планшетах, сооружая третье поколение бумажно-щепочных строений, которыми когда-то занимал дочь». Через эту связь значительно расширяется семантическое поле «игры». Особенно если принять во внимание вышеописанные пространственные особенности повести, в том числе и метафоризацию таких мест, как «подвал», «изба», «дом», «девичья», «угловая комната», «мастерская», на которые таким образом тоже распространяется семантика «игры».

В дальнейшем из экспериментов в пространстве рождаются театральные декорации. Этим к кругу значений «игры» добавляется и широкое, многоплановое семантическое поле «театра». Сами герои наделены связанными с театром атрибутами: Роберт Викторович для Яси предстает как знаменитый американский актер, а она сама готовится в театральное училище. Названные в повести авторы, пьесы которых читает Яся, намекают на новые возможности внетекстовых семантических потенциалов, также как и пьеса Ф. Шиллера, которую читает Сонечка.

Особое значение приобретает «театр» тем, что он связан с вышеупомянутой «нулевой позицией» Яси. Все герои связаны с определенным видом искусства: Роберт Викторович с изобразительным искусством, Сонечка с литературой, Таня с музыкой, а Яся с театром. С одной стороны, через свои атрибуты Яся «примыкает» к каждому герою с точки зрения связанного с ним вида искусства. С музыкальным миром Тани ее сближает «женская музыка» ее тела и движений, с Сонечкой – пристрастие к чтению. А в руках Роберта Викторовича она заменяет собой рулон холста. С другой стороны, именно связанный с ней вид искусства, театр, синтезирует все остальные – музыку, литературу и живопись. Таким образом, «нулевая позиция» Яси, и через нее взаимоотношения между героями тоже вовлечены в семантическое поле «игры».

После первого появления по хронологическому порядку фабулы, «игра» приобретает еще одно специфическое значение. В первые дни их совместной жизни, на Сонечкино замечание по поводу войны Роберт Викторович реагирует цитатой из Марка Аврелия. Исходный образ цитаты представляет собой особый вид игры – соревнование конных экипажей.²¹ Но он использован метафорически и этим значение «игры»

---

²⁰ Письмо Р. Фалька к Р.В. Идельсон, 1930, Берлин. In: Р.Р. Фальк: Цит. произв. 105.

²¹ В теориях «игры» встречаются разные типологии игр. Изер, в своей работе полагается на типологию Р. Кайуа (R. Caillois), который различает четыре

распространяется также на проблему взаимоотношений между общественным порядком и личной жизнью. Роберт Викторович решительно отказывается от этой разновидности игры, чем выражается установка всего произведения – оно, несмотря на «реальный» исторический фон, не касается ни общественных, ни исторических и политических проблем эпохи.

Следующий сдвиг в семантике «игры» происходит через образ Тани. Ее играющие без перерыва руки активизируют значения женской привлекательности и креативности. Оба значения оказываются основными в судьбе героини: в ее любовных экспериментах сначала с Бориской, а потом с многочисленными молодыми людьми, а позже, в легкости обладания языками и вообще всем, «на что только не упадет ее рассеянный глаз».

Из всего этого видно, что, благодаря сдвигам *комбинации*, семантическое поле «игры» в значительной мере расширяется, охватывая практически все уровни сюжета, от простых лексических единиц через сложное переплетение судеб героев до иерархической взаимосвязи разных видов искусства. При этом сдвиги «игры» таким же образом связаны с проблемой фикции и действительности, как и все остальные пересечения в сюжете. Но, на уровне *самораскрытия*, в противовес приему *комбинации*, в семантическом поле «игры» фикция и действительность не разделены, а наоборот, сосуществуют, «сотрудничают». Построенные Робертом Викторовичем игрушки открывают два пути в сюжете – художественного творчества и жизненного пути Тани. Таким образом, «игра» предстает как общий источник искусства и жизни, фикции и действительности. И в этом *самораскрытие* повести полностью совпадает с концепцией В. Изера, по представлениям которого фиктивное и имагинарное (которое всегда остается неуловимым, неподдающимся описанию) активизируются и проникают друг в друга с помощью игры. «Фиктивное и имагинарное не только порождают игру, но одновременно являются ее основными частями».²²

Однако все четыре героя повести относятся к «игре» по-разному. Для Роберта Викторовича и Тани «игра» – это одновременно предпосылка и выражение креативного отношения к жизни. Расширение семантического поля игры происходит в первую очередь в связи с ними. Отношение Сонечки и Яси к «игре» оказывается пассивным. Несмотря на то, что Яся готовится в театральное училище, она легко отказывается от

основных типа игры: *agōn, alea, mimikri, ilinx*. R. Caillois: *Man, Play and Games*. Glencoe Ill. 1958. Об особенностях игры в театре см. работу М. Эпштейна «Игра в жизни и в искусстве». М.Н. Эпштейн: «Постмодерн в русской литературе». Москва, Высшая школа 2005. 299-328.

²² W. Iser: цит. произв. 328.

этого плана став любовницей Роберта Викторовича. А отношение Сонечки к искусству с самого начала повести оказывается проблематичным. Чтобы уяснить ее читательскую манеру, которая не способна отличать вымышленных героев от живых лиц, нарратор предлагает несколько объяснений. «Что это было – полное непонимание игры, заложенной в любом искусстве, умопомрачительная доверчивость не выросшего ребенка, отсутствие воображения, приводящее к разрушению границы между вымышленным и реальным, или, напротив, столь самозабвенный уход в область фантастического, что все, остающееся вне его пределов, теряло смысл и содержание?...». Поскольку главной проблемой в читательской манере Сонечки является взаимоотношение между искусством (фикцией) и жизнью (действительностью), а «игра» определяется как главный и постоянный атрибут искусства – круг завершен. Раскрывается фиктивный характер самой повести, ведь в ней задается вопрос именно о своем механизме и особенностях, о предпосылках восприятия читателем. Вместе с тем, предлагая разные ответы, повесть вовлекает в игру и читателя. Он попадет в параллельную Сонечиной ситуацию, поскольку должен выбрать читательскую стратегию на основе предложенных ему разных референциальных фонов, сдвигов *комбинации* на уровне норм и ценностей, а также в семантике определенных единиц. А это, как последний акт образования фикции, «вызывает передвижение через границы в читательском опыте: формирует установку на несуществующий мир, а это временно сдвинет с места и собственный мир читателя».²³

Подводя итоги, можно сказать, что противоречивость подходов к произведениям Л. Улицкой, объясняется – по крайней мере в повести «Сонечка» – особенностями строения фиктивного мира. Л. Улицкая явно играет возможностями *селекции*, первого фикциообразующего приема, создавая героев из разных систем эмпирического мира – реальной биографии и семантического потенциала литературных героев. Этим она сразу активизирует две возможные, но противоположные читательские стратегии: с одной стороны, «реалистическую», референциальную, а, с другой стороны, направленную на интертекстуальность постмодернистскую стратегию. Прием *комбинации*, на втором уровне образования фикции, не стирается, а, наоборот, многократно (см. хронотоп, семантика) подтверждается пересечение границы между фикцией и действительностью. И, наконец, проблема фикции и действительности с помощью сдвигов в семантическом поле «игры» становится местом *самораскрытия* произведения. Созданное с помощью взаимной игры трех фикциообразующих приемов и имагинарного, произведение изображает несуществующий мир, который, наряду со

---

²³ W. Iser: цит. произв.

своей метафорической референцией хранит и свою внетекстовую референциальность.

Риторика СМИ и проблема речевого эталона

The article posed the problem of compliance with the requirements of the language of modern television speech standard, analyzed perceptions of change for a rhetorical ideal under the influence of modern media.

Considered as an abstract pattern language personality type presenter, analyzed with different kinds of TV shows relation of language and style presenter and his interlocutors.

Keywords: speech standard, codified norm, rhetorical ideal, presenter, moderator.

Влияние риторики СМИ в современных демократических обществах переоценить невозможно. Широко известно метафорическое обозначение СМИ как четвертой власти, однако далеко не в каждом историческом периоде существования государства эта функция СМИ проявляется в соответствии с прямым значением исходного словосочетания. «Властные полномочия» современных средств массовой информации осуществляются прежде всего через формирование общественного мнения, пропаганду актуальной для общества системы ценностей, создание информационного фона, благоприятного для дальнейшего социального развития.

СМИ обладают неистощимым риторическим потенциалом, который общество стремится использовать в своих целях. Несмотря на то, что в современной России имеется огромное количество частных газет, радиостанций и телестудий, все-таки по количественным характеристикам аудитории и техническим возможностям звуко- и видеопередающих устройств государственные СМИ занимают несомненно лидирующее положение. Влияние на общественное сознание СМИ № 1 – телевидения - не вызывает сомнений ни у кого. Только возможная конкуренция Интернета может поколебать неограниченную власть телевидения, но в силу большого количественного отставания интернет-аудитории реальная конкуренция между этими двумя средствами информирования населения еще впереди.

Одной из важнейших функций СМИ в XX веке признавалась просветительская функция, в частности, в советский период истории России СМИ традиционно рассматривались как средство распространения и пропаганды кодифицированной нормы русского языка. По речи ведущих всесоюзного радио и телевидения многомиллионные массы усваивали образцовые орфоэпические нормы,

по блестящему стилю журналистов центральных газет читатели знакомились со всеми остальными языковыми нормами. Чтение лучших образцов классической литературы развивало языковое чутье, формировало систему языковых предпочтений. Понятие культуры речи было понятием, наполненным реальным содержанием, поскольку не было необходимости в специальных поисках эталонов и образцов – они были в живой жизни. Современная языковая действительность дает нам совершенно другую картину.

Ни радио, ни телевидение, ни печатные издания уже не рассматриваются как носители образцовой нормы языкового употребления. Экспансия разговорности и размывание границ литературного языка, проникновение лексики сниженных пластов в полуофициальную и даже официальную речь, падение общего уровня образованности и профессиональной подготовленности молодых журналистов, которое наблюдалось в российских СМИ на рубеже XX-XXI веков, привели к печальным результатам, которые сказались и на риторике СМИ. Исследователи отмечают новые проблемы, возникшие в функционировании языка СМИ: «К основным чертам, характерным для языка СМИ сегодня, относят: 1) количественное и качественное усложнение сфер речевой коммуникации в СМИ (прежде всего Интернет...); 2) разнообразие норм речевого поведения отдельных социальных групп, свойственное современной речевой коммуникации, которое находит отражение в языковой действительности СМИ; 3) демократизацию публицистического стиля и расширение нормативных границ языка массовой коммуникации; 4) следование речевой моде; 5) «американизацию» языка СМИ» (Володина 2008: 22).

Эти основные черты языка СМИ сформировались в течение последнего десятилетия, когда СМИ «сошли с трибуны», когда практически исчез публицистический монолог, диалогичность стала господствовать даже в ведении новостных программ, а ведущим жанром на телевидении стало ток-шоу. Строгая языковая норма осталась в словарях, в школьном преподавании и в вузовских курсах культуры речи, которыми, конечно же, не охватывается все население. «Разнообразие норм речевого поведения отдельных социальных групп, свойственное современной речевой коммуникации, которое находит отражение в языковой действительности СМИ», привело к размыванию представлений о литературной норме, поскольку представители различных социальных групп со своими социолектами стали равноправными героями телепрограмм. В этом есть свои как плюсы, так и минусы, и самым большим минусом стала утрата электронными СМИ, и прежде всего телевидением, значения речевого эталона. Речевой эталон исчез вместе с эталоном гражданского поведения, который на протяжении всего XX века распространялся не только через СМИ, но и через художественную литературу и искусство в целом.

В период риторического ренессанса рубежа XX-XXI вв. в отечественной лингвистике, после появления известной работы Ю.Н. Караулова (Караулов 1987), стало актуальным понятие языковой личности, которое естественным образом соотносится с понятием риторического идеала. Это было время большой потребности в ярких ораторах-публицистах, широко образованных и глубоко мыслящих людях. Последовавшие десятилетия изменили представления о риторическом идеале. В связи с этим М.Р. Львов отмечает: «Однако некоторые тенденции вызывают тревогу..... Какой идеал языковой личности, специалиста-профессионала будет созвучен эпохе: будет он характеризоваться творческим потенциалом, креативностью, шириной фундаментальной образованности или стандартами, алгоритмическим мышлением и технологиями исполнения операций?» (Львов 2003: 137).

Образ ведущего электронных СМИ привлек внимание лингвистов-исследователей в связи с развитием учения о типах языковой личности. Казалось, что введенное О.Б. Сиротининой понятие элитарной языковой личности как нельзя больше соответствует образу телеведущего, который «отличается высокой степенью интеллекта, образован, его речь безупречна, он свободно владеет иностранным языком, нормами этикета, склонен к тонкому юмору и иронии. Телеведущий является элитарной языковой личностью (по О.Б. Сиротининой), языковым экспертом и в этом наследует определенные характеристики модельной личности русского интеллигента» (Карасик 2004:13). Однако, как справедливо замечает Н.А. Кузьмина, «с этой характеристикой можно бы было согласиться, если бы автор описывал не «прототипный образ», «типичного представителя определенной этносоциальной группы», а некий эталон. Недостижимый, но желаемый» (Кузьмина 2010: 354). По мнению Н.А. Кузьминой, реальная практика телевидения не дает нам примеров носителей речевого эталона среди ведущих, однако «при всеобщем господстве «среднего» типа письма, «средней» речевой культуры существуют и высокие ее образцы: хороший телеведущий, элитарный стиль и элитарная языковая личность журналиста (Кузьмина 2010: 355). Образцами таких журналистов в работе Н.А. Кузьминой называются Максим Соколов и Александр Минкин, которые «представляют собой элитарных носителей языка с богатым интертекстуальным тезаурусом» (Кузьмина 2010: 356). К представителям элитарной языковой личности автор статьи относит также Дм. Быкова, Л. Парфенова, А. Колесникова, В Познера, О Кучкину, Л. Радзиховского, С. Сорокину, Д. Диброва, А. Максимова, А. Гордона и других.

Однако, как в очередной раз справедливо отмечает исследователь, наиболее высокие рейтинги в социальных сетях имеют совсем другие участники телеэфира – Ксения Собчак, Лолита, резиденты «Comedy Club», бывшие участники КВНов из «Прожекторперисхилтон», которые никак не могут претендовать на сколько-нибудь высокий речевой статус.

В статье Н.А. Кузминой приведено мнение, высказанное на одном из сайтов в Интернете: «Было проведено исследование, согласно которому дикторы ТВ в России используют в своих информационных сообщениях всего 650 слов... Убогость нынешней прессы ужасающая. До уровня легендарной Элочки-людоедки осталось совсем немного!» (Кузьмина 2010: 353). Хотелось бы добавить, что, по нашим наблюдениям, на филологических факультетах студенты практически не знают, кто такая «легендарная Элочка-людоедка». Плоды телевизионного воспитания налицо.

Как уже отмечалось, ведущим жанром современного телевидения является ток-шоу. Появившись на нашем телевидении вместе с легендарным «Взглядом», за двадцать лет своего существования ток-шоу прочно вошло в программные сетки практически всех ТВ-каналов и обрело своего верного и преданного зрителя. Одно из ток-шоу – «Пусть говорят» на Первом канале – устойчиво удерживает самый высокий рейтинг среди телепередач.

Интерес зрителя ток-шоу привлекает многими своими жанровыми особенностями.

«Продукция ток-шоу как бы вписана в обыденную жизнь.<...> Ток-шоу ориентированы на показ по центральным и кабельным каналам телевидения с определенными интервалами (обычно раз в сутки или несколько раз в неделю), в определенное время. Просмотр дает зарядку после рабочего дня, некоторым позволяет восполнить недостаток разнообразия в собственной жизни, а кому-то и разрешить какую-либо проблему. Они рассчитаны на разную возрастную аудиторию» (Кондратьева, Мордовина 2008).

Несомненной привлекательной чертой жанра ток-шоу является попытка сделать телезрителей создателями телевидения. Именно телевидение, по всеобщему убеждению, производит звезд, является главным посредником между знаменитостями и «простыми людьми», и своим участием в ток-шоу «простой человек» уже приравнивается к звезде.

Ток-шоу привлекает зрителя и своими четко обозначенными нравственными ориентирами, из которых самое важное значение имеет обязательная победа добра над злом, торжество добродетели и наказание порока. Особым авторитетом в российских ток-шоу наделен «народ» — т.е. зрители - участники ток-шоу, к которым апеллируют почти все ведущие («послушаем мнение народа», «народ, как известно, самый

точный арбитр»). «Народ» мыслится как источник наиболее взвешенных суждений и адекватных решений проблем. Положительными значениями по-прежнему наделяется «простота», прагматизм же часто интерпретируется как знак современности.

Особое место в ток-шоу, безусловно, принадлежит ведущему. Как правило, это известный «медийный» человек, индивидуальный стиль которого во многом определяет имидж программы. От него зависит драматургия шоу — психологическая атмосфера, нагнетание и разрядка обстановки, контроль эмоций аудитории. Он задает рамки, в которых проходит беседа: будет ли это доверительный разговор, провокативное шоу или интеллектуальная дискуссия. Отсюда и маски ведущих: «шоумен», «интеллектуал» или «сопереживающий».

Чрезвычайно велика социальная значимость и риторический потенциал ток-шоу, «так как они позволяют проводить определенные мировоззренческие ориентиры и тем самым воздействовать на сознание телезрителей. Ток-шоу позволяют донести до зрителей коммуникационные ценности, а модели поведения, визуальные образы переносятся в обыденную жизнь» (Кондратьева, Мордовина 2008).

Как видим, жанровая специфика ток-шоу предполагает активное взаимодействие ведущего с участниками программы. Ведущий выступает в данном случае как модератор, как организатор речевого общения. Основная тональность передачи определяется личностью ведущего, его речевыми навыками, но общая картина речевого оформления складывается из хора голосов ведущего и его гостей. И здесь возможны как случаи совпадения тональностей и речевых навыков, так и случаи резкого диссонанса.

Примерами передач, в которых общение выдержано в единой тональности, являются программы канала «Культура» - «Тем временем» Александра Архангельского и «Власть факта» Сергея Медведева, а также программа «Открытая студия» на 5 канале. Рассмотрим анонсы передач, размещенные на портале @Mail.ru.

Судьбы, факты, явления – взгляд сквозь время глазами историков наших дней. История, какой мы ее помним, и история с точки зрения тех, кто знает все ее детали. Неизвестные штрихи и забытые подробности минувшего - в сюжетах историко-публицистической программы "Власть факта".

Ведущие: Сергей Медведев

«Тем временем»

Журналист, публицист Александр Архангельский ведет программу с 21 апреля 2002 года. Это итоговая информационно-аналитическая программа, посвященная ключевым культурным событиям недели, а также политическим и экономическим темам - в той мере, в какой они затрагивают интересы культуры. Программа с выраженным авторским началом, с правом на субъективную оценку, но с обязательным правилом: давать разные точки зрения на любую проблему, сталкивать разные подходы. В финале передачи - обязательная дискуссия в студии. В качестве экспертов в программе принимают участие ведущие журналисты и ньюсмейкеры.

Авторы: Александр Архангельский

"Открытая студия" – программа для тех, кто хочет быть грамотным в современном обществе и не теряться среди социальных проблем. Открытые окна студии, уличный микрофон, прямые телефонные звонки со всей России, прямые включения из регионов и Интернет – позволяют телезрителям в режиме прямого эфира высказать свое мнение и получить ответ на наиболее острые вопросы.

Цель программы – обозначить проблемы, актуальные для всех регионов России, показать положительный опыт их решения на примере отдельно взятых областей и обсудить с представителями других регионов возможности применения этого опыта на местах.

Ведущие: Ника Стрижак, Роман Герасимов

Все три передачи отличаются высоким речевым статусом ведущих, которые, безусловно, принадлежат к типу элитарной языковой личности. Тематика передач требует рассмотрения серьезных проблем – или научных, как у Сергея Медведева, или культурных, политических, экономических, как у Александра Архангельского, или социальных, как программа 5 канала «Открытая студия». Все программы объединяет высокие требования к подбору гостей – экспертов, досконально знакомых с обсуждаемыми сложными проблемами. Беседа ведется с соблюдением всех требований, предъявляемых к дискуссии: происходит обмен

мнениями, не предполагающий выработки единого заключительного решения, ведущий дает высказаться всем присутствующим, подводит итоги и благодарит всех за участие. Примечательно, что в передачах не проводится никаких голосований, отсутствует апелляция к зрителям или слушателям, гости, если они присутствуют в передаче А.Архангельского, играют пассивную роль «присутствующих». Темп беседы и динамические характеристики голоса беседующих находятся в зоне слухового комфорта.

Примерами передач, в которых не всегда достигается единство тональности ведущего и гостей, являются программы «НТВшники» (НТВ), «Прямой эфир» (Россия 1), «Пусть говорят» (Первый).

НТВ НТВшник — это не просто профессия или запись в трудовой книжке.

НТВшник — это образ мыслей, образ жизни, позиция, диагноз.

Сегодня у нас появилась собственная площадка для дискуссий — новый интеллектуальный клуб. Мы дали ему свое название — "НТВшники". Приходить в этот клуб будут те, кто работает сейчас, и те, кто когда-то создавал образ единственного в стране независимого телеканала. Ведь бывших НТВшников, как известно, не бывает!

Актуальные репортажи, журналистские расследования, острые дискуссии. Созданный в формате ток-шоу проект "НТВшники" впитал в себя все лучшее, что было создано каналом за время его существования.

Каждую неделю лучшие репортеры и ведущие НТВ будут вместе с гостями обсуждать самые насущные проблемы нашего общества. А нам, поверьте, всегда есть что сказать!

Россия 1 Полемическое ток-шоу с Михаилом Зеленским.

Ток-шоу с Михаилом Зеленским.

Ежедневно в 18.55 с понедельника по четверг в прямом эфире. Об этих проблемах пока не написано ни в одной газете, о них не кричит мировая паутина. Но они существуют! Это реальные проблемы обычных людей, оказавшихся в сложных жизненных ситуациях.

Это касается каждого! "Прямой эфир" - хроника нашей жизни.

Ведущие: Михаил Зеленский

Первый Говорят: "Словом делу не поможешь", но программа "Пусть говорят" эту поговорку опровергает.

Настоящие, невыдуманные истории людей задевают больше, чем пафосные рассуждения на общие темы, потому что, вынося на обсуждение частную проблему отдельного человека, отдельной семьи, мы говорим о том, что волнует всех без исключения...

Правда ли директор школы, которая исключила учительницу за то, что та работает стриптизершей в ночном клубе? Должны ли такие учителя воспитывать наших детей?

Можно ли оправдать отца, убившего насильника своей дочери? Имеем ли мы право на самосуд?

Кто может отобрать ребенка у родной матери и за что? Как не лишиться собственных детей...

Конфликты сторон, споры, столкновение мнений - все это происходит в студии на глазах у всей страны.

Говорят все - очевидцы, соседи, дальние и близкие родственники, противники и сторонники...

Говорят известные политики, лучшие психологи, знаменитости, "звезды" шоу-бизнеса, журналисты...

Говорят простые зрители, присутствующие в зале. Говорят люди с большим житейским опытом. И все это делает обсуждение в студии максимально объективным.

Ведущие: Андрей Малахов

Если передача «НТВшники» сравнительно недавно появилась на экране и ее авторы еще находятся в поисках собственной стилистики, то программы Михаила Зеленского и Андрея Малахова, тематически близкие, выходят в эфир уже давно. «Пусть говорят» Андрея Малахова вызывает интерес у всех категорий зрителей в том случае, если темой ее является громкое событие, имеющее большой общественный резонанс, однако таким темам посвящены не все передачи. У телеведущего есть своя аудитория, которая практически каждый вечер, кроме субботы и воскресенья, стремится быть у телевизора. Основу этой аудитории составляют «простые зрители», однако в студии с гостями Андрея Малахова беседуют высокообразованные эксперты, многие из которых являются носителями элитарного типа речевой культуры, тогда как среди гостей такие люди встречаются редко. Тем не менее взаимопонимание находится практически всегда благодаря мастерству ведущего, его умению найти общий язык с каждым. Общение в студии во время съемок передачи «Пусть говорят» трудно назвать беседой, обычно это разговор (часто на повышенных тонах) людей, выясняющих отношения, поэтому

шумовой фон во время передачи, как правило, повышен. Андрей Малахов за долгие годы ведения передачи выработал свой стиль устного общения – динамичный, иногда несколько агрессивный, в какой-то степени авторитарный; он дает советы, он подводит итог, он может дать моральную оценку своему собеседнику, однако все его гости всегда достойны его внимания и понимания. Передача «Пусть говорят» показывает нам прекрасные образцы бытовой риторики и демонстрирует разные типы языковой личности ее участников.

Таким образом, как мы попытались показать на примере наиболее популярных передач современных российских телеканалов, риторический потенциал СМИ находится в тесном взаимодействии с проблемой речевого эталона, размывание которого, будучи следствием появления на телеэкране большого количества «немедийных» лиц, приводит к обытовлению риторики, к трансформации риторического идеала.

Литература

- Володина М.И. Язык СМИ – основное средство воздействия на массовое сознание // Язык средств массовой информации. Учебное пособие / под ред. М.И. Володиной. – М., 2008. – С. 6- 22.
- Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М., 2004.
- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987.
- Кондратьева Н.Е., Мордовина Л.В. Ток-шоу как жанр современной массовой культуры // Аналитика культурологии: электронное научное издание. Вып. 3 (12), 2008. [http:// analikulturolog.ru](http://analikulturolog.ru) ISSN 1990- 4045
http://www.analiculturolog.ru/archive/item/457-article_40.html
- Кузьмина Н.А. Элитарная языковая личность как субъект современных медиа: интертекстуальный компонент // Русский язык культура в пространстве Русского мира. Материалы II Конгресса Российского общества преподавателей русского языка и литературы. Санкт-Петербург 26-28 октября 2010 г. / Под ред. Е.Е. Юркова, Т.И. Поповой, И.И. Вознесенской, А.С. Шатилова.- В двух частях. – Т. 1. – СПб.: Издательский дом «МИРС», 2010. – С. 351-357.
- Львов М.Р. Риторика. Культура речи: Учеб. пособие для студентов гуманитарных факультетов вузов. – М., 2003.
- Хорошая речь / О.Б. Сиротинина, Н.И. Кузнецова, Е.В. Дзякович и др.; под ред. Н.И. Кузнецовой и О.Б. Сиротининой. – Саратов, 2001.

Mjesto Gornjeg Hrašćana u međimurskom dijalektu

On the bases of the authors field research and literature, the author attempts to establish the place of local speech of Gornji Hrašćan within the division of kajkavian dialect of Međimurje into three subcategories based on the reflex of jat and the semitone in the stressed position and the relationship between the reflex of the syllabic and the back nasal (ǫ), i.e. its place within the category of middle subdialect based on the masculine singular of the adjective participle in the allomorph *-o*.

Keywords: kajkavian dialect, the dialect of Međimurje, middle subdialect, local speech

Građa korištena u radu je zabilježena tijekom istraživanja provedenih od 2005. i 2010. godine. Istraživanje je provedeno s izvornim govornicima pretežito starije generacije. Podatke dobivene ispunjavanjem upitnika Hrvatskog jezičnog atlasa i slobodnog razgovora o njihovoj svakodnevici, događajima koji su obilježili njihov život, radovima u polju, bilježim diktafonom. U obzir je uzeta starija generacija kako bi se dobila što točnija materinska kajkavština, bez promjena kojima je govor podlijegao posljednjih pedesetak godina.

Gornji Hrašćan nalazi se na regionalnoj cesti 6 kilometara od Čakovca prema slovenskoj granici. Jedno je od jedanaest naselja koja čine Općinu Nedelišće. Pripada Župnoj crkvi Pohoda Blažene Djevice Marije u Macincu.

Govor Gornjeg Hrašćana spada u međimurski kajkavski dijalekt (Lončarić, 1996), obzirom na gubitak opreke po kvantiteti te vokalnom sustavu od pet stupnjeva otvora. Na osnovi dvaju kriterija, odnosa jata i poluglasa u naglašenoj poziciji i odnosa slogotvornoga / i stražnjeg nazala *p*, Lončarić predlaže da se međimurski dijalekt podijeli na tri poddijalekta – gornji, srednji i donji poddijalekt. Prema pronađenom na terenu Gornji Hrašćan pripada srednjem poddijalektu s obzirom da su izjednačeni jat i poluglas, što nije slučaj kod slogotvornoga / i stražnjeg nazala *p*. Utvrđeno stanje izgleda ovako $T = \_ / \neq p$.

Takvu podjelu na poddijalekte prihvaća i Blažeka koji do sada daje najdetaljnije istraživanje međimurskog dijalekta (Blažeka, 2008.). U svom istraživanju poddijalekte dijeli na skupine i podskupine na osnovi zastupljenih fonoloških i morfoloških osobina koje svrstava u trideset kriterija. Relevantni mjesni govor nalazi se u srednjem poddijalektu koji je podijeljen na pet skupina: podturensku, subotičku, čakovečku, lapatinečku i vratišinečku, te macinečku podskupinu. Ne ću navesti sve skupine, već samo čakovečku i macinečku budući da se one dotiču predmeta ovog rada.

Podjela koju daje Blažeka glasi:

čakovečka skupina (Čakovec, Dunjkovec, G. Hrašćan, G. Kuršanec, Kuršanec, Mačkovec, Mihovljan, Nedelišće, Novo Selo na Dravi, Novo Selo Rok, Pretetinec, Puščine, Savska Ves, Strahoninec, Šandorovec, Šenkovec, Totovec)

macinečka podskupina (Črečan, Macinec, Trnovec) – prijelazni govori između stanetinečke i čakovečke skupine govora (Blažeka, 2008:15)

Vidljivo je da Gornji Hrašćan svrstava u čakovečku skupinu na koju se, geografski gledano, nastavlja prijelazna macinečka podskupina koju smatra važnom odvojiti. „Macinečka podskupina prijelazna je podskupina između STS i ČAS. Iako su u MAP izjednačeni jat i poluglas u naglašenoj poziciji pa se formalno ne može ubrojiti u GP. Ta je podskupina po većini fonoloških karakteristika bliža STS i ŠTS, naročito po nastavku *-o* za m.r.jd. gl.p.r. i otvorenijim *e*-samoglasnicima u primjerima gdje su u DP i SP zatvoreniji *e*-samoglasnici. U toj podskupini nema diftonga. Morfološke osobine također su mnogo bliže gornjem poddijalektu.“ (Blažeka, 2008:99).

Povijesno gledano Gornji Hrašćan je oduvijek pripadao macinečkoj župi i njegovo je stanovništvo oduvijek gravitiralo prema Macincu, više nego prema Čakovcu, odnosno Nedelišću kao njegovom najbližem većem mjestu. I danas mjesno stanovništvo odlazi na misu u Macinec, što je i razlog užeg jezičnog kontakta.

Osobine koje su karakteristične za srednji poddijalekt, a zastupljene su u obje skupine: refleks *d'* samo je *j*, nema alternacije *o* || *e* u I jd. imenica srednjeg roda, u suglasničkom inventaru postoji *ũ* u prid. rad. m.r., u nenaglašenoj poziciji *T > e*, čuva se opreka između *l* i *l*, sinkretizam DLI mn. na *-aj* u svim imeničkim deklinacijama, osim I-deklinacije, *-o* i *-e* samoglasnici zatvaraju se pod utjecajem nazala, *ɲ* je periferni fonem.

Najočitija morfološka osobina na osnovi čega je Blažeka odvojio macinečku skupinu je alomorf morfema *-l-* koji je ovdje realiziran kao *-o*, osim u nekih jednosložnih glagola gdje stoji *ũ*. Takav morfem ne nalazim ni u jednom govoru na cijelom području srednjeg poddijalekta, osim u navedenoj macinečkoj skupini, odnosno u Gornjem Hrašćanu kao jedinom predstavniku čakovečke skupine.

Primjeri koje nalazim u Gornjem Hrašćanu su:

F: 'era d'ojšo je d'oma. Jučer je došao doma.

N'eje si m'ogo zak'uriti. Nije si mogao zapaliti vatru.

N'ajšo si je tak l'epo p'uco. Našao si je tako lijepu curu.

Fkr'o nam je se p'eneze. Ukrao nam je sve novce.

Zak'aj si n'a:no nov'ľga kr'uxa? Zašto si započeo novi kruh?

Dūn'Žso mi se k'aj sem št'ela. Donio mi je sve što sam htjela.
T'epo se pū c'elem sv'etū. Skitao se po cijelom svijetu.
Ūbl'Žko si je st'rgane g'a:e. Obukao si je potrgane gaće.
Vl'Žko je d'Žske pľ c'el'ymū dv'oru. Vukao je daske po cijelom dvorištu.
L'ego si je k'aj se m'alo pľ':ine. Legao je da se malo odmori.
P'ęko je r'akiju na gr'untu. Pekao je rakiju na gazdinstvu.
V'idjo sam k'ak je x'udi. Vidio sam kako je loše.
Žyv'jo je v Hraš'ani. Živio je u Hrašćanu.
Pūgl'ędno me tak x'udo. Tako me je ljuto pogledao.
V'upro se v d'revľ. Upro se u drvo.
Skr'ijo mi je se p'Žneze. Sakrio mi je sav novac.
Spl'Žjzo je na d'revľ kak m'a:ka. Popeo se na drvo kao mačka.

Na ostalom području srednjeg poddijalekta gl. prid. rad. m.r. 3. l. jd. odnosno na njegovom najvećem dijelu završava na *ě*, u Čakovcu na *-l*, dok u Pušćinama na *-ev*, pa primjeri gore navedeni glase *d'ošeě*, *m'ogeě*, *n'a:ěl*, *fkr'aě*, *dľn'Žseě*, *kl'eě*, *pľ'tepaě*, *l'ęgeě*, *p'ękeě*, *v'ideě*, *ži'veě*, *pogl'ędnūě*; u Čakovcu *d'ošel*, *m'ogel*, *n'a:el*, *fkr'al*, *dľn'Žsel*, *kl'el*, *pľ'tepal*, *l'ęgel*, *p'ękel*, *v'idel*, *ži'vel*, *pogl'ędnūl*; u Pušćinama *d'ošev*, *i'šev*, *n'ašev*, *k'lev m'ogev*, *n'a:ev*, *fkr'av*, *dľn'Žsev*, *pľ'tepav*, *l'ęgev*, *p'ękev*, *v'idev*, *ži'vev*, *pogl'ędnūv*.

Obzirom da Blažeka uzima nastavak *-o* za m.r.jd. gl.p.r. kao jedan od glavnih kriterija za odvajanje macinečke podskupine kao jedinstvene cjeline unutar srednjeg poddijalekta, a ne navodi da je došlo do iste promjene i u relevantnom mjesnom govoru, smatram da bi se na osnovi istog kriterija govor Gornji Hrašćan trebao izdvojiti kao prijelazni govor između tih skupina. Prema tom morfemu je bliži macinečkoj podskupini nego čakovečkoj skupini u koju je svrstan. Izgovor *-e* ipak je nešto zatvoreniji, isto kao i u čakovečkoj skupini, što je ujedno i razlog zašto smatram da ga se ne može uvrstiti u macinečku skupinu. Ostale karakteristike gore navedene zajedničke su objema skupinama kao i cijelom području srednjeg poddijalekta.

Literatura

- BLAŽEKA 2008. = Đ. Blažeka, Odnos dijalekta i susjednih slovenskih dijalekata, *Radovi zavoda za znanstveni rad HAZU*, Varaždin, br. 18, str. 151-166.
- BLAŽEKA 2008. = Đ. Blažeka, *Međimurski dijalekt hrvatski kajkavski govori Međimurja*. Matica hrvatska, Čakovec.
- LONČARIĆ 1996. = M. Lončarić, *Kajkavsko narječje*. Školska knjiga, Zagreb.

Образ и текст в «Слове о Законе и Благодати» митрополита
Илариона

Medieval orthodox church is the highest achievement of man's creative thought: architecture, arts and crafts etc. All these elements are combined into unbreakable unity, through which the idea of the celebration of God is expressed. At the same time, every branch of art managed to keep its unique individuality. In such intertwining, the art of word became strongly expressed visually. The article dwells on the examples of visual verbalism in metropolitan Hillarion's *Sermon on Law and Grace*.

Keywords: visual, *Sermon on Law and Grace*, icon, theocentricity.

Слово о Законе и Благодати митрополита Илариона по предположениям было впервые произнесено в храме Святой Софии в Киеве на Пасху или в канун Пасхи в 1049 году. Значение этого факта в полной мере можно оценить, если учесть два важнейших обстоятельства. Во-первых, это уникальное творение, как пасхальная праздничная проповедь, явился «одновременно и истоком русской словесности как таковой» (Есаулов: 8), а во-вторых храм, в котором *Слово* прозвучало, как и любой православный храм вообще, в сознании верующего реально выступал (и выступает) местом соприкосновения двух планов бытия – земного и запредельного, инобытия. Религия была основой гармоничного целостного единства, в котором переплетались и связывались все стороны духовной и материальной жизни византийской цивилизации, - что в полной мере было воспринято и Древней Русью. В храме, как средоточии высших достижений творческой мысли – от зодчества, прикладного искусства до живописи, песнопений и искусства слова - это единство наиболее интенсивно переживалось во время Богослужений: тогда каждый вид творчества становился еще и умопостигаемым знаком умнепостигаемого мира, выражая глубиной смысла одну общую идею – прославление Творца. Вместе с тем, взаимно дополняя и усиливая друг друга, каждый из видов этих искусств оставался единственным в своем роде и распознаваемым в совокупном гармоничном «многоголосии».

Ораторское искусство являлось неотъемлемой частью этой соборной красоты благодаря выразительности и эстетизму языковой формы. В соответствии же с теоцентричностью как типом сознания, средневековый художник собственное творчество осмыслял как процесс фиксирования сакрального; в синергии Бога и человека проявлялась Истина, которую каждый стремился как можно точнее передать в своем творении: изограф в иконе и фресках, книжник – в письменном или

устном слове. Однако лишь в едином литургическом пространстве и времени каждое из этих творений могло полностью раскрыть свое содержание, и, таким образом, способствовать более глубокому пониманию и восприятию Истины. Из неразрывного единства всех форм церковного искусства и проистекает вербальность живописных творений, с одной стороны, и визуальность и пластичность словесного искусства – с другой. Как и остальные виды искусств, словесное являло эстетическую мистическую картину, в которой отражалась красота потустороннего. Воздействие его было особым, ибо оно выходило за пределы одного лишь эстетического наслаждения, буквально пронизывая все человеческое существо и возбуждая радостные чувства в ожидании преображения и воскресения, неизмеримого блаженства в вечности. Визуальность была направлена именно на достижение такого эффекта.

Наиболее отчетливо это проявилось как раз в *Слове о Законе и Благодати*. Мы укажем лишь на несколько примеров подобной визуализации, самым ярким из которых является воссоздание автором, киевским митрополитом Иларионом, картины воплощения Иисуса Христа в описании Его Богочеловеческой природы. Эту мистическую догму, смысл которой исключительно тяжело постигался путем логических схем, поскольку речь идет о изначально непостижимом и невидимом Творце, Илариону удалось донести до слушателя/читателя с помощью блистательных поэтических выражений, употребляемых им вместо логических построений и доказательств. Описание нераздельной и неслиянной Троицы посредством длинного ряда антитетических конструкций, считается подлинной жемчужиной ораторского искусства:

«Яко чьлоовекъ бо утробу матерьюю ростяаше, и яко Богъ изиде, девства не врежь.

Яко чьлоовекъ матерне млеко приять, и яко Богъ пристави ангелы съ пастухы пети: “Слава въ вышьнихъ Богу!”

яко чьлоовекъ повиться въ пелены, и яко Богъ вълхвы звездою ведяше.

яко чьлоовекъ възлеже в ясльхъ, и яко Богъ отъ вълхвъ дары и поклонение приять

Яко чьлоовекъ бежааше въ Египетъ, и яко Богу рукотворения египетская поклонишася.

яко чьлоовекъ прииде на крщение, и яко Бога Иорданъ, устрашивъся, възвратися.

яко чьлоовекъ, обнаживъся, възлезе въ воду, и яко Богъ отъ Отца послушьство приять: “Се есть сынъ мой възлюбленный”,

яко чьлоовекъ постися 40 дъни, въззаалка, и яко Богъ победи искушающаго.

яко чьлоовекъ иде на бракъ Кана Галилеи, и яко Богъ воду въ вино преложил.

*яко чьловекъ въ корабли сънааше, и яко Богъ запрети ветромъ и морю и послушааша его.
яко чьловекъ по Лазари просльзися, и яко Богъ въскреси и отъ мъртвьихъ.
яко чьловекъ на осьля въседе, и яко Богу зьвааху: 'Благословленъ грядьи въ имя Господьне!'
яко чьловекъ роспятъ бысть, и яко Богъ своею властью съпротяааго съ нимъ въпусти въ раи.
яко чьловекъ, оцъта въкушь, испусти духъ, и яко Богъ сълнце помрачи и землю потрясе.
яко чьловекъ въ гробе положенъ бысть, и яко Богъ ада роздруши и душе свободи.
яко чьловека печатьлеша въ гробе, и яко Богъ изиде печати целы съхранъ.
яко чьловека тъцаахуса иудеи утаити въскръсение, мьздяще стражи, нъ яко Богъ уведесе, и познанъ бысть въсеми коньци земле.
По истине, къто Богъ велии, яко Богъ нашъ! Тъ есть Богъ творяи чудеса».*

(Слово: 50-52)

Эти стройные антиномичные формулы послужили Илариону «бесспорным доказательством и выражением истинности догмата» (Бычков: 97): посредством великолепных, ритмически построенных антиномий Илариону удалось не только емко представить все эпизоды из жизни Христа, содержащиеся в Новом завете, но и в доступной всем форме изложить вопрос, «несколько веков будораживший умы византийских отцов церкви, - как возможно (и возможно ли) неслитное соединение двух природ, двух волей, двух действий в Христе» (Бычков: 97). Другими словами, Слово явилось поистине идеальным сплавом языковой формы и глубочайшего содержания.

Примечательно, что время возникновения *Слова о Законе и Благодати* совпало с временем строительства и расписывания храма Святой Софии в Киеве, - ее мозаика и фрески, помещенные в центральном кресте, трансепте и хорах, согласно исследованиям В.Н. Лазарева, выполнены в 1043-1046 гг. Поскольку фрески писали византийские мастера, которые «одушевлены были теми же идеями, вращались в круге тех же мыслей и понятий, что и современные им религиозные мыслители» (Покровский: 19), они следуют совершенно четкой и ясной богословской логике, так что их можно сравнить с памятниками древней письменности и «точно определить внутреннее содержание иконографических композиций» (Покровский: 19). Очевидно, что источник антиномий Илариона и христологического цикла росписей тот же: это священные Евангелия. «Зрительные (иконографические)

аналоги практически всех перечисленных Иларионом антиномических действий Христа верующие могли видеть на стенах храма, в котором они слушали эту проповедь» (Бычков: 97-98).

И все же, 17 антиномичных пар не полностью совпадают с 16 фресковыми изображениями¹. Слово перечисляет, например, ряд эпизодов (чудес), иконографические аналоги которых встречаются сравнительно редко; с другой стороны, фрески не имеют словесных параллелей в тех случаях, когда соединение и соподчинение Божественной и человеческой природы Христа выражены неявно. Таким образом, шестнадцать фресок христологического цикла, образующих единое законченное целое, во время чтения Слова выполняли отнюдь не иллюстративную или дополняющую функцию. Скорее, они предлагали иную перспективу видения того же события: изображение усиливало впечатление от услышанного, слово же обогащало и углубляло воздействие изображения. Подобная синергия способствовала тому, что а priori необъяснимые или же трудные для восприятия богословские понятия усваивались как некая данность, запечатлеваясь в сознании. Изображение и слово становились эманацией веры, так что во время чтения антиномичных пар Слова, следуя взглядом за фресками цикла, располагавшимися по часовой стрелке, верующий мог реально ощутить истинность передаваемого звуком и кистью, повторяя вслед за Иларионом заключительные слова его вдохновенного гимна Богочеловеку: «По истине, кто Богъ велии, яко Богъ нашъ! Тъ есть Богъ творяи чудеса».

Слово в целом отличается поразительной открытостью содержания. Противопоставление Закона и Благодати (в случае же крестившихся русских – язычества и Благодатной веры Христовой) – это еще и противопоставление замкнутого пространства – принципиальной его разомкнутости. С одной стороны, оно предполагает раздвижение пространственных границ по горизонтали: Благодать (дающаяся в прекрасных образах полноводного источника, противопоставленного высохшему озеру прежнего греховного состояния) исполняет все земли и доходит до русского языка, который, приобщившись к христианству, вместе и наравне с остальными народами славит Христа. Вырвавшись из замкнутого тесного круга язычества, русские получают еще и душевное исцеление, ибо слепота, глухота, косноязычие и хромота, выступающие результатом поклонения бесам – идолам, сменяются обретением духовной силы и телесной полноты: «Бывъшемъ намъ слепомъ/ и истиннааго света не видящемъ,/ нъ въ льсти идольстии блудящемъ,/ къ сему же и глухомъ/ отъ съпасенааго учения, /... И потыкающемъся намъ

---

¹ Полное или частичное соответствие отмечается лишь в следующих случаях изображений: Рождество Христово, Крещение, Воскрешение Лазаря, Вход Господень в Иерусалим, Распятие, Снятие с креста либо Положение во гроб и Сошествие во ад.

въ путьхъ погыбели,/ еже бесомъ въследовати/ ...къ сему же и гугнахомъ языки нашими, /моляше идолы, а не Бога своего и творьца.» (Слово: 64). С другой же стороны – что самое важное – приобщение к Благодати восстанавливает изначальную, но некогда утраченную вертикаль Небо – земля. Прежнее обращение Бога к людям – «*Людие Мои вы!*», восполненное после крещения восклицанием «*Господь Богъ нашъ еси Ты!*» свидетельствует о синергии Божественной и человеческой воли, которая для всего человечества явится спасительным восстановлением прерванной связи с Творцом. Эта устремленность ввысь, к Небу, неожиданно открывшемуся после прозрения во Благодати, Иларион мастерски подчеркивает перечислением целого ряда человеческих действий и усилий, направленных навстречу Богу - вперед и ввысь: мы, - заявляет Иларион от имени всех крещенных русичей, в стремлении «*роспятому полнонитися*», не распинаем Его, но «*руки къ Нему въздеваемъ*»; не пронзаем его ребер копьем, но от них «*пиемъ источникъ нетления*», не продаем Его за тридцать сребренников, но «*друг друга и въсь животъ нашъ Тому предаемъ*». Этот радостный клич о Христе, который воскрес, вознесся и поминает людей в Своем Царствии на небесах, буквально возносит людей на крыльях радости и надежды. Он пронесется по всему пространству, разрывая его прежнюю ограниченность: во всех домах говорится о Его воскресении, везде звучит мольба к Богу наставить людей на путь Его заповедей. Эта новая норма человеческих отношений, которая, обращая людей в рабов Божиих, одновременно освобождает их от рабства *миру*, наглядно и ощутимо демонстрирует, что Закон (для Руси – язычество) есть тот груз, то тяжелое бремя, которое всегда будет приковывать людей к земле в противоположность Христову бременю, которое легко, но лишь для обновленного, новозаветного человека.

Визуальность в смысле духовного видения обретал не только текст, опирающийся на Священное Писание. Храмовое пространство в целом способствовало созданию эффекта визуальности слова, движущегося в заданном философско-богословском контексте. Илариону удается в заключительной части *Слова* – похвале князю Владимиру, создать еще дополнительный эффект визуализации посредством установления связи между событиями и фактами из непосредственного окружения средневекового человека. Он делает это дважды: первый раз, вербально воскрешая святого Владимира, к которому обращается как к живому:

*«Въстани, о чьстьная главо, отъ гроба твоего!
Въстани, отътряси сьнь, неси бо умерль,
нъ съпиши до обыцааго въсемъ въстания.
Въстани, неси умерль,
неси бо ти лепо умьрети веровавъшу въ Христа».*

(Слово: 94), -

что подчеркивает реальную возможность воскресения во Христе в будущей жизни. Впечатление было тем большим, что *Слово*, как уже говорилось выше, было произнесено накануне Пасхи или на саму Пасху. В другом месте Иларион достигает визуализации посредством создания картины результата распространения христианства на Руси:

*«Вижь градъ, иконами святыхъ освещаемъ и блистающься,
и тимиянъмъ обухаемъ,
и хвалами, и Божьствьнами, и пении святыми оглашаемъ».*

(Слово: 96)

Проведение прямой параллели между городом как храмом Божиим и храмом как «иконой будущего преображенного космоса» (Лепяхин: 52), Иларион раздвигает границы литургического пространства. Храмом в конечном итоге становится вся земля, облитанная светом «*трисълньчьнаго Божьства*» (Слово: 98) - и именно в таком, в этом мире отражается запредельное. Принятие этого факта зависит от сознательного волевого усилия каждого человека, который должен обрести способность в любом факте действительности узреть и распознать знаки инобытия. В этом и состоит глубокий смысл *Слова*.

Литература

- Иларион. Слово о Законе и Благодати Столица.* Скрипторий. Москва 1994.
- Бычков В.В.* Русская средневековая эстетика XI-XVII века. «Мысль». Москва 1995.
- Древняя Русь в свете зарубежных источников.* Под редакцией Е.А.Мельниковой. «Логос». Москва 1999.
- Лазарев В.Н.* Древнерусские мозаики и фрески XI—XV вв. — М.: Искусство, 1973.
- Лепяхин В.* Значение и предназначение иконы. Паломник. Москва 2003.
- Маркелов Г.* Книга иконных образцов. Т. I, II. Санкт-Петербург 2006.
- Павленко Ю. В.* История мировой цивилизации. «Феникс». Киев 2004.
- Покровский Н.В.* Евангелие в памятниках иконографии. Прогресс-Традиция. Москва 2001.
- Трубецкой Е.* Умозрение в красках // *Трубецкой Е.* Избранные произведения. «Феникс». Ростов-на-Дону. 1998. С. 339-371.
- Трубецкой Н.С.* История. культура. Язык. Москва 1995.
- Флоренский, Павел, свящ.* Храмовое действо как синтез искусств. // *Флоренский, Павел, свящ.* У водоразделов мысли. Собрание сочинений. I. Статьи по искусству. YMCA-PRESS. Paris 1985. С. 41-55.
- Флоренский, Павел, свящ.* Троице-Сергиева Лавра и Россия. // *Флоренский, Павел, свящ.* У водоразделов мысли. Собрание сочинений. I. Статьи по искусству. YMCA-PRESS. Paris 1985. С. 63-84.

Ломоносовский период в изучении управления в русском языке
(с середины XVIII-го века до 20-ых годов XIX-го века)

A subject of article is connected with one of the most complicated problems of contemporary Russian language science. The historical aspect of treating syntax structure of Russian phrases and word combinations is written on the basis of linguistic points of view by M. Lomonosov, the greatest Russian scientist, and by N. Khoshansky, famous Russian rhetoric professor of Tzarskoselsky lycée, the A.Pushkin teacher. The necessity of using of classical science works for contemporary purposes of Russian language teaching is being proved in article.

Keywords: word combination, phrase, government, preposition, syntax structure

1. Пристальное изучение законов управления имеет значение не только при практическом усвоении русского языка иностранцами, но управление часто вызывает затруднения и у носителей русского языка при овладении синтаксическими нормами книжной речи. Ещё Л.В.Щерба подчёркивал, что на изучение управления как вида синтаксической связи слов должно быть обращено особое внимание / В. Щерба 1974:100 / .

1.1. М.В. Ломоносов в своих трудах по грамматике стремится к абстрактно грамматической характеристике правил согласования и управления слов. Законы согласования оказываются более обобщёнными и свободными от лексических ограничений, чем правила управления в составе словосочетаний. Укрепившийся в грамматической традиции XVII.- го, начала XVIII. – го веков приём лексикологического конкретно указательного связывания приёмов управления с отдельными словами или небольшими группами слов не удовлетворял М.В. Ломоносова. Поэтому он в принципе отказывается от ввода в свой синтаксис узко-лексикографических или узко-лексикологических правил управления. Для того чтобы уяснить характер того смешения синтаксиса с семантическими группировками лексики, от которого отказывается Ломоносов, необходимо привести несколько таких правил из грамматики М. Смотрицкого : «Глаголы послушания, преслушания, желания, чаяния, требования, прощения, обилия, лишения, искания, стыдения и прочая и сих отрицательнии родительному сочиняются яко **слушай сыне рождышаго тя, требую твоего крещения, желаю небесного царствования, чаю воскресения мертвых, лишаются премудрости, ищу целомудрия, прошу милосердия, стыжюся дел моих, держюся благочестия, исполнюся любве, насыщаюся хлеба, не ищу воли мояя, не требую привременных, и прочая**» /Смотрицкий 1648:301/.

Особенно многочислен и лишен внутреннего семантического единства список глаголов, сочетающихся с винительным беспредложным падежом / Смотрицкий 1648 : 302-304 /.

Подчас же, напротив, такое правило управления охватывает лишь два-три слова с их синонимами или очень близкими по смыслу выражениями. Например : «Глаголы купования и продавания, овы и прочия цены сказательныя со предлогом **на** приемлют : **на колице, на толице, на мале, на велице, на мнозе, на вьяше, на множайше, яко на тридесяти сребреницех и на лобзании льстивном предаце Июла господа**» / Смотрицкий 1648:306/ . Те же правила и почти в тех же формулировках (есть замены слов, например, вместо **нищета - скудость**, и изменения примеров) повторяются в «Грамматике» или «Письменнице» Ф.Максимова.

М.В. Ломоносов в своей «Российской грамматике» в отношении глаголов ограничился общими указаниями на зависимость характера управления. « Кроме винительного падежа, которого обыкновенно действительные глаголы требуют, принимают они другие падежи с предлогами и бес предлогов: **часто почитает народ несмысленных разумными, беззаконных добродетельными, роскошь погружает землю в злоклучении**» /Ломоносов 1952 : VII. 561 /.

Точно так же общее правило формулируется Ломоносовым относительно «сочинения» наречий, прилагательных, числительных.

Наконец, немногие синтаксические правила, устанавливающие зависимость приёмов синтаксической сочетаемости отдельных групп слов от различия их лексических значений, принимаются и утверждаются Ломоносовым.

Вообще же Ломоносов избегает простого перечисления слов, характеризующихся однотипностью синтаксической конструкции. Следовательно, он не отрицает важности самого принципа связи форм синтаксической сочетаемости у тех или иных групп и серий слов с их принадлежностью к одной лексико – семантической системе, с единством или близостью их смыслового содержания. Но Ломоносов и тут стремится к обобщению правила. Простой и притом неполный перечень конкретно – индивидуальных значений слов, связанных однородностью синтаксического управления, в представлении Ломоносова противоречил самому существу грамматических абстракций, внутренней природе правил и законов синтаксического построения.

Лишь в статье Н.Ф. Кошанского о русском синтаксисе /1819/ намечены более отчётливо пути и перспективы дальнейшего исследования этой большой проблемы.

1.2. Российская грамматика, изданная Российской Академией в 1802 году, положив в основу синтаксиса учение о сочинении разных частей речи, поставила своей главной задачей в области «словосочетания» расширить и детально разработать вопрос о связи и

взаимодействии синтаксиса словосочетаний и лексической системы русского языка. Словосочетание «научает правильному расположению частей речи и взаимному оных соединению». Различается с о г л а с о в а н и е и у п р а в л е н и е.

Правила, написанные в Грамматике Академии Российской, продолжают традиции Смотрицкого, Ломоносова, Курганова, Барсова.

В V. главе «Об употреблении глаголов» описываются обстоятельственные конструкции с пространственным и временным значением. Сначала выделено одно общее правило, касающееся глаголов с префиксальными основами : «Глаголы сложные с предлогами : во, до, из, пре, на, с или со, по большей части требуют имён с теми же самыми предлогами, например: **Дойти до крайности. Предстать пред суд. Отпереться от слов** и проч. Сюда же относятся некоторые из глаголов имеющих пред собою в сложении 1. предлог при, кои требуют имени с предлогом **к**, например: **Пристать к берегу. Приготовиться к отпору** и проч. 2. сложенные с частицею **вы** требуют имени с предлогом **из**, например: **Выйти из дому. Вырваться из рук** и проч. 3. сложенные с частицею **вз**, а иногда **воз** требуют имени с предлогом **на**, например: **Взлезть на дерево. Воздеть руки на небо.**» / Российская грамматика 1802 : 284 / .

Указываются единичные глаголы с двойным управлением – дательного лица и творительного вещи: **претить кому чем, стужать кому просьбою** /Российская грамматика 1802:289 /.

В отдельных случаях правила синтаксического управления глаголов охватывают два – три слова, а иногда даже одно единственное. » Глаголы поборать и поборствовать требуют падежа дательного с предлогом **по**» (Российская грамматика 1802 : 290).

Там же описывается несколько правил, касающихся единичных глаголов: «Глагол **проникать**, кроме винительного без предлога иногда принимает винительный с предлогом **в**, напр.: **Но взор твой в бездну проникает** (Российская грамматика 1802 : 290) .

«Таким образом, вместо дифференциации разных типов словосочетаний задачи описания нередко сводились к механическому составлению перечней слов с одинаковыми падежными или падежно-предложными связями безо всякой попытки общей грамматической или синтаксической характеристики их, без изучения соотношений и взаимоотношений между разными словесными группами» (В.Виноградов 1958 : 99) .

1. 3. Новые взгляды на «синтаксис управления» появляются в статье Н.Ф. Кошанского «О русском синтаксисе», которая представляет собой критические «замечания на русский синтаксис», применительно к его изложению в Академической грамматике /1818/, в особенности на ту часть его, которую автор называет «синтаксисом управления» в отличие от «синтаксиса согласования».

Н.Ф. Кошанский обращает внимание на неполноту перечней слов при изложении правил синтаксической сочетаемости в системе разных частей речи, - недостаток, типичный для Грамматики Академии Российской. То, что здесь относится к правилам, по форме изложения скорее напоминает исключения, - заявляет Кошанский

В «правиле», охватывающем семь имён существительных, которые требуют винительного с предлогом **на**, не упомянуты **упование, досада, злоба, нашествие, покушение, нападение, негодование** и т.п. «За такую шумную толпу непременно вторглись бы ещё очень многие другие» / Кошанский 1820: 90 / Вместе с тем, проф. Н. Кошанский утверждает, что «пополнить сии правила и сделать их удовлетворительными» - ещё не значит решить задачу построения «синтаксиса управления».

В отличие, например, от классических языков, характерное свойство русского языка - сочетаемость существительных с разными падежами без предлогов и при посредстве предлогов. В качестве предварительной догадки Н.Ф. Кошанский выдвигает такой «закон» управления существительных в русском языке : «Так как разных падежей у нас требуют те только существительные, которые происходят от глаголов, требующих тех же разных падежей, то между ними есть постоянно сходство в требовании : т.е. какого падежа требует глагол, тот же самый падеж нужен и существительному, имеющему с ним общий корень / кроме винительного при глаголе, который постоянно переходит в родительный при существительном /» напр., **шутка и шутить над чем; надежда и надеяться на кого; решимость и решаться на что** и т.п. То же невнимание к духу или «гению» русского языка или к его «свойству», та же неполнота перечней и неудовлетворительность правил характеризуют и академическое изложение «сочинения» прилагательных.

Проф. Н. Ф. Кошанский выделяет среди имён прилагательных семантические разряды, прежде всего, слов, означающих качество или свойство. Их много, и все они требуют тех или иных падежей. Так же и прилагательные, обозначающие действие. Прилагательные же, обозначающие количество или число, лишь «могут требовать падежей». Напротив, прилагательные, означающие место, время и материю, ни в каком языке не требуют падежей.

Итак, перед исследователем русского синтаксиса стоит задача – установить законы и правила синтаксической сочетаемости, присущие разным грамматико – семантическим разрядам имён прилагательных.

На основе осмысления и обобщения фактов Кошанский делает вывод об огромной роли семантических категорий в организации форм и типов русских словосочетаний: «...в русском синтаксисе так важно значение, что, кажется, не слово, а значение слова определяет требование падежа. Например, **суров наружностью** и **суров к подчиненным ; полезен знанием** и **полезен ближним**» /Кошанский 1819 : 101/. Тут, по

мнению Кошанского, связывается различие значений качества и свойства, присущих одним и тем же прилагательным. Особенно важно определить законы и правила сочинения, свойственные глаголам, так как глаголы влияют на формы сочетаемости производных от них существительных и прилагательных.

И тут, в сфере глагола, есть общие правила. «Одно из коренных, общих и постоянных правил, по которому всякой легко узнать может, какого падежа требует какой сложный глагол, - это правило «о управлении глаголов, по их сложению с предлогами» /напр., сойти со сцены, присоединиться к чему и т.п./Кошанский 1809,105 /. Н. Кошанский резко отрицательно относится к тем формулам управления глаголов, которые были помещены в Академической грамматике и опирались на неполные и недостаточные каталоги слов с одинаковым управлением. Он пишет о том, что надо хорошо обдумать, со всех сторон осмотреть и дополнить исключения правила управления глаголов в зависимости от распределения их по семантическим группам или системам.

В широте словопроизводственных связей и в общности форм синтаксической сочетаемости у всех слов одного живого словообразовательного гнезда Н.Ф. Кошанский готов видеть своеобразное свойство русского языка. Отсюда и типичные для него приёмы управления, свойственные не только глаголам, но и существительным и наречиям.

«Основываясь на этом свойстве языка нашего, можно сократить, сделать легче и полнее весь синтаксис управления; ибо – вместо того, чтобы говорить в одном месте: существительное **вред** требует дательного ; в другом – прилагательное **вредный** требует дательного, в третьем – глагол **вредить** и в четвёртом наречие **вредно** требуют дательного – несравненно легче и короче можно сказать в одном месте. Напр., глаголы значающие пользу и вред, требуют дательного, и все существительные, прилагательные и наречия, от них происходящие, требуют того же дательного» /Кошанский 1819:117/.

Статья Н.Ф. Кошанского внесла много нового в изучение русского синтаксиса. Но все же его концепция местами недостаточно проработана. С одной стороны, неясность и недифференцированность понятия «управление», а с другой – недостаточное внимание к разным видам отношений между словами, выражаемым предлогами, в третьих, отсутствие внимания ко второму – «определяющему» члену двусоставного словосочетания. Все это – проблемы, получившие своё раскрытие гораздо позже в работах русских синтаксистов. От статьи Кошанского идёт прямая линия к Русской грамматике акад. А.Х. Востокова, хотя и в грамматике Н.И. Греча были использованы материалы не только статьи Кошанского, но и его рукописных записок. Некоторые из мыслей Н. Кошанского возрождаются в работах А. В. Добиаша, М.Н. Петерсона и отчасти А. М. Пешковского.

2. В настоящей работе была предпринята попытка по возможности многосторонне охарактеризовать разные теоретические подходы к понятию управления в русском языке и разграничению его видов в русском языкознании, в определённый, Ломоносовский, период. Обращение к данной теме вызвано желанием поздравить коллегу В. Е. Моисейенко с его юбилеем и напомнить ему те годы, когда автор этой статьи как ассистент проф. Моисейенко вместе с ним вела занятия по синтаксису с русистами Института славянской филологии в Сомбатхее. И кроме того, хотелось связать этот юбилей с годовщиной великого русского учёного М. В. Ломоносова, 300-летие со дня рождения которого в 2011 году отмечает весь мир.

Литература

- Виноградов В. В. Из истории изучения русского синтаксиса. Москва, 1958 .
Кошанский Н.И. О русском синтаксисе . Труды Общества любителей российской словесности при императорском Московском университете. Ч.15. Москва, 1819.
Ломоносов М.В. Российская грамматика. Под ред. акад. М.И. Сухомлинова. 1755.
Ломоносов М.В. Российская грамматика. Ленинград, 1952.
Максимов Ф. Грамматика. Письменница.
Российская грамматика , сочинённая Российской Академией 1802 .
Смотрицкий М. Синтаксис. 1648.
Щерба Л.В. Преподавание иностранных языков в средней школе. Москва, 1974.

TARTALOMJEGYZÉK

ELŐSZÓ	5
MOISZEJENKO VIKTOR ÍRÁSAINAK VÁLOGATOTT BIBLIOGRÁFIÁJA	7
JANUSZ BAŃCZEROWSKI: Nekoliko primjedaba o jezičnospecifičnoj kategorizaciji i konceptualizaciji stvarnosti.....	15
ERNEST BARIĆ: Habsburška Monarhija i višejezičnost članova obitelji Zrinskih.....	21
ELIZABETA BERNJAK: Slovenski, madžarski in nemški pregovori v protistavi	33
ĐURO BLAŽEKA: Neke osobine akcentuacije u međimurskom dijalektu	41
ИВАН А. БОЙЦОВ: Сертификационное тестирование в курсовом обучении русскому языку как иностранному вне языковой среды.....	53
IRENA STRAMLJIČ BREZNIK: Tvorbeni potencial afiksoidne zloženke v slovenščini	65
JOŽICA ČEN STEGER: Vloga živali v slovenski zgodnji ekspresionistični kratki prozi.....	71
ЭРЖЕБЕТ Ч. ЙОНАШ: Сопоставительная семиотика культуры в преподавании русского языка как иностранного (Дед Мороз)	77
ВАЛЕНТИНА Д. ЧЕРНЯК: Славянский мир в ассоциативном тезаурусе русских.....	87
ЛЮДМИЛА Г. ДОРОФЕЕВА: К вопросу о роли переводных текстов в литературе Древней Руси.....	93
DZIEWOŃSKA-KISS DOROTA: A «szem» fogalmának nyelvi képe a lengyel és a magyar frazeológiai kapcsolatokban és közmondásokban	99
ВИКТОР А. ФЕДОСОВ: Слово как единица в преподавании иностранного языка.....	109
ФРЕШЛИ МИХАЙ, ФРЕШЛИ ДОРА: Син-ани-ма – личность и письменные документы. <i>Видимое и тайное лицо Андрея Тарковского в отражении периода съемок "Андрея Рублева"</i>	119
ХАЙНАДИ ЗОЛТАН: Земная и небесная любовь: Венера и Мадонна. <i>О метафизике любви в лирике Пушкина</i>	139
ЯНКОВИЧ МАРИЯ: У истоков переводоведения	147
ЯСАИ ЛАСЛО: О статусе видовой соотносительности глаголов <i>искать</i> и <i>найти</i>	155
MARKO JESENŠEK: Funkcijske in identifikacijske prvine slovenskega jezika v 20. stoletju.....	161
АННА П. КЛИМЕНКО, Т.А. ЯЧНАЯ: Влияние возраста испытуемых на ассоциативные процессы	169
KOCSIS MINÁLY: Munchajlo Maksymovyč helyesírásáról	177

ИВАНОВ КРАСИМИР, ЛИДИЯ СУПРУН-БЕЛЕВИЧ: Лингвокультурные особенности систем русского и болгарского речевого этикета и поведения.....	181
КРОО КАТАЛИН: О свойстве <i>динамичности</i> и <i>когерентности</i> интертекстуальной системы в классическом романе.....	189
ЛЕНДВАИ ЭНДРЕ : Модели изучения русского анекдота	205
ВАЛЕРИЙ ЛЕПАХИН: Ой зійшла зоря вечорова. . . <i>Думка об иконе Почаевской Богородицы в повести А. Куприна «Олеся»</i>	217
СТЈЕРАН ЛУКАЃ: László Hadrovics kao književni povjesničar <i>Cantilena</i> u kontinuitetu pasija.....	221
ŽUŽA MERŠIĆ, TOMISLAV KREKIĆ: Prilog kontrastivnoj analizi hrvatskih i mađarskih frazema	227
МОЛНАР АНГЕЛИКА: Истоки старого света у Гончарова	237
НАТАША МОЖГОН: Pomorsko nazivlje u romanu „Vježbanje života“ Nedjeljka Fabrija	249
БОРИС Ю. НОРМАН: Словоформа как элемент языковой системы и речевой среды	259
НИРИ МАРТА, ЕВГЕНИЯ Г. РОСТОВА: «Русский мир в зеркале венгерского языка, венгерский – в зеркале русского»	267
NYOMÁRKAY ISTVÁN: „Darum sollt ihr vollkommen sein...“ (Mt 5:48)	273
ПОЖГАИ ИШТВАН : Заметки о лексике Синайского патерика	279
ПУСТАИ ЯНОШ: Как выжить языку в многонациональном государстве?	289
RÁDULY ZSUZSANNA: Eponimák a magyar és a lengyel divatterminológiában	297
ANTONIO DONATO SCIACOVELLI: La mia Russia (hommage à Viktor).....	305
ELIZABETA EMBERŠIĆ ŠKAPER, IBOLYA DONČEC MERKLI: Oblikoslovne značilnosti narečnih prispevkov TV oddaje Slovenski utrinki	311
САБО ТЮНДЭ: Фикция и действительность в повести Л. Улицкой «Сонечка»	323
ГАЛИНА И. СТРЕПЕТОВА: Риторика СМИ и проблема речевого эталона	339
IVONA VEGH: Mjesto Gornjeg Hraščana u međimurskom dijalektu	349
НАТАЛИЯ ВИДМАРОВИЧ, ДУБРАВКА ПЛЕШЕ: Образ и текст в «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона	353
ЗАДРОВИЧ БЕРНАДЕТТ: Ломоносовский период в изучении управления в русском языке (с середины XVIII-го века до 20-ых годов XIX-го века)	359